РАФАЭЛЬ АРУТЮНЬЯН

ВИДЕНИЯ ОДИНОКОГО ХУДОЖНИКА

РАФАЭЛЬ АРУТЮНЬЯН

ВИДЕНИЯ ОДИНОКОГО ХУДОЖНИКА

рафаэль арутюньян

ВИДЕНИЯ ОДИНОКОГО ХУДОЖНИКА

проза. поэзия. графика

ТАЛЛИНН
2016

Рафаэль Арутюньян. Видения одинокого художника
Проза. Поэзия. Графика

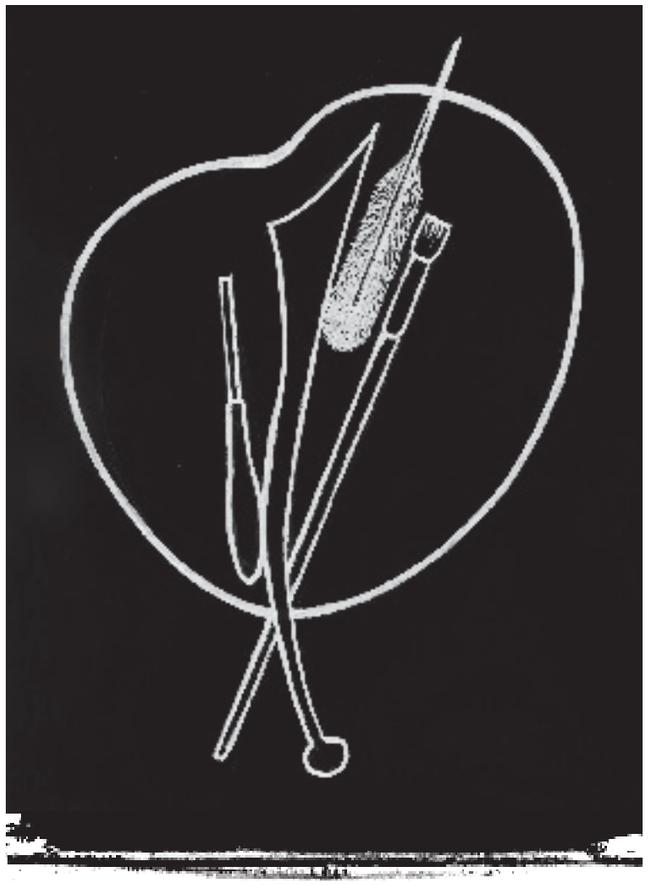
Художественное оформление и верстка: Эмма Дарвис

ISBN ISBN 978-9949-81-132-8

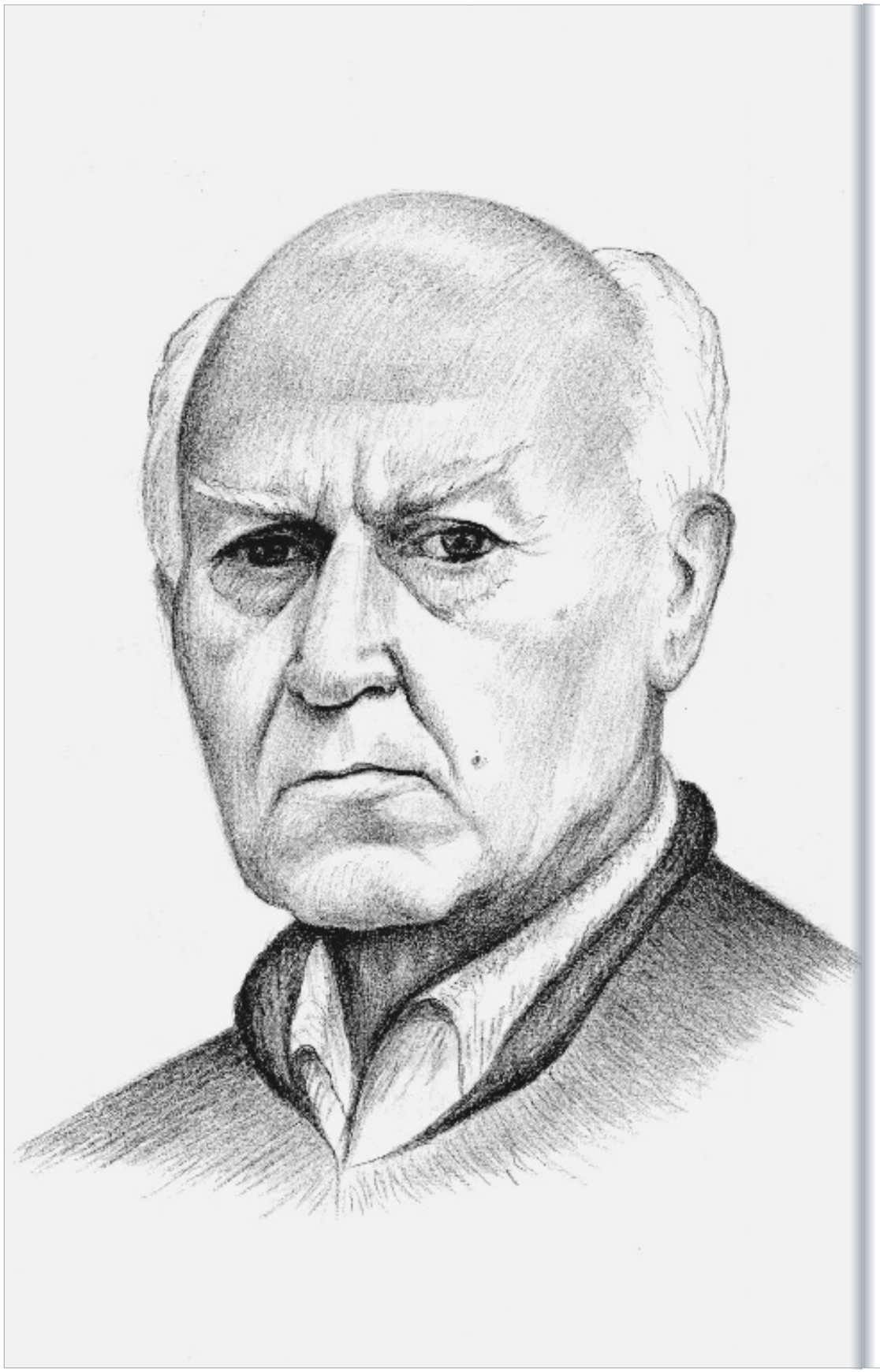
В книге представлены прозаические, поэтические и графические произведения Рафаэля Арутюньяна, созданные им в последние годы. Поклонники творчества этого талантливого скульптора, живописца и графика по достоинству оценят широту и глубину его постижения мира, оригинальность и многообразие выразительных средств и мастерское владение ими. Книга приурочена к 80-летию художника в 2017 году.

© Рафаэль Арутюньян, текст
© Рафаэль Арутюньян, иллюстрации

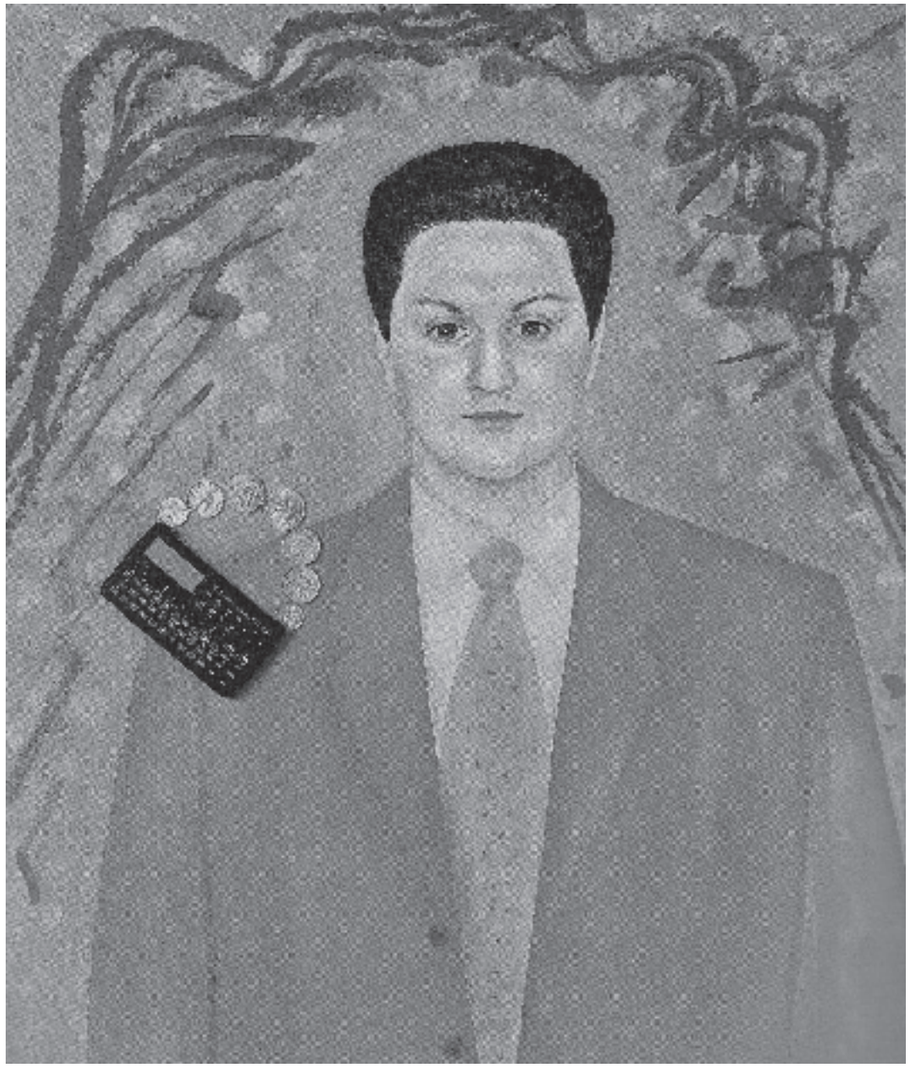
Таллинн, 2016



проза. **п**оэзия. **г**рафика



Моему сыну Арегу
посвящается



Я вырастил Атланта

Еще раз сын обрадовал отца своим талантом,
Когда в делах он проявил и ум, и вкус.
Я окрылен: я вырастил не сына, а Атланта,
Несет он на плечах немалый груз.

Не знаю я, кого благодарить:
Жену, судьбу иль Господа за это.
Одно мне ясно: роль моя на удивление мала.
Я ныне стар, и песенка моя давно уж спета.
Да Бог с ней, с песней, – не нужны и горечи ее слова.

Настанет день, взовьется дух в мерцающие дали,
И там, в далекой от земных сует стране,
Я повстречаюсь с Ней и расскажу, какими стали
Сын и внучата во всей своей духовной красоте!

11 июля 2015 года

СОДЕРЖАНИЕ

невозвращенец 9
десять заповедей и десять жизней 97
среди картин и изваяний... 205
конторское маркетри 227
из переписки с б. м. бернштейном 245
лики графики 291

НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ПРЕДАВЕРИЕ

Покидая этот мир, я испытал все то, о чем рассказывают люди, вернувшиеся к жизни после клинической смерти. Им повезло. Я же к жизни земной не вернулся.

Пролетев по похожему на туннель коридору и оказавшись перед ярким светом, я понял, что меня больше нет. Меня нет для тех, кого я любил и кто любил меня. Меня нет для моей семьи, а ее я ставил выше всего на свете, нет для любимой работы. Меня нет вообще. Я исчез навсегда – испарился во Вселенной.

Далеко внизу я видел очертания своего тела, но оно меня не привлекало, и возвращаться в него мне не хотелось. Странно, но я ни о чем не сожалел. Ни о чем-то оставленном и когда-то дорогом, ни о чем незавершенном. Душа испытывала неведомое доселе чувство – абсолютное безразличие ко всему, полное отсутствие эмоций. Как такое могло случиться? Неужели за столь короткий промежуток времени моя душа успела очерстветь? Но черствость ли это?

Теперь у меня нет ни рук, ни ног, ни даже головы. Есть лишь зрение. Странно. Глаз нет, а я вижу. Мозга нет, а я мыслю, хотя анализировать, как прежде, мне трудно. Но главное, будто и душа не та, что прежде. Ведь в прежней жизни она была такой чуткой ко всему происходящему и на чужую боль реагировала, как на свою. А сейчас? Я ее не узнаю. Она стала безразличной даже к своей смерти, вернее, к смерти собственного тела. И я вдруг понял: она стала иной в ином измерении.

Но хватит говорить о своей душе как о чем-то постороннем. В конце концов, моя душа – это и есть я, мое эго. Пусть тело осталось на земле, но я продолжаю существовать, хоть и в ином качестве.

Меня непреодолимо тянуло к тому свету, который я увидел после узкого и темного туннеля. Свет излучал доброту и любовь и казался самой умиротворенностью. Но только я решил приблизиться к нему, как на моем пути возникла тень, напоминающая человеческую фигуру. Я вздрогнул и подумал: кто это тут?

И тут же услышал ответ:

– Я ангел.

О! Я не только вижу, но и слышу! Хотя уши тоже остались на Земле вместе с моим телом! Но ведь я не спросил, а только

подумал! Как он мог услышать мою мысль? Неужели мысль действительно материальна?

– Мысль важнее всего, ибо именно она универсальна, – услышал я.

– А язык...

– Язык – это ее физическое воплощение, необходимое только в земной жизни.

Немного придя в себя, я спросил:

– А как тебя зовут и почему ты читаешь мои мысли?

– Зовут меня Самуил, хотя в прошлой жизни я был Самвелом...

Армянин, отметил я про себя.

– Был им. Но здесь у нас нет национальностей и нет различий в языках: каждый думает и обращается к другому на своем языке, а тот все слышит на своем. Поэтому я и слышу твои мысли. Как сейчас я обращаюсь к тебе на армянском языке, а ты все слышишь на русском.

– А что ты здесь делаешь? – Я немного пришел в себя, и вопросы, как всегда, уже заполняли мою отсутствующую голову.

– Меня послали встретить тебя, – ответил он.

Я усмехнулся: бывший армянин встречает вновь прибывшего армянина.

– Именно так, – сказал он. – Твоя психика еще не успела полностью отойти от земной жизни, и у нас решили, что я пойму тебя лучше, чем другие, – как-никак мы оба кавказцы.

– Извини, – сказал я, – а где это «у вас»?

– У нас, на совете старейших ангелов. Учти, для тебя это большая честь: не о каждой душе совет старейших заботится так, как о твоей.

Значит, мне повезло, подумал я.

– Везение тут ни при чем. Вся твоя земная жизнь отпечатана в космосе, и о тебе и твоей жизни мы знаем все. Но, тем не менее, тебе предстоит самому оценить некоторые ее периоды.

– Выходит, я буду держать ответ перед вашим собранием?

– Выходит так, – согласился он.

Надо же, подумал я. Знай я раньше, что у них все отпечатывается, я бы вел себя поприличнее. Не задирался бы, не хамил и не матерился. И тут же услышал ответ:

– Но ведь вам говорил Иисус: «Будьте чисты, как дети, ибо им принадлежит Царствие Небесное». Так нет же! Только попадая сюда, вы начинаете думать и сокрушаться.

Я не удержался и съязвил:

– А ты, значит, был не таким, как все мы – земные грешники?

Наступила пауза, а затем я услышал сокрушенный голос:

– К сожалению, таким же, если не хуже.

После этих слов я совсем успокоился и почувствовал себя в бесконечно благодатном крае, где все дышит добротой и миролюбием. В той, прежней, жизни я ощущал такое редко, может, только в церкви, где почему-то бывал не так уж часто. Наверное, здесь мне будет хорошо. Только скорее бы встретить мою жену Ирину. И главное – узнать ее: ведь лица ангела Самуила я так и не сумел разглядеть. А в том, что моя жена здесь, я был абсолютно уверен. В крайнем случае, где-то недалеко отсюда. Но только я решил спросить Самуила об Ирине, как тут же услышал ответ:

– Ты прав, она здесь, недалеко. Но увидишь ты ее не сразу.

– Почему?! – не столько спросил, сколько прокричал я.

– Ты к этому еще не готов, – ответил он. – Тебе это предстоит заслужить. Она близко, но высоко, она ждет, но не торопит.

Увидев, как я расстроился, Самуил приблизился ко мне, и я почувствовал его прикосновение. Странно, подумал я, бестелесное существо прикасается к бестелесному, а ощущается это так, будто оба мы материальны.

– Ну, двинулись, – промолвил ангел и как бы обнял меня за что-то, что было вокруг души.

– Куда? – спросил я.

– Я покажу тебе наш мир.

– Мир?! Какой мир?

– Параллельный тому, из которого пришел ты.

– А разве сейчас мы не в нем? – недоумевал я.

Последовал короткий смешок, и я вдруг ясно увидел в очертании головы его глаза. Они были непонятного цвета, то ли серые, то ли зеленые, но скорее всего голубые. А выражение! Господи! Такие глаза на своих полотнах я рисовал только Христу. А не Он ли и есть передо мной? – пронзила меня новая мысль, ответом на которую был откровенный смех.

– Нет не Он, – услышал я голос Самуила. – Я всего лишь ангел – самый младший из старейших. Есть гораздо старше меня не только по возрасту, но и по рангу. Но все мы одинаково служим Ему. А мы с тобой находимся сейчас в Преддверии Параллельного, или, как у нас говорят, Потустороннего мира.

Одного моего желания двигаться было достаточно, чтобы я понесся в том направлении, которое мне указал Самуил. Передо мной открывались пейзажи, очень схожие с земными, но что-то в

них было не так. Я начал приглядываться к ним внимательнее. Вот водопад шумно и стремительно низвергается в озеро, но стоит мне отвести взгляд, как краем глаза я вижу, что он застывает. И вода не течет, и озеро куда-то провалилось.

Вдали я вижу луга, покрытые зеленой травой. На них колышутся высокие колосья ржи. Но стоит мне взглянуть на небо, как трава становится темной и колосья перестают шевелиться. Вдруг меня осенило – ведь все это нематериально! Но тогда зачем оно? Самообман? Галлюцинация?

– Самуил! – крикнул я.

– Ау!

Надо же, подумал я, мы перекликаемся, как грибники в лесу.

– Не лети так быстро, я еле поспеваю за тобой.

Он замедлил полет.

– Это все ненастоящее? – спросил я.

– Что все?

– Ну, все вокруг.

– С чего ты взял?

– Ну, ты же сам видишь: все не так себя ведет, как у нас на Земле.

– Это у вас на Земле ненастоящее. На Земле все произошло от основ здешних. Сказано же в писании: «Сотворил Бог Землю и все вокруг за шесть дней, а на седьмой отдыхал». Так как же, по-твоему, он творил ее? Прежде чем молвить: «Образуйся, гора!» Он должен был представить ее себе. Вот ты и видишь то, что сам Господь Бог представлял. Это и есть Параллельный вашему земному мир. И запомни: он и есть самый настоящий, истинный.

Интересно, можно ли вылететь из него и оказаться в материальном мире, подумал я.

– Может, тебе и в теле своем хочется оказаться?

Однако не очень приятно, когда все твои мысли тут же становятся известны, пусть даже и собственному ангелу. Интересно, так будет всегда?

Пролетая мимо какой-то возвышенности, мой спутник вдруг спросил:

– Не узнаешь?

– Что? – удивленно спросил я.

– Гору.

– Где? – продолжал недоумевать я.

– Да вот – перед твоим носом.

– Ну и что?

– Это гора Арарат.

– Да брось ты! Я что, Арарата не видел? Он же огромный, со снежной вершиной, а это просто холмик какой-то.

– Этот холмик и есть тот Арарат, который изначально сотворил Бог. Позже Арарат оброс вулканической лавой и стал во много раз выше, чем был задуман. А как бы иначе пережил всемирный потоп Ной со всем своим семейством и живностью на своем ковчеге? Ведь дождь нещадно лил сорок дней и ночей. Если бы они застряли на снежной вершине, то замерзли бы и не выжили. На деревянном судне огонь ведь не разведешь. Итак, смотри и запоминай, какой была библейская гора со дня своего сотворения. Кстати, ты не устал?

– Есть немного.

– Тогда давай остановимся – не грех и передохнуть в родном краю.

Я устроился поудобней и в непривычной для себя невесомости стал размышлять. Изначальный замысел Божий, пусть и не весь, в целом показался мне понятным. А что за этим следует? Ведь, скорее всего, Бог проектирует непрерывно. Да и увидел я лишь малую толику того, что касается земного шара, а каковы Его виды на Вселенную? И что-то слишком быстро мы пролетели с севера на юг.

– Это потому, что мы летим с большой скоростью.

– С какой? – уточнил я.

– С какой угодно.

– Даже со скоростью света? – недоверчиво переспросил я.

– И больше.

– И голова при этом не закружиться?

– Какая голова?

– Ах да, ее же нет! А как же нам тогда удается мыслить?

– С помощью вселенского разума, – почти раздраженно ответил Самуил. – Сказано же в Святом Писании: «...сотворил Бог человека по образу и подобию своему», а значит, и искру разума заложил в него. Вот этой искрой ты и пользуешься в контакте со вселенским разумом. А поскольку ты недавно оставил ваш иллюзорный мир и еще не привык к нашему истинному, то анализировать тебе трудно. Но ничего, со временем все наладится, не ты первый и не ты последний это испытываешь. Идет процесс адаптации. Для всех этот процесс мучителен. Правда, каждый переживает его по-своему. Бывали случаи, когда прибывшие были настолько обескуражены новизной увиденного, что не выдерживали и просились обратно, в привычный для них материальный мир.

Так это все-таки возможно, отметил про себя я.

– Только в исключительных случаях. Но ты мне нравишься – ты не нытик и не зануда. С тобой все будет в порядке. Это я тебе обещаю.

А я подумал: дай-то Бог. Потом, помолчав, спросил:

– Самуил, а где находится ад?

– Никакого ада нет, – отрезал он. – Неужели ты думаешь, что Бог настолько жесток, что мучает грешников всякими пытками, да еще вечно?! Ты же был разумным человеком, ну подумай сам, мыслимо ли это? Ад – это небытие для души. Человеку дан выбор: как жить, как себя вести с другими людьми... Одним словом, ему дана свобода. И, если он выбирает грех и только грех, то наказывается тем, что не только он сам, но и душа его после бесчисленных грехов становится смертной. И это все. Хватит болтать и отдыхать. Надо двигаться дальше.

И мы продолжили наш полет по неведомому для меня пространству.

– Слушай, Самвел... Кстати, ты не обижаешься, когда я называю тебя прежним именем? – спросил я его через несколько минут.

– Нет, но если ты перед именем ставишь слово «ангел», то, пожалуйста, произноси «ангел Самуил» – так будет корректнее.

– Хорошо. Так вот, ты говоришь, что человек за свои бесчисленные грехи наказывается смертью не только телесной, но и духовной. Но ведь смерть приходит и к праведникам, а нередко – и в раннем возрасте. И вообще: войны, землетрясения, цунами, смерчи, извержения вулканов забирали, забирают и, похоже, будут забирать тысячи и тысячи человеческих жизней, среди которых было, есть и будет много праведников. А как ты это объяснишь?

– На это я тебе отвечу словами из Библии: «...и пойдет народ на народ, и будут войны, и будет глад и мор, и местами землетрясения, и всему этому должно быть». А вот почему так все устроено, я не знаю. И никто не знает. Очевидно, так было задумано Господом изначально. Наверное, иначе жизнь на Земле существовать не может. Не ты первый меня спрашиваешь, почему умирают дети. И всегда я отвечаю одними и теми же словами: потому что они живые, а все живое смертно. Да, я понимаю: мать, похоронившая дитя, даже если она святая, не может оставаться прежней. Такое горе кого угодно сломит. Но изменить и даже объяснить закономерность Божественного промысла никто не в силах, кроме Него Самого. Не случайно же сказано: «пути Господ-

ни неисповедимы». А Он на подобные вопросы никогда ничего не отвечает.

Странно, подумал я. Мне казалось, что здесь я наконец найду ответы на вопросы, мучившие меня всю жизнь. Но, оказывается, даже ангелы не знают ответов на них.

– Так думал и я в прошлой жизни, так думали многие, находящиеся здесь. Но, став ангелами, мы не стали всезнайками, – произнес Самуил.

И тут я увидел, что очертания моего собеседника постепенно начали приобретать четкость и через несколько секунд передо мной предстал, я бы даже сказал – материализовался, одетый во все белое мужчина средних лет и среднего роста, горбоносый, лысеющий, с короткой седой бородой и со светлыми умными глазами. Я посмотрел на себя и был поражен той же картиной. Все мое было при мне – и руки, и ноги, и голова, и тело, в общем, все, как прежде. Я пошевелил конечностями и увидел, что одежда на мне не та, то есть не моя: у меня такого костюма никогда не было. Все светлое и блестящее, а главное, удобное, будто сшито на заказ. Самуил заметил мое недоумение и улыбнулся:

– Ну, вот и твоя голова, о которой ты так горевал. Удивляешься?

– Ага, – промямлил я.

– Это естественный процесс превращения, я бы сказал – метаморфоза. Теперь ты будешь видеть обычным зрением всех населяющих Параллельный мир жильцов, как ангелов, так и не ангелов.

В меня вселилась огромная радость. Я понял, что и здесь, в этом прежде загадочном для меня мире, можно жить полноценной интересной жизнью. Правда, я многого еще не знаю, пока Самуил лишь показал мне, каким мир был задуман Богом, но то, что я чувствую себя материальным, вселяет в меня большую надежду. А главное, теперь я смогу узнать свою жену, когда встречу ее здесь. Я подождал, пока Самуил по своему обыкновению прокомментирует мою мысль, но он молчал. Не хочет отвечать или вместе с материализацией потерял способность слышать мои мысли? Мне стало интересно. Я решил проверить свою догадку какой-нибудь очень провокационной мыслью. Неужели, став ангелом, Самуил ничего не оставил в своем характере от Самвела, подумал я и замер в ожидании ответа. Но его не было. Так и есть – теперь я могу думать о чем угодно, не опасаясь, что меня услышат. Слава Богу!

Воодушевленный этим, я решил до конца выяснить тему ада и задал один давно мучивший меня вопрос:

– Скажи, Самуил, а как выглядит Дьявол?

Наступила напряженная пауза, и, наконец, он выдавил из себя:

– Никак.

– Как это никак? У него что, нет никакого вида – ни рожек, ни демонического взгляда? Ничего такого у него нет?

– У него нет своего лица. Он потерял его, когда был изгнан из Царствия Божьего. Он же был, как и мы, ангелом, но его падение стерло весь его облик, и остался только заряд со знаком минус.

– А у ангелов заряд со знаком плюс?

– Естественно, – почти гаркнул Самуил.

– А зачем вообще Бог его оставил, когда тот своими грехами так разгневал его? Уж наверняка Он мог уничтожить грешника.

– Мог, – отчеканил Самуил.

– Так в чем же дело?

– В балансе.

– В балансе? – не понял я.

– Ну ты же образованный человек! – взорвался Самуил.

– Был, – осек его я.

– Ты же изучал философию, – сказал он уже с меньшей раздражительностью. – И наверняка помнишь один из законов диалектики: единство и борьба противоположностей. Это именно то, что существует во всех мирах Вселенной. Минусовые и плюсовые заряды в данном случае – черти и ангелы. Вот тебе и наглядная иллюстрация этого закона.

– Но диалектика ведь отрицает Бога, – съязвил я.

– По недомыслию. Придет время, когда и она признает Его.

– Ну, хорошо. Только все равно нескладно получается, – продолжал я допытываться. – С одной стороны, Богу угодно, чтобы как можно больше людей пришли к нему через Иисуса, а с другой – Он оставляет Дьявола, который всячески вредит Ему в этом. Причем, судя по сегодняшнему положению дел, довольно успешно. Ведь неверующих гораздо больше, чем верующих.

– Ну, как ты не можешь понять! – опять взорвался Самуил. – Богу угодно, чтобы к Нему приходили сознательно, а не по безвыходности. Представь себе какой-нибудь научный совет в научном центре, где все думают одинаково, где нет взаимоисключающих мнений. Далеко ли пойдет наука с таким советом ученых? И так устроено все в природе, в нашем Параллельном мире и вообще во всем Мироздании. Не веришь? Завтра можешь спросить у наших астрономов.

– У вас есть своя обсерватория? – удивился я.

– Разумеется, мы же не вылетаем за пределы Солнечной системы.

– А почему?

– Почему, почему... Потому что силенок не хватает.

На какое-то время мы замолчали, думая о своем. Я – обо всем для себя новом, что увидел здесь, а он, судя по его насупленному виду и повернутой ко мне спине, наверное, о том, что я уже достал его своими расспросами.

– Самуил! Не обижайся, я задам тебе последний вопрос. Если хочешь, можешь не отвечать, но для меня он важен.

– Задавай, – устало молвил ангел, и я понял, что в своем предположении не ошибся.

– Я – художник. И всегда писал Иисуса и апостолов с аурой, ангелов – с крыльями. А как, по-твоему, мне надо было бы изобразить Дьявола и чертенят, если бы пришлось?

– Слава Богу, что не пришлось, – пробурчал себе под нос Самуил. – Ты, наверное, слышал, что в исключительных случаях, когда преданный Богу человек попадает в беду или заболевает неизлечимой болезнью, является ангел в облике человеческом и спасает его.

– Да, слышал, – подумав, ответил я.

– А слышал ли ты, чтобы когда-нибудь в облике человеческом или каком-нибудь ином человеку являлся Дьявол и вредил ему?

– М...м... пожалуй нет... А если бы и услышал, то отнесся к подобному рассказу очень скептически.

– Правильно! – воодушевился Самуил. – Дьявол может вершить свои гнусные дела только там, где для этого есть почва. Она обычно бывает рыхлой – это люди слабовольные, склонные к разврату, извращениям, алкоголизму и наркотикам. Но его никогда не встретишь в церкви, хотя ее двери открыты для всех, потому что атмосфера в ней для него удушающая. Ведь храм с молящимися людьми состоит из одних плюсовых зарядов, особенно в момент службы. А вот по выходу из Дома Божьего люди опять становятся сами собой и каждый идет своей дорогой, своим жизненным путем. Да, бывают случаи, когда кто-то отходит от Бога и связывает свою судьбу с Дьяволом, но этих случаев неизмеримо меньше, чем противоположных, когда люди отказывались от сделки с Дьяволом и возвращались в лоно церкви. А значит, возвращались к Богу через Иисуса Христа – единородного Сына Божьего. Поэтому хорошо, что ты никогда не писал черта. Еще раз повторяю, у него нет никакого облика.

– Кажется, я что-то понял, – задумчиво произнес я.

– Вот и славно, – с облегчением вздохнул Самуил.

– Да, но ведь тогда получается, что в жизни нужны умные и глупые, работящие и ленивые, ученые и псевдоученые...

– Именно так, – прервал меня Самуил. – Потому что умный не может знать, что он умный, если не встретит глупого; работящий не будет знать свою истинную цену, если рядом не будет околачиваться лодырь, а настоящий ученый будет сильнее стремиться к новым открытиям, глядя на балласт псевдоученых, которые есть в любой научной среде. И тебе как художнику это должно быть понятно, как никому. А теперь хватит. Я устал. Над этой половиной земного шара, где мы сейчас находимся, уже ночь, и нам тоже пора на отдых.

– А откуда ты знаешь, что уже ночь, ведь ничего не видно?

– Поживешь здесь с мое и тоже научишься отличать ночь ото дня в нашем пространстве.

– Так ты будешь спать?

– Разумеется, – ответил он.

– И все ангелы спят по ночам?

– Да уймись же ты наконец! – возмутился Самуил и устало добавил: – У нас есть график дежурств.

Признаться, я тоже изрядно устал, и глаза мои уже давно слипались. Я с удовольствием расположился в новой атмосфере и мгновенно уснул.

ДЕНЬ ВТОРОЙ. ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО

Я проснулся и почувствовал, что лежу на чем-то пружинистом. Открыв глаза, я был поражен увиденным. Мы с Самуилом находились в обычной комнате и лежали на обычных кроватях с чистыми простынями, но без одеял. Более того, ложились мы вроде в своих белых костюмах, а теперь были в нижнем белье. Ничего себе, подумал я. Что это за мистификация? И тут же услышал голос Самуила.

– Приветствую тебя! Мы вошли в Параллельный мир.

– А когда это произошло?

– Ночью.

Я продолжал лежать, оглядываясь и размышляя: если я уже не я как материальное существо, то и комната, и кровать должны быть нематериальными. Я ощупал свою подушку и кровать и понял их отличие от земных аналогов. Рука ощущала твердость дерева кровати, но стоило мне отвести взор и направить мысль в другую сторону, как рука проваливалась в дерево, нисколько его не деформируя. Опять раздался голос моего спутника:

– Если выспался, то поднимайся и пойдем.

– Как? В трусах?! – поинтересовался я.

– Да нет же! Подумай об одежде, и она будет на тебе.

Я тут же подумал о своем старом, но очень удобном костюме и мгновенно оказался в нем: джинсы и рубашка с короткими рукавами, все голубого цвета. Надо же, как просто, продолжал изумляться я.

– А куда пойдем, вернее, полетим? – спросил я.

– Нет, пойдем, – ответил Самуил, делая ударение на последнем слове. – Пойдем, я покажу тебе мастерские. Ты же скульптор, тебе это должно быть интересно.

– Как?! Скульптурные мастерские?! – встрепенулся я.

– Именно! – загадочно произнес Самуил.

Я встал и действительно пошел, словно плывя по паркету. Самуил шел более уверенно. Он двигался впереди, а я следовал за ним. Но, когда он отворил дверь комнаты, я чуть было не сел от удивления на ее пороге.

Передо мной был обычный город с обычными улицами, на которых стояли одноэтажные дома. Вдоль улиц по двое, по трое двигались люди-души, о чем-то мирно беседуя. Хотя их голосов

я не слышал, но зато видел активную жестикуляцию рук. Свет на улицах был не то чтобы солнечный, но вполне дневной, и одеты они были очень по-разному – от античных туник до ультрасовременного прикида. Вдоль тротуаров росли деревья, и ветер шевелил их листья. Крыши домов были черепичные ярко красного цвета. Но вдруг я заметил одну странность. Ни на одной из крыш не было труб. И еще сразу бросилось в глаза полное отсутствие транспорта, столбов, электропроводов, пешеходных дорожек на перекрестках... Ну да, подумал я, это и понятно: зачем они здесь?

– Самуил! А почему у домов нет печных труб?

– Печи здесь ни к чему. Тут никто не мерзнет.

– Ну, хотя бы для вентиляции? – глупо настаивал я.

– И это здесь ни к чему, атмосфера тут всегда чистая.

Он сказал «атмосфера», а не «воздух», подметил я. Да, привыкать тебе, голубчик, и привыкать еще к этому миру. И вдруг мне подумалось: еще вчера я мог летать, а сегодня только хожу.

– Самуил! А летать я когда-нибудь еще смогу?

– В любой момент. Надо только очень захотеть. Но летать в городе я тебе не советую, можешь нечаянно на кого-нибудь натолкнуться, а для души это очень болезненно.

– Значит, и здесь души испытывают боль и страдания? – удивился я.

– А как же! Не меньше, чем в прошлой жизни, если не больше. Но только не по мелочам и не по тем поводам, что остались внизу на Земле. Туда нам доступа больше нет.

– Как?! И я никогда не узнаю, как живут мои близкие? А ведь я так их любил и люблю.

– Никогда, – мрачно промолвил Самуил. – Именно поэтому – никогда, – добавил он еще более мрачно. – Если бы Всевышний дал нам такую возможность, мы, глядя на греховный материализованный мир, пребывали бы здесь в вечных страданиях. Мы бы просто не выжили или сошли с ума.

После этих слов мы долго шли молча, в невеселых думах каждый о своем.

Мне вспомнилась вся моя жизнь, напряженная и бескомпромиссная. Все мои победы и поражения, а последних было куда больше, чем первых. Долгие годы физического труда, когда по ночам не можешь уснуть от гудящих от усталости рук. Вспомнилась юность в Баку. Родительский очаг в чердачном помещении четырехэтажного дома. Моя первая любовь к соседской девушке. Вспомнились мои близкие – бабушка, мама, отец и сестра. Все

они рано ушли из жизни. Найду ли я кого-нибудь из них здесь, ведь это было так давно? Вспомнились и друзья по художественному институту. Многих уже нет в живых. Как они прожили свои жизни, я не знаю. Пришли ли, в конце концов, к Нему? А если нет, то мне и искать их бесполезно. В общем, невеселые мысли гнездились в моей голове, очень невеселые. О чем думал Самуил, не знаю, но, судя по его лицу, тоже не о радостном. О своей жизни он мне ничего так и не рассказал.

Мои размышления прервал голос Самуила:

– Подходим.

Впереди виднелось вытянутое двухэтажное здание, очень похожее на тот дом в Таллинне, где размещались мастерские скульпторов, металлистов и текстильщиков.

– А как называется этот город? – спросил я.

– У него нет названия. Здесь города под номерами, этот семидесятый.

– Ну а улица хоть имеет название?

– Улица называется «Гончарная».

– Здесь работают и гончары?

– Работали когда-то. Сейчас они разбрелись по другим городам.

– А сколько людей живет в городе?

– Где-то около трехсот тысяч, точно не знаю, – ответил Самуил, а потом задумчиво произнес: – В основном души искусства, вроде тебя. Начиная с древнейших времен и по сей день – очень разношерстная публика.

Уже издали слышались звуки молотков, бьющих по камню и металлу. Подойдя к зданию, я услышал из окна чей-то ворчливый голос, выговаривавший кому-то за плохое качество камней: что камни доставляют с мелкими трещинами, что это отнимает массу времени от работы, так как для выявления трещин надо долго выстукивать молоточком по глыбе, внимательно прислушиваясь к исходящему от камня звуку, дабы не прозевать коварной трещины, находящейся где-то в глубине. Второй собеседник с голосом снабженца не очень убедительно оправдывался тем, что скульпторов много, а снабженец один и за всем уследить ему трудно.

Наконец мы вошли в просторное помещение, где стояло несколько скульптурных станков. Возле них трудились авторы возвышающихся изваяний. Все они были разных возрастов и принадлежали к разным направлениям в искусстве.

Первым мне бросился в глаза мужчина довольно тучного телосложения с размашистыми движениями рук и со странной, до

невозможности измятой шляпой на голове. Я тут же узнал его. Это был итальянский скульптор Манцу.

Чуть помедлив, я подошел к нему и поздоровался. В ответ он буркнул что-то неразборчивое.

– Я, кажется, знаю вас. Вы – скульптор Манцу? – спросил я.

– Зато я вас не знаю, – пробурчал он в ответ.

Наступила неловкая пауза. Я продолжал разглядывать скульптуру в глине на его станке. Это была обнаженная девушка, вылепленная в совершенно не свойственной ему манере.

– Раньше вы работали по-другому, – попытался продолжить я знакомство.

– Когда это – раньше? – настороженно спросил он и взглянул на меня более чем недоброжелательно.

– Ну, тогда, при жизни, – совсем стушевавшись, ответил я.

– Вы что, тоже скульптор? – мрачно спросил Манцу, продолжая сверлить меня взглядом.

– К сожалению, был им.

– Почему к сожалению? – не унимался он.

– Ну, не знаю, смогу ли я здесь им остаться.

– Кто хочет им остаться, тот везде им остается. А вы, наверное, были не очень известным, раз так говорите?

– Совсем неизвестным, – вконец растерявшись, ответил я.

В глазах своего собеседника я прочел некий намек на сочувствие, и он уже гораздо доброжелательнее нравоучительно изрек:

– Не расстраивайтесь. Здесь у вас будет много свободного времени, и при желании и усердии вы сможете достичь любых высот – я имею в виду высоты в искусстве, а не в обществе. Даже сможете посылать свои мысли туда, вниз, чтобы найти своих последователей. И не исключено, что когда-нибудь не только здесь, но и на Земле вас, в конце концов, признают.

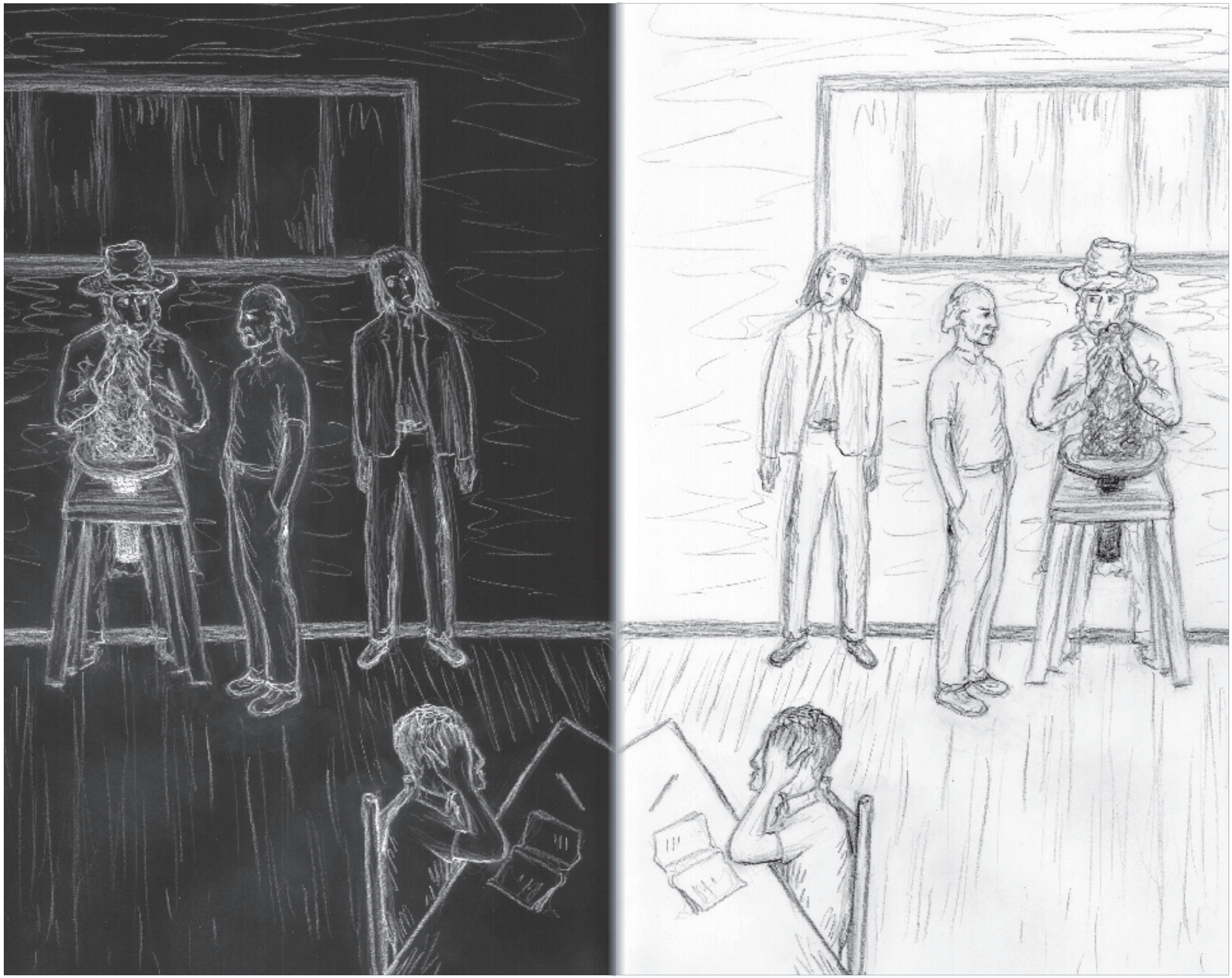
Я поблагодарил мастера за уделенное мне время и, так как знакомых лиц в этой мастерской я больше не нашел, мы с Самуилом попрощались со всеми и вышли на улицу.

– Каким был, таким и остался, – пробормотал я.

– Именно поэтому он и здесь, – сказал Самуил.

– То есть?.. – не понял я.

– В этом слое Параллельного мира обитают художники, чьи работы одобрил Отец Небесный, но не одобрил того, как они прожили свою жизнь. Манцу не отличался высокой нравственностью, но и беспутным или развращенным его назвать тоже нельзя. Другим его коллегам повезло куда меньше. Их я вообще не вижу в нашем мире, – разъяснил Самуил.



– Тогда кто же находится в следующем слое? – спросил я.

– Те, кто прожил земную жизнь по-христиански, праведно, но при этом в своем творчестве для Бога ничего не сделал.

– Неужели Господь так строг к нам, грешным чадам Его? – лукаво спросил я у Самуила.

– Строг, но не жесток, – коротко отрезал Самуил и, несколько помедлив, добавил: – И в этом, и в другом случае Он помещает наши души в своем Царствии, хотя и на разных его уровнях. – И взглянув на меня несколько искоса, закончил: – Хотел бы я знать, как ты поступил бы на Его месте.

Я откровенно расхохотался и сказал, что на Его месте я себя никогда не представлял и ответить ничего не могу. Мой ангел миролюбиво улыбнулся, и мы пошли блуждать по улицам огромного города, излучающего спокойствие и доброжелательность. Ну тут мне бросилась в глаза еще одна странность, и я сразу решил спросить о ней у моего спутника:

– А почему я не вижу душ животных? Ведь были доисторические хищники и земноводные. Огромные птицы и рыбы населяли нашу планету. Где они размещаются в параллельном мире?

– Их просто не существует, – усмехнулся Самуил.

– Как это не существует? Они что, не переходят в Параллельный мир?

– Не переходят, потому что переходить нечему. У животных нет души, и они исчезают после смерти бесследно.

– Господи! Но ведь церковь еще в Средние века пугала людей картинами ада, где дикие звери вместе с чертями истязают души грешников...

– Брехня, – отрезал Самуил. – Тем-то и отличается человек от животного, что его Господь наделил душой и разумом, а он, кстати, до сих пор не научился это ценить и вместо того, чтобы благодарить Бога за такой бесценный дар, он нередко превращается в животное, порой более страшное, чем самый жестокий зверь.

Мне нечего было возразить своему ангелу – тут он был прав. Я шагал рядом с ним и разглядывал окружающий меня город. Из окон домов слышались голоса мирно беседующих душ. Создавалось впечатление, что все они были родственниками, но детские голоса звучали очень редко. Странно, подумал я, но ведь и на улицах детей почти нет.

– Самуил! А почему я нигде не видел детворы? Где же их души?

– О-о-о! Дети безгрешны, – улыбнулся Самуил, – они близко к Господу, в его дворце.

– Их насильно отлучают от родителей? – не унимался я.

– Почему насильно? Если они уходят из земной жизни вместе с родителями, например, при каких-нибудь катаклизмах, землетрясениях, наводнениях или случайных авариях земной техники, я имею в виду транспорт: поезда, самолеты и тому подобное, то помещаются здесь с семьями. Но опять же, каждая семья – в своем слое, в зависимости от прожитой на Земле жизни. Если же члены семьи умерли в разное время, то дети всегда будут в наивысшем слое Царствия Небесного, у самого Господа во дворце. Они там растут, взрослеют и позже могут встретить своих близких, если тем посчастливится попасть в Царствие Небесное, или, как говорят на Земле, в Параллельный мир. А вообще-то здесь родственные связи не очень учитываются. Каждый отвечает сам за себя и каждый находит свое место или не находит его вообще, но это относится только к грешникам, – закончил Самуил.

После этих слов я глубоко задумался. Ведь мне, вернее, моей душе, предстояло предстать перед советом старейших и отчитаться за всю свою жизнь. Куда в итоге они меня определят? Далеко ли я окажусь от своей любимой жены? Мне стало как-то не по себе.

– Самуил! А кто из художников удостаивался чести быть помещенным во дворец Отца Небесного? – спросил я.

– Только те, кто не только своим творчеством, но и всей своей христианской жизнью служил Ему.

– А ты таковых знаешь? – спросил я, сильно расстроившись.

– Очень немногих.

– Так назови их имена, если можно, – настаивал я.

– Рембрандт, Домье и, кажется, Гауди.

– А из скульпторов? – спросил я, внутренне холодея.

– Кажется никто, – отчеканил Самуил, всем своим видом давая понять, что разговор на эту тему закончен. Естественно, что моего настроения это не улучшило.

Незаметно за разговором мы подошли к другому зданию – не столь высокому, как предыдущее, но похожему на него. Здесь размещались скульпторы. У порога прямо на лестнице развалившись сидели два типа и о чем-то жарко спорили. Одного из них я узнал сразу, это был Модильяни. А прислушавшись к другому, понял: это русский поэт Лев Гумилев, расстрелянный чекистами вскоре после революции 1917 года. Надо же, и тут они не ладят, может, опять из-за Ахматовой? Мой спутник понимающе взглянул на меня, и в его взгляде я прочел: да, да и тут такое бывает. Когда мы приблизились к собеседникам, они смущенно умолкли.

– Приветствую вас, господа! – молвил Самуил.

– Здравствуй, Самуил! – ответил Модильяни и поднялся, пожимая ему руку. Гумилев же, не двигаясь, лишь махнул в знак приветствия рукой.

– С кем сегодня ты к нам пришел? – спросил Модильяни.

– Да вот скульптор из Эстонии, проходит временную стажировку в наших краях.

– Скульптор? Это интересно, я тоже им был в далекой молодости, – сказал Модильяни и обратился ко мне. – А как вас зовут?

– Друзья всегда называли меня Рафи, а свои работы я подписывал псевдонимом Раздан.

– Значит Рафи Раздан? – переспросил он.

– Именно так, – ответил я.

– Звучит красиво, а главное – благозвучно. – И, несколько помедлив, закончил: – Нам это тоже подходит.

Все мы заулыбались, и атмосфера тотчас стала непринужденной, располагающей к раскованности.

– Ну что ж, давайте войдем в дом, и я покажу вам наших «гениев», – с некоторой долей иронии сказал Модильяни.

– Начни с себя, – не замедлил поддеть его Гумилев.

– А кончу тобой, – не остался в долгу Модильяни.

– Здесь у нас помещаются живописцы и поэты, где-то около двухсот душ.

– Не тесновато ли? – оглядевшись, спросил я.

– Тесновато, тесновато, Вы правильно заметили. Нам обещают дать помещение побольше, да только пока это так и остается обещанием.

– А кто обещает? – осторожно спросил я

– Власти, – ответил Модильяни и, взглянув на меня, вдруг расхохотался: – Да, да, власти! Они, эти власти, везде есть, и даже тут, не удивляйтесь. Но ничего, здесь мы с ними ладим. Кстати, а в каком материале вы работали?

– В разных, но в основном по граниту.

– По граниту? – переспросил он. – Это еще интереснее. Я когда-то тоже работал по камню, но у меня были слабые легкие, пришлось оставить и переключиться на живопись. Ах, эти легкие-легкие, они-то и свели меня в могилу. Но не будем о грустном. Я тоже был не подарок и сам во многом виноват.

– А с поэтической средой вы не были знакомы? – вдруг вмешался в разговор Гумилев.

– К сожалению, нет, хотя, признаться, сам немного пишу, но так, в основном для себя.

– А я, знаете ли, был первым поэтом России, во всяком случае, таковым я сам себя считал.

– Вас и сейчас знают на Руси, – решил польстить ему я.

– Приятно слышать, – улыбнувшись, вежливо ответил Гумилев.

Художники стояли у своих мольбертов и что-то старательно и молча писали. Поэты находились рядом: кто-то ходил взад-вперед по залу, что-то шепча себе под нос, и это было видно по движению губ, кто-то сидел за столом, подперев голову руками и напряженно о чем-то размышляя. В помещении было тихо и спокойно. На нас почти никто не обращал внимания.

– А вот живописец Васильев, познакомьтесь. На Земле коллеги недооценили его. А жаль, он очень искренний художник и заметно прогрессирует. Его здесь очень ценят. Мне нравятся его картины, хотя мы с ним работаем в разных стилях, – сказал Модильяни, подводя меня к красивому мужчине с бородкой и пышной шевелюрой.

– Приятно познакомиться, – кивнул я в ответ. – Вы работаете в основном маслом?

– Вернее, только маслом, – ответил тот.

– И какие охватываете темы?

– Да, все те же, что и раньше: жизнь, любовь, библейские мотивы.

– Вечные темы искусства, – заметил я.

– Вы правы – вечные и неиссякаемые.

– А где работают графики? – поинтересовался я.

– Они в другом конце города, мы их не выносим, – ответил Модильяни.

– Почему? – удивился я.

– От них много шума: вечно стучат своими печатными станками. К тому же мелочны и педантичны, совсем не то, что мы, живописцы. И, между прочим, они, в свою очередь, не терпят скульпторов, говорят, что стук их молотков, зычные голоса, а нередко и смачные выражения режут не только интеллигентные уши, но даже уши шахтеров и милиционеров.

– А разве они тоже здесь живут?

– В этом городе живут все – у нас самый демократичный город во всем Параллельном мире.

– Давно хотел спросить: где разместились художники Ренессанса?

– О-о-о! Все они в другом слое, очень близком к Создателю. Ведь все они такие набожные, – ответил Модильяни.

– И вам не удается никого из них повидать?

– Нет, почему же? Только надо написать заявку.

– Значит, везде свои ограничения, – скорее самому себе, чем кому-то, сказал я.

– Не ограничения, а порядок. А он действительно необходим везде, – строго взглянув на меня, изрек Модильяни.

Завершив осмотр живописных мастерских вместе с поэтическим цехом, мы с Самуилом решили отправиться к графикам. Но так как они помещались в другом конце города, то, чтобы не терять драгоценного времени, мы решили не идти, а лететь. Кроме того, надо признаться, что к этому времени мы порядком подустали.

Получив от своего ангела необходимые инструкции – лететь с равномерной скоростью на высоте не ниже ста метров, постоянно озираться направо и налево, сигналить голосом или жестикулировать руками при виде летящей навстречу души, – мы полетели. Уже на лету он добавил, что в случае столкновения надо не паниковать, а мягко опуститься и подождать медицинскую помощь. Врачи здесь работают опытные и способные вылечить любые душевные раны. Благодаря им в городе нет ни одного инвалида.

Полет длился не более десяти минут, но все это время я безотрывно любовался видами города со стометровой высоты. Он был зеленым, с прекрасными парками и лужайками для спортивных игр, с прямыми улицами, напоминающими Санкт-Петербург. В нем было много храмов с золочеными куполами, но почему-то очень невысоких. Как позже объяснил мне Самуил, высота здесь была ни к чему, ведь Творец Вселенной находится недалеко. Я увидел много изысканных особняков. Ничего подобного в своей прошлой жизни я не встречал. Может быть, только у испанского архитектора Гауди. Я не мог удержаться от восторга, то и дело выкрикивая слова восхищения. Мой попутчик только кивал, показывая жестами, что понимает меня.

После того как мы мягко опустились на какую-то площадь, он сказал, что мы находимся в самом простом слое Параллельного мира, а таких слоев много и один краше другого.

Тогда я задал ему вопрос:

– Скажи, Самуил, как понять и совместить увиденное мною прежде – коллективные мастерские для скульпторов, для живописцев совместно с поэтами, с тем, что я увидел сейчас?

– Что ты имеешь в виду? – несколько удивленно спросил он.

– То, что я увидел сверху: красивейшие особняки, где живут человеческие души. Почему художники творят не в них, а в художественных цехах, если можно так выразиться?

– А-а-а, вот ты о чем! Понятно, – протянул Самуил. – Ну, так слушай меня внимательно. Здесь свой порядок. Мы работаем не за деньги и не для себя. Это удел людей, живущих в материальном мире. Мы трудимся для Земли и для землян. А труд в коллективе очень эффективен. Ты сам видел, что художники и поэты друг другу не мешают. Лучшие их произведения посылаются на Землю и попадают в разум живущих там художников и поэтов. Те же, интерпретируя их по-своему, создают истинные шедевры искусства. Вот и все.

– Значит, все ценное, что создается внизу, исходит отсюда? – удивился я.

– А я тебе что говорю?! – полуутвердительно-полувопросительно ответил Самуил.

– И так во всем? И в технике, и в гуманитарных науках, и в музыке, и в медицине, и даже в спорте? Во всем, во всем?

– Именно так, во всем, во всем, – ответил Самуил, с трудом сдерживая улыбку.

– Но ведь люди создают не только шедевры, но и глупости! Как ты это объяснишь?

– Глупости они создают без нас, только своими усилиями, – весело расхохотался Самуил.

Мы медленно шли по улице, выложенной черно-белыми плитами в шахматном порядке. Казалось, будто мы идем по гигантской шахматной доске.

– Какой фигурой ты бы хотел быть на этой доске? – неожиданно спросил меня Самуил. Подумав, я ответил:

– Королевой называться как-то неудобно, я не женщина. Хотя за ней больше всего охотятся, но у нее и больше всех шансов выжить в трудных ситуациях. Остается только король. У него целая армия защитников.

– Так я и думал, – заметил Самуил.

– Почему?

– Потому что все прибывшие не могут избавиться от своих земных амбиций.

– А ты сам кем бы хотел быть? – запальчиво спросил я.

– Конем, Рафи, конем!

– Почему?

– Потому что у коня из всех фигур самый замысловатый ход, а значит, что к его слову здесь могут серьезно прислушаться.

– Ну, чтобы это знать, надо подольше здесь пожить, – немного обиженно сказал я.

– Именно это я тебе и говорю, – завершил диалог Самуил.

Тут мы подошли к зданию в готическом стиле. У стены на скамейке сидели две фигуры: опершаяся обеими руками на трость женщина и преклонного возраста мужчина. Они о чем-то тихо беседовали. Я услышал только конец фразы:

– ...вряд ли компьютер очистит их души, скорее наоборот, – сказала женщина. И тут я узнал ее. Это была Кете Кольвиц, немецкий график, современница Барлаха и Болдена, создавшая много интересных гравюр.

Лица ее собеседника я разглядеть не мог, его закрывала тень от широкополой шляпы. Подняв голову и взглянув в нашу сторону, Кольвиц сказала:

– По-моему они к нам, Франц, посмотри.

Мужчина поднял голову, и я узнал его тоже. Это был Франс Мазерель, известнейший французский график, чей роскошный альбом-каталог стоял у меня на полках с книгами по искусству в моей земной жизни.

– Приветствую вас, уважаемые! – поздоровался Самуил.

– Здравствуй, Самвел, – хором ответили оба.

– Давненько тебя не видели, – добавила Кете Кольвиц.

– Да все в бегах, все в облаках. Но тоже рад вас видеть.

– А мы уже соскучились по тебе, – сказал Мазерель.

– С кем и с чем пожаловал? – опять обратилась к нему Кольвиц.

– Привел к вам новичка, художник из Эстонии.

– Из Эстонии? – переспросила Кольвиц. – В Эстонии интересная графика. А вы случайно не график? – обратилась она ко мне.

– Я профессиональный скульптор, но работал и в живописи. Графикой тоже немного занимался.

– А как ваше имя? – продолжала интересоваться Кольвиц.

– Рафи Раздан.

Мои собеседники переглянулись, и Мазерель недоуменно развел руками.

– Я тоже ничего не слышала о нем, – тихо прошептала Кольвиц.

И тогда Мазерель, изобразив на лице максимум доброжелательности, торжественно произнес:

– Мы рады видеть вас здесь и надеемся, что вы органично вольетесь в наш коллектив. Души здесь хорошие и добрые, к тому же высокопрофессиональные. Так что добро пожаловать!

– Разрешите вас спросить, – обратился я к ним.

– Будьте любезны, – тут же откликнулся Мазерель, всей фигурой изобразив полнейшее внимание.

– Смогу я найти здесь Эдуарда Вийральта?

– Конечно! Как войдете в здание, третий стол справа.

Мы с Самуилом направились к дверям, и я услышал приглушенный голос Кольвиц:

– Даже спасибо не сказал! Здесь столько известных графиков, а ему, видите ли, Эдуард понадобился!

– Он, кажется, жил после войны в Париже? – задумчиво произнес Мазерель.

– Да, он эмигрировал из Эстонии во время войны. Было бы ему на родине хорошо, так, наверное, не эмигрировал бы, – ворчливо сказала Кольвиц.

– Но и в Париже в мое время его мало кто знал.

Войдя в помещение и взглянув направо, я увидел согнувшуюся над столом фигуру пожилого мужчины с карандашом в руках. Я узнал великого мастера и, подойдя, тихо встал позади него. Маэстро был так увлечен работой, что даже не заметил моего присутствия. Весь стол был в набросках. На тумбочке, на стульях и даже на стене висели и лежали законченные и незаконченные графические листы. Этих произведений раньше я не видел. Было много изображений животных, были летящие люди и портреты коллег по цеху Параллельного мира. И во всех работах ощущалась та искренняя любовь к объекту, к натуре, которая отличала мастера от его коллег даже в земной жизни.

– Приветствую вас, господин Вийральт, – громко произнес я.

Он резко повернулся, недовольный тем, что кто-то осмелился помешать ему работать, и пробурчал:

– Здравствуйте.

– Хотел бы с вами познакомиться, я только что прибыл из Таллинна.

– Из Таллинна? – Глаза мастера оживились и внимательно вгляделись в меня. – Давненько никого оттуда не было. Вы художник?

– Скульптор, – ответил я.

– Скульптор? Наверное, учились у Старкопфа?

– Нет, у его учеников: Сакса, Роса, Вареса, Мянни.

– Похвально, похвально, – пробормотал Вийральт, думая о своем.

– Можно задать вам несколько вопросов, господин Вийральт?

– Милости прошу.

– Ваш стол завален рисунками, но среди них очень мало оттисков. Почему? Я знаю, что в прошлой жизни вы работали в разных графических техниках и у вас было много печатной графики.

– Совершенно верно. Но на Земле мы должны были зарабатывать на жизнь, на пропитание, на одежду, содержать свои семьи. А здесь этого не надо, здесь многое отпадает, и душа высвобождается для собственной жизни. Питаемся мы Божьей энергией, одежду и обувь нам шьет пошивочная мастерская за считанные минуты. Там, внизу, мы были рабами своей плоти и нередко страдали от одолевающих ее болезней. Здешняя жизнь – это награда за пережитое в прошлом. Тут мы все – свободные птицы.

– Кстати, о птицах и вообще о фауне, – сказал я. – Знаю, что в Параллельном мире души животных отсутствуют потому, что души у них нет, а на ваших рисунках я вижу многих животных. Где же вы берете модели для них?

– О-о-о! Что значит – новичок! – улыбнулся Вийральт. – Здесь память и фантазия работают в сто раз лучше, чем на Земле. Здесь мы способны представить себе что угодно, и это что-то мгновенно появляется перед нашим взором со всеми мельчайшими подробностями, причем выглядит почти материально. Поживете тут подольше и сами все испытаете.

На этом мы вежливо распрощались, ибо Самуил уже поторапливал меня, напоминая, что пора возвращаться. Надо было немного передохнуть и упорядочить в голове новые ощущения, а там и пора ложиться спать. Завтра будет новый день и новые впечатления, для которых надо набраться сил. Так мы и сделали.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Проснувшись, я почувствовал какую-то перемену. Самуил уже был одет и смотрел в окно. А оттуда раздавался непонятный для меня шум.

– Что-то случилось, Самуил? – крикнул я.

– Не волнуйся, все в порядке, просто мы за ночь переместились в другой слой.

Я вскочил с постели и бросился к окну. Действительно, улицы были другие, и время года больше напоминало осень, чем лето, а главное – по дорогам шествовало много людских душ как мужского, так и женского пола и гораздо больше, чем в предыдущем слое, душ детей.

– Этот слой выше вчерашнего? – спросил я у Самуила.

– Нет.

– А души тут тоже заняты разной деятельностью?

Он кивнул головой.

– А кого здесь больше всего?

– Представителей народного творчества, – ответил Самуил, не отрывая взгляда от улицы.

– Как такое может быть?! – поразился я.

– А что тебя удивляет? – не поворачивая головы, спросил Самуил.

– На Земле профессиональные искусства, литература, философия и наука стоят на высшей ступени человеческой деятельности, а тут они сразу после ремесла, – не без иронии заметил я.

– А откуда они произошли – твои высшие ступени человеческой деятельности? Разве не из обычных, бытовых потребностей человечества? Разве золотой ложке, которой пользовался царь, не предшествовала деревянная ложка крестьянина, а шедеврам Рафаэля и Леонардо да Винчи – наскальные рисунки первобытных людей-охотников? И вообще, стоит ли вам, художникам, писателям и ученым, так много воображать о себе, забывая, откуда вы произошли и где корни вашей высшей духовной жизни? – жарко возразил мне ангел Самуил и, насупившись, снова отвернулся к окну.

– Извини, Самуил, я не хотел тебя обидеть, – примиряющее сказал я. Но Самуил продолжал молчать, что-то разглядывая на улице.

– Самуил! Ты случайно в прошлой жизни не журналистом был? Такую нравоучительную лекцию мне прочел!

– Чем-то вроде этого, – буркнул он.

– Так кем же конкретно?

– Ассенизатором.

– Ни фига себе – «вроде этого»! Что же здесь общего с журналистами? – искренне удивился я.

– И те, и другие погрязли в отбросах общества, – лаконично заключил он.

Мы взглянули друг на друга и расхохотались. Отдышавшись от смеха, я спросил:

– Вот скажи мне, Самуил, ты – ангел. Но до этого ранга далеко не каждая пребывающая в вечности душа способна дослужиться. А может Господь лишить тебя этого звания? И чем ангел отличается от обычного обитателя Царствия Небесного?

– Во-первых, ангел отличается от обычных душ тем, что может беспрепятственно, по собственному желанию, перемещаться в Параллельном мире из слоя в слой, не говоря уже о том, что время от времени ему поручают побывать с определенными заданиями и на Земле, – начал Самуил. – А во-вторых, Господь может все – как произвести в ангелы, так и отнять это высокое звание и сделать рядовой душой или вообще изгнать из Царствия Небесного в категорию минусовых зарядов, то есть чертей, как принято говорить у землян.

– А тебе когда-нибудь грозило что-либо из этого? – полюбопытствовал я.

– У меня уже есть один выговор.

– За что?

– Вспылил и обругал одного типа, вообразившего себя безгрешным, чуть ли не святым.

– И что же?

– Ничего, говорю же тебе, обошлось выговором первой степени без занесения в личное дело.

– Значит, получается, ангел не имеет права на человеческие эмоции? – удивленно воскликнул я.

– Не имеет. На то он и ангел, – сказал Самуил и, чуть помедлив, закончил: – У ангела должно быть и ангельское терпение.

Самуил закрыл оконные створки и жестом дал мне понять, что пора в путь. В наш план входило посещение мастерских народных умельцев. Мы привели себя в порядок и двинулись в путь.

Сначала мы решили посетить фабрику по изготовлению ковров. Переступив порог первой же мастерской, я буквально остол-

бенел. Не буду говорить о композициях и цветовых гаммах на висящих коврах – как выяснилось позже, с обеих сторон ковры были вытканы по-разному и каждая сторона имела свою неповторимую композицию. Но главное, что изображенные на коврах люди и животные двигались, деревья качались, вода текла, и все это было выпукло, почти объемно. Подойдя ближе и пощупав ковер, я понял, в чем дело. Каждый изображенный предмет был выткан в виде пустого мешка. Снизу этот мешок сообщался с каким-то устройством, которое закачивало воздух, чем заставляло двигаться изображенных людей, животных и объекты природы. Ничего подобного на Земле я не видел. На мой вопрос, зачем они делают разные рисунки по обе стороны ковра, если одна из них все равно прижата к стене и ее не видно, одна ткачиха ответила мне так:

– Иногда мы не хотим иметь в своих домах стены-перегородки между комнатами и вместо них вешаем ковры, которые в любой момент можно убрать или заменить другими. В этом случае рисунок с обеих сторон себя полностью оправдывает, так как находящиеся по обеим сторонам души с удовольствием созерцают наши творения. Для жизни в этом мире у нас все отлично продуманно.

Тогда я спросил, кто придумывает эти гениальные рисунки и могу ли я встретиться с художником. Ткачиха ответила, что художников как таковых нет и каждая ткачиха сама является художницей своего ковра – полноправным автором своего произведения. На мой вопрос, где она этому научилась и как долго училась вообще, женщина ответила, что работала и училась всю свою земную жизнь и продолжает учиться по сей день.

– А как остальные ткачихи? – спросил я.

– Почти все так же, как я, за редким исключением, – ответила она.

– А кто же эти редкие исключения?

– Дети.

– Какие дети? – недоуменно спросил я.

– Дети, ушедшие из жизни и захотевшие работать здесь. Их души проходят тут полный курс обучения.

– Как вас зовут? – набравшись храбрости, спросил я и краем глаза заметил, как улыбнулся стоявший все время рядом Самуил.

– Татьяна.

– И вы живете одна? – продолжал наглеть я.

– Нет, с мужем.

– Как – с мужем? Вы что, одновременно ушли из земной жизни?

– Нет, я гораздо раньше.

– А трудно вам было встретиться с ним здесь? – торопливо задал я главный для себя вопрос и буквально замер в ожидании ответа.

– Легко. Мы оба в той жизни были праведниками и остаемся ими по сей день.

А потом, немного подумав, она добавила:

– Если у вас найдется время и желание, вот вам номер нашего дома. Я приглашаю вас в гости, конечно, после работы. Мы с мужем будем рады принять вас.

Мы с Самуилом с удовольствием приняли это приглашение.

Просмотрев множество ковров и поговорив с ткачихами-художницами, я понял, что у всех у них есть воспоминания о своей прошлой жизни и некоторые ее периоды они стараются запечатлеть на коврах. Все ковры были на удивление талантливо сделаны, и, когда я спросил, сколько времени уходит на один, ответ меня ошеломил. Оказалось, не более недели. Но ведь ковры такого размера и такой сложности, да еще вытканные вручную, на Земле ткутся месяцами, если не годами! Мне объяснили это тем, что здесь руки ткачих обладают Божественной энергией, которая дает тысячекратное ускорение. У одной из работниц я спросил:

– А где же те ковры, идею которых вы посылаете на Землю?

– В музее. Их отобрала специальная комиссия, и они – объект нашей гордости. В музее прикладных искусств они занимают несколько залов, и мы нередко водим туда экскурсии. Не поленитесь, сходите и вы с Самуилом, вам будет интересно.

Попрощавшись со всеми, мы вышли на улицу и немного поспорили, куда направиться дальше. Самвелу хотелось показать мне ателье мод, так как его знакомый ангел, вернее, ангелесса, там работала топ-моделью. Позже я понял, что он к ней явно неравнодушен. Я же туда не хотел, так как никогда модой не интересовался и всю свою жизнь одевался, как попало, лишь бы одежда была чистой и выглядела прилично.

Я же хотел посмотреть фабрику ювелирных изделий. Если ковры здесь такие фантастические, думал я, то какие же должны быть украшения? К тому же в голове моей прочно угнездилась мысль, что там я могу встретить бывших однокашников. Те, с которыми я дружил, были очень порядочными и верующими людьми.

В конце концов Самуил, как и полагается ангелу, решил мне уступить, и мы направились к фабрике ювелирных изделий.

При входе в цех мне сразу бросилось в глаза, что у склонившихся над столами ювелиров не было настольных ламп, но каждый стол был прекрасно освещен. Откуда шел этот свет, было совершенно непонятно. К тому же ни у одного из работавших я не увидел монокля. Неужели все они так хорошо видят, что не нуждаются в увеличительном стекле? Но это же немыслимо!

Мы подошли к первому столу. За ним сидел мужчина средних лет, лысеющий, с удлиненным бледным лицом явно восточного происхождения.

– Здравствуйте! – сказал я.

Он поднял голову:

– А, здравствуйте! – И в сторону Самуила: – Привет, Самвел!

И вдруг по шевелению губ я понял, что он произнес:

– Хм-м? Вонцес?

Я взглянул на Самуила и по шевелению его губ увидел, что тот ответил:

– Вочиндж эли камац-камац!

Армяне, подумал я, и здесь остаются армянами, хотя и говорят, что национальностей здесь не существует. Но при этом приветствуют друг друга на армянском языке и сугубо в армянском духе: «Ну, как ты?» – «Да ничего, помаленьку-потихоньку». Это меня порядком развеселило, и я решил рассказать им анекдот:

– Идет армянин, у которого пропала коза. А навстречу ему – светловолосый мужчина, похожий на русского. Армянин ни слова по-русски не знает, но хочет спросить, не видел ли прохожий его козы. Он прикладывает руки к голове, изображая рога. Светловолосый смотрит на него недоумевающе. Тогда он прикладывает руки к челюсти, изображая бороду. Светловолосый удивляется еще больше. Исчерпав весь свой запас образных жестов, армянин начинает блеять, как коза: бе-е-е. Тогда светловолосый на чистейшем армянском языке спрашивает: «Да чего тебе надо от меня?!» А армянин возмущенно отвечает: «Ты что, сразу не мог сказать, что ты армянин?! Я пока по-русски с тобой говорил, чуть язык себе не сломал!»

Мы расхохотались. Мгновенно атмосфера стала непринужденной, и я почувствовал себя совершенно раскованно. Узнав, что ювелира зовут Месроп, я обратился к нему как к старому знакомому:

– Скажи, Месроп, а откуда идет освещение и почему ни один из работников не пользуется моноклем?

– Освещение идет из космоса. Бог ценит красоту и заинтересован в том, чтобы мы творили прекрасное. А монокли нам не нужны, так как в награду нам всем дано очень сильное, во много раз лучше прежнего, зрение.

– Не мог бы ты показать нам свои изделия и продукцию вашего цеха? – спросил я.

– С удовольствием, – сказал Месроп и повел нас вдоль столов, прося коллег выдвинуть ящики и вынуть оттуда все ювелирные изделия. Месроп был мастером цеха, и работники относились к нему с уважением. Когда все украшения оказались на столах, у меня перехватило дыхание. Красота была неописуемая. Рассматривая сережки, я поинтересовался: «А здесь носит кто-нибудь эти украшения или все они направляются в музей прикладных искусств?»

– Конечно, носят, – ответил Месроп, – женщины везде остаются женщинами, без красоты их души увядают. Вот мы и стараемся для них и, конечно, для живущих на Земле тоже.

– А откуда вы берете эти алмазы? – спросил я.

– Это не алмазы, а кристаллы космоса, которые сверкают лучше алмазов. Видишь?

– Да, – согласился я, – блеск у них совершенно потрясающий.

– Это еще не все, – сказал Месроп. – Каждый кристалл имеет не только свой блеск, но и свой звук – как бы сигнал из Вселенной. Подбирая камни по блеску, цвету и звуку, мы создаем не только цветовую гамму украшения, но и его мелодию. Как если бы ты приложил к уху раковину, поднятую со дна моря, и услышал в ней шум морского прибоя. Так и с кристаллами. Приложи к уху эти сережки, и ты услышишь мелодию космоса, симфонию Вселенной.

Я приложил сережки к ушам. Ничего подобного я в жизни не испытывал. То, что я услышал, было равносильно вдохновению – далеко не частому внутреннему состоянию художника, когда ты знаешь, что начался твой диалог с Творцом, когда ты ясно ощущаешь себя его частицей, и частицей значимой. Когда понимаешь, что тебе подвластно все: любые трудности, любые преграды. Когда видишь себя Божьим избранником и чувствуешь себя «художником от Бога».

Ощущения от музыки, созданной кристаллами космоса, натолкнули меня на мысль: место, где я нахожусь, – это рай, а души, окружающие меня здесь, – райские души. Это ли не великое счастье, величайший подарок Господа, какой только может быть дан человеку?

Положив сережки на стол и подняв руки ладонями вверх, я стал молиться. Окружающие смотрели на меня с пониманием.

Покинув ювелирную фабрику, мы направились в дом моделей. За эти три дня моего пребывания в раю мы с ангелом Самуилом успели сдружиться. Поняв по его глазам, как ему хочется навестить свою подругу, я решил пойти ему навстречу, хотя, повторяю, одежда никогда меня не интересовала – ни в молодости, ни, тем более, в старости.

Увидев роскошное стеклянное здание с талантливо оформленными витринами, я подумал: да-а-а, мимо такой рекламы не пройдешь. Будь это внизу, на Земле, его владелец обязательно стал бы богатейшим человеком, возможно, покруче Кардена. Но здесь все бесплатно, денег в этом мире не существует. Ну, чем не коммунизм?

В коридорах и на лестничных площадках было много празднично одетых душ разного возраста. Все они выглядели оживленными. По блеску их глаз и энергичной жестикуляции я понял, что в зале для показа мод только что произошло нечто особенное.

Самуил что-то спросил у проходящей мимо женщины, и та жестом показала ему на одну из дверей, а сама грациозно продолжила свой путь. Я спросил у него, кто это такая, и он коротко ответил: «Модель».

– А кто здесь директор и где его кабинет? – поинтересовался я, на что мой спутник ответил, что директрисы сейчас нет. Он добавил, что она модельер и в прежней жизни была испанкой, а перед ней директором был один француз, в прошлом бизнесмен. Но сейчас он пошел на повышение, и здесь его тоже нет.

Мы подошли к указанной двери, и Самуил тихо постучал. Нам отворила женщина ослепительной красоты в модном купальнике. Я – скульптор и уж в женской красоте кое-что смыслю. Надо же, какой молодой и красивой ушла эта женщина из земной жизни, подумал я и тихо поделился этой мыслью с Самуилом.

Мы поздоровались, прошли в комнату, которая оказалась уборной Лауры (так звали объект воздыхания моего ангела), и только после этого Самуил тихо шепнул мне, чтобы я не сокрушался, ибо из жизни Лаура ушла в весьма преклонном возрасте, а здесь, по ее просьбе, Господь вернул ей молодость на вечные времена.

– А внизу она тоже работала топ-моделью? – поинтересовался я.

– Вовсе нет, – лукаво ответил Самуил, – она была инженером в лесном хозяйстве.

– С такой-то внешностью?.. – недоверчиво спросил я.

– Внешность у нее была просто смазливая, а здесь Бог, как видишь, сотворил чудо, сделав ее красавицей.

– И за какие же заслуги в прошлом или настоящем? – не без иронии поинтересовался я.

– Именно в прошлом, – подчеркнул он, – ибо жизнь на Земле она прожила истинной праведницей, что с ее внешностью было совсем непросто. Хотя не могу сказать, что в личной жизни ей очень повезло. Но это длинный разговор, да и ненужный. Нам, мужчинам, не подобает судачить о чужой жизни, тем более, если это жизнь женщины.

Все это мы говорили вполголоса, почти шепотом, пока Лаура наводила порядок в комнате, усаживала нас и пыталась завязать светский непринужденный разговор. Она одела светло-сиреневую блузку с кружевным воротником и золочеными пуговицами и ярко-красную миниюбку, усадила нас на диван, сама села в кресло и, поджав под себя ноги, произнесла:

– Ну, что ж, давайте знакомиться. – И обратилась ко мне: – Я – Лаура, а как зовут вас?

Я назвался и Самуил добавил: «Скульптор».

– Скульптор? – переспросила она. – Ну, если вы художник, вас должен заинтересовать показ наших мод. Через сорок минут он начнется, и мне тоже надо будет готовиться к выходу.

Самуил поспешил заверить ее в том, что мы ее долго не задержим, что Рафи, то есть я, прибыл пару дней назад и сейчас знакомится с нашим миром и что его, Самуила, председательствующий собрания определил сопровождать меня на этом пути.

– Главный собрания все еще Гавриил? – как бы между прочим спросила она у Самуила.

– Он самый, хотя на последнем голосовании он набрал гораздо меньше голосов, чем в прошлый раз.

– А ты участвуешь в голосованиях? – продолжала интересоваться Лаура.

– Почти всегда. В этот раз тоже я, конечно, отдал свой голос за него. Лучшей кандидатуры, чем Гавриил, я пока не вижу.

– Ну, ладно, – вдруг перевела разговор Лаура, – вопросы правления пусть остаются в правлении. Мы тут живем своей жизнью и, в общем, далеки от всего этого. – Она повернулась ко мне: – Расскажите лучше, каковы ваши впечатления о нашем мире и нашем слое?

Признаться, я не ожидал такого вопроса и поначалу даже замялся, не зная с чего начать. Но потом подумал, что такой вопрос

мне могут задать и на судилище, так что хорошо бы проработать его сейчас.

– Знаете, – начал я, – я побывал пока только в трех слоях, и Самуил выбирал для ознакомления объекты, близкие к моей профессии. Но здешняя жизнь мне понравилась, хоть и видел я ее очень поверхностно. Первое, что мне бросилось в глаза, – это души. Души здесь прекрасные. Никакого сравнения с земной жизнью. Там все так намешано...

– Не забывайте, – вдруг прервала меня Лаура, – что вы находитесь в раю. Естественно, что и души здесь райские.

– Вот-вот, – продолжил я, – именно об этом я и говорю. А что касается квалифицированности труда, то там, на Земле, такого нам и не снилось.

– Именно для того мы и работаем здесь, чтобы им на Земле все это снилось и чтобы на основе информации, которую они получают от нас во сне, они могли постоянно совершенствовать свою материальную жизнь, – сказала с улыбкой Лаура, явно довольная своим резюме.

– Кстати, о материальности, – улучив момент, продолжил я. – Меня мучают противоречивые чувства: живу я здесь с полным ощущением материальности, хотя знаю, что Параллельный мир иллюзорен и что населяющие слои люди – не люди, а их души, что дома, города, природа – не что иное, как иллюзия материального мира, которого с Земли не видно...

– Но ведь и мы не видим их... – прервала она меня. Но тут, в свою очередь, ее прервал Самуил и раздраженно сказал:

– Рафи! Но мы же уже обсуждали этот вопрос, и я объяснил тебе, что это на Земле все иллюзорное и ненастоящее, а здесь как раз истинное! Почему ты никак не можешь понять это и смириться?!

– Не кипятись, Самвел, – мягко прервала Лаура своего друга. – Сам же сказал, что должен сопровождать и знакомить Рафи с нашим миром. – И, обращаясь ко мне, произнесла:

– Вы должны понять главное: мы первичны хотя бы потому, что воплощаем саму идею Творца. А жизнь на Земле – это всего лишь реализация этой идеи в пространстве. Если вы это поймете, у вас все встанет на свои места. Да, мы – души, мы не едим, не пьем, не производим себе подобных, не наслаждаемся сексом, так как тут его нет вообще. Но мы и не умираем, не стареем, не болеем и имеем куда больше материальных наслаждений. И главное из них – прямое общение с Богом. Это и есть главная награда в человеческой судьбе.

Объяснение Лауры звучало гораздо логичнее и убедительнее, чем выкладки Самуила. Я сказал об этом, искренне поблагодарив умную и приветливую красавицу.

Она попрощалась с нами, так как приближалось время ее выхода на подиум и ее уже ждали в пошивочной мастерской. Мы же направились в демонстрационный зал, где народу набилось до отказа. Души сидели, стояли, полулежали, только не летали. По пути Самуил не то в шутку, не то всерьез шепнул мне:

– Смотри, не вздумай отбить ее у меня!

– Да ты что?! – возмутился я.

– Да, да, я видел, как она смотрела на тебя! Да и ты хорош, глазки свои не опускал и бесстыдно пялился на нее. А в конце еще и комплимент какой выдал!

– Самуил! – возмутился я так, что даже перешел на армянский язык: – Ты посмотри на нее и на меня: высокая, молодая, красивая женщина. Я же старик, коротышка, а рядом с ней вообще карлик. Даже если бы я и был ловеласом, на что, в конце концов, я мог бы рассчитывать? К тому же ты знаешь, что я только и живу надеждой встречи со своей женой.

– Только это меня и успокаивает. Ну ладно, не принимай всерьез, я пошутил, – сказал он примиряюще.

– Ничего себе шуточки! От таких шуток назад на Землю захочется.

Так разобравшись во всем, как два крутых мужика, мы заключили мир и уселись на галерке на двух специально принесенных для нас стульях.

Приготовившись смотреть шоу Параллельного мира, я внимательно разглядывал демонстрационный зал. Наконец заиграл оркестр, и начался показ мод. Каждая модель освещалась каким-то особенным, льющимся сверху светом, и проход по подиуму напоминал скорее плавание, чем ходьбу.

Моделей было много, а нарядов еще больше: от максимально открытых пляжных костюмов до скафандров космонавтов и водолазов. Я постоянно дергался, поворачивая голову то направо, то налево, и был буквально ошеломлен увиденным. Самуил реагировал на происходящее гораздо спокойнее, видно, не раз присутствовал на таких демонстрациях. Когда мое внимание привлек парень в разноцветном, похожем на наряд клоуна костюме, я спросил у моего ангела:

– А это зачем?

– Здесь ведь разрабатывают моду не на одно столетие. Возможно, художник-модельер предполагает, что в двадцать втором

или двадцать третьем веке люди будут носить именно такую одежду.

– Не дай Бог, – как бы про себя заметил я.

– Бог на этом поприще дает людям полную свободу, – улыбаясь, сказал Самуил. – Впрочем, не только на этом. Полной свободой выбора он наделил всех людей.

– Потому они и развели такой бардак, – пробурчал я, вспомнив накопившиеся за жизнь недовольства.

– А вот это уж не Его вина: что заслужили, то и получили. Человечество само себе вредило, начиная с Адама и Евы.

– Увы, это так, – вынужден был согласиться я.

– Кстати, Рафи, ты не забыл, нас ждет Татьяна в гости.

– Какая Татьяна?

– Э-э-э, парень! Да у тебя короткая память! Татьяна-ткачиха приглашала нас к себе, когда мы были на фабрике ковров, и ты, как мне помнится, был очень рад этому приглашению.

Конечно, я тут же все вспомнил, и как только закончилась демонстрация мод, мы осторожно протиснулись сквозь толпу душ и направились в гости.

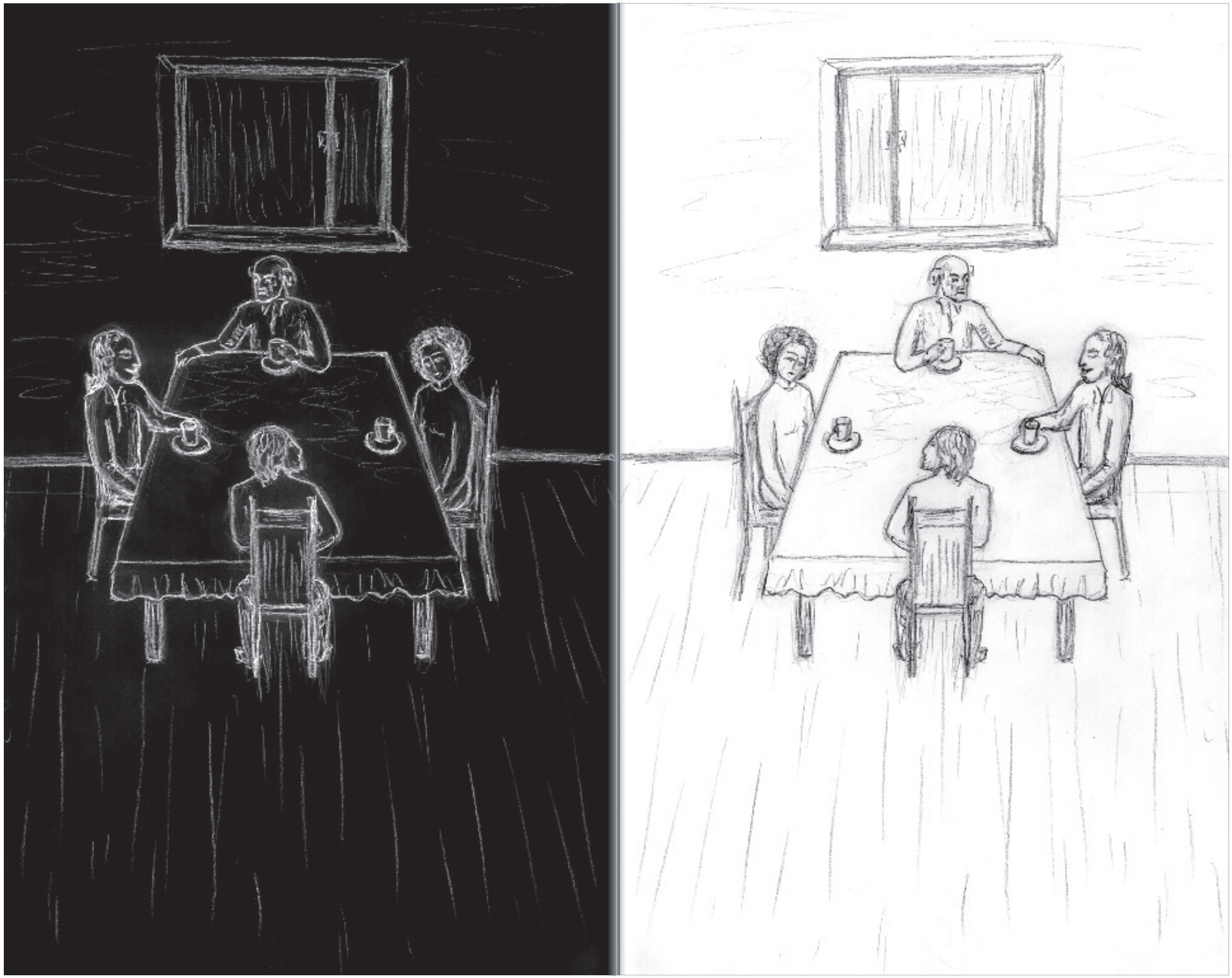
К Татьяне мы пришли довольно поздно. Хозяева уже успели отдохнуть после работы и рады были провести остаток вечера с нами. Мужа Татьяны звали Артур, и, как выяснилось из разговора, оба они были родом из Ростова-на-Дону. Артур прожил долгую жизнь и даже после смерти Татьяны снова женился, но в каждой своей молитве умолял Господа по завершении земной жизни позволить ему встретиться с Таней, чтобы уже никогда с ней не расставаться.

До Всевышнего его молитва дошла, и Он пошел ему навстречу. Более того, дал ему такой возраст, что теперь они вместе смотрятся просто замечательно. Татьяна ведь умерла от неизлечимой болезни сравнительно молодой.

Когда хозяйка постелила на стол чистую скатерть и поставила на нее кофейный сервиз, я подумал: «Зачем это? Мы же здесь не земной жизнью живем, поэтому еда и питье тут не предусмотрены». И когда она придвинула ко мне чашку с блюдцем, я не выдержал и спросил:

– Таня, для чего это? Мы же – души людские, а не сами люди. И хотя облик у нас человеческий, мы не приспособлены ни есть, ни пить.

– Правильно, – ответила она, – поначалу и я так думала. А вы возьмите чашку, представьте себе, что в ней горячий кофе со сливками и с сахаром, и поднесите ее ко рту.



Я сделал, как она сказала, и снова был поражен, так как ощутил во рту замечательный вкус ароматнешего кофе! Я пил и пил, не в силах остановиться и произнести хоть слово. И лишь когда мне показалось, что я напился, я перевел дух и спросил у Самуила:

– Ты знал об этом?

– Конечно, знал, – ответил он.

– Что же ты раньше мне ничего не сказал?

– Да как-то не представлялось случая, – лукаво поглядев на меня, сказал мой спутник.

– Я тебе этого никогда не прощу, – одними губами по-армянски прошептал я ему. В ответ он только улыбнулся.

Весь вечер мы провели в дружеской беседе с Таней и Артуром. Вспоминали наших близких, оставленных на Земле. Мы говорили о них без тени скорби, ибо, в отличие от них, знали, что ждет каждого после жизни на Земле. Меня, конечно, интересовало, видел ли кто-либо из моих собеседников Иисуса Христа. Выяснилось, что однажды видел его только Самуил и даже задал ему вопрос. Оказалось, что такое право дано даже не каждому праведнику, не говоря уже о раскаявшемся грешнике, и что заслужить это право можно, но надо изрядно постараться. Я также спрашивал их о судилище – как оно выглядит и как проходит суд. Артур ответил, что для него и для Тани оно и выглядело, и проходило по-разному и что у каждой души ощущение от него разное. Еще меня интересовало, можно ли ходатайствовать перед Господом о своих близких, еще живущих на Земле, чтобы грехи их, вольные и невольные, были прощены. Оказалось, что возможность такая есть всегда, но на судилище все равно каждый будет отвечать перед Ним только за самого себя.

Поздно вечером, попрощавшись с хозяевами и поблагодарив за гостеприимство, мы с Самуилом направились в свое временное жилище.

Улицы были пустынны, и мы медленно и долго вышагивали по ним, размышляя каждый о своем. Так закончился третий день моего пребывания в Параллельном земному нематериальном и в то же время настоящем мире.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Проснувшись утром, я уже знал, что нахожусь в следующем слое Царствия Небесного, еще ближе к Господу Богу. Раньше я и не подозревал, что рай многослоен, но все же был уверен в том, что уравниловки здесь быть не может. Я видел, что есть просто чистые души, а есть кристально чистые, например, моя жена. Разве они могут стать одинаково близкими к Богу? Такого не может быть хотя бы потому, что в этом нет логики. А Создатель Вселенной, должно быть, обладает очень логичным разумом. Сказано ведь в Писании: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». И теперь я убедился в правоте своих размышлений.

Самуил еще дремал, посапывая во сне, я же тихо поднялся, стараясь не нарушить его сна, и выглянул в окно. Ба-а-а! Одни пустыри! Странно! И где же мы оказались, невольно пробормотал я себе под нос.

– Нигде и везде, – услышал я голос Самуила и, повернувшись к нему, увидел его саркастическую улыбку.

– Чем ближе к Нему, тем дальше от интеллигентиков, – продолжал язвить он.

– Чем это интеллигенция тебе так досадила?

– Ничем, я просто шучу, – примиряюще сказал он и сладко зевнул.

– Хочешь анекдот?

– Давай.

– Один еврей спрашивает у другого: «Хаим, почему у тебя изо рта так плохо пахнет?» А Хаим отвечает: «Да мне же в душу насрали!»

Самуил долго трясся в беззвучном смехе. Потом вытер выступившие слезы и весело сказал:

– Развеселил ты меня. Но хватит бездельничать! Пора нам и за дело браться. А дел у нас с тобой сегодня много.

– Ты сначала скажи, где мы? – настаивал я.

– На опытных сельскохозяйственных полях. Конечно, ни тракторов, ни комбайнов ты здесь не увидишь, так как они тут не нужны. Сельскохозяйственные машины у нас создаются в проектных организациях, целые институты работают на эту отрасль. Да и не только на эту. Ученые проектируют все – от машин, исследующих глубины океанов, до ракет, исследующих

бесконечность космоса. Но создавать их нам ни к чему. Этим занимаются земляне.

– А когда бывают аварии, несчастные случаи с людьми, ваши институты несут за это какую-нибудь ответственность?

– Нет, не несут.

– Почему?

– Потому что наши институты работают безошибочно. Они – от Бога. И посылают на Землю тщательно отфильтрованные мысли. А земляне, вместо того чтобы хорошенько прислушаться и семь раз отмерить, прежде чем один раз отрезать, торопятся. Стараются обогнать друг друга в погоне за материальной выгодой или политическими дивидендами. А иногда вообще приурочивают выпуск техники к какой-нибудь знаменательной дате, как это делали в бывшем Советском Союзе. В суете они забывают о главном и совершенно не заботятся о безопасности человека, обслуживающего эту технику. И что же? Результат всегда налицо, и ты сам это прекрасно знаешь: бесконечная череда драматических событий с людскими жертвами. Многие прибывают сюда совершенно не готовыми к вечности.

– Раз уж мы заговорили о вечности, я бы хотел, Самуил, чтобы ты побольше рассказал мне об этом. Что такое вечность?

– О-о-о, Рафи! Так мы можем застрять здесь надолго. Эта тема непростая, и в двух словах ее не раскроешь.

– Ничего, я согласен. Для меня это важно, – ответил я.

– Ну, будь по-твоему. Рано или поздно, но мы к этому разговору все равно должны были прийти. Так что пусть он состоится сейчас, может, оно и лучше.

– Тем более, – дополнил я, – что в сельском хозяйстве я ровным счетом ничего не понимаю и никогда им не занимался. Если мы увидим здесь меньше, чем запланировано, потеря будет небольшая, во всяком случае, для меня.

– Дело не столько в самом сельском хозяйстве – всяких там яровых-озимых. Просто я хочу познакомить тебя с интересными душами, а это уже важно как для тебя, так и для меня. Но думаю, что сегодня мы успеем и то, и другое. Так что давай начнем с вечности.

На секунду задумавшись, Самуил начал:

– Итак, вечность. Ее, как и бесконечность, человеку трудно себе представить. Ведь с самого нашего рождения и до самой смерти мы видим, что все окружающее нас живое и неживое, в конце концов, стареет, изнашивается и исчезает. Это – неотъемлемое свойство материи. Мы видим это на Земле, мы видим это

во всей Вселенной. Тухнут звезды, исчезают планеты и даже целые галактики. Но все это справедливо лишь для материального мира. А тот мир, в котором мы с тобой сейчас находимся, состоит не из атомов, и в нем действуют совсем другие законы. Проводить какую-нибудь аналогию с материальными объектами просто невозможно.

Если я тебе скажу, что золото как благородный металл не поддается разрушению в течение сотен тысяч лет, то ты мне возразишь, что оно тускнеет. И правильно. Поэтому о вечности нельзя говорить, оперируя земными понятиями. И если в мире материальном ничто не вечно, то в мире Параллельном вечен сам Творец, а значит, вечны и Его замыслы. Мы с тобой – тоже Его замыслы и, по Его велению, можем стать вечными или исчезнуть из Его мира...

– Но нас даже в школе учат, что материя никуда не исчезает, а только переходит из одного вида в другой, – перебил я Самуила. – А что происходит здесь, когда, как ты говоришь, Бог не милует вечностью?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю. Я не ученый. Хотя случалось и мне видеть, правда, крайне редко, как ангелы исчезали безвозвратно. Но для этого надо очень уж постараться, чтобы так разгневать Господа. Повторяю, таких случаев я знаю единицы.

– Ну, хорошо, – не отставал я, – а чем душа может заниматься здесь вечно? Вечно – это же не сто, не двести или триста лет, это же тысячелетия и тысячелетия! Разве она не устает? Разве не может ей все стать безразличным? Если душа живая, для нее такая усталость естественна, как и для всего живущего – независимо от того, в материальном мире оно находится или в Параллельном ему.

– Хороший вопрос и нужный вопрос, – просиял Самуил. – Конечно, устает и еще как устает! И здесь она может испытать как депрессию, так и вдохновение. И здесь, как говорят о нас на Земле, крылышки у нее распрямляются и складываются. Это действительно естественно для всего трудящегося мира, а мы ведь – души трудящиеся. Да, да, конечно, только по собственному желанию, но, тем не менее, все мы тут трудимся, а значит, и устаем от впечатлений, от напряжения, от движения к той или иной поставленной высокой цели. И подобно тому, как по истечении определенного срока люди уходят в отпуск, так и здесь душа может попросить у Господа временного консервирования. При этом она сама указывает, какое время хочет быть выключенной из текущей здесь жизни (сам понимаешь, на рыбалку мы не ездим).

– Как это – «временного консервирования»? И где она находится во время этого консервирования?

– Нигде, – ответил ангел. – Она просто отсутствует до того времени, когда Всевышний заново вдохнет в нее жизнь.

– Подожди, подожди, Самуил! Не гони. Тут что-то не стыкуется! Ты говоришь, что, с одной стороны, она нигде не находится, а с другой стороны, что она просто отсутствует до того момента, когда Бог заново вдохнет в нее жизнь. Но во что, в какое место Всевышний вдыхает жизнь?! Наверное, в какое-то определенное место? Так, значит, душа все-таки где-то находится все это время? А иначе в твоих словах нет никакой логики! Или я не прав?

– Прав, конечно, прав! Просто я не хотел раскрывать тебе все до конца, заранее зная, что ты будешь проситься посмотреть это хранилище.

– Какое хранилище?

– Хранилище душ, – не без гордости произнес Самуил.

– Господи, Самуил, ну хоть расскажи, как оно выглядит, если я сам не могу его увидеть! – взмолился я.

– Ничего особенного в нем нет, говорят, что хранилище это чем-то напоминает ваши музеи восковых фигур. Только охрана там ужасно строгая, и доступ туда почти невозможен.

– Прости! А кому, кроме Творца, открыт вход в хранилище?

– Так я и знал, что ты начнешь приставать ко мне с этим!

– Ну, я же только спросил! Сам-то ты когда-нибудь там был?

– Да ты что?! Кто я такой, чтобы посещать хранилище душ? Я всего лишь командированный ангел, и до ангела-мыслителя мне ох как далеко. Хранилище душ могут посетить Сам Иисус Христос и его апостолы, а также, как исключение, Святая Мария. Вот и все. И давай закроем эту тему. У нас с тобой много дел запланировано, а время бежит, надо все успеть. Мне же потом отчитываться придется.

– Тебе?! Перед кем?

– Как перед кем? Ну, ты даешь! Ты думаешь, что мы тут неподотчетны? А-ля свободные художники? Нет, братец. Здесь свой порядок и дисциплина, а не хочешь этого придерживаться, уходи из ангелов и иди в рядовые души. И никто с тобой церемониться не будет.

С этими словами мы вышли в поле. Погода была отменная, как на заказ. Солнце светило ярко, но жары не ощущалось, на траве лежала утренняя роса. Воздух был кристально чистым, во всем ощущалась несравненная ни с чем свежесть. Вдали виднелись дома, похожие на крестьянские избы, но в них снова чего-то не хватало. Приглядевшись, я понял: на крышах опять не было труб. Понятно, отопление здесь не нужно – души обогреваются изнутри. Возле изб красовались подстриженные декоративные кусты, блестели вычищенные дорожки, к окнам тянулись розы. Глядя на это, я представил себе, какое благоухание должно быть в самих домах. В таких условиях, пожалуй, никто не откажется от вечной жизни.

На полях то тут, то там виднелись согнутые людские фигуры. Что именно они делали, издалека было не разобрать. Женских фигур было больше, чем мужских. Я спросил у Самуила:

– А сколько часов в день трудятся здесь души крестьян?

Он улыбнулся наивности моего вопроса и ответил:

– Во-первых, те, кого ты видишь, это не только крестьяне, а во-вторых, здесь каждый трудится в меру своих сил. Никто не хочет жить, не принося пользы человечеству. Несознательных здесь нет. Да и быть не может. Не забывай, что рай существует для праведников.

– Хорошо, что ты затронул эту тему. Я давно хотел тебя спросить...

– Ну, вот, – с пафосом произнес Самуил, – опять начинается философия! Может, хватит?

– Нет, серьезно, Самуил! Меня давно интересует судьба раскаявшихся грешников, чьи души спас Бог. Ведь при жизни они могли совершить серьезные преступления. Они что – тоже здесь?

– Здесь, но в отдельном слое, среди себе подобных, – коротко отрезал Самуил и недовольно замолчал. Но затем, после некоторой паузы, добавил: – За редким исключением.

– Самуил, последний вопрос? – просительно протянул я.

– Нет! Все!

– Ну, самый последний вопросик?

– Господи! Как ты мне надоел! Я тебе не верю.

– Даю слово.

– Не верю!

– Самуил, слово чести, самый что ни на есть последний вопросик.

– Господи Иисусе! За что мне такое наказание? Матерь Божья, Святая Мария! Хоть Ты заступись за меня. Ты же видишь, связываться с интеллигентами – сущая пытка, а с художниками – пытка в квадрате, – воздев руки к небу, с пафосом закончил свой монолог Самуил.

– Я еще и скульптор, – не преминул съязвить я.

– Тогда в кубе, – поправился Самуил. Но увидев, как я трясусь от смеха, миролюбиво закончил: – Ладно, валяй.

– Ты сказал, что души раскаявшихся больших грешников бывают спасены, но находятся в отдельном слое среди таких же грешников, за редким исключением.

– Ну?..

– А хочешь, я назову это исключение?

– Откуда ты можешь это знать?! Ты же здесь недавно.

– А вот знаю.

– Ну, назови.

– Этим исключением стал один из двух злодеев, распятых и висевших по обе стороны от Христа на Голгофе. Ведь сказал же Он одному из них: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

– Верно! Действительно так! Но как ты до этого додумался?! – изумился Самуил.

– Знаешь, я давно об этом думаю.

– А какой же у тебя вопрос?

– А вопрос такой. В Библии не сказано, за какие злодеяния был распят этот человек. Сказано только, что он был разбойником. Лично я думаю, что распяли его не за карманную кражу. Из истории известно, что в ту эпоху римляне распинали тысячи непокорных им людей и никогда их не хоронили. Но эти двое распятые с Иисусом были не повстанцами, иначе в Писании их так бы и назвали. Они были разбойниками, у которых на счету, возможно, была не одна человеческая жизнь. На Руси их называли душегубами. И что же получается? В нужный момент оказался распятым на кресте рядом с Господом, покаялся за свои грехи, пожалел Его самого, ибо знал, что на Иисусе не было никакой вины и, получив от Него отпущение грехов, сразу оказался с Ним в раю? Это везение или закономерность?

– Ничего себе вопросик, – почесав за ухом, хмыкнул Самуил. – Не вопрос, а целый вопросище на полдня. – И после некоторого раздумья вдруг спросил:

– Как ты думаешь, Рафи, если бы ты был распят на кресте, о чем бы ты думал в ожидании смерти?

– Трудно сказать... Как-то не представляю себя распятым.

– А все-таки?

– Ну, наверное, проклинал бы всех и вся и в первую очередь тех, кто вверг меня в такие мучения.

– Даже если бы знал, что за тобой числятся немалые злодеяния?

– Наверное, да, – подумав, сказал я. – Такова человеческая натура. Когда мы страдаем, мы думаем только о своих страданиях – как физических, так и душевных.

– Вот! Фактически ты сам и ответил на свой вопрос. А тот, распятый вместе с Иисусом, испытывая нечеловеческие муки, нашел в себе силы пожалеть Христа. Заметь, даже не зная наверняка, что перед ним Господь. И Иисус понял, что злодей не просто раскаялся, а полностью переродился.

Мы шли по узкой тропинке, приближаясь к одной из работавших женщин. Она была одета в светлую блузку с короткими рукавами и длинную широкую серую юбку, а на голове был платок с синей каймой. Лицо и руки женщины были покрыты густым загаром. Увидев нас, женщина разогнулась и помахала одной рукой, держа в другой какие-то зерна.

– Бог в помощь! – сказал Самуил.

– Бог действительно помогает, здравствуйте! – ответила она.

– Вы здесь недавно? Что-то я вас раньше не видел, – продолжал Самуил.

– Да, недавно, пятую неделю.

– Ну и как?

– Да ничего – работа привычная и жилье рядом, – она показала в сторону изб.

– С кем-нибудь или одна?

– Нет, одна. Немного тоскливо, но ничего, души здесь славные, скучать не дают.

– Поначалу все такое испытывают, как только сопровождающий ангел расстается с ними, – поглядев на меня, сказал Самуил.

– Вот-вот, – сказала женщина, – моим ангелом была очень обаятельная девушка, но улетела по своим делам, пообещав, что еще навестит меня. Мне бы этого очень хотелось.

– Ну, раз обещала, значит, так оно и будет. Мы, ангелы, слов на ветер не бросаем, – оттопырив нижнюю губу, с важным видом изрек Самуил.

– А ваш спутник тоже ангел? – вдруг спросила женщина.

– Нет, он прибыл недавно и сейчас знакомится с нашим миром перед судилищем.

– И тоже раньше работал в сельском хозяйстве?

– Нет, нет! Совсем в другой области, – возразил Самуил и добавил, обращаясь ко мне: – Представься, Рафи!

– Рафи Раздан, скульптор и художник, – произнес я.

– Очень приятно, а я – Оксана.

– Ангел Самуил, – представился мой спутник, и мы оба пожали протянутую Оксаной руку.

– А что вы сейчас делаете? – спросил я.

– Тут проводится интересный опыт с зеленой стручковой фасолью. Прежде, в той жизни, я такого не встречала. Посмотрите, какие зерна, – и она открыла ладонь, на которой лежали крупные зерна фасоли. – Видите, какие они большие и красные? Похоже, это морозоустойчивый сорт. Как только подойдет наш академик, хочу с ним об этом поговорить.

– А кто ваш академик? – спросил я.

– Вавилов.

– Как? Тот самый Вавилов?!

– Именно тот самый, – сказала, расплывшись, в улыбке Оксана, явно довольная произведенным ее словами эффектом.

– А где он сейчас? – оправившись от смущения, спросил я.

– Вон в том домике, – указав рукой на самую маленькую избушку, ответила Оксана.

– Наверное, пишет научную статью?

– Может быть. Но к полудню он всегда выходит в поле, – продолжая улыбаться, объяснила она.

Я шепнул Самуилу на ухо, что хотел бы с ним познакомиться, на что он, даже не глядя в мою сторону, вполголоса невозмутимо произнес:

– Для этого я тебя сюда и привел.

Мы вежливо попрощались с Оксаной и чинно направились в сторону указанного домика. Правда, я с трудом сдерживал себя, чтобы не пуститься бегом и не проявить неуместное ребячество.

На наш стук старческий голос ответил из глубины избушки: «Смелее! Заходите!»

Самуил отворил дверь. В дальнем углу довольно большой комнаты за столом сидел глубокий седой старик с широкой окладистой бородой и что-то писал. Я подумал: типичный образ мыслителя: хоть бери и пиши с него портрет – шедевр гарантирован. Академик, не поднимая головы, жестом показал на диван, промолвив: «Садитесь». Мы послушно сели и молча посидели минут пять. Все это время Вавилов даже ни разу не взглянул в нашу сторону. Я оглянулся вокруг, одновременно держа под наблюдением и его самого.

Домик состоял из одной просторной комнаты и прихожей. Мебель была крайне скромная: стол, четыре стула, книжный шкаф, до отказа набитый книгами, платяной шкаф и двуспальная широкая кровать. Ну и, конечно, диван, на котором мы сидели.

Да, подумал я, чем интеллигентнее и мудрее человек, тем меньше ему надо.

В комнате было светло и чисто, хотя женской руки не чувствовалось. Там, где есть женщина, всегда уютно: подушечки, вышивки, безделушки. В общем, непременно что-то от семейной эстетики. У подавляющего числа мужчин тяга к этому полностью отсутствует. Их, как правило, интересуют работа, политика, футбол, ну и, разумеется, женщины. Поглядев на просторную кровать, я подумал: если у него никого нет, зачем ему двуспальное ложе. Но тут же отогнал эту мысль, поймав себя на банальном мещанстве, и вспомнил, как один земляк случайно переиначил пословицу «на чужой каравай рот не разевай»: «на чужой карават рот не разеват».

И только я собрался было зевнуть, как старик поднял голову и внимательно, чуть прищурив левый глаз, посмотрел на нас.

– С кем имею честь, господа? – наконец произнес он.

– Я – ангел Самуил, а он недавно прибыл сюда из Эстонии, всю жизнь мечтал с вами познакомиться.

Надо же так врать, подумал я, а еще ангел! Самуил метнул на меня убийственный взгляд, словно прочитав мою мысль. Я же и бровью не повел, продолжая невозмутимо сидеть.

– Очень приятно, – промолвил академик, – вы уж извините, что заставил ждать. Но у меня очень важная статья. Недавно мы провели интереснейший и многообещающий опыт, надеюсь отослать статью вниз, конечно с Его согласия. Думаю, что человечеству результаты наших поисков понадобятся. А о вас, – обратился он к Самуилу, – я слышал. Слух о вас прошел и в нашем слое. Говорят, вы очень энергичный и деятельный ангел и даже на хорошем счету у Всевышнего.

Краем глаза я увидел, как физиономия моего спутника порозовела от удовольствия и как он стыдливо опустил глазки.

Надо же, подумал я, сама скромность. Но, видимо, Самуил уже хорошо узнал меня и без труда угадывал ход моих мыслей, потому что я тут же услышал почти гневное шипение: «Да отвяжись ты от меня!»

– Простите, господин Вавилов, – обратился я к академику, – а не расскажете ли вы нам, в чем суть этого эксперимента со...

– Со стручковой фасолью? Я работаю с бобовыми культурами. Вы тоже были связаны с сельским хозяйством?

– Нет, нет, – поспешил заверить я его, – я совсем из другой области.

– Значит, вы не селекционер?

– Он скульптор и художник, занимается живописью, пишет маслом, а также работает в графике, – неожиданно подробно отрекомендовал меня Самуил.

– Ах, вот как! Это уже интересно. Художников нечасто встретишь в нашем слое.

Пришел мой черед стыдливо опустить глазки. Самуил злорадно посмотрел на меня и красноречиво хмыкнул.

– Я очень люблю искусство, особенно импрессионистов: Ван Гога, Гогена, Ренуара. Из скульпторов во времена моей молодости большой популярностью пользовался Роден. Интересно, а кто сейчас самый известный скульптор в мире?

– Думаю, английский классик Генри Мур, – предположил я.

– А в каком стиле он работает?

– О-о! В стиле, сильно отличающемся от стиля Родена. Он скорее абстракционист. Его скульптуры – лишь намек на реальную натуру, но форма очень интересная.

– Абстракция? Вот чего не понимаю, так не понимаю. Но как ученый знаю, что у каждой эпохи свои герои, свои авторитеты и свои художники. Это закономерный процесс развития человечества.

– Полностью с вами согласен, – с облегчением выдохнул я и, чуть помедлив, добавил: – Господин Вавилов! Можно вам задать один интересующий меня вопрос?

– Буду вам признателен.

– В чем была суть разногласия между вами и Лысенко?

– О-о, это было так давно... Я многое уже позабыл.

– А здесь вы продолжаете с ним спорить?

– Я здесь очень давно, но мне ни разу еще не довелось с ним встретиться. Может быть, его поместили в другой слой? Не знаю. Признаться, я и не жажду этой встречи.

– Так в чем все-таки была суть ваших разногласий? – напомнил я.

– Я считал, что за наследственность у растений и у животных отвечают гены, и пытался установить их. Моя теория не устраивала правительственные круги с их коммунистической идеологией. Тогда меня и сделали врагом народа, да не меня одного. А теория Лысенко вполне устраивала руководство. Я утверждал, что случайное появление (тогда я не мог сказать, что все от Бога, – меня тогда сразу бы расстреляли) в природе более стойкого, более приспособленного к условиям вида со временем может полностью вытеснить существующий вид. И пример этому есть. Археологи раскопали тысячелетние захоронения и обнаружили там кувшины с зернами пшеницы. Удивительно, но все зерна были без пленки, тогда как нынешняя пшеница вся в кожуре и поэтому более стойкая к климатическим изменениям. Лысенко отрезал хвост у мыши и у двадцати шести последующих поколений, ожидая увидеть в конце концов мышь, родившуюся без хвоста. Странный человек. Хвост мышке нужен. Бесхвостая мышь слабее хвостатой и не имеет таких шансов на выживание. Зачем было мучить столько животных? Я ему так и сказал: «Зачем ты мучаешь бедное животное, когда в реальной жизни есть пример, исключающий твою теорию?» – «Какой?» – спросил он меня. – «Тысячелетиями девушки рождались девственницами, а выходя замуж, теряли ее. И, тем не менее, по сей день приходят в мир невинными». Да, странный человек.

Мы еще долго сидели у генетика, и он рассказывал нам об интересных экспериментах в этой области, засыпая нас незнакомыми терминами. А потом внезапно встал, глянул в окно и забеспокоился:

– Вот и день прошел. Скоро с поля вернется моя подруга, а я вас утомил своим разговором. Она всегда меня ругает. Говорит, стоит кому-то к тебе заглянуть, ты до смерти заговоришь человека и во второй раз он уже вряд ли повторит такую ошибку. Признаюсь, болтлив я стал. Внизу таким не был. Годы берут свое, да и пережитое сказывается.

Мы с Самуилом тоже встали, сердечно поблагодарили за теплый прием, извинились, что отняли у академика столько ценного времени, пожелали ему успехов в работе и счастья в личной жизни и, откланявшись, ушли.

Мне почему-то стало грустно. Я вспомнил, каким издевательствам подвергали генетику и ученых, защищавших ее. Где-то я прочитал, что место захоронения Вавилова до сих пор неизвестно. Потом вспомнил и про свою жизнь, в которой было не так уж много праздников. И если бы не жена, сынок и его семья, ее вообще вряд ли можно было бы назвать жизнью. Вспомнил маму и сестру, которых мне еще предстоит отыскать здесь. На глаза невольно навернулись слезы. Но стоило мне только шмыгнуть носом, как я услышал голос ангела Самуила:

– Э-э! Дружок! Ты чего? В раю так не принято. Все, что в прошлом было, сплыло. Осталось в земной твоей жизни. Здесь все по-другому, и тут нет места грусти. Разве ты не видишь, как все здесь счастливы? Брось, не думай о прошлом. И запомни: не будь у нас на Земле тяжкой доли, может, и не удостоил бы нас Господь счастьем оказаться здесь. Сейчас ты знакомишься с

этим миром и одновременно проходишь испытание. Только Богу известно, в какой слой Он тебя поместит. Чтобы попасть поближе к Нему, тебе надо стараться, а не хныкать, как сейчас. Так что держись, приятель. Будь мужчиной! Одним словом, ты меня понимаешь. Хвост морковкой!

Последняя его фраза меня развеселила. Я представил себе свою нематериальную душу с морковочным хвостом и невольно улыбнулся. Он тут же это заметил и сказал:

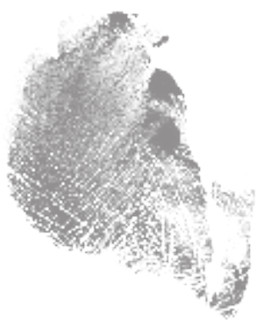
– Вот так-то лучше.

– Скажи, Самуил, а кто с ним сейчас живет – его жена из прошлой жизни или он тут кого-то нашел?

– Я, честно говоря, ничего не знаю о его жизни – ни о прошлой, ни о настоящей. Слышал только, что это очень интересный человек, вот и решил познакомиться с ним. Может, его земная жена, а может, он уже здесь с кем-то соединил свою судьбу. Такое тоже случается. Хоть и нечасто, но таких я встречал, – сказал Самуил.

Незаметно мы добрались до нашего жилища и, уставшие от дневных впечатлений, начали укладываться спать.

Я уже знал, что утром мы окажемся в следующем слое, но Самуил наотрез отказался сказать, в каком. В ответ на мои нетерпеливые вопросы он только твердил, что не имеет права этого говорить и не будет ради меня рисковать своим положением в Царствии Небесном.



ДЕНЬ ПЯТЫЙ. ПРОСВЕЩЕНИЕ

Первое, что я почувствовал, очнувшись после глубокого сна, – это атмосферу интеллигентности. Была полная тишина, снаружи не доносилось ни единого звука. Самуил внимательно разглядывал свое лицо в зеркале и приглаживал на голове остатки волос. Приподнявшись в кровати, я выглянул в окно и увидел бесконечные глухие стены домов, растянувшиеся на километры.

– Самуил! Мы где?

– Где, где, – пробурчал он себе под нос, – не будь я ангелом, я сказал бы тебе, где.

– Нет, я серьезно.

– В царстве книг.

– Как это?

– А вот так. Здесь только библиотеки и авторы произведений. Тебе это должно быть интересно. Давай поднимайся, лежебока.

Я мигом встал, привел себя в порядок и приготовился к разным впечатлениям, надеясь сегодня и что-то почерпнуть для себя, и одновременно проявить свою эрудицию.

– Самуил, я готов! – крикнул я.

В ответ опять послышалось бурчание: «Будь готов! Всегда готов!»

Я понял, что мой ангел не в духе. Очевидно, он не в восторге от этого слоя, но деваться некуда, поручение надо выполнять.

– Ладно, пошли, – наконец выдавил он из себя.

Мы вышли и направились к ближайшему дому. Подойдя к дверям, мой спутник произнес:

– Может, ты войдешь, а я тебя здесь подожду?

– Ну, ты даешь, Самуил! Да меня же тут никто не знает. Я даже не представляю, как себя вести с ними и о чем беседовать.

– Да и меня тут мало кто знает, а вести себя с ними надо уверенно, а то все они шибко умные.

– Самуил! Так не пойдет. Поручили меня тебе, так и не отлынивай, а иначе нечестно получается. В конце концов, я могу и пожаловаться на тебя.

– Так я и знал. Я думал ты мне друг, а ты...

– Я и есть тебе друг, – прервал я его, – а ты хочешь друга бросить в беде. По-твоему, это по-дружески, по-армянски?

– Какая же тут беда? Просто эта среда тебе гораздо ближе по духу, чем мне. Только и всего.

– Но, ведь и Бог благоволит к ним больше, чем к другим.

– Ничего подобного! – с жаром возразил он. – Бог благоволит к праведникам и скромным душам, а у них, у писателей, почти у всех остался снобизм и чванливость эрудитов.

– Тогда почему этот слой находится выше предыдущих?

– А он не выше. Просто по твоему графику ознакомления слоев он стоит в таком порядке. Слоев здесь гораздо больше, и все они на равном расстоянии от Всевышнего, потому что Он одновременно везде.

– А кто же находиться рядом с Отцом Небесным?

– Как кто?! Его единородный сын Иисус Христос с апостолами и с редкими счастливчиками, кого избрал сам Иисус.

С этими словами мы вошли в здание.

В читальном зале библиотекарша спросила нас, что мы хотим почитать и кого желаем увидеть. Я ответил, что здесь первый раз, а в прошлом меня всегда интересовала античная философия. Библиотекарша с улыбкой объяснила, что в этом зале представлен более поздний период человеческого прогресса, а период античности находится совсем в другом здании, до которого мы можем дойти за пару часов быстрой ходьбы.

Пока я разговаривал с дамой, Самуил стоял с отсутствующим видом и на мое предложение не идти, а лететь, чтобы сэкономить время для чтения и общения с авторами, скорчил гримасу и жестом предложил мне выйти на улицу. Ничего не понимая, я последовал за ним.

– Ты что, с ума сошел? – накинулся он на меня, как только мы вышли.

– А в чем дело? – ошеломленно спросил я.

– Как в чем? Здесь полет запрещен.

– Почему? – продолжал я недоумевать.

– Потому что здесь летают только мысли, и полет любого тела может сбить с толку их автора, – не столько сказал, сколько прошипел он. – А еще считаешь себя мыслящим человеком! Он, видите ли, увлекается античной философией, – насмешливо и даже несколько злобно закончил мой ангел-гид.

– Откуда мне было знать, что мысли ваши настолько ранимы, что даже душе взлететь нельзя! – взорвался я. – В прошлой жизни никакой «боинг» не мог разрушить стоящую мысль. Какие вы тут, однако, все нежные и хрупкие – того и гляди треснете, как яичная скорлупа! – почти выкрикнул я.

– Между прочим, ты тоже такой же нежный и хрупкий, как все мы, – язвительно заметил он.

Около двух часов мы топали в указанном направлении, не разговаривая и не глядя друг на друга. И только на подходе к зданию Самуил нарушил молчание и примиряющее произнес:

– Ладно, Рафи! Может, я и погорячился, но ты тоже тот еще перец.

Я продолжал молчать. Самуил посмотрел на меня испытующе и спросил:

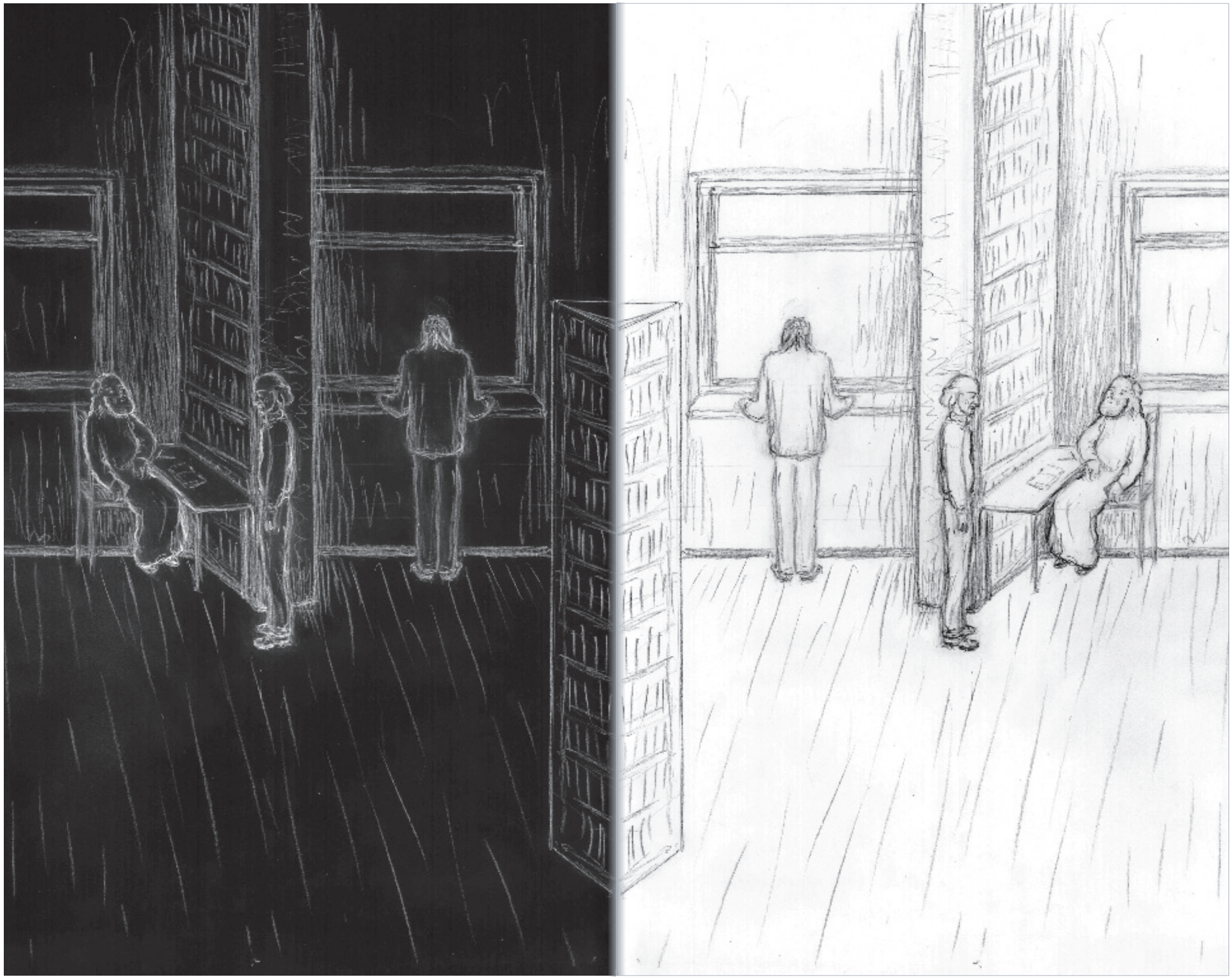
– Стучать на меня не будешь?

– За кого ты меня принимаешь? – бросил я сквозь зубы, всем своим видом давая понять, что он меня с кем-то путает. – Давай лучше проинструктируй меня, как мне себя вести с ними, что можно говорить, а чего нельзя, чтобы не допустить еще какую-нибудь оплошность, – уже более миролюбиво произнес я.

И Самуил уже более доверительным тоном признался мне, что слой этот никогда не был ему симпатичен, что он всегда просил комиссию не посылать его сюда, что перед посещением этих мест у него всегда портится настроение, что души тут обитают рафинированные и высокомерные, хотя в преданности Господу им не откажешь. В заключение своей исповеди Самуил признался, что будь его воля, он бы их всех хоть раз в неделю заставлял трудиться на опытных полях, чтобы они знали, каково живется трудовому народу.

Я напомнил ему, что такое уже бывало на Земле. Например, Мао Цзэдун именно так и поступил с китайской интеллигенцией в годы культурной революции, которая погубила тысячи инакомыслящих или вообще мыслящих людей. А он, Самуил, должен знать, что не подобает ему, ангелу, так мыслить и уж тем более – так поступать, а также иметь симпатии и антипатии к разным слоям Царствия Небесного. Ибо все они есть не что иное, как Божественный распорядок Параллельного мира, или, иными словами, рая для человеческих душ. Опустив голову, мой проводник всем своим видом давал понять, что полностью со мной согласен и даже несколько раскаивается.

В библиотеке мы сразу нашли отдел античной литературы, но читального зала в нем не было. Библиотекарша сказала, что книги выдаются только на дом. Мы выразили вежливое неудовольствие таким порядком, объяснив, что мы в этом слое не живем, а находимся временно, но она только развела руками, давая понять, что от нее ничего не зависит. Выяснив, что нас интересует, она указала на небольшой столик возле стеллажей с книгами, за которым, ссутулившись, сидел очень древний старичок. Это был Сократ.



Мы подошли ближе и поздоровались. Сократ поднял голову от книги и ответил на наше приветствие кивком головы. Я разглядывал его с большим любопытством. К моему удивлению, в чертах лица этого мыслителя не было никакой изысканности, и ничто не говорило о его элитарности. Наоборот, он выглядел простолюдином. Одет он был в традиционную для того времени одежду – длинный белый хитон, ниспадающий множеством складок. Голова его была лысая и вытянутая, а лицо обрамляла белая, как лунь, борода. Всем своим видом он напоминал стариков-крестьян времен Льва Николаевича Толстого.

– Позвольте к вам обратиться, господин Сократ, – сказал я.

– Просто Сократ, – тут же поправил меня философ, сделав отрицательный жест рукой, – я давно не господин. У нас в Афинах была такая демократия, которая последующим поколениям и не снилась!

– Извините, Сократ, – поправился я, – если вы не против, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

– Связанных с моей философией?

– И с ней тоже.

– Я многого уже не помню, ведь не одно тысячелетие прошло. Здесь на полках вы найдете все, что мои ученики записали с моих слов. Если интересуетесь, возьмите домой и почитайте. Только отметьтесь в регистратуре, а то бывали случаи, когда книги не возвращали.

– К сожалению, мы здесь мимоходом, завтра нас ждет другой слой, а мне еще надо связаться с некоторыми обитателями вашего слоя.

– Как ваше имя?

– Меня зовут Рафи Раздан, я – профессиональный скульптор.

– Это интересно, – как бы про себя заметил Сократ и, уже обращаясь ко мне, добавил: – Вы, наверное, знаете Поликлета?

– Конечно, – ответил я.

– Прекрасен его Дорифор. Я всегда любовался этим произведением. Идеальный спартанец.

– Да, но это уже – хрестоматия искусства. В мое время ваяли иначе. К тому же идеалы мужской красоты сильно изменились со времен греческой классики.

– Но, согласитесь, классика – всегда классика. На нее никогда не устаешь смотреть, она непреходяща.

– Совершенно с вами согласен. Но задача каждого художника – уловить дух времени и выразить его пластическим языком.

Двадцатый и двадцать первый века после Рождества Христова были не столь гармоничными, как период расцвета Спарты.

– Безусловно, – как бы размышляя вслух, задумчиво произнес древний философ. – И самое печальное, что эта гармония уже больше никогда, ни в какие иные времена, не повторится.

– Почему вы так думаете, осмелюсь спросить?

– Потому что материальный мир человечества все дальше и дальше уходит от великой идеи Вселенского Творца, и придет день, когда этот мир сам себя уничтожит.

– Господи! Сколько мрачности в вашем пророчестве!

– Я не пророчу, – с горечью сказал Сократ. – Это неумолимая закономерность всякого прогресса.

После некоторого молчания я прервал затянувшуюся паузу:

– Мне бы хотелось задать вам последний вопрос, давно мучающий меня. Конечно, если вы не против.

– Спрашивайте, не стесняйтесь, мне всегда нравилось размышлять.

– Из истории древней Греции я знаю, что отречению от своих идей вы предпочли смерть. И, даже выпив чашу с ядом, заявили, что смерть – это не что иное, как переход от одной жизни к другой. Так ли это?

– Именно так.

– Об этом я и хочу вас спросить, дорогой Сократ. Нам эту истину открыл Иисус Христос, единородный сын Господний, который ради нас, человечества, умер на кресте и на третий день воскрес, взяв на себя все наши грехи. Учение это сначала распространяли ученики Христа – апостолы: они ходили по миру и проповедовали. Потом они написали Евангелие. И уже два тысячелетия христианский мир знает о существовании Царствия Небесного и о том, что попасть в него после смерти может только тот, кто прожил свою земную жизнь по заповедям Учителя. А откуда эту истину узнали вы, если вы жили на Земле и умерли задолго до рождения Христа, в период язычества? Кто вам ее открыл?

– Видите ли, Рафи, о том, что иное измерение существует, люди догадывались и раньше, задолго до рождения Иисуса. Вспомните древних египтян. Они клали в захоронения усопших пищу и думали, что в ином мире она им понадобится. Они не предполагали, что в Параллельном мире нет места злу и иным порокам человечества и что тот, кто не понял этого в своей земной жизни, после смерти исчезнет бесследно. Я же пришел к этой истине путем логических размышлений: только человек из всего

живого мира на Земле имеет способность к прогрессу. За счет чего? Только ли за счет деятельности мозга? Но ведь мозг есть у всех – как у муравья, так и у слона. Но никого из них нельзя даже научить азбуке, не говоря уже о том, чтобы ее придумать. А человеческий ребенок уже в три-четыре года способен складывать из букв слова. Так что же за механизм здесь срабатывает? Какой химический элемент в нашем мозгу способствует зарождению разума? Конечно, этот элемент я не нашел, но понял, что он есть и что его назначение – работать на добро, на созидание, а не только способствовать выживанию и производству себе подобных. Этим могущественным элементом наделены только люди, и его ценность и значимость для рода людского трудно переоценить. Но неужели, думал я, весь накопленный человечеством опыт нужен только для того, чтобы отдельный человек после своей смерти исчез? В этом не было логики, не было целесообразия. И тогда я понял, что иной мир, иная жизнь существуют. Теперь же, после пребывания в Царствии Небесном, я понял, что по сути был прав. Все созданное Творцом максимально целесообразно.

Я поблагодарил Сократа за интересную беседу, и мы с Самуилом вышли из зала. Пока я беседовал с древним мыслителем, мой ангел сидел в стороне, внимательно прислушиваясь к каждому слову, и теперь с озадаченным видом произнес:

– До чего же умный старец...

– Очевидно, Господу нужны не только праведники и раскаявшиеся грешники, но и яркие личности, – с не менее озадаченным видом дополнил я.

– Куда мы направимся теперь? – спросил Самуил устало.

– К Сервантесу.

– К кому?

– К Сервантесу! Ты что, успел оглохнуть в этом слое?

– А это кто такой?

– Здрасьте, я – ваша тетя, как говорилось на Земле! Это автор «Дон-Кихота».

– Про Дон-Кихота я слышал, а вот про Сервантеса – нет. И к тому же, на тетю мою ты не похож, да и на дядю тоже.

– А на кого же я тогда похож?

– На мерзкого сварливого старикашку.

Мы расхохотались и весело двинулись в путь. Библиотекарша подсказала нам, где можно найти великого писателя.

Пройдя километров пять, мы оказались у здания в готическом стиле. От предыдущего оно отличалось тем, что напоминало церковь. В своей земной жизни я привык к готике северной,

суровой, без архитектурных излишеств, а тут все было наоборот: многочисленные колонны, высокие арки, стрельчатые окна... Но все гармонично и изысканно. Мы вошли в здание и сразу увидели идущего нам навстречу человека в средневековых латах и уже издали радостно приветствовавшего нас.

– Здравствуйте, Рафи! Приветствую и вас, ангел Самуил! Я – Сервантес.

– Откуда вы знаете меня? – изумленно спросил я.

– Мне о вас сообщил Сократ, – ответил он.

– У вас что, есть телефоны? – изумился я.

– Нет, конечно, – усмехнулся он, – они нам не нужны. Мы здесь общаемся посредством мыслей.

Ни фига себе, подумал я, расстояние-то довольно приличное. Так вот почему полеты здесь строжайше запрещены.

Я набрал полную грудь воздуха и не без смущения высокопарно произнес:

– Рад вас видеть, сеньор Сервантес. Должен признать, что выглядите вы превосходно. Именно таким я вас себе и представлял. На Земле я зачитывался вашей книгой (тут я из подобострастия немного приврал) и мечтал когда-нибудь с вами познакомиться. Я бесконечно счастлив, что моя мечта наконец осуществилась.

Сервантес мягко улыбнулся, очевидно, разгадав мою маленькую ложь, и ободряюще произнес:

– Я тоже рад встрече с вами. Не смущайтесь, чувствуйте себя, как дома, тем более что здесь мы все действительно у себя дома, в отличие от землян, которые пока в гостях. Я тоже кое-что читал из ваших произведений – как прозу, так и поэзию, и уверен, что у нас найдется, о чем поговорить.

– Хотелось бы задать вам несколько вопросов, сеньор Сервантес.

– Слушаю вас.

– Когда вы писали книгу о благородном рыцаре, знали ли вы, что найдутся чудаки, которые и в реальной жизни попробуют следовать его примеру?

– Откровенно говоря, нет. Я думал совсем о других вещах. Благородный идальго казался мне настолько отвлеченным образом, что, на мой взгляд, вряд ли кому-нибудь могло прийти в голову подражать ему.

– В таком случае должен вас разочаровать. Перед вами тот самый чудак, которому это пришло в голову. И самое печальное в том, что в этих стараниях я был далеко не одинок.

– Простите, – улыбаясь, заметил Сервантес, – но вы меня не столько разочаровали, сколько обрадовали.

– Чему тут радоваться, сеньор Сервантес? Я так же, как Дон-Кихот, воевал с ветряными мельницами, как и он, имел свою Дульсинею (правда реальную) и терпел одно поражение за другим. Только в отличие от благородного рыцаря, за мной никогда не следовал Санчо Панса – просто потому, что его не было. Ничего хорошего, а тем более радостного я тут не вижу.

– Дорогой Рафи! Я немного знаком с вашей жизнью из ваших книг, которые есть у нас в библиотеке, и хочу привести ваши поэтические строки: «...не зло, а лишь добро я сеял, а камень часто настигал меня». Но попытайтесь взглянуть на это с другой стороны. Человечеству нужна мечта, пусть даже не всегда досягаемая, и нужны самоотверженные люди, идущие за своей мечтой. Ведь реальная жизнь порой настолько скучна и однообразна, что иногда хочется услышать красивую сказку вроде «Золушки» Перро или чарующую мелодию вроде «Лунной сонаты» Бетховена. Помните, как было у Мартынова: «Мир без песен не интересен»? И вы, дорогой Рафи, не чудак, не неудачник, а пример для романтиков. Без таких, как вы, не было бы ни борьбы за доброе, ни вообще прогресса. А самое страшное – не было бы вдохновенного, бескорыстного искусства.

– Вашими устами да мед пить, – польщенно сказал я. – Но как вспомню свои мытарства... Особенно, как остался один, без своей Дульсинеи и практически без средств к существованию, с одной незаживающей раной в груди... Так и хочется спросить: какого черта мне все это надо было?! Жил бы, как живут миллионы, не надрывался бы, не уродовался, и семье было бы спокойнее, и сам дольше прожил бы.

– Во-первых, Рафи, в раю о черте вспоминать не принято, не этично как-то, а во-вторых, вы не объективны. Насколько мне известно, у вас известное имя...

– Его известности больше способствовал мой сын, чем мое творчество, – прервал я его.

– А смог бы он способствовать вашей известности, не будь всего созданного вами? Никогда! Никакие миллионы крон или долларов не помогли бы, и вы сами это прекрасно знаете.

– Да, конечно, тут я с вами согласен. Скажите, а вы довольны своей прожитой на Земле жизнью?

После некоторого раздумья Сервантес взглянул мне прямо в глаза и произнес:

– Все-таки, да. Доволен. Я сделал все, что было в моих силах. Я много ошибался, потому что был лишь человеком, а не святым. И потом, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Но я всегда был честен перед собой и Богом, хотя, начни я жизнь сначала, возможно, и жил бы по-другому.

Распрощавшись с величайшим писателем всех времен и народов, мы с Самуилом вышли на улицу и решили немного пройтись, чтобы переварить все увиденное и услышанное. Через несколько шагов я вдруг увидел фигуру высокого, чуть сутуловатого мужчины. Чья это душа бродит тут в одиночестве, подумал я. Но, приглядевшись, сразу узнал его и шепнул Самуилу:

– Видишь того мужчину? Знаешь, кто это?

– Ну?

– Антуан де Сент-Экзюпери.

– Француз небось?

– Да, или, как ты говоришь, был им.

– И тоже писатель?

– Еще какой! Сначала он был летчиком. В годы Второй мировой войны он улетел на задание и не вернулся. Предполагали, что в полете у него случился сердечный приступ, а летел он над морем. Очень мужественный был человек и великий романтик.

– Остановим его?

– Очень уж соблазнительно, иначе когда я его еще увижу?

– Рафи, только не долго! День идет к концу, а я, признаться, устал от умных разговоров. Вижу, все они красивые души, иначе не были бы здесь, но всему есть предел. Я – душа простая, таким был и в той жизни. Я уже говорил тебе, мне ближе обитатели других слоев. Да, все мы тут равны перед Богом, но в то же время мы все разные. И у каждого свой слой и свое место. Ты меня понимаешь?

– Конечно, Самуил. Я очень благодарен тебе за все то, что ты для меня сделал, и очень ценю твое отношение ко мне. И если у нас и были с тобой недоразумения – забудь. В целом все очень хорошо. Обещаю, что остановимся буквально на несколько минут.

С этими словами я ускорил шаг и, поравнявшись с Экзюпери, сказал:

– Приветствую великого пионера авиации и великого писателя!

– Вы меня знаете? – встрепенулся Экзюпери.

– А кто вас не знает, уважаемый месье Экзюпери? Два полушария Земли зачитываются вашими произведениями – «Ма-

ленький принц», «Земля людей», «Ночной полет» и многими другими.

– Приятно слышать. Спасибо. Вы давно оттуда?

– Сегодня пятый день.

– Значит, недавно. А я тут давно. Многое успел уже написать, но последователей внизу нынче найти трудно. Другое время, другие приоритеты.

– Вы правы. Но сделанное вами на Земле останется в веках, смею вас заверить.

– Еще раз спасибо. Вы сами тоже пишите?

– Да, внизу было такое, а здесь не знаю, как получится.

– Получится, получится. Рад буду при случае с вами встретиться. Вот мой адрес, – и он протянул мне свою визитку.

– Благодарю вас, месье Экзюпери.

– Да, а как ваше имя?

– Рафи. Рафи Раздан.

– Ну, вот и познакомились. Всего вам доброго.

Попрощавшись, мы с Самуилом двинулись в сторону своего жилища, а переступив его порог, трупами свалились на свои кровати и до вечера молча пролежали со своими мыслями о прожитом дне. Я решил, что это, пожалуй, был самый лучший из пяти моих дней в раю. Самуил тоже о чем-то думал, глядя в потолок. Я не осмелился его беспокоить, хотя мне было чрезвычайно интересно узнать, какие мысли копошатся в его голове. И лишь когда меня стал одолевать сон, я рискнул его спросить:

– Самуил! Может быть, ты все же скажешь, где мы окажемся завтра?

– Ты прекрасно знаешь, что сделать это я не могу.

– Знаю. Ты мне говорил. Но неужели табу такое строгое? Я все же живая душа, и мне каждый раз бывает не по себе от мысли, где я окажусь утром следующего дня.

Помедлив, он наконец сказал:

– Хорошо, я скажу только одно слово, причем с условием, что ты больше ни о чем не будешь спрашивать. Договорились?

– Конечно, – с радостью ответил я.

– Церкви.

– Что церкви?

– Рафи! Мы же договорились!

– Ладно, – сказал я, сокрушенно вздохнув. – Господи! Час от часу не легче.

Какое-то время я продолжал вспоминать и как бы заново осмысливать мой диалог с Сократом, Сервантесом и Экзюпери. О

чем-то спорил с ними, с чем-то соглашался и очень сожалел, что не задал тот или иной вопрос. Так продолжалось до тех пор, пока я не почувствовал, что нечто непонятное и неведомое осознанно давит на мою сонную артерию и на мои веки. Я понял, что здесь не обошлось без участия Святого Духа, и решил, что сопротивляться ему было бы глупо и бесполезно. И я уснул.

Мне снились мои близкие и друзья, которые раньше меня оставили телесный мир. Они мне наперебой что-то говорили, улыбались, но я ничего не мог понять. На мой неоднократный вопрос «где моя жена?» только разводили руками, как бы давая понять, что не видели ее и не знают, где ее искать. Это ввергло меня в глубокую печаль, и я начал сомневаться в том, действительно ли это сон.

Помнится, кто-то из них взял меня за руку и закружил по хрустальному полу, на котором стояли очень толстые хрустальные колонны, и я стал думать, зачем они тут стоят, если потолка в здании нет и поддерживать им нечего. Тогда кто-то из близких шепнул мне на ухо: «Они держат весь душевный мир, разве ты не видишь этот свод?» И тут я действительно увидел над головой огромное облако, а в нем то тут, то там мелькали человеческие лица с широко раскрытыми глазами и приоткрытыми ртами. Тогда я понял: это – хор и исполняет он какую-то классику. Но почему я не слышу музыки? Неужели я оглох? Мне, с моим тонким музыкальным слухом – и вдруг оглохнуть? Обидно. Да, я не музыкант, но когда я пел, играл на фортепиано или брал в руки гитару, люди замолкали и слушали, а потом просили меня спеть или сыграть что-нибудь еще. И теперь я глухой? Надо мной хор ангелов, а я не слышу! Каково же было Бетховену? Он-то был музыкант, композитор, гений. И только я вспомнил его, как в мои уши вихрем ворвалась музыка. Это был «Реквием» Моцарта.

Я упал на колени и возблагодарил Господа за подаренное мне счастье слышать эту прекрасную музыку. Слезы непроизвольно текли по моим щекам. Мне было и хорошо, и плохо. Я проснулся.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ. ЦЕРКВИ

Отдаленный малиновый звон колоколов словно сзывал всех на утреннюю молитву. Я взглянул на Самуила. Лицо его сияло, и вокруг головы четко обозначилась аура. Сущий ангел, подумал я.

– Самуил, что это?

– Я же тебе говорил – церкви, – с торжествующим видом произнес он.

– А сколько их?

Он расхохотался:

– Столько же, сколько звезд на небе, – вдоволь насмеявшись, сказал он.

– Мы будем все их обходить?

– Разумеется, но не все.

– И в каждой свои священники?

Он расхохотался еще веселее.

– Пойдем, и все сам увидишь.

Быстро одевшись, мы вышли из дому. То, что открылось моим глазам, невозможно описать, это надо было видеть. Все пространство, которое мог охватить взгляд, было заполнено церквами. Между ними то тут, то там виднелись длинные двухэтажные постройки. Как позже мне объяснил Самуил, это были ночлежки для паломников из других слоев. Мы оказались не в городе, а в стране церквей.

Людские души теснились не только в храмах. Многие стояли на площадях и неистово молились: кто стоя, а кто не подымался с колен. Дети кружились в хороводах, а старики и старушки то и дело одергивали особо расшалившихся, указывая наверх – очевидно туда, откуда за всем происходящим наблюдал сам Всевышний. Это был величайший праздник Вселенной, и на нем без устали славили святую троицу: Бога-Отца, Сына и Святого Духа.

Приблизившись к одному из храмов, я заметил отсутствие колокола на колокольне. Я взглянул на другие церкви. То же самое. Колоколов не было, а звон от них стоял. Я спросил об этом у Самуила, и он объяснил, что все эти церкви не что иное, как зеркальное отражение церквей на Земле.

– Звонят внизу, а здесь слышен их звон, – сказал мне мой ангел.

Мы вошли в одну из церквей. Пел хор, но самого хора я так и не увидел. В другой церкви звучал орган, но самого органа не было. Не было ни дьяконов, ни протоиреев, ни священников, ни кадил, но были и голоса поющих, и звук органа, и аромат ладана. Наконец я понял: основное действо происходит внизу, на Земле, а тут оно каким-то волшебным образом лишь повторяется. И райские души молятся так же, как верующие земляне, с той лишь разницей, что тут нет лицемерия, ханжества, плотского греха и прочих пороков, присущих людям. Вот в чем великая разница между жизнью земной и жизнью небесной, подумал я. Мы тут – как избранные самим Богом. Да, здесь мы тоже все разные, но в своей непорочности мы скорее напоминаем детей, чем взрослых, и этот мир, это Царствие, по праву принадлежит нам – детям Божьим. Заслужили мы его своей прошлой жизнью, и нам без излишней скромности есть чем гордиться.

Присоединившись к молящимся, я стал просить Господа о встрече с Ним.

Закончив свою молитву и поднявшись с колен, я обратился к Самуилу с просьбой показать мне церкви не только григорианского и православного вероисповедания, но и остальных конфессий, какие только существуют в мире, и постараться посетить как можно больше церквей. Я знал, что храмы тут работают круглосуточно, так как зеркально отражают церкви обоих полушарий земного шара.

Поднявшись на крутую возвышенность недалеко от одного из центральных храмов, мы с высоты оглядели всю панораму церковного слоя и наметили свой маршрут.

Вдруг неожиданно для самого себя я спросил у Самуила:

– Скажи, Самуил, Бог ведь один во всей Вселенной?

– Конечно. Он и Творец ее.

– Так куда же деваются души людей других религий? Я здесь не вижу ни одной мечети, ни одной пагоды, не говоря уже о синагоге.

– Верно, – ответил Самуил, – когда-то этот вопрос задал самому себе и я.

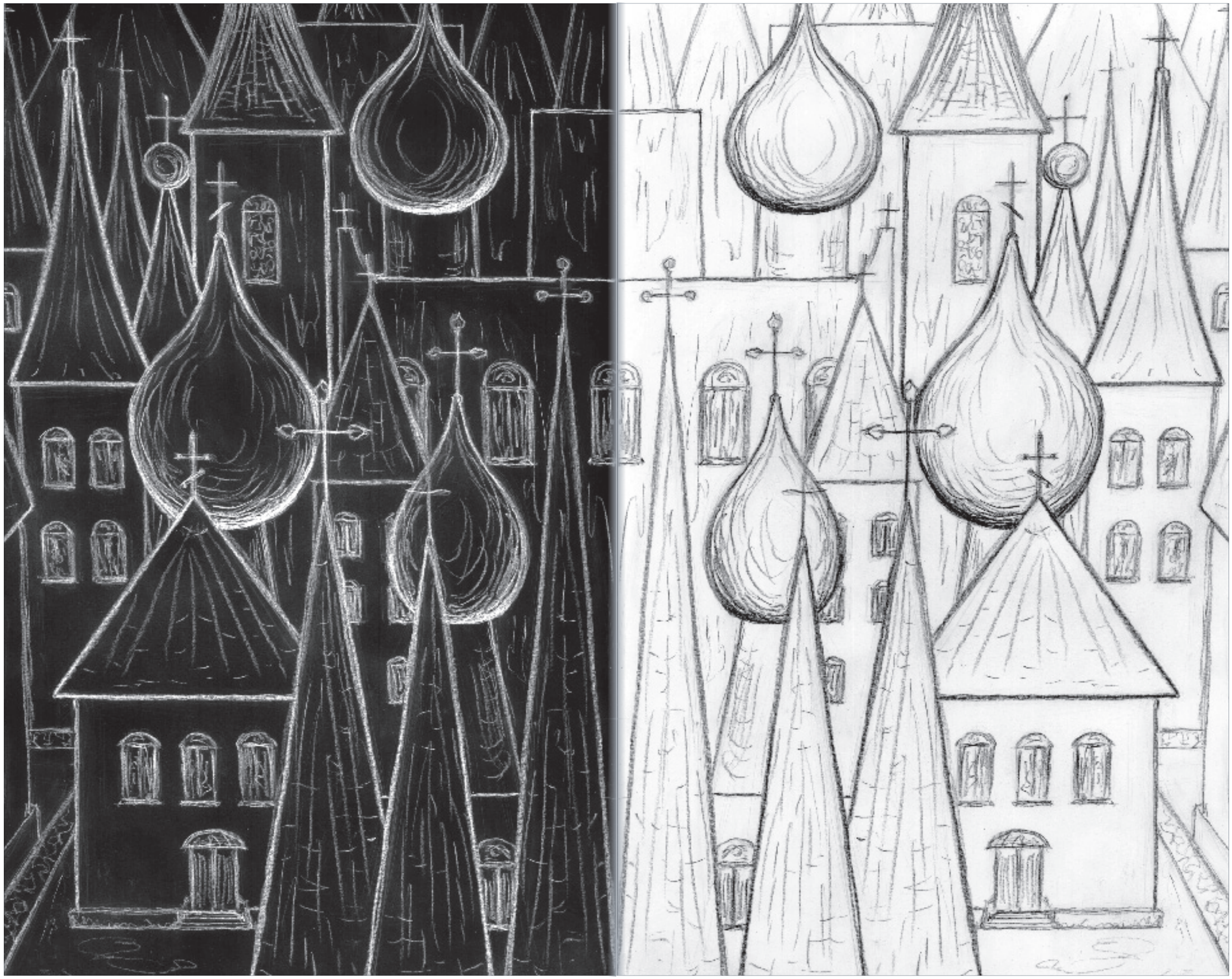
– И что же?

– А ничего. Определенного ответа у меня нет до сих пор. Я понимаю: ты хочешь сказать, что и в других религиях есть добрые и порядочные люди. Так куда же девать их души? Так ведь?

– Совершенно точно, – подтвердил я.

– Так вот, Рафи, этот же вопрос я задал и Иисусу.

– Ну, не тяни! И что он ответил?



– Он сказал, что еще две тысячи лет назад он говорил людям: «Кто не со мной, тот против меня». Царствие Небесное существует только для его последователей, и путь к нему лежит лишь через Сына Божьего, то есть через самого Иисуса Христа.

– Странно, – продолжал я недоумевать, – и все же куда они деваются?

– Не знаю, – сказал Самуил, – до сих пор я этого не знаю, но ни одной из них я здесь не видел. Думаю, что для них есть иные слои, которые никогда не соприкасаются с нашими. Но это я только предполагаю. Фактов, подтверждающих мою гипотезу, у меня нет.

– Ты же ангел, Самуил! Тебе доступно гораздо больше, чем любой другой, пусть даже праведно прожившей, но рядовой душе. Ты можешь беспрепятственно проникать в любой слой Царствия Небесного и даже в атмосферу Земли...

– Стоп! – прервал меня Самуил. – В атмосферу Земли – только по специальному заданию Господа.

– Да, но когда ты туда прилетаешь, ты же видишь все, что на ней происходит. Так или нет?

– Именно так!

– Так почему же ты не подскажешь людям, куда им идти, чтобы продолжать жить после смерти?

– Потому, что это мне строжайше запрещено

– Что значит запрещено?

– Запрещено вмешиваться в естественный ход событий. Человеку изначально дана свобода, и подробно объяснено в Библии, как ею пользоваться. А выбор должен сделать он сам.

– Но ведь даже у праведников-христиан бывают ошибки...

– Вот тогда и только тогда нам, ангелам, дозволено вмешаться, да и то очень неназойливо, дабы не нарушить индивидуальность заблудшего христианина.

Обходя церковь за церковью, слушая орган и церковный хор, мне почему-то захотелось услышать и проповедь пасторов протестантских церквей. Сказав об этом Самуилу, я и не надеялся, что мое желание будет выполнено. Поэтому был немного удивлен, когда Самуил без всяких возражений сразу отвел меня к адвентистам седьмого дня, а затем – и к свидетелям Иеговы. Речь пастора была слышна, но его самого, естественно, нигде не было видно.

Побыв там некоторое время, мы вышли из церкви, и я попросил у моего спутника немножко погулять по улицам и площадям, чтобы разобраться с грузом новых впечатлений. Потом мы присели на скамейку, и Самуил вдруг спросил меня:

– Где тебе больше всего понравилось?

– Наверное, там, где есть живое слово. Музыка, конечно, – это хорошо. Что может быть прекраснее православной музыки Бортнянского или органной музыки Баха? Верх совершенства. Но живая речь заставляет размышлять, особенно, если проповедник умен и обладает ораторскими способностями. По-моему, речь более действенна, чем музыка. К сожалению, далеко не все верующие берут в руки Библию, мотивируя это тем, что им якобы трудно ее понять. Пастор же доступно объясняет каждую притчу Иисуса, углубляется в Ветхий завет, помогает людям верить осознанно.

– Да, – задумчиво протянул Самуил, – не случайно апостолы пошли по всему миру, неся живое слово. Они знали, что это самый действенный способ привлечь массы к христианству и спасти их души.

– Кстати, давно хотел тебя спросить. А кого-нибудь из апостолов ты здесь видел?

– Всех, – невозмутимо ответил мой ангел-спутник.

– Всех, кроме Иуды, конечно? – улыбаясь, спросил я.

– Этого вопроса ты мог бы и не задавать, тем более что сам же на него ответил.

– Прости, это я шутя.

– Шутки на эту тему неуместны, – строго взглянув на меня, отрезал Самуил.

– Ну, хорошо. Тогда поговорим со всей серьезностью.

– Давай.

– Иисус с самого начала знал от Отца Небесного о своей участи и не раз обращался к Нему с просьбой: «Да минует меня чаша сия, а впрочем, как Ты того хочешь».

– И что?

– Значит, Он знал о предательстве Иуды еще тогда, когда сам Иуда об этом не догадывался?

– Конечно, знал, – спокойно подтвердил Самуил.

– Но если это так, то получается, что Иуда Искариот исполнял роль, назначенную ему сверху. Тогда так ли уж велика его вина? Тем более что Христа предали все апостолы, когда разбежались после Его ареста, а Петр даже трижды публично отрекся от Него из-за страха разделить с Ним участь.

– Рафи! У них был страх, присущий всем живым существам, то есть природное чувство самосохранения. А Иуда готовил предательство заранее, взяв за это тридцать сребреников! – возмущенно возразил Самуил.

– А ты не допускаешь мысли, что в этот момент он был как бы не в себе? Ведь нигде в Библии не сказано, что и раньше Иуда кого-то предал или что Христос был недоволен им. Наоборот, Он назначил его казначеем и доверил ему кассу...

– О чем ты говоришь?! Он доверил ему кассу лишь потому, что знал, что Иуда сребролюбив и расчетлив. А относился Господь ко всем ученикам, можно сказать, одинаково.

– И все же в Писании сказано, что любимым учеником Иисуса Христа был Иоанн, – не удержался я от возражения.

– Да. А прощаясь с ними на Тайной вечере, Он всем омыл ноги и напутствовал первых служить последним. Значит, всех Он любил безмерно.

– И все же Иуда раскаялся в содеянном. Он удавился.

– Да пойми же ты, наконец, одну важную вещь! Не будь Иуда от природы таким, не назначил бы ему Отец Небесный столь незавидную роль. Иуда осознал, что его природные качества сыграли с ним злую шутку. Придя в себя, он швырнул эти тридцать сребреников в лица первосвященников, но уже было поздно: Иисус жестоко избит, осмеян и распят. Думаю, Иуда осознал, каким символом станет его имя в истории человечества, – символом подлости, предательства, коварной измены. И нет ничего удивительного в том, что он удавился.

– А вдруг он знал, был уверен, что Иисус спасется? Ведь Он – Сын Божий. Отец не оставит Его в беде, и все станут свидетелями Его милости.

– А даже если и так? Предать учителя, тем более за деньги, гнусно и подло. Думаю, что любое предательство – семьи ли, среды, в которой ты вращаешься, государства, чьим гражданином являешься, не говоря уже о Боге, которому ты служишь, – явление крайне неблаговидное. Оно никогда не украшало и никогда не будет украшать человека.

Мы еще долго сидели на лавочке, я наблюдал за молящимися повсюду душами и не переставал удивляться. Отец Небесный принял их в свои владения, Иисус с апостолами где-то рядом, а им все равно нужны церкви. Я поделился этой мыслью с Самуилом, и он ответил мне так:

– Церкви будут нужны всегда и везде. В прошлой жизни люди сделали свой выбор, примкнув к какой-либо конфессии: кто – к католицизму, кто – к православию, а кто – к протестантизму. Но все они – христиане, и Всевышний заботится о том, чтобы все они чувствовали себя комфортно. Все мы продолжаем тут свою

земную жизнь, конечно, за исключением тех, чья прошлая жизнь была очень уж нечестной.

Посидев еще немного, мы двинулись к себе. День подходил к концу, и надо было отдохнуть, чтобы со свежими силами и свежей головой встретить следующий неведомый мне слой небесного рая.

– Самуил! Может, скажешь, где мы окажемся завтра?

– Отстань, – отмахнулся от меня мой проводник, улыбаясь одними глазами.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ. ПЕРЕД ГОСПОДОМ

Утром я проснулся от потрясающей тишины. Помнится, как-то раз в своей земной жизни мы с моим коллегой по цеху художественной обработки камня, где я семнадцать лет проработал гравировщиком гранитных надгробий, отправились на его машине в местечко Туру, где была похоронена его мать, учительница начальной школы. Он попросил меня сделать скульптурный портрет к ее надгробию. Возвращаясь в Таллинн, а дело было зимой, мой товарищ вдруг остановил машину и предложил мне выйти и послушать. Вдоль дороги рос густой лес, день был воскресный и ни одной машины, кроме нашей, на шоссе не было.

Я не очень понимал, что я должен был слушать, но все же вышел из машины. Однако уже через несколько секунд я понял, что такое настоящая тишина. Хвойный лес стоял не шелохнувшись. Запорошенные снегом деревья застыли в оглушающей тишине: ни единого дуновения, ни одной снежинки. В моих ушах звенело, а в голове вертелась фраза «звенящая тишина». Это состояние я запомнил надолго, тем более что во всей последующей жизни такое ни разу не повторилось.

Нечто подобное я испытывал и сейчас, на седьмой день моего пребывания в Параллельном мире. Самуил крепко спал, очевидно, порядком устав за эти шесть дней, сопровождая меня по слоям Царствия Небесного.

Стараясь не потревожить его, я тихо встал и подошел к окну. То, что я увидел там, ввергло меня в полное смятение. За окном не было ничего – ни пейзажа, ни улиц с домами, ни даже подобия земли.

Наш домик, где мы провели ночь, как бы парил в пространстве. Я не мог понять: если мы выйдем из него, сможем ли мы ходить и на что будут опираться наши ноги? А если нам придется лететь, то куда? Вокруг не было ничего, к чему можно было бы направиться. Но зато все окружающее заливал какой-то необычный свет с голубоватым отливом и с еле заметной дымкой.

А Самуил, посапывая, продолжал спать.

Тихо отворив дверь и держась за ее ручку, я протянул левую ногу в пустоту и неожиданно почувствовал под ней твердую почву. Было удивительно ощущать ее и при этом не видеть и намека на нечто твердое и упругое. Ни асфальта, ни рыхлой земли, ни

травинки. Под ногами была пропасть, и я шел по ней. Со стороны мой шаг выглядел, наверное, плавающим. Тут же вспомнилась Библия. Иисус шел по воде к лодке со своими учениками. Они страшно испугались и приняли его за призрак, так как не могли поверить в очевидное. А когда поняли, что это их раввин, Петр с разрешения Иисуса решил повторить чудо. И повторил, да только неудачно: усомнился и стал тонуть. Тогда Христос протянул ему руку и молвил: «Ну что же ты усомнился, маловер».

Вспомнив это, я решил поверить в то, что смогу идти дальше. Главное – верить, что не упаду в бездну, не потеряюсь в неведомом для меня пространстве.

Походив вокруг дома и окончательно убедившись, что под ногами невидимая, но твердая почва, я понял, что это необычный слой. И эту необычность не могла предсказать даже самая смелая моя фантазия.

Надо возвращаться и будить Самуила, подумал я. Пусть хоть сейчас потрудится рассказать, где мы проведем этот день, если не хотел говорить об этом вчера. Но почему эти неожиданности не рождают во мне беспокойства? Странно. Рай раем, но когда тебя ждет неведомое, ты всегда волнуешься, а у меня на душе благостная умиротворенность.

– Ну, все, хватит! – сказал я себе. – Пойду его будить.

Я вошел в дом и с удивлением увидел, что Самуил стоит у окна и откровенно смеется надо мной:

– Ну, что? Небось, чуть в штаны не наложил? – прогоготал он.

– Самуил! Так не честно! Ты не спал, а притворялся! Говори скорее, где мы?!

Продолжая смеяться, он скомандовал:

– Одевайся и пошли! Сегодня ты предстанешь перед Ним и апостолами. Будут спрашивать тебя о том, о сем, в общем, обо всей твоей жизни на Земле.

– Господи! – воскликнул я. – Почему ты вчера не сказал мне об этом? Я бы хоть как-то подготовился.

– Скажи я тебе вчера, ты всю ночь бы не спал и мне бы не дал уснуть.

– Ну, хоть подскажи, какие могут быть вопросы!

– Да я же говорю тебе, о том, о сем. Волноваться нечего. Попав сюда, душа остается здесь навечно, за редчайшим исключением. Да и исключение это касается ангелов, а не рядовых обитателей нашего мира.

– А почему ангелов?

– Потому что с них спрос больше. Ну, все. Пошли, пошли. Ты ведь у них не один. Там всегда внушительная очередь, так что не будем терять времени.

Шли мы довольно долго, и по пути я то и дело приставал к Самуилу с одними и теми же просьбами, чтобы он подробно рассказал, как будет проходить это судилище, если его можно так назвать. Он, конечно, от меня отмахивался, но когда я окончательно ему надоел, сказал в сердцах:

– Да пойми же ты, они о тебе знают все! Вплоть до мелочей. Даже как ты на восьмом месяце беременности вышел из утробы матери, так и не высидев положенный срок. Им интересно послушать, как ты относишься к тем или иным событиям в твоей жизни.

– А разве они не знают мои мысли? – удивился я.

– Конечно, знают. Но мысли в целом, а не каждую загогулину, появляющуюся и исчезающую в твоей черепушке. Так что не бойся. И мой тебе совет: будь максимально искренен в своих ответах, хотя этого я тебе не должен был говорить.

Постепенно вдали я стал различать очертания строения, похожего на замок. Но казалось, что замок выстроен из одних блесков и переливается сказочным голубовато-изумрудным светом. Признаться, я и раньше представлял себе жилище Господа именно таким и потому был бесконечно рад, что интуиция художника меня не подвела. Я спросил у Самуила:

– Иисус живет здесь?

– Нет.

– А кто же живет здесь?

– Апостолы и Матерь Божья, Святая Мария.

– А где Он сам?

– Везде.

– Как везде?

– Так везде. Он присутствует везде, особенно там, где больше всего в Нем нуждаются, где обращаются к нему с молитвой.

– Значит, когда по утрам утром и вечерам я обращался к нему с просьбами, Он был со мной?

– Именно так.

– Но ведь к Нему обращался не только я, но и миллионы других людей. И Он мог быть со всеми людьми одновременно?

– Мог. Потому что Он – Сын Божий. И Отец Небесный одарил своего сына этим свойством –быть везде во Вселенной. Как и Он сам. Это и называется быть вездесущим.

– Как-то трудно мне это осмыслить, понять и принять, – сокрушаясь, сказал я.

– Это потому, – ответил Самуил, – что ты пока подходишь ко всему с земными мерками. Но ничего. Со временем ты научишься мыслить по-нашему. А теперь хватит. Подходим. Почисть одежду, прими опрятный вид. Заходим.

И мы зашли в здание неописуемой красоты. Все сверкало и переливалось, как миллионы бриллиантов. По лестницам и коридорам медленно расхаживали души, очевидно, ожидая своей очереди.

Глядя на них и на царившую здесь атмосферу, я сразу успокоился. Прождали мы с Самуилом около получаса, когда я услышал голос баритонального тембра:

– Раздан! Входите!

Мы вошли.

Передо мной открылся огромный зал площадью около 500 квадратных метров. В глубине виднелась невысокая сцена, на ней – длинный стол, накрытый белым покрывалом. За столом восседали двенадцать апостолов, а в центре я увидел светящийся силуэт человека. Я понял. Это был сам Иисус. И здесь я еще раз услышал тот же голос:

– Садитесь.

Я посмотрел вокруг, ища взглядом, куда можно сесть, но не увидел ни одного стула. Искоса взглянув на Самуила, я оторопел: он сидел. Сидел непонятно на чем – буквально на воздухе. Тогда я согнул колени и тоже сел. И получилось. Я тоже сидел на воздухе. Мне стало смешно и комфортно. Кажется, один из апостолов улыбнулся моей растерянности. Все они были одеты одинаково – во все длинное, белое, ниспадающее множеством складок. У всех были седые волосы и длинные бороды.

На противоположной стене весел широкий экран, на котором мелькали какие-то изображения. В руке одного из апостолов была какая-то коробочка, и он время от времени что-то переключал в ней. Что именно появлялось при этом на экране, я не видел, так как сидел к нему спиной.

– Ну, рассказывай, – сказал Иисус.

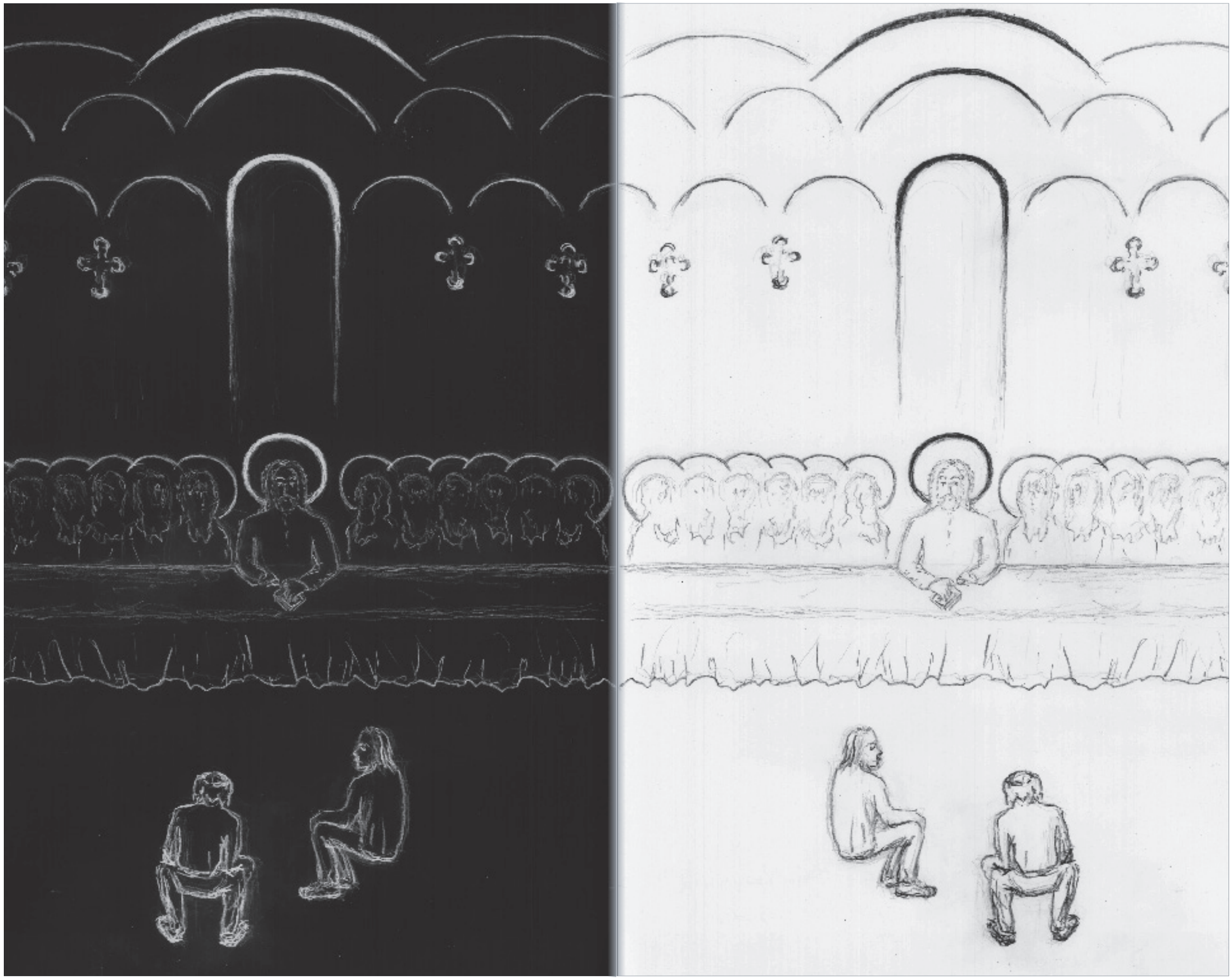
– Что? – спросил я.

– Все, – но, увидев мой недоуменный взгляд, добавил: – Все, что помнишь о себе хорошего и плохого.

– Вы имеете в виду, что хорошего я в жизни сделал?

– Ты. Не вы, а ты. Обращайся ко всем нам на ты. Мы все здесь братья, и ты теперь – один из нас.

– Хорошо, – совсем успокоившись, ответил я. – Но хорошего я помню мало, наверное, потому, что мало его совершал. А вот плохого помню неизмеримо больше. Может быть, с него и начну?



– Как хочешь. Только прошу тебя, не останавливайся на деталях, они все видны на экране позади тебя.

Я невольно повернул голову назад и остолбенел. На экране шел цветной фильм, и я увидел рожавшую меня маму. Роды были преждевременными, и акушерки бережно принимали из чрева роженицы ужасно некрасивое маленькое существо. После очередного хлопка по попе младенец закричал, вернее, пискнул. Ошарашенный, я повернулся к Иисусу и вообще потерял дар речи.

Передо мной уже был не светящийся силуэт, а сам Иисус Христос – седой, с короткой бородкой и в точно таком же, как у всех, длинном белом одеянии. Я впился в Него глазами и стал лихорадочно отмечать свои ошибки в живописном портрете, а писал я Его образ не раз. Ах, мне бы сейчас холст и краски – какой бы портрет получился, подумал я, на мгновение забыв, где и зачем я нахожусь.

– Ну, мы слушаем тебя, Рафи, – с мягкой улыбкой произнес Иисус.

– В школе я был плохим учеником и никого из учителей по-настоящему не уважал, – затараторил я первое, что пришло мне в голову, тщетно пытаясь справиться с множеством нахлынувших на меня мыслей.

– Ты им грубил?

– Еще как!

– Это, конечно, плохо. Ну, а еще?

– Я был драчлив и свиреп в драках. По чистой случайности дело не доходило до ножей, и по той же случайности я избежал заключения в исправительную колонию.

– И это очень плохо, только не заблуждайся по поводу случайностей. Их не было. Просто Святой Дух, мой посланник, берег тебя.

– Спасибо тебе, Иисус. Знай я об этом раньше, я бы давно к тебе пришел.

– Продолжай.

– Временами я лютой ненавистью ненавидел своего отца за то, что он издевался над моей мамой, и готов был убить его за это.

– Тоже плохо. Очень плохо.

– Однажды в студенческие годы я чуть не ударил ножом одного подонка, на моих глазах избившего женщину.

– А почему не ударил? Что помешало или кто помешал?

– Хозяин дома, куда мы были приглашены в гости. Только из уважения к нему я этого не сделал.

– Тоже плохо, но то, что ты сдержался, хоть как-то реабилитирует тебя. Продолжай!

– Я был тщеславен в искусстве.

– Может, честолюбив?

– Извини. Ты прав. Я считал, что заслуживаю большего, чем дала мне моя профессиональная среда.

– И ты завидовал своим коллегам по искусству?

– Никогда.

– Верю, – лукаво улыбаясь, произнес Иисус, и по его взгляду я понял, что Он и без меня это знает.

– Случалось, что я кричал на жену, хотя любил и ценил ее очень.

– Нехорошо и это. Но, продолжай, у нас еще много душ на очереди.

– Я желал зла тем, кто радовался землетрясению в Армении, когда был стерт с лица Земли город Спитак и погибли двадцать пять тысяч армян.

– В общем я это не приветствую, но тут тебя понять можно, тем более, что таких злопыхателей было немного.

– Из ревности к девушке, которую я любил, я избил своих соперников, хотя много позже понял, что виновата была она сама.

– А этот грех останется с тобой навсегда. Носи его в себе и никогда не забывай о нем.

– Я доверял коммунистам и был одним из них, правда, недолго.

– Ты был одним из двадцати миллионов заблуждающихся. Это малый грех. Продолжай. И старайся вспомнить самое существенное.

– Я был максималистом. Редко шел на компромиссы. Мне всегда хотелось, чтобы все женщины были бы похожи на мою маму, которую я боготворил, и не понимал, что такое невозможно.

– А как ты относился к мужчинам?

– Гораздо хуже, чем к женщинам. Считал их непостоянными в любви и очень ненадежными в дружбе.

– Тут ты был недалек от истины. Кстати, кто был твоим любимым героем в юности?

– Павел Корчагин и сам писатель Островский.

– А сейчас?

– Святой Николай-угодник.

– Ладно. Хватит о твоих грехах. Ты тут так себя оговорил, что еще немного, и тебя можно будет низвергать в ад. Да простит меня Отец Небесный за подобную шутку. Ну, а теперь вспомни, что хорошего и доброго ты совершил в своей жизни.

– Я, признаться, помню только два случая.

– О них и расскажи.

– Как-то в далекой юности мы с другом вышли подышать воздухом. Дело было летом в городе Баку. Мы спустились к морю, и нам встретился инвалид на инвалидной коляске. Он попросил нас помочь ему подняться на горку, так как подшипник на его коляске сломался и она двигалась с большим трудом. Мы помогли ему. А потом кто-то из нас спросил у него, где он живет. Инвалид назвал адрес. Это было очень далеко, и дорога шла все время на подъем. Мы не могли бросить его одного, хотя он настаивал на этом, уверяя нас, что сможет добраться без посторонней помощи обходным путем. Толкая плохо двигающуюся коляску, мы довезли его до дверей его дома-мазанки. Наши рубашки были насквозь мокрыми, мы очень устали, вечер был потерян, и мы отправились домой. Но после этого я испытал такое чувство, которое не передашь словами, и снова испытать это чувство мне довелось в жизни еще только один раз.

– Расскажи и об этом.

– Я вырос, женился. Как-то однажды днем я шел по бульвару того же Баку. И вдруг увидел толпу людей и услышал детский плач. Я подошел. На асфальте лежала девочка лет двенадцати-тринадцати и рыдала. Оказалось, что, играя, она упала головой на камень и теперь не могла поднять ее. Чем больше вокруг судачили, как ей помочь, тем сильнее она голосила. До ближайшей поликлиники было довольно далеко. Я вдруг понял, что кроме меня никто ей не поможет. Тогда я взял ее на руки и понес. Я был молод и физически вынослив, но все равно мне было нелегко. С передышками я донес ее до поликлиники и сдал медсестрам, отворившим мне дверь. Помнится, девочку звали Ириной, как и мою жену.

– Хорошо. Это хорошо, – задумчиво произнес Иисус. – А что еще ты помнишь?

– По большому счету ничего. Остальное – мелочи.

После некоторой паузы, не переставая поглядывать на экран, Иисус спросил:

– Но ты до шестнадцати лет ухаживал за своей парализованной бабушкой. Почему ты этого нам рассказываешь?

– Так ведь это была моя родная бабушка! Что же здесь особенного?

– Но твоя старшая сестра этого не делала!

– О-о-о! Это отдельный разговор. Но ведь мы сейчас говорим обо мне, а не о моей сестре, правда?

– Ты прав. Посиди немного, мы посовещаемся.

Я сидел и наблюдал, как они совещались, но ничего не было слышно. Наконец один из апостолов спросил меня, в каком слое я хотел бы жить. Я ответил: в том, где моя жена. Тут вмешался Иисус:

– К сожалению, пока это невозможно, – сказал Он, делая упор на слове «пока».

– Но почему? – подавленным и несчастным голосом спросил я.

– Твоя жена здесь, в слое святых душ, но ты пока до него не дорос. Ты должен еще поработать над собой.

Но увидев, как я сник, добавил:

– Но она согласна находиться там, где будешь ты, и помогать тебе улучшать свою индивидуальность.

Я воспрял духом и, подумав, ответил:

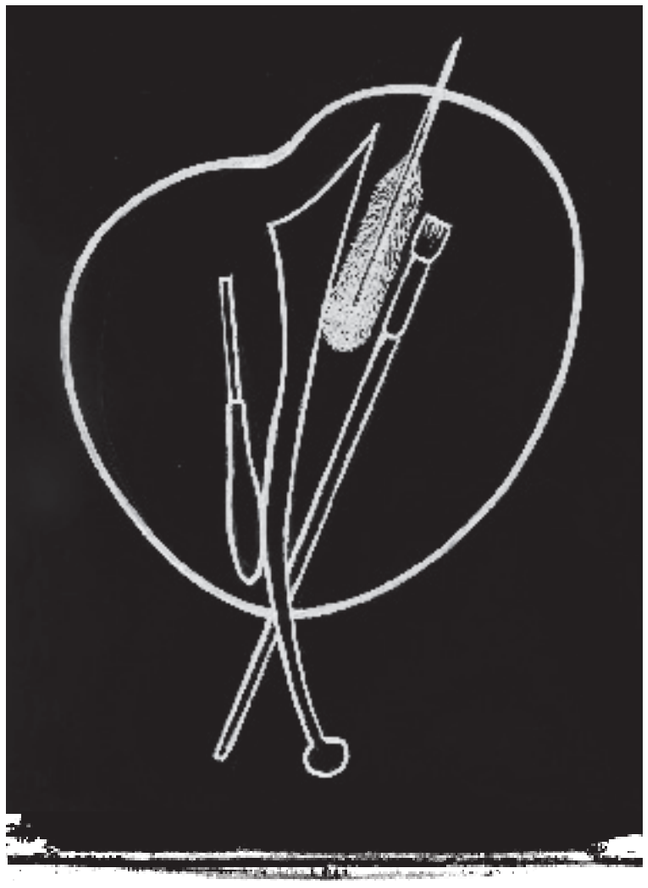
– Тогда я хотел бы жить в слое народного творчества.

– А почему не в слое искусства? – спросил один из апостолов.

– В слое народного творчества обитают истинно благородные и добрые души, в чем я имел счастье убедиться. Да и Самуил может подтвердить. Кроме того, это единственный слой, где супружеская пара пригласила нас на чашку кофе.

– Мы знаем это, – сказал Господь. – Так тому и быть. Отворите боковую дверь, пусть он войдет.

Дверь в комнату открылась, и я наконец увидел мою жену, с которой разделил тридцать восемь лет земной жизни. Я обнял ее и только тогда окончательно понял: я действительно в раю.



ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ И ДЕСЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Да не будет у тебя других богов
перед лицом Моим.
Заповедь первая

СОН ПЕРВЫЙ

Передо мной была высокая, скалистая гора, местами поросшая низеньким кустарником, и мне надо было подняться на нее до самого верха.

Почему? Зачем? Какова причина? Я ничего не знал и, более того, не задавал себе этих, как мне казалось, глупых вопросов. Кроме ясного понимания, что я должен быть наверху и что меня там что-то или кто-то ждет, в моем сознании ничего не было.

День был теплый, солнце светило ярко, лучи его ласкали мое лицо и шею, небо было голубым, за исключением нескольких облаков над верхушкой горы. В теле ощущалась непривычная для моего возраста легкость.

Одет я был по-летнему: в тенниску и джинсы, на голове летняя фуражка с огромным, непомерно выдающимся вперед козырьком. В карманах, кроме носового платка и перочинного ножичка длиной в семь сантиметров с хорошо отточенным лезвием, тоже не было ничего. Не было со мной даже моего старого кошелька, в котором, кроме двух-трех сотен крон, я обычно держал удостоверение личности и несколько телефонных номеров близких мне людей на случай, если со мной что-то случится (возраст есть возраст) и при этом я окажусь вне дома: тогда полиция, скорая помощь или, в конце концов, морг могли бы известить моих родных о том, что произошло.

Итак, я был один, и мне предстоял долгий путь к вершине горы.

Еще раз осмотревшись вокруг, я подошел к одному из кустов и увидел на нем плоды. Это был кизил.

Хорошо, подумал я, в крайнем случае, будет чем подкрепиться. Вот только с водой могут быть проблемы, если не найду какого-нибудь родничка. Но в горах всегда проблемы с водой, даст Бог, не помру от жажды.

Выбрав ветку потолще, я вынул из кармана свой перочинный нож и аккуратно срезал ее. Очистив от плодов, которые не замедлил съесть, я смастерил себе посох. Узелка только на конце не хватало – и чем тогда не старичок-странник? Но шутки в

сторону. Трость в горах необходима, уж это я знаю. Во-первых, чтобы опираться на нее, когда ноги станут ватными от усталости, а идти все равно надо, чтобы вернуться до наступления темноты, а во-вторых, чтобы отгонять коренных жителей гор – змей.

Кстати, о темноте. Нигде и никогда я не видел такой совершенно полной, кромешной темноты, как в горах. Стоит только скрыться солнцу, пальца вытянутой руки не увидишь. Но, слава Богу, сейчас полседьмого утра, и до вечера я надеюсь успеть обернуться. Итак, в путь.

Идя не очень быстро, но равномерными шагами, стараясь сэкономить силы до вершины горы (ибо там, ближе к вершине, подъем куда круче и нет никакой растительности, и в случае, если сорвешься, уцепиться не за что будет), я неуклонно шел к цели.

Подъем был как подъем. Ходьба в горах мне не в новинку, но я заметил одну странную вещь. Ни один камешек из-под моих ног не выскакивал, не катился вниз. Мелькнула даже мысль: гора что, литая? Но тут же я эту мысль отбросил.

Литых гор не бывает, сказал я самому себе, и сейчас я это себе же и докажу.

Я нагнулся, чтобы поднять небольшой булыжник, швырнуть его вниз и услышать эхо, когда он стукнется о скалу. Но не тут-то было: ни единого осколка оторвать от горы я не смог.

Да, подумалось мне, восьмой десяток на свете живу, а с подобным явлением встречаюсь впервые.

Вот уж чудо так чудо, сказал я себе. Ну, да что ни делается, все к лучшему. Чем меньше мусора на пути, тем быстрей дойду, подумал я.

Дважды мне попадались роднички чистейшей, холодной воды, и я с огромным удовольствием утолял жажду. Конечно, кусты кизила выручали, большого голода я не испытывал и трижды присаживался, выискав какую-нибудь тень, чтобы передохнуть. Когда же до вершины осталось примерно полкилометра, я заметил странное движение на небе. Облака стали как-то по-особенному группироваться. Вот пять облаков в виде запятых, подгоняемые ветром, нарисовали над конусообразным верхом горы огромный глаз с бровью, а в середине глаза – темная тучка, как зрачок. Надо же, подумал я, ведь кому-нибудь рассказать – и не поверит.

И самое забавное – что этот громадный глаз, казалось, посмеивался надо мной. Вот ветер-художник, подумал я, нам у природы учиться надо, а мы чаще всего только копируем ее, а у нее вон какая фантазия, чем не Дали?

Но подъем стал очень крутым, дышать становилось все труднее и труднее. Да, воздух здесь очень разреженный, как в деревне, где родилась моя мама, в Нагорном Карабахе. Я шел, опустив голову, тяжело дыша и обливаясь пóтом. Дойти бы только до вершины, а спускаться будет легче, хотя и опаснее. Только бы не сорваться со скалы, тогда костей не соберешь. Устав, я решил передохнуть. На секунду встал и поднял голову вверх, чтобы измерить расстояние до конечного пункта. О диво! Я буквально остолбенел. На меня смотрели уже два колоссальных глаза.

Они были очень добрыми и чуточку улыбающимися. Что за мистика, подумал я. Это уже не похоже на случайные рисунки ветра. А главное, они, эти глазищи, не двигались, а остальные облака продолжали медленно плыть. Ей-богу, мне стало как-то не по себе.

Я решил идти и неотрывно следить за движениями облаков. Но не тут-то было. Я стал на каждом шагу спотыкаться, дважды скатился вниз, разодрав штаны на коленях, и пот застилал мне глаза так, что я ничего не видел. В конечном итоге я почти не продвинулся вперед. Нет, так не пойдет, подумал я, эдак я никогда не дойду до вершины.

Решив передохнуть перед конечным броском, я сел на камешек и поднял голову к небу. Небесные глаза продолжали за мной наблюдать и, как мне казалось, еще больше улыбались.

Но что странно, не только они неподвижно повисли на небосводе, но и остальные облака перестали двигаться. «Но почему? Как так?.. – подумал я. Ветерок ведь есть, я же его ощущаю, почему они не плывут?»

Я поднялся и усилием воли заставил себя идти к вершине, никуда не глядя, кроме как себе под ноги, задыхаясь и обливаясь потом. Я победил! Последние метры буквально карабкаясь на четвереньках по скале, я взобрался на ее вершину.

Выпрямившись во весь рост, я чуть не свалился обратно вниз.

Передо мной было огромное, в полнеба, лицо, словно нарисованное в облаках, чем-то напоминающее икону Христа Спасителя.

Я понял. Передо мной и был сам Господь Бог, а вернее, я был перед Ним.

Конечно, я пал на колени и тут же услышал голос небесный! Был этот голос баритонального тембра и очень ласковый.

– Ты проделал долгий и трудный путь ко Мне, так задавай свои вопросы. Я слушаю тебя, – сказал Господь.

– И Ты на все мои вопросы ответишь? – спросил я Его.

– Нет, сказал Он, – только на те, которые ты в силах будешь понять.

– Прости меня, Господи, но меня всю жизнь считали неглупым человеком, – с оттенком досады в голосе ответил я Ему.

– Верю, – согласился Он. – Но ты сам сказал: человеком, а есть сложнейшие вопросы во Вселенной, которые не в силах постичь ни один живущий человек. – И потом, очевидно, поразмыслив, добавил: – Пока.

– Вот Ты обижаешься, когда люди избирают себе других богов, и даже иногда наказываешь за это...

– Неправда, – прервал меня Он. – Я никогда не наказываю их за это. Я просто отворачиваюсь от них, а наказывает их сама жизнь, только и всего.

– Ну, хорошо, – не унимался я, – так ли уж они виноваты перед Тобой, ведь Ты не всегда и не всем идешь на помощь в тяжелую для них минуту, разве я не прав? Вот они и выбирают для себя таких «богов», как Ленин, Сталин, Мао Цзэдун и тому подобные?

– Не прав, – голос Его прозвучал мрачно, а глаза стали грустными-грустными. И затем Он сказал:

– Я дал вам множество законов и основные заповеди. Я дал вам разум, с помощью которого вы имеете сознание. Человек сознателен, в отличие от животного. А как вы им воспользовались? Многие из вас заявили, что бытие определяет сознание, забыв, что сознательны вы благодаря Мне, и никакое уродливое бытие не должно искажать вашего сознания, данного Мною, и более того, очень многие из вас вообще отвергали Меня и пошли за своими идолами, которых ты сам же и назвал. Ну и что? К чему они пришли? И так было много раз за всю вашу историю, и каждый раз после всего они возвращались ко Мне с покаянием, и Я их прощал. А помогаю Я истинно верующим в Меня и в Моего Сына Иисуса Христа. Я повторяю, истинно верующим, а не лицемерам, мысли которых Я читаю на расстоянии и вижу насквозь, и ты сам это знаешь, тому есть много свидетельств людей, испытавших Мою поддержку, и они называют это чудом, хотя никакого чуда здесь нет. Все заранее запрограммировано и продумано.

– Господи! – взмолился я, – но ведь есть природные катаклизмы, и в них люди гибнут тысячами, есть несчастные случаи, в конце концов, есть войны, и на войне умирают миллионы людей. Ну почему же так?

– И о катаклизмах природа так или иначе извещает заранее, и разумный человек может их избежать, не строить свои жилища

там, где они бывают... И несчастные случаи происходят по вине того же человека: аварии, связанные с головотяпством людей или их самонадеянностью, войны, они были и будут потому, что многие вопросы человек склонен решать не с помощью разума, а с оружием в руках.

Да, Я почти весь живой мир наделил свойством защиты своей территории, а иначе этот мир существовать не может. Без защиты границ своей территории ни один вид животного не выживает за редким исключением. Но у человека есть дар речи для общения, и он должен устранять противоречия между соседями, а он что делает? Ты хочешь, чтобы Я во все это вмешивался? Ты хочешь каждый раз видеть чудо, исходящее от Меня? Не будет этого никогда, потому что в этом случае человек полностью деградирует. Он станет аморфным. Он будет просто нежизнеспособным!

– Но, Господи! – опять взмолился я, – помог же Ты евреям, Твоему народу, избежать повторного плена, когда они бежали из Египта...

– Не говори так, – прервал меня Он, – да, Иисуса Я выбрал, как Сына Моего, из еврейского народа, да и все апостолы тоже были евреями, и тем не менее все – Мои дети, и Я не делаю различия между вами. Надо только верить и еще раз верить в Меня и не пытаться обманывать Меня показными действиями. Так ли уж много Я от вас хочу?

– Хорошо, – продолжал я. – Ты раздвинул море перед бегущими, Ты потопил в нем армию Навуходоносора, Ты кормил беглецов манной небесной, Ты делал все, чтобы они выжили. И они выжили. А почему Ты не пришел им на помощь, когда фашисты уничтожали их миллионами в газовых камерах и расстреливали всех подряд: стариков, женщин, детей?

– Во Второй мировой войне фашисты уничтожали не только евреев, но и поляков, и русских, и многих, считая их виноватыми перед рейхом...

– Но евреи были виноваты только в том, что они евреи, разве это не чудовищно? – не выдержал я.

– Может, ты поставишь Мне в вину и геноцид армян со стороны турок в пятнадцатом году? – довольно сурово вопросил Он.

– А что, разве это не так? – запальчиво выкрикнул я, – разве не армяне первые среди христианских народов государственно узаконили у себя христианство в 301 году нашей эры? А Ты спокойно смотрел сверху, как мусульмане истязали и вырезали преданный Тебе народ? И теперь Ты хочешь, чтобы они верили Тебе и только Тебе?

– Тебе не кажется, что ты начинаешь наглеть? – вдруг гневно произнес Он.

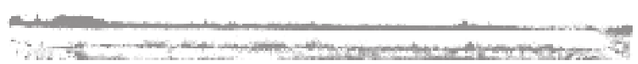
– Прости, Господи, но Ты же Сам сказал, что ответишь на все мои вопросы, – или почти на все, – пролепетал я испуганно.

– Ладно, человек, – изрек Господь примирительно, – теперь слушай Меня внимательно и не перебивай. Я помог евреям бежать из плена потому, что еще немного – и этот разумный народ полностью растворился бы среди египтян и совсем исчез с карты Мира. А этого Я ни в коем случае не хотел. Многие из них тогда уже были людьми с душами рабов. При первых же трудностях в пути начинали ныть, обвиняя Моисея в том, что он вывел их из плена, чтобы всех умертвить, и что лучше бы им было остаться в Египте. Именно поэтому Я водил их сорок лет по пустыне, чтобы поколение с таким душевным устройством вымерло, и на смену пришло поколение отважных, свободолюбивых людей. Сам понимаешь, не так уж велика пустыня, чтобы сорок лет скитаться по ней. Они выжили и построили свое государство. Но, к сожалению, эта история их мало чему научила. В дальнейшем высокомерие и страсть к наживе захлестнули их полностью. Иначе почему, будучи рассеянными по миру, они вызывают столь яростное отторжение почти у всех иных народов Земли? Погромы, издевательства, гонения со стороны других наций постоянно преследуют их. Может, ты и в этом обвинишь Меня?

Теперь об армянах. Да, истории ваших народов, евреев и армян, очень похожи, и многострадальны они по той же причине. За исключением того, что если евреи научились держаться вместе, чтобы выжить, вы, армяне, до сих пор этого толком не усвоили. Держись вы сплоченнее в период геноцида, обороняйся вы от турок не разрозненно, а сообща, такого количества жертв не было бы. Вы, как и евреи, нацелены на наживу, так же завистливы и хитры, разве что в высокомерии по отношению к другим народам вас обвинить нельзя.

Итак, надеюсь, ты понял, что человек сам виноват во всех своих бедах, а народы – в своих трагедиях?

– Прости, Господи, кажется, понял, – ответил я сокрушенно.



ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ

Ксения Егоровна, одинокая старушка, который пошел девятый десяток, знала, что жить ей осталось недолго. Врачи поставили диагноз, и звучал он как приговор. От операции она отказалась. «Сколько проживу, столько проживу!» – сказала Ксения Егоровна и перевела все свои сбережения на внуков, только отложила небольшую сумму себе на похороны, заранее указав невестке место, где деньги будут спрятаны. Изба, сделанная из савана, медленно и неуклонно разрушалась. В ней она прожила последние тридцать лет, а ремонтировать не было никаких сил. Платить же деньги за ремонт кому-нибудь из односельчан не хотелось. Вокруг – сплошная пьянь, деньги возьмут, а ничего толком не сделают, одна надежда на внуков, а те, как всегда, очень заняты. Так и жила, ожидая смерти.

Сегодня у нее было как-то особенно тяжело на сердце. Затопила печь и села на табуретку возле нее, кутаясь в шаль. Шаль была мягкая, теплая, сама вязала. Березовые поленья горели с треском, искрясь, и жар от них был хороший, особенно когда дверца печи была чуточку приоткрыта. Смотреть на огонь было и приятно, и грустно. Перед глазами медленно проплывала вся ее жизнь, начиная с малых лет, с тех пор, как Ксения Егоровна себя помнила.

Семья была раскулачена в тридцатые годы, хотя какой там кулак ее отец, труженик, только и всего. И кто в кулаки-то его записал? До сих пор остается загадкой. Отобрали все, что только можно было отнять, но, слава Богу, не выслали, можно сказать, повезло, а сколько сельчан было выслано, многодетных, не то что их семья – отец, мать да маленькая Ксюша, сколько из них по миру пошли и пропали, страшно вспомнить. И все это стояло перед глазами Ксении Егоровны.

Потом началась война, миллионы жизней унесла. Одни рады были приходу немцев, такие, как правило, шли в полицаи и вообще с удовольствием сотрудничали с новой властью, а другие возненавидели фашистов и уходили в леса к партизанам. Отец в лес не ушел, семью надо было как-то кормить, но новая власть тоже была ему не по душе, и он время от времени помогал партизанам, чем мог, и делал это так скрытно, что не вызывал подозрения у фашистских приспешников, да и выглядело это вполне естественно, ведь был он из числа вроде бы недовольных советской властью.

Но партизаны в Белоруссии не давали немцам покоя. Взрывали железнодорожные составы, мосты, военную технику. Истребляли личный состав армии оккупантов, и делали это так успешно, что земля горела под ногами у иноземных захватчиков, и вызвали не только страх, но и лютую ненависть у карателей, которые, в свою очередь, отвечали чудовищной жестокостью по отношению к безоружному мирному населению.

В один из таких дней, а день был теплый, солнечный, неожиданно прозвучал призыв со стороны новых властей: всем жителям села собраться на центральной площади возле церкви. Требование было именно такое: явиться всем, вместе со стариками и детьми, вроде бы для того, чтобы выслушать какое-то очень важное сообщение от нового коменданта. Отец Ксюши заподозрил подвох и велел дочке оставаться дома и спрятаться на всякий случай в погребе. Сами же родители не пойти не могли, полицаи врывались в дома и всех выгоняли. Немного позже девочка услышала трескотню пулеметных очередей. Сердце екнуло...

Ночью, тайком пробравшись к площади, она увидела гору трупов. Села больше не было, и искать родителей в этой куче было бесполезно. Она подалась в соседнюю деревню к родственникам и там дождалась конца войны.

После войны Ксюша сошлась с местным пареньком, таким же сиротой, как она, и не было у них ни свадьбы, ни жилья толком, ничего, даже и настоящего чувства с его стороны. Вскоре разошлись, и Ксения вернулась в свое село, так как хотя в дома стали вселяться новые люди, но дом ее родителей пустовал. Очистив дом от накопившегося мусора и кое-как прикрыв чем попало окна с выбитыми стеклами, она стала мало-помалу обживать свое жилище. Было холодно и голодно, но так трудно приходилось не ей одной. Поначалу ей было тоскливо по вечерам, но однажды она почувствовала под сердцем зарождение новой жизни. Все вдруг преобразилось. Теперь ей было ради кого жить! Она мечтала, чтобы родился мальчик, как-никак, опора на старости лет. И Бог услышал: родился сын. Растили всем селом, а вернее, тем, что осталось от него. Ксения назвала мальчика Егором в честь своего отца, и фамилию дала свою. Родной отец нашел себе другую сожительницу и не появлялся, хотя и знал о рождении сына. Ксения, сирота и полунищенка, даже на алименты не подала. Женская гордость оказалась сильней голода и лишений.

Егорка рос крепким и смышленым мальчиком. Редко болел и в уличных драках со сверстниками не давал себя в обиду. Соседи часто жаловались на него, но маму он слушался и крепко любил, и Ксения была довольна. Она не скрывала от сына, кто его отец, но и не способствовала их встречам, и скоро Егор понял, что по существу отца у него нет.

Шли годы, сынок превратился в подростка, потом в юношу, закончил школу и решил поступать в военное училище. Мать не очень одобряла такой выбор.

– Закончишь учебу, и пошлют тебя служить к черту на кулички, а как же я? – спрашивала она у сына.

– Я тебя никогда не оставлю одну, – отвечал он. – Даю слово тебе, я найду возможность сделать так, чтобы мы всегда были вместе, но иначе поступить я не могу. Ведь даже в школе, маршируя на «военке», я чувствовал, что меня как будто кто-то ведет...

И мать смирилась с участью всех матерей – родить, вырастить, а потом волноваться и ждать...

В училище Егор поступил и учился с охотой и прилежанием. На летние каникулы приезжал домой и все лето старался помогать матери по хозяйству. То крышу починит, то забор выправит, не говоря уже о других мелочах. Вечерами же ходил на танцы в местный клуб при Доме культуры.

Однажды Ксения увидела, как сын беседует с темноволосой девушкой из соседнего села. Сердце матери учащенно забилось. Пригляделась: Господи! И не из наших, не русская. Поспрошала у соседей – те ей сказали, дочь учительницы, еврейка. Не по себе тогда стало, вспоминала Ксения Егоровна, но вот почему? И сама теперь на этот вопрос ответить не может. Спросила тогда у сына, насколько все это у него серьезно. Ответ был: «Мама, мы любим друг друга».

Значит, судьба, подумала мать, а как на это посмотрит Бог? И тут же отбросила эту мысль: а как он смотрел на то, как немец расстреливал всех жителей деревни, женщин, стариков и детей, а куда Он смотрел, когда фашисты сжигали сотни сел вместе с людьми, и сирот после войны остались тысячи, если не миллионы?

...Егор успешно закончил училище, женился на Этель и получил назначение не к черту на кулички, как предполагала мать, а во вполне благополучное место – одну из прибалтийских республик. И слово свое он сдержал, мать взял к себе, и зажили они втроем – Егор с молодой женой и бесконечно дорогая ему мама. А потом появились дети, сначала дочка, а через четыре года – сын. Сколько же было счастья у них в этой жизни? Сосчитать трудно. Изредка, правда, появлялось небольшое напряжение в отношениях свекрови и невестки, но Егор умел вовремя сгла-

живать его, и до открытого недовольства, а тем более скандалов никогда не доходило.

О Боге в те советские времена вспоминать было не принято, а уж тем более – благодарить Его за счастье. Считалось, что своей судьбой человек руководит сам, значит, и счастью своему сам хозяин. Да и о каком Боге могла вообще идти речь, когда Егор уже стал коммунистом (надо было расти по службе)? Родители Этель уцелели во время войны только потому, что эвакуировались в Среднюю Азию, а оставшихся в Белоруссии евреев фашисты уничтожили всех до единого, и вина у всех их была одна – что они евреи. Значит, и тут участия Господа не было.

Нельзя сказать, что Ксения Егоровна совсем не верила в Бога, но вспоминала о Нем очень редко, да и православной церкви в той области, где служил сын, не было. Вот так само собой и сложилось, что Бог им был не нужен, а может, и они Ему – тоже не очень. Хотя Библия говорит, что Он любит всех нас, как праведников, так и грешников, ведь даже на кресте Иисус обратился к Отцу Небесному: «Прости им, Господи, не ведают, что творят». Но в то же время там сказано, что Бог не прощает хулы на Себя и может наказать за идолопоклонничество. А какой коммунист не хулил Бога, считая Его несуществующим, религию – опиумом для народа, а Иисуса – Единородного Сына Господнего – плодом народной фантазии? А вместо Бога они выбрали небольшого роста человечка, лежавшего в стеклянном гробу в специально построенном для него мавзолее. И никому из них не приходило в голову, как чудовищно все было искажено, перевернуто с ног на голову. Как ужасно изуродовано их сознание! Система, которой они служили и поклонялись, была бесчеловечной. И чем безумнее она становилась, тем больше в средствах массовой информации ее возвеличивали, в конечном итоге превращая свободного человека в зомби. И лично мне думается, что начало человеческой трагедии лежит как раз в этих временах.

Десять лет продолжалось счастье этой семьи. И вдруг, как гром среди ясного неба, врачи обнаружили у Егора рак горла. Егору было всего тридцать лет, двое детей, молодая жена, не имеющая определенной профессии, и мать-уборщица... Материально семья только-только начала становиться на ноги. Егор был главным кормильцем – и должен был лечь на длительное лечение. Но деваться некуда, лишь бы выкрутиться из этой страшной болезни. В палате, где лежал молодой офицер, было несколько человек с тем же диагнозом, и все – люди пожилые. И все они

вылечились! А он – нет. Сыну Ксении Егоровны исполнился тридцать один год, когда его не стало.

Весь этот год, пока он болел, не сосчитать, сколько раз она бегала в церковь, сколько ставила свечей, умоляя Иисуса Христа и Матерь Божию, и самого Отца Небесного пощадить, простить грехи и сохранить жизнь ее сыну. А сколько раз не верившая раньше в Бога Этель посещала синагогу и молилась за мужа! Ничего не помогло. Он умер.

С тех пор Ксения Егоровна о Боге вообще не говорила и в церковь не ходила, а сейчас и сама ждала смерти, ждала спокойно, считая, что пожила достаточно.

...Через два дня она получила последнее заключение от врачей: анализы чистые. Злокачественная опухоль желудка куда-то исчезла. Врачи разводили руками в недоумении: опухоль пропала сама собой.

Остался у Ксении Егоровны кровоточащий вопрос: «Почему Господь продлевает жизнь мне и не продлил ее моему сыну?»

Не делай себе кумира
и никакого изображения...
Заповедь вторая

СОН ВТОРОЙ

Я быстро шел по узкой тропинке дремучего леса по направлению к маленькой часовне, стоящей под высокими деревьями. День выдался не жаркий, земля была мокрой от недавно прошедшего проливного дождя. Тропинку часто пересекали толстые корни многолетних деревьев, и надо было высоко поднимать ноги, чтобы не наступить на них и не поскользнуться. Я вдруг понял, что в глубине леса стоит часовенка, и кто-то меня в ней ждет. Кто мне это подсказал? Не знаю. Но я твердо знал, что медлить нельзя, а значит, путь будет долгий. Я прибавил шагу в надежде, что до полной темноты достигну цели.

От быстрой ходьбы неистово билось сердце, стучало в висках, мучила жажда, которую я утолял, облизывая листья деревьев, да еще донимали москиты. Очевидно, «аромат» моего потного тела действовал на них опьяняюще, и они целым роем сопровождали меня в этом душном лесу.

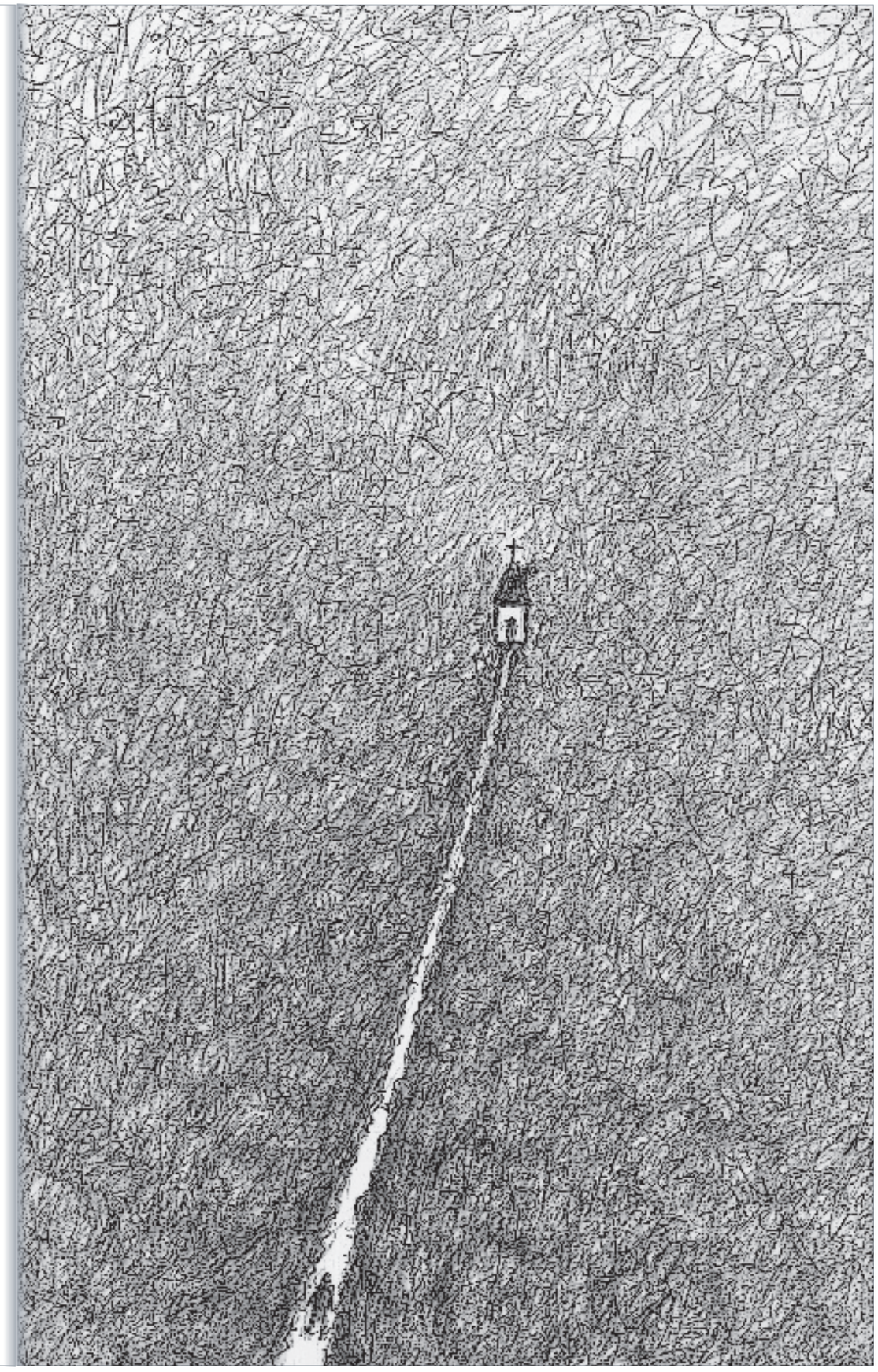
И вдруг я почуял запах дыма. «Неужто горит лес?» – подумал я и решил идти в этом направлении. Запах был слабым, временами совсем исчезал и потом вновь появлялся, а темнота все сгущалась, и наконец я увидел небольшую избушку с крестом на остроконечной крыше. Это и была та самая часовня, к которой меня так неумолимо влекло.

Подойдя поближе, я увидел и дымок, идущий из трубы на крыше, и обрадовался: значит, лесного пожара нет и, что самое главное, внутри кто-то есть, и этот кто-то, должно быть, ждет меня.

Приблизившись, я постучал в дверь. Ответа не последовало. Постучался еще раз – результат тот же. Тогда я осторожно надавил на дверь, и она поддалась.

Вошел в горницу, а затем и в основное помещение.

Внутри все стены были обвешаны иконами, а в глубине стояла изразцовая печь, и в ней горели дровишки. Возле печи стояли два стареньких плетеных кресла, а в комнате не было никого, ни единой души. Справа от печи – тоже небольшая дверь, ведущая непонятно в какое помещение. Я постучался в нее – также ни от-



вета, ни привета. Приоткрыв дверцу, я увидел маленькую комнатушку, где были кровать, стол, тумбочка возле кровати и зеркало на стене – больше ничего и никого. В недоумении я вернулся в большую комнату и хотел присесть на кресло у печи, и вдруг ясно услышал чей-то голос:

– Сядь напротив.

Я вздрогнул, оглянулся еще раз и убедился, что так же, как и прежде, в комнате никого нет, но подчинился голосу и сел в противоположное кресло.

В кресле же напротив, в которое мне не позволили сесть, стал медленно выявляться человеческий силуэт, все больше и больше приобретая вполне реальные, осязаемые формы. Приглядевшись, я с удивлением узнал Его. Это был Сам Господь Иисус Христос.

– Ну, здравствуй, Рафи! – молвил Господь.

– Откуда Ты знаешь мое имя? – заикаясь спросил я.

– Я не был бы Господом, если бы не знал его, и не только твое, но и всех христиан, последовавших за мной, за моим учением, и исполняющих Мои заповеди.

– Во все времена? – продолжал я заикаться.

– Во все, – спокойно ответил Он.

– Но ведь их так много, живущих по Твоим заповедям, как Ты умудряешься всех запомнить?

– Не так уж много, как ты думаешь, – с оттенком горечи ответил Иисус, – а насчет Моей памяти ты забываешь, что и память у Меня божественная.

– Мне бы такую, – невольно вырвалось у меня.

– Грешно тебе жаловаться, Я и без того тебя одарил отменной памятью, – укоризненно взглянув на меня, сказал Господь. И тут я вспомнил: друзья всегда считали, что у меня феноменальная память от природы, а вот сейчас я выяснил, что не от природы, а от Бога.

– Прости меня, Иисус, прости еще раз, я это сказал не подумавши, – испуганно затараторил я.

– Ладно, оставим это, Я все понимаю, – с божественным достоинством молвил мой Господин. – Ну, так спрашивай, что у тебя на душе? – закончил Он.

– Я вот насчет второй заповеди, – робко начал я, – не делать себе кумира и никакого изображения. Почему? Разве не может достойный, благородный человек, праведно проживший свою жизнь, стать кумиром для какого-нибудь другого, молодого человека, начинающего свой жизненный путь во Христе, то есть в Тебе?

– Нет, не может, не рекомендую, – ответил Он.

– Но почему? – перебил я Его, поддавшись азарту.

– Сейчас объясню, не спеши.

– Ой, прости, это я по привычке, вечно всех перебиваю, когда спорю.

– А мы с тобой и не спорим. Ты спрашиваешь, а Я тебе отвечаю. И так почему? Да потому, что всему живому на Земле свойственно ошибаться, и это естественно. Даже то, что в какой-то момент жизни может показаться совершенно справедливым, спустя много лет в исторической протяженности выявляется как ошибка, и наоборот! Неоспоримой, конечной истиной владеет только Отец Небесный, Творец Вселенной, ну, и Я с Его помощью. В доказательство Моих слов вспомни историю советского государства, и не только его.

– А апостолы, когда они были живы и находились рядом с Тобой?

– И они ошибались и при Мне, и после Меня, хотя Я должен признать, гораздо меньше, чем какой-либо другой живущий на земле праведник. Вспомни того же Петра, отрубившего ухо стражнику при Моем аресте в Гефсиманском саду и потом трижды отрекшегося от Меня, или Фому неверующего, в своем сомнении решившего до Меня дотронуться, дабы убедиться, что Я не призрак. Да и все они не раз засыпали тогда, когда Я им говорил не спать, пока Я продолжаю в молитве общаться с Богом, много других случаев, не вошедших в Библию. Вспомни, в конце концов, Иуду Искариота, ведь он тоже был мой ученик, правда, он потом раскаялся и даже удавился, но факт остается фактом. Всему человечеству свойственно ошибаться, иначе по Земле ходили бы не люди, а боги, а, как ты сам понимаешь, это исключено.

– Прости меня заранее, но не могу не спросить: а Ты Сам, пока был живой, Ты ошибался?

– Я – нет, никогда.

– А как же так может быть, ведь и Ты был из плоти и крови, как все остальные люди?

– Запомни, Рафи. Я не ошибался лишь только потому, что Меня вел, Мною руководил Мой Отец Небесный. Я постоянно слышал Его голос в себе, на то я и Сын Его Единородный.

– Спасибо Тебе, Иисус, с этим мне теперь все ясно. Тогда второе. Почему не делать изображения, я ведь художник, и вообще – сколько в искусстве шедевров создано художниками с Твоими изображениями, ведь Ты же и Сам это знаешь.

– Посмотри на меня, Рафи, и сравни с иконой, изображающей Меня и висящей надо Мной. Очень я похож на нее?

– Как-то узнать можно, но должен признать, не очень.

– Правильно. А как по-твоему, почему?

– Да потому, что воочию ни один иконописец Тебя не видел.

– Именно это Я и хотел от тебя услышать. А теперь вспомни, сколько в истории человечества было лжецарей, лжепророков и других авантюристов, выдававших себя за великих людей, и все это у них сходило до определенного времени потому, что людям свойственно увлекаться внешним. Ну, если говорить проще, к примеру, молодой человек, влюбленный в девушку, в первую очередь, естественно, в ее внешность, видит в ней саму добродетель, саму искренность и бесконечную преданность. А так ли это бывает всегда на самом деле?

– К сожалению, нет, – со вздохом ответил я.

– Или девушка влюбленно смотрит на статного красавца и видит в нем само благородство, надежность и т.д., и не подозревает, насколько может быть развращен этот красавец, стремящийся только использовать ее в своих грязных целях, при этом она совсем не замечает неказистого парня, искренне ее любящего. Конечно, это верно не во всех случаях, но не говорит ли все это о том, что люди, увлеченные эффектной внешностью субъекта, нередко ошибаются в нем?

– Конечно, Ты прав, Иисус, я и сам часто замечал такое.

– А теперь представь себе, что люди очень хорошо знают Мое лицо, и кто-то встретился им в жизни, как две капли воды похожий на Меня, и этот Мой двойник вдруг заявляет, что он и есть Я, и в придачу этот Лжеиисус претендует ни много ни мало как на второе Мое пришествие. Ты можешь себе представить, сколько вреда, сколько бед может натворить этот бедолага, преследуя свои преступные цели?

– Да, страшно подумать, – вконец расстроился я.

– Я рад, что ты все правильно понял, – сказал Господь, вставая. Поднялся и я, понимая, что разговор окончен.

– Так что же, Господи, значит, нам никогда Тебя не изображать, не рисовать?

– Отчего же, рисуйте, продолжайте творить, но теперь уж в силу своего воображения, все равно это будет далеко от подлинного Моего лица.

– Прости, Господи, но ведь я теперь вижу Тебя, а зрительная память у меня хорошая...

Иисус искренне расхохотался и сквозь выступившие от смеха слезы добродушно изрек:

– А кто тебе сказал, что Я пришел на встречу с тобой в истинном Своем виде? Вспомни, сколько раз после воскресения Я приходил повидаться со своими учениками, и каждый раз выглядел по-новому, в ином облике. Если ты не помнишь, Я тебе подскажу: сорок раз. Так что не строй иллюзий, дорогой Рафи, и не расстраивайся по этому поводу. А теперь иди в соседнюю комнату и ложись там отдыхать до утра. Там все для тебя приготовлено, ужин и чай в тумбочке. Всего тебе доброго.

С этими словами Он исчез так же, как и появился, медленно растворяясь в пространстве.

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

Геворк свято верил в советскую власть, в коммунистическую партию и в самого Ленина, а объектом подражания для Геворка был, есть и всегда будет товарищ Дзержинский, «железный Феликс». Именно поэтому в восемнадцать лет он поступил на службу в КГБ и очень гордился тем, что стал чекистом.

Сейчас, когда он, полковник в отставке, прослуживший верой и правдой своему отечеству, Советскому Союзу, стал стар и немощен, невеселые думы нередко одолевали его умудренную опытом голову, а главной и, пожалуй, самой удручающей данностью стало то, что он не понимал своего сына, сына, в которого вложил всего себя без остатка и которого он так любил, так гордился им, таким честным, порядочным и благородным человеком, не чета этой развратной современной молодежи. Да ведь и Армен, сын Геворка, до недавнего времени так же гордился отцом, мужественным и стойким мужчиной, истинным воином со множеством орденов и других отечественных наград.

Так что же произошло? Откуда пошла эта трещина в их отношениях, маленькая, еле заметная – и превратившаяся в широкий ров, отделяющий отца от сына и сына от отца? С чего все началось? С перестройки, будь она трижды проклята. Нет. Пожалуй, еще раньше.

Помнится, как-то, еще подростком, Армен спросил у отца:

– Пап, а как по-твоему, Бог есть?

– Да ты что, Армен? – удивился Геворк, – разве тебе в школе не говорили, что Бога нет, что его придумали люди, которые были темными и не умели объяснить разные природные явления, такие, как затмение Солнца, землетрясения, наводнения...

– Говорили, говорили, – задумчиво сказал Армен, – но тогда кто же это все так ловко придумал?

– Что все? – еще больше удивился Геворк.

– Ну, вообще все, и воздух, и землю, и животных, и насекомых, и нас, людей?

– Ну, это миллиарды лет назад каждый вид произошел от предшествующего вида, например, мы от обезьян, а они – от еще какого-нибудь вида, схожего с ними.

– Нет. Ты меня не понял. Я говорю: с самого-самого начала. Как она образовалась, самая первая обезьянка, или как там ее называли раньше? И вообще – разве мы можем происходить от обезьян, ведь они такие некрасивые по сравнению с людьми?

– А при чем тут это, красивые они или некрасивые, – возмутился Геворк, – просто человек постепенно приобретал ту самую внешность, какую на сегодняшний день имеем мы с тобой, и на это ушла не одна сотня тысяч лет, вот и все.

– Как это при чем, – в свою очередь возмутился юный Армен, – ты же сам говорил, что полюбил маму за красоту, что же, по-твоему, и наша мама когда-то, пусть миллионы лет назад, была обезьяной?! Никогда в это не поверю. Хотя ты не думай, что я не люблю обезьянок. Я их очень даже люблю, они такие милые, но совсем не так, как людей, и уж конечно, не так, как маму.

Геворк долго смотрел на сына и не знал, что ему ответить. И тогда впервые у него мелькнула мысль: а так ли по-детски наивно поставил вопрос Армен?

Сколько раз за свою жизнь Геворк видел, как человек вел себя хуже любого животного, хищника. Что же получается – в процессе эволюции он становится все хуже и хуже? Тогда зачем весь этот процесс? Абсурд какой-то. Имея все: пищу и одежду, и не просто крышу над головой, а хоромы, власть и деньги, он – человек – не становится добрее, и примеров тому немало. Более того, познавая законы природы и используя ее ресурсы, он методично отравлял окружающую среду. Ведь не секрет, что выхлопные газы машин и заводские отходы скоро так отравят все вокруг, что в недалеком будущем дышать будет нечем. И вина за все это лежит только на человеке, представителе высокого разума на Земле. Уж лучше бы он оставался обезьяной. Это если исходить из основ теории эволюции по Дарвину. А если все же человека создал Бог, то есть высший вселенский разум, следует задать вопрос: зачем Он создал его таким? Вложив в него искру Своего разума, тем самым все испортил, как всегда? Ерунда какая-то получается. И по Дарвину плохо, и по Библии не лучше.

«Ладно, – подумал Геворк, – этот вопрос мне все равно не решить, в конце концов, я не ученый, а вот с Арменом медлить нельзя, наши отношения становятся все хуже и хуже. И виноваты тут не дарвинизм, не марксизм и уж конечно, не Господь Бог, а скорее всего я и только я. Может быть, поговорить с ним по душам, как отец с сыном, как мужчина с мужчиной. Не как старший с младшим, тогда он сразу замкнется, и до сердца не достучаться. А как равный с равным, в конце концов, он уже зрелый муж и должен меня понять. У него тоже есть сын, и когда-нибудь и у него возникнут те же проблемы, что и у меня с ним, ведь сколько бы тысячелетий ни прошло, проблемы человеческие из поколения в поколение остаются все те же. Как ему объяснить, что каждая

эпоха по-своему формирует человека? Он рос в послевоенное время, более или менее спокойное, хотя не очень сытое, но наша семья не голодала, все, что можно было достать, я доставал. Не слишком шикарно одевались, но и в лохмотьях не ходили, а это уже было немало в сравнении с окружающей нищетой, присутствовавшей везде и всюду у нас после войны. Сейчас об этом уже не принято вспоминать. Молодежь живет с оглядкой на запад, мол, там все лучше и шикарнее, и в пример нам, старикам, приводят Германию. Что верно, то верно. У них тоже камня на камне не оставалось, как и у нас после войны, а какую сильную экономику они создали у себя! Да, если бы сын только знал, как мне обидно за мой, за наш народ. За народ-герой. Как мы верили вождям коммунистической партии, боготворили систему социализма! Думали, что только она может привести человечество к счастливому будущему. Скажи каждому из нас: умри за нее – умерли бы не раздумывая. Разве не так было и во время войны? И лучшее тому доказательство – наша победа, хотя и досталась она очень дорогой ценой. Ведь погибло наших чуть ли не вчетверо больше, чем немцев, а сейчас мы живем в десять раз хуже, чем они. Ничего не понимаю. А если я не понимаю, как я могу объяснить ему всю эту путаницу? И все-таки поговорить надо...

– Армен! – крикнул Геворк. – В дверях появился сын. – Тебе ничего не хочется мне сказать? – спросил Геворк сына, почти как в детстве.

– Ты о чем, отец? – удивленно спросил Армен.

– Ну, вообще, как твои дела, как твой бизнес?

– Все нормально, пап.

Опять эта односложность, отметил про себя Геворк. Ох уж эта молодежь, слова лишнего из них не вытянешь.

– Ну, а если подробнее?

– Да все нормально, отец, особых причин для беспокойства нет, но и особых радостей тоже. Не хуже, чем у других, у конкурентов, я имею в виду.

– Мне бы хотелось с тобой немного побеседовать, – несколько помедлив, сказал Геворк.

– Я слушаю тебя.

Немного поразмыслив, Геворк начал:

– Тебе не кажется, что наши с тобой отношения как-то изменились, стали холоднее, что ли?

– Я что-то не так сделал? – после паузы спросил Армен.

– Да нет, я не о том. Ты все делаешь, как надо. Я говорю о душе, о наших с тобой душевных отношениях. Прежде ты был

со мной откровеннее, как бы ближе душой, а сейчас я вижу, что ты больше откровенничаешь с женой, а про меня вспоминаешь редко.

– Но ведь и ты, отец, изменился после того, как не стало мамы.

– По отношению к тебе? – недоумевающе спросил Геворк.

– Нет, по отношению ко всему окружающему.

– И каким же я, по-твоему, стал? – продолжал Геворк.

– Замкнутым, угрюмым, жестким с людьми, – не раздумывая ответил Армен.

– Но ведь это естественно, сынок. Кто после такого удара судьбы не меняется? Только человек без души. Ты же знаешь, как я любил мать.

– Знаю, отец, но думаю, причина все же не в этом.

– А в чем же?

– Отец! Давай не будем на эту тему!

– Нет, ты мне все же скажи, уж коли мы начали этот разговор, то давай начистоту.

– Не мы начали, а ты его начал, – мрачно ответил Армен.

– Ну, пусть так, все-таки...

– Ну, хорошо, раз ты настаиваешь. Я просто не хотел тебя обижать. – Армен на минуту задумался. – Причина в том, что твоя служба в органах безопасности Советского Союза сделала тебя таким, какой ты есть, а кончина мамы все это только усугубила, обострила.

– Ну и какой же я есть? – уже с некоторым раздражением спросил Геворк.

– Ты веришь в то, во что ты веришь, а вернее, во что тебе приказали верить, и не допускаешь мысли, что, может быть, ты неправ. Разве не так? Ты же сам рассказывал мне, как вы, чекисты, расправлялись с вольнодумцами или, как вы их называли, инакомыслящими, помещая их то в психушку, то в лагеря вместе с уголовщиной, а то и вообще ликвидируя особо опасных под видом несчастного случая...

– Армен! Но ведь любое государство имеет право на самозащиту от опасного для него элемента. Разве с террористами кто-нибудь сейчас цацкается?!

– Они были не террористы, они просто по-другому думали, только и всего, а вы... Ах, ладно, отец, у меня нет времени, прости, мне надо идти...

Вот и поговорили, подумал Геворк и сокрушенно опустил голову.

Не произноси имени
Господа Бога твоего напрасно.
Заповедь третья

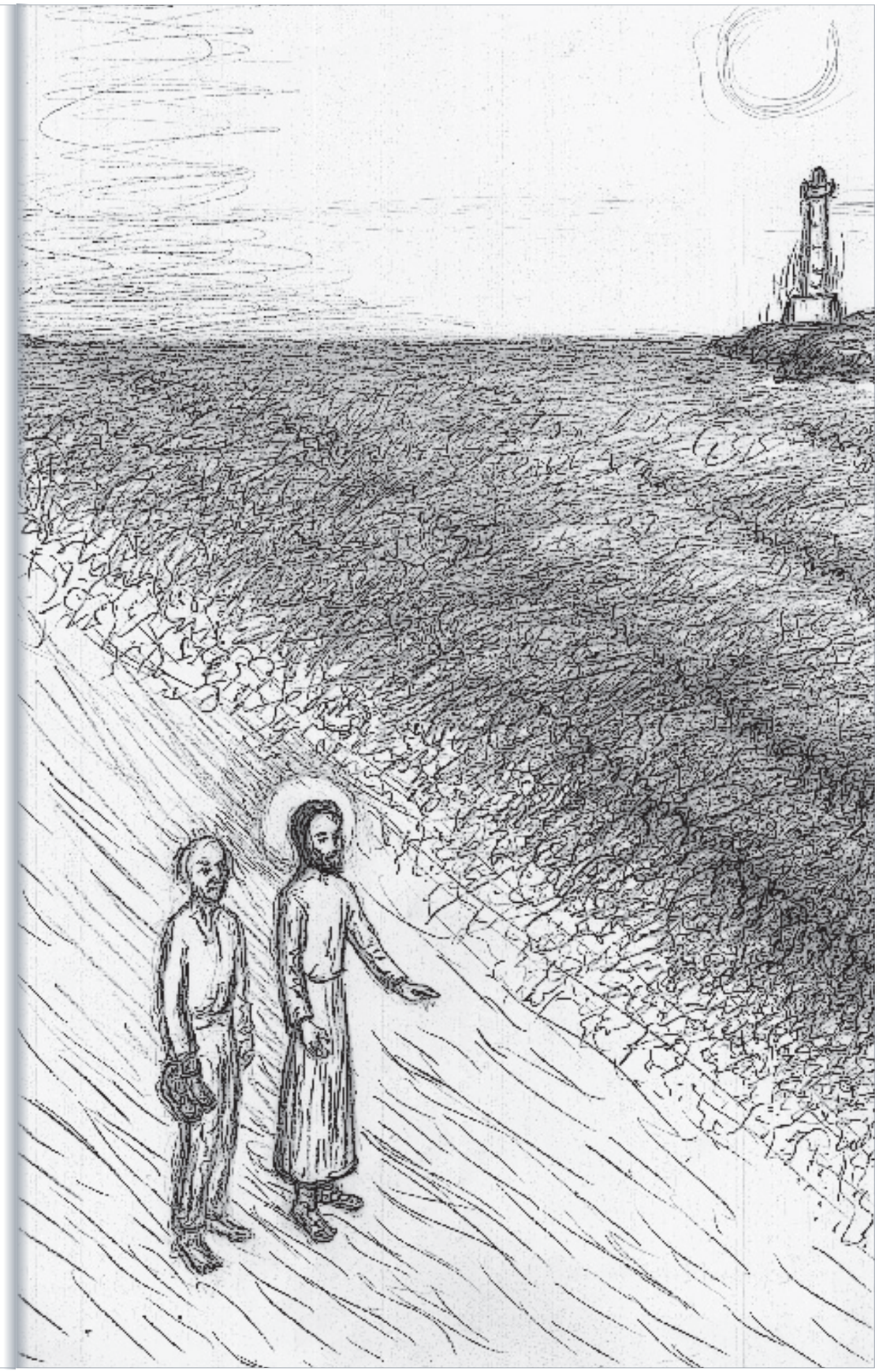
СОН ТРЕТИЙ

Сняв обувь, я долго шел вдоль берега моря, уклоняясь от временами набегавших на песчаную почву пенистых волн. «Почему я не вижу здесь ни души?» – задавал я себе вопрос, постоянно оглядываясь вокруг. Сегодня такое яркое солнце, можно подумать, у нас на севере оно частый гость. В иные дни пройти по пляжу невозможно, чтобы об кого-то не споткнуться, а сегодня на всем побережье ни единого человека. Господи, что же это такое, они что, все вымерли? Нет, такого быть не может! Вчера я был в городе и видел, как он живет обычной своей повседневной жизнью. Взад и вперед снуют машины, люди торопятся по своим делам, значит, ни чумы, ни проказы, слава Богу, нет. А сегодня суббота, горожане отдыхают кто как, кто дома, кто на даче, день прекрасный, небо ясное, воздух довольно теплый, так почему же совершенно пустынный пляж? Ничего не понимаю.

Господи Иисусе! Может быть, Ты мне объяснишь?

Ну да, конечно, одернул я сам себя, Господу нечего делать, как объяснять тебе, почему ты никого не видишь вокруг. И тут я заметил пробегавшую от дерева к дереву белку. Ну вот, подумал я, слава Богу, хоть одна живая душа!

– Мики! Мики! – позвал я ее, как принято подзывать белок у нас в Эстонии. Белка подбежала ко мне (ведь они у нас почти ручные) в ожидании, что я ее чем-то угощу. Господи, ну и старый же я дурак, ведь у меня ничего с собой нет, значит, обманул доверчивое животное. Если ты и с людьми так поступать будешь, сказал я себе, то немудрено, что вокруг тебя никого не останется! Ну, да ладно себя корить, с людьми я все-таки так не поступаю. Совесть моя чиста. А белка, обнаружив, что у меня ничего для нее нет, тут же отбежала и вскарабкалась на дерево. И опять пустынность и тишину нарушал только всплеск волн. А я продолжал идти. Сколько километров я прошел, не знаю, и куда я шел, тоже не знаю. Так, никуда, куда глаза глядят. Такое нередко со мной бывает.



И хожу я по этому миру,
И ищу я эту лиру,
Или как он зовется нынче,
Инструмент для прикосновенья
Пальцев, трепетных от вдохновенья...

– вспомнились мне строчки из стихов Леонида Мартынова. Гениальные стихи! Мне так никогда не написать... Ну и пусть, не всем же быть гениями... И тут я споткнулся, больно ударившись обо что-то босой ногой. Невольно у меня вырвалось: «Тьфу ты, Господи!» Нагнувшись и потерев ногу, я услышал:

– Перестань!

– Что?

– Перестань понапрасну вспоминать и взывать ко Мне!

Я повернулся на звук голоса и увидел сидящего на камне и пристально смотрящего на меня человека.

– Ты кто? – спросил я его.

– Я Тот, Чье имя ты произносишь понапрасну, – ответил Он.

Если бы кто-нибудь со стороны в этот момент видел меня, думаю, я запомнился бы ему если не на всю оставшуюся жизнь, то, во всяком случае, надолго. Более идиотское выражение лица придумать трудно. Представьте себе: стоит пожилой человек с отвисшей челюстью и хлопающими глазами и слова вымолвить не может. Сколько времени я так простоял, не помню, но наконец, очнувшись от оцепенения, выдохнул:

– Здравствуйте!

– Здравствуй! – ответил мне Иисус, а это действительно был Он, – и только, пожалуйста, со Мной на ты, ведь все верующие в Меня Мне – как братья!

– Хорошо, – выдавил из себя я.

– Ну, так о чем ты хотел Меня спросить? – спросил Он.

– Да вроде ни о чем, – ответил я, еще не придя в себя окончательно.

– Неправда, – твердо вымолвил Господь, – ты постоянно беседуешь со Мной, о чем-то спрашиваешь Меня, когда по существу, а когда и не очень. Ну, так вот. Я перед тобой, спрашивай, не теряй времени, сам понимаешь, ведь ты же не один у Меня.

– Да, да, – растерянно ответил я, – такая неожиданная встреча, как-то сразу и не сообразишь...

– Понимаю, – сказал Он, – садись вот тут, со Мною рядом, побеседуем.

Я сел не рядом, а на песок у Его ног, и продолжал зачарованно смотреть на Него.

Он взглянул на меня, улыбнулся и сказал:

– Ну, будет тебе, соберись с мыслями и задавай свои вопросы.

– Но их так много, – робко вымолвил я.

– Самые основные. Иначе беседа затянется надолго, – сказал Иисус, – а у Меня со временем туговато.

Наконец, собравшись с духом, я спросил:

– Почему Ты так редко являешься людям?

– Ну, тебе-то пожаловаться не на что, – с доброй усмешкой ответил Он.

– Да, да, я не о себе, я и сам не знаю, чем я заслужил такое внимание с Твоей стороны. Я говорю – вообще людям. Ведь на самом деле мало кто видел Тебя, как наяву, так и во сне.

– Правильно, – с достоинством произнес Иисус, – а многих ли ты знаешь таких, кто предан Мне всей душой, всем сердцем без остатка?

– Я предан, – с жаром выпалил я.

– Вот тебе Я и являюсь время от времени в разных видениях и в разных обличьях.

– А те, кто служит Тебе, священники, пасторы и другие духовные отцы, разве они не заслужили того же?

– Э-э-э, дружище... там все сложнее, чем ты можешь себе представить. Их слова нередко расходятся с действиями. Я-то все вижу и знаю. Да и вообще. Мое имя чаще вспоминают как бы между прочим, без особой надобности, не думая, что этим отвлекают Меня от серьезных дел. И ты, кстати, тоже грешишь этим. Ну-ка вспомни, сколько раз ты называл Меня, пока шел вдоль берега, а последний раз, оступившись, даже сплюнул: «Тьфу ты, Господи!» Нехорошо это.

Я, конечно, тут же взмолился:

– Прости меня, Господи, это я по недомыслию, по глупости своей.

– Знаю, – опять улыбнулся Иисус, – и поэтому не ставлю тебе в большую вину. Как у вас в народе говорят, со всеми бывает.

У меня от сердца отлегло, и я тоже улыбнулся Ему в ответ, а про себя подумал: а ведь действительно, он все видит и знает, и об этом не раз говорила мне моя бабушка, призывая вести себя достойно везде и всюду.

Затем он встал и предложил мне пройтись по пляжу. Он шел медленным шагом, постоянно оглядываясь вокруг. Лик Его излучал доброту и мягкость, в огромных голубых глазах светилась

великая любовь ко всем людям. Я подумал: как жаль, что сейчас никто, кроме меня, не видит Его таким. Надо же такому случиться, субботний день, и ни единой души на пляже, а погода как на заказ, лежи и загорай. Размышляя так, я пробурчал себе под нос: «И куда все подевались? Такой солнечный день, а пляж пустой!»

И вдруг я услышал слова Иисуса:

– А он и не пустой, он полон людьми, только ты их не видишь, и они не видят нас.

Я остолбенел:

– Как так?!

– А вот так, ответил Господь, – хочешь их увидеть?

– Конечно, – сказал я.

Тогда он подошел ко мне и провел руками по моему лицу. И тут же словно пелена сорвалась с моих глаз. Я увидел массу людей на берегу, услышал шум голосов детворы, пляж был так заполнен лежащими, играющими в волнах и резвящимися отдыхающими, что, как говорится, яблоку негде было упасть. В изумлении я повернулся в сторону Иисуса, но Его не было рядом.

– Ты где, Господи?

– Я здесь, только ты не видишь Меня. Ты в миру, а Я рядом с этим миром.

– Но я хочу к Тебе, Господи!

– Хорошо, но ненадолго, твое место пока рядом с людьми, ты нужен мне на земле, а ко Мне ты еще вернешься.

С этими словами Он опять предстал передо мной, и весь окружающий мир вновь исчез.

– Поразительно, – выдохнул я.

– Что тут поразительного? – спросил Он.

– Значит, мы с Тобой ходили сейчас по иллюзорному миру, но ведь пейзаж тот же самый, а мы идем и ни на кого не наступаем, ни на что не наталкиваемся... Как такое может быть?

– Очень просто, – ответил Иисус, – мы с тобой сейчас не материальны, и поэтому люди не видят нас и сами для нас невидимы, а вернее, для тебя. А пейзаж, он каким был тысячи лет назад, таким он и останется, если только сами люди его не испоганят. Так что все заранее осмыслено и потом сотворено Отцом Небесным. Вот и все. И так всегда было, есть и будет.

– Хорошо, Иисус, – сказал я. – Вот мы сейчас находимся в параллельном мире, а тогда почему я не вижу других душ, пришедших в этот мир до меня? Где они все?

– Не совсем так, – задумчиво произнес Иисус, – мы с тобой находимся в преддверии параллельного мира. Где ушедшие из

земной жизни души проходят чистилище. И каждая душа это переживает по-своему, с помощью ангела, ни с кем не контактируя и никого не видя. А потом совет старейших ангелов распределяет, кого куда, в какие слои.

– А сколько их, слоев, вообще? – с детским интересом спросил я.

– Много, – ответил Он, – очень много.

– И что, слои между собой не связаны, души не общаются?

– Отчего же, общаются, но не бесконтрольно, на все есть свой порядок.

– А в какой попаду я? – не удержался я от вопроса.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – сказал Иисус и с этими словами исчез.

ЖИЗНЬ ТРЕТЬЯ

Всю жизнь Василий проработал на шахте. Отец его тоже был шахтером, но рано погиб (в той же шахте, где работал Василий). Внезапный взрыв метана – и тридцати работников как не бывало...

Мать Василия так любила своего мужа и так горевала об его гибели, что тоже долго не протянула и ушла из жизни, оставив троих сирот, мальчиков, старшим из которых был двенадцатилетний Вася.

Комиссия по трудоустройству, желая помочь детям, хотела распределить их по детским домам, но Василий и сам наотрез отказался идти, и братьев не отдал, сказал, что прокормит их, и пошел работать в шахту. Конечно, ему было уже не до учебы, но братьев он не только вырастил, но и вывел в люди, обоим дав высшее образование.

Суровый, малоразговорчивый, жестковатый в общении с людьми, он не верил ни в Бога, ни в черта, и ненавидел одинаково как советскую власть, так и попов, считая их бездельниками и обманщиками.

Любил он очень своих детей, их у него было пятеро, и жену Марфу, но спуску не давал никому. Когда Василий был дома, все ходили на цыпочках. Дети, хоть и побаивались отца, тоже любили его, особенно им нравились его сильные заскорузлые руки, ласкавшие их в минуты нежности, в основном когда Василий был слегка навеселе.

Богобоязненная Марфа всячески старалась приобщить детей к церкви, чем нередко навлекала на себя гнев мужа. Однако она знала, как он любит семью, все прощала ему и долгие годы молилась об его спасении.

Дети Марфы и Василия, три мальчика и две девочки, росли умненькими и воспитанными, не в пример многим другим детям шахтеров, рано начинавшим прикладываться к спиртному, наркотикам и вообще тяготевшим к разным порокам, свойственным времени. Василий, хоть и вкалывал в забое за троих, хоть нажил себе кучу болезней и уставал безмерно, все же не был слепым и замечал разницу между своими детьми, которыми вроде бы мало занимался, и соседскими сорванцами. Иногда он удивленно спрашивал себя: «В чем же причина? Где кроется эта закавыка? Я веду такой же образ жизни, как все мои товарищи по работе, а у них сплошь и рядом дети растут вкривь и вкось, в отличие

от моих, таких смышленых и послушных? Мальчики занимаются спортом и неплохо учатся, девочки прилежные, проводят время в основном в школе и с мамой. Никто, к счастью, не пробовал даже курить. Конечно, я знаю, что тайком от меня они посещают какие-то собрания, где все вместе молятся Богу. Мне-то на эти собрания наплевать, для меня никакого Бога нет, не то что для моей фанатички-Марфы. Я-то боялся, как бы эти святые отцы не испортили мне детей, а получается, наоборот, они их направляют на путь истинный? Что-то тут не так... Надо бы поосновательней во всем разобраться, жаль, времени мало, а то сходил бы туда как-нибудь, послушал, о чем они там балаболят... Одно я знаю твердо: Бога нет! Если бы Он был, разве позволил бы нам троим остаться сиротами?! Чего только не пришлось нам пережить: и драться за кусок хлеба, и подворовывать иногда, и все же мы выжили, и уж конечно, не благодаря Ему.

И ни одна сволочь не протянула нам куска хлеба, ни один учитель в школе и уж тем более ни один священник! А если посмотреть на их отъевшиеся морды и на физиономии их отпрысков, то уж никак не скажешь, что они когда-либо в чем-то нуждались, мать их эдак...»

Шли годы, дети взрослели, а Василий старел, старела и Марфа – святая душа. Но если он иногда кряхтел и клял жизнь и власть (кстати, ни на один из ленинских субботников за всю свою трудовую жизнь он не пошел), то Марфа ни на что никогда не жаловалась и всегда была всем довольна и счастлива. Счастлива тем, что родила пятерых хороших детей, что все они вышли в люди и появились внучата, души не чаявшие в бабушке, и что один из сыновей, самый старший, стал священником... А то, что муж, вышедший на пенсию, иногда прикладывается к спиртному, так ведь не больше других, да и жизнь у него была такая тяжелая. Бог все видит и все знает. Как тут не благодарить Господа? Все прекрасно.

Ближе всех из сыновей ей был старший, Геннадий. Священником он стал не случайно – и посвятил мать в свою тайну. Будучи на распутье, не зная, как ему жить дальше, он как-то со слезами обратился к Господу с просьбой взять его жизнь в Свои руки и использовать по Своему усмотрению. Ответа ждать пришлось недолго.

Однажды, находясь в узком кругу молящихся, Геннадий ясно увидел, как все куда-то отодвинулось, провалилось, и в помещении появился Иисус Христос. В длинном красивом одеянии Он медленно направлялся к нему, как бы плывя на белом

облаке. Геннадию тогда было семнадцать лет. Ни до, ни после этого никакими галлюцинациями он не страдал. Геннадий дрожал как осиновый лист, а Иисус все приближался и приближался. Сам Господь не проронил ни слова, а глаза Его с такой лаской смотрели на Геннадия, что проникали насквозь, и в них читалась вся Библия, вся безграничная любовь к человечеству. Все это ввергало Геннадия в еще больший трепет.

Иисус подошел так близко, что облако физически коснулось Геннадия, и это прикосновение он потом помнил и ощущал всю жизнь. Так и простоял Геннадий всю молитвенную службу, не в силах вымолвить ни слова, продолжая дрожать всем телом.

Узнав эту историю, Марфа поняла, что один из ее сыновей – Божий избранник. Какая же может быть награда за всю ее праведную жизнь выше этой? Вот если бы еще Василия уговорить сходить в церковь и покаяться, тогда со спокойной душой можно будет в мир иной отойти.

Вот уже сорок лет Марфа молилась Богу о спасении души мужа. И, кажется, Бог услышал. Как-то вечером после ужина она увидела такое, что и не сразу смогла поверить своим глазам. Василий присел в кресло отдохнуть, а в руках у него вместо газеты была Библия! Марфа сделала знак детям: «Тише!» Младшие не сразу поняли, в чем дело, а сообразив, что происходит, притихли так, что и полет мухи в квартире мог быть услышан, как резкий, сверлящий звук.

Пять раз Василий перечитал Новый Завет от корки до корки и затем взялся за Ветхий.

В один прекрасный день он появился на пороге церкви и долго там стоял, оглядываясь и прислушиваясь к молитвам. Когда кончилась служба, он вдруг крупными шагами прошел через весь храм и молча стал рядом со священником. Так он стоял минуты три, поглядывая на уже расходившихся прихожан и на самого проповедника. Священник сразу понял все, что произошло в душе Василия, и улыбнулся ему, да и прихожане смотрели на него тепло и приветливо. Так Василий покаялся. Пусть по-своему, странно и неуклюже, но до конца и искренне.

Придя домой, он первым делом крепко обнял старшего сына и... поцеловал его. Поцеловал впервые за всю его жизнь.

Его отношение к жене тоже стало иным, более мягким и ласковым, и вообще Василия было не узнать – не только по его поведению в семье, но и по отношению к другим окружающим его людям. Василий понял главное: Бог есть. Он живой, и Библия

несет в себе истину, а истина заключается в доброте и терпимости ко всем, иначе в жизни нет смысла.

Более того, Василий, этот крайне скупой на слова человек, порой произносивший за день не больше десяти-пятнадцати слов, вдруг добровольно, без чьей-то просьбы, взял на себя обязанности проповедника. Как умел, часто нескладно и косноязычно, он старался донести до незнакомых людей текст Библии, глубинную суть заповедей Христа.

Выбирая в городе места с большим скоплением народа, например, привокзальную площадь, Василий становился на ближайшую мусорную урну, чтобы быть повыше, хотя ростом его Бог и без того не обидел, и громовым голосом (а он у него был действительно громоподобным) обращался к толпе. Конечно, не все были готовы к такой проповеди, но если кто-то пытался выразить свое неудовольствие или помешать ему, Василий, строго взглянув на нарушителя спокойствия, грозно рявкал:

– Заткнись и слушай!

Возражать при виде столь внушительной фигуры было боязно. И люди слушали.

Марфа была бесконечно благодарна Господу, она знала, теперь ее муж спасен, и на небесах он будет рядом с ней, когда придет их час предстать перед Богом.

Так они прожили семь лет. Это были самые счастливые годы в жизни Марфы.

Но нажитые от тяжелой работы болезни в конце концов сделали свое дело и одолели этого сильного, неординарного человека. Василий тихо и мирно отошел в мир иной. Перед смертью он желал людям только одного: жить во Христе и никогда не предавать Господа ни при каких обстоятельствах.

Помни день субботний,
чтобы святить его.
Заповедь четвертая

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

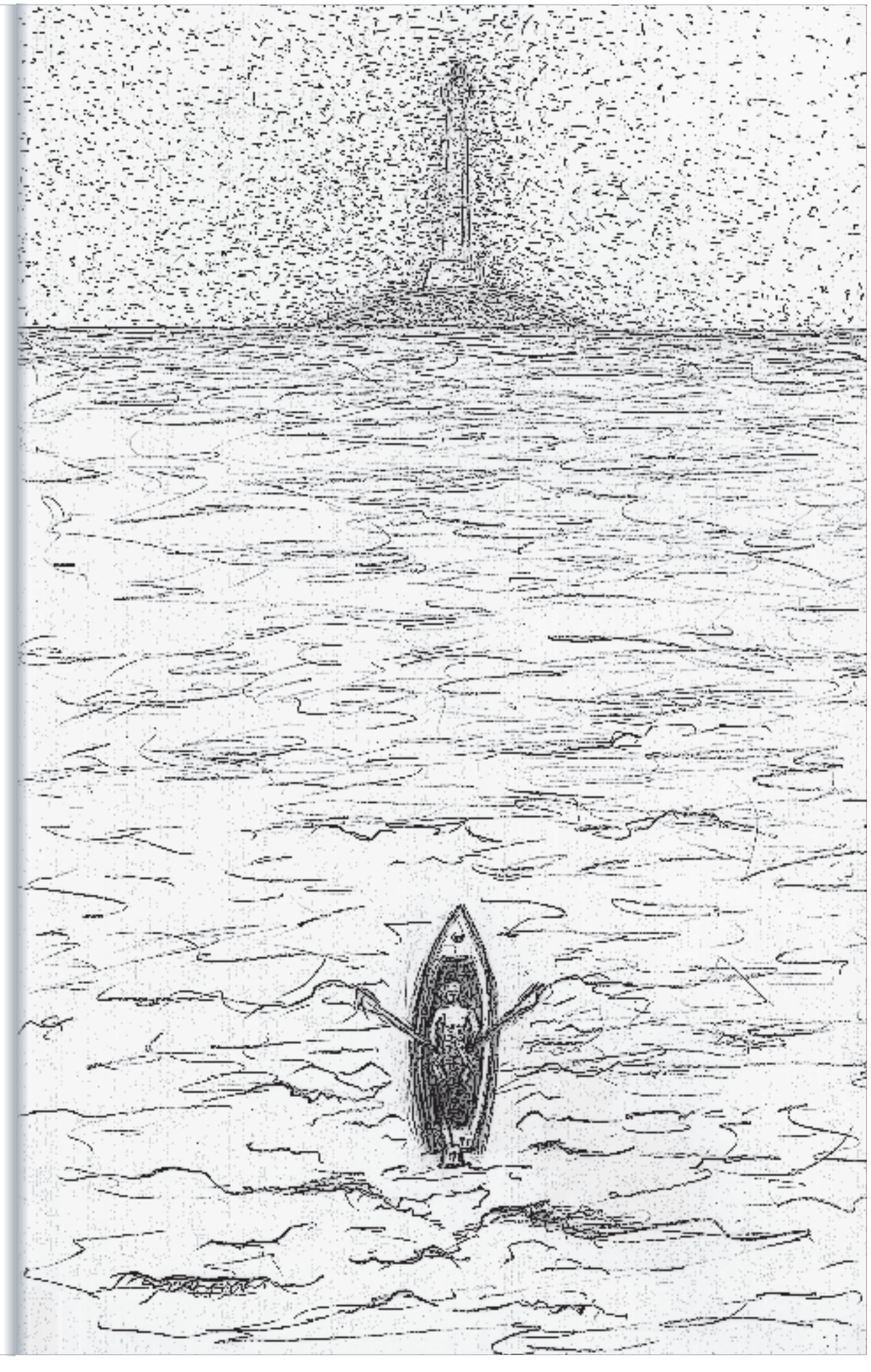
Передо мной была водная гладь большого озера. Я сидел в двухвесельной лодке и греб. Моей задачей было переплыть озеро, чтобы добраться до противоположного берега. Там у меня назначена встреча с кем-то, и от этой встречи будет зависеть вся моя последующая жизнь. Это я знал твердо, хотя никто мне об этом не говорил. День был субботний, небо было ясное, на озере ни ветерка. Вода была почти зеркальной, и эту ровную ее поверхность изредка нарушали рыбы и чайки. Первые высовывали свои головки, с любопытством оглядываясь вокруг, вторые пользовались их глупостью и тут же хватали их за эти головки. Я смотрел и размышлял о неумолимом порядке в природе: всегда кто-то служит кормом для кого-то, если не при жизни, то после смерти. Интересно, чьим ужином или обедом окажусь я?

И тут же я одернул себя: «Так уж тебе это важно знать, старый дурак? Следи за тем, чтобы самому никого не сожрать заживо!»

Изредка какая-нибудь рыба покрупнее подплывала к моей лодке, поднималась на хвост и пристально заглядывала мне в глаза. Признаться, в этот момент мне становилось как-то не по себе. Чего они таращатся на меня своими глазищами, что им надо от меня, задавал я себе вопрос. И вдруг я заметил, что вода вокруг моей лодки светлее и прозрачнее, чем вся остальная поверхность, и как я ни греб, медленно или быстро, эта картина не менялась. Отсюда я сделал вывод: я и моя шлюпка под наблюдением. С неба или из водных глубин, не знаю, но факт неоспорим. Вот и рыбы, таращившие на меня свои глазища, очевидно, заинтересовались удивительным явлением. Странно, очень странно, подумал я и еще с большей энергией налег на весла.

Уже начали побаливать руки, на лбу выступила испарина, а я все греб, временами оглядываясь назад, чтобы не сбиться с намеченного направления, а берега я все же ясно различить не мог и плыл почти наугад, пока вдруг не услышал голос:

– Иди строго по курсу, впереди маяк!



Я невольно обернулся и действительно увидел за своей спиной еле заметное мерцание маячного сигнала. Сразу и усталость как рукой сняло, и сила в руках появилась, и даже любопытство рыб мне стало больше по душе, да и голос мне показался удивительно знакомым, а лодка явно прибавила ходу.

Не помню, сколько часов я плыл, но, причалив к берегу, сел, откинувшись на корму, вытянул ноги и стал растирать пальцами выступившие на ладонях волдыри. Так я сидел минут двадцать. Затем, выйдя на берег, первым делом я решил осмотреться. И, к своему удивлению, обнаружил, что, во-первых, в обозримом окружении нет ни одной жилой постройки, не считая маяка, а во-вторых, у меня под ногами был не очень большой остров, а вовсе не материк, как мне казалось вначале. Но больше всего меня озадачило то, что я не видел ни одной живой души, и кроме крика чаек и слабого всплеска волн, никаких иных звуков я не слышал. Значит, мне тут придется робинзонить, подумал я. Должен сказать, мне стало несколько жутковато. И тут я услышал тот же голос:

– Если ты передохнул, заходи.

– Куда? – невольно вырвалось у меня.

– В башню маяка, и поднимись на самый верхний этаж.

Ну и ну, подумал я, подняться на самый верх после такого долгого плавания!

– Чтобы познать истину, надо потрудиться, – прозвучал тот же голос в ответ на мою мысль. Я, конечно, был изумлен. Значит, там есть кто-то, кто на расстоянии читает мои мысли!

– Именно так, – услышал я в ответ.

Итак, я начал свое восхождение по винтовой лестнице на самую верхушку маяка. Одолев лестницу, я оказался перед небольшой дверью. Приложив к ней ухо в надежде что-либо услышать, я замер. Ни звука. Постучался – и тут же услышал в ответ:

– Дверь не заперта, толкни от себя и входи.

Я подчинился. Войдя в небольшое светлое помещение, я увидел множество окон в форме иллюминаторов, круглых и, как я сразу заметил, с тройными стеклами. Мелькнула мысль: «Значит, тут бывает холодно». Стол, два стула и небольшая кровать в виде топчана. Сама комната была круглой, что понятно, ведь я в помещении маяка. Но самое странное, что в ней никого не было. И я подумал: кто же со мной говорил секунду назад?

Сзади раздался голос:

– Я.

Повернувшись в сторону голоса, я увидел человека, стоявшего ко мне спиной и пристально смотревшего через окно вниз

на море. Одежда на этом мужчине была какая-то несовременная, больше похожая на рясу, длинная, со множеством спадавших к ногам складок. Волосы у него были тоже длинные, почти до плеч, и, как мне показалось, была у него небольшая бородка, хотя со спины я больше предугадывал ее, чем мог разглядеть. Роста он был несколько выше среднего, примерно метр семьдесят шесть. Я четко помню, что, войдя в помещение и оглядевшись, я никого не заметил. «Когда же он мог появиться – и откуда?» – подумал я и вдруг услышал короткий смешок, а затем вопрос:

– Все удивляешься?

– Вы кто? – спросил я уже с оттенком раздражения.

– А как ты думаешь? – в свою очередь спросил меня человек, и мне послышалось лукавство в его вопросе.

– Откуда мне знать? – уже не скрывая раздражения, отчеканил я.

– А ты подумай, не кипятись, а подумай, – молвил мой собеседник.

– Мы что, знакомы, я слышу, вы со мной на ты, хотя я с вами на вы? – не удержался я.

– Можешь тоже говорить мне «ты», – прервал меня незнакомец.

– Спасибо, но я как-то не припомню, где мы с вами встречались, и вообще я не вижу вашего лица, может быть, вы будете так любезны и повернетесь ко мне лицом?

– Я с тобой встречаюсь каждый день, но ты меня не видишь, – доброжелательно произнес он.

– Как так? – продолжал удивляться я.

– А вот так, – сказал человек и стал медленно поворачиваться ко мне лицом.

– Гос... Господи, – упав на колени, только и мог вымолвить я, – почему Ты раньше мне не открылся?

Иисус подошел и поднял меня с колен.

– Прости, хотел немножко пошутить, – улыбаясь, сказал Он.

– Да я... да я что! Я – пожалуйста, это Ты меня прости, что я сразу Тебя не признал.

Видя мое явное смущение и продолжающееся замешательство, Он обнял меня за плечи, подвел к стулу и мягко усадил. Сам же сел напротив и, продолжая улыбаться, обратился ко мне.

– Ну, давай побеседуем, если ты успел передохнуть, ведь ты так долго греб ко Мне по озеру.

– Да, конечно, но плыть, то есть грести, было нетрудно, погода хорошая, озеро спокойное, никаких волн, так что я не очень устал.

– Да, Я со своей стороны делал для тебя все, что мог. И погоду подготовил, и все ветры разогнал, чтобы ты плыл спокойно, а не боролся с волнами.

– Спасибо Тебе, Иисус, а я-то думал, откуда такой штиль, совершенно не характерный для этих мест.

– Ну, вот и хорошо, все выяснили, – весело подвел итог всему сказанному Иисус Христос. – Ты хотел о чем-то спросить меня?

– Да, Господи, хотел. Ну вот, к примеру, сказано в писании: «Помни день субботний, чтобы святить его». Сегодня как раз суббота, и евреи с древних времен и по сей день ничего в субботу не делают, а только молятся и даже при необходимости не помогают друг другу, а я целый день трудился в поте лица, греб на озере, чтобы приплыть сюда, не нарушил ли я заповеди?

– Нисколько, – ответил Иисус.

– Объясни, пожалуйста, – настаивал я.

– Охотно, – согласился Он. – Ты плыл сюда, работая в поте лица, чтобы встретиться со Мной, со своим Господом, это ли не называется святить день субботний?

– Но я же не знал, что встречусь с Тобой, – не унимался я.

– Зато Я знал, по-твоему, этого недостаточно?

– Значит, получается, если трудишься во благо и не стоишь в церкви и не молишься, то это всегда угодно Отцу Небесному и Тебе?

– Именно так. Ты же помнишь, как Я всегда корил фарисеев за их лицемерие и однажды прямо им сказал, что упади чья-либо из их овечек в овраг, то хозяин тут же побежит спасать свое животное, а помочь больному человеку в этот день они не желают. Это ли не лицемерие перед Отцом Небесным?

– И что они Тебе отвечали?

– Да ничего. Они упрямы, похоже, что и по сей день, – сокрушенно сказал Он.

– А скажи, Господи: если человек очень занят в субботу повседневными делами, ведь бывают же и очень срочные дела, а для молитвы выбирает себе какой-нибудь иной день недели, грешит ли он этим перед Богом?

– Пойми, все заповеди даны человеку для его же блага, и эта заповедь существует для того, чтобы человек в один день недели обязательно общался с Богом, шлифовал свою душу и тем самым совершенствовался. Я же не раз призывал людей быть совершенными, как Мой Отец Небесный. Вспомни Новый Завет. Никогда не призывал Я человечество к фанатизму, к следованию

букве, а, наоборот, к осознанной жизни, и в этой жизни должна быть прежде всего любовь к Господу всей душой, всем сердцем, и к ближнему как к самому себе. И тогда это, и только это по-настоящему оценят Мой Отец и Я.

– Спасибо Тебе, Иисус, теперь мне все ясно, и я могу спокойно жить дальше и при необходимости разъяснять эту заповедь своим друзьям, а теперь и вправду довольно много тех, кто ее не понимает... Теперь, если Ты не против, мне пора в дорогу. Путь долгий, и мне до вечера надо бы догрести до противоположного берега, до дому.

– Спасибо и тебе, что прибыл ко Мне, и мы с тобой, как видишь, коротко, но славно побеседовали, а грести тебе обратно не придется, на твоей лодке установлен парус, а ветерок я тебе пошлю, так что, как говорится, с Богом!

– Но на моей лодке нет паруса, – удивленно возразил я.

– Иди сюда и взгляни в окно, – молвил Иисус.

Я подошел и глянул вниз. Каково же было мое удивление, когда я увидел белоснежный парус, весело раздувающийся на моей лодке. Попрощавшись с Господом, я побежал вниз.

ЖИЗНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Мастер цеха по художественной обработке камня, а попросту говоря, изготовлению надгробных памятников, в эту субботу пришел на работу раньше всех не потому, что горел неиссякаемой любовью к производству, а потому, что был ленинский субботник, когда всем положено было трудиться бесплатно на благо Родины. Обычно это означало уборку прилегавшей к предприятию территории.

Накопившиеся за зиму и в беспорядке валявшиеся на рыхлой земле памятники надо было аккуратно уложить в заранее подготовленные ячейки (а все это делалось вручную с помощью примитивной тележки и лома), очистить от грязи, чтобы ясно были видны номера надгробий, и отделить готовую продукцию от выставленных на продажу памятников разных расцветок, форматов и габаритов. В общем, дел было невпроворот. В придачу нужно было все время наблюдать за рабочими, зная их неистребимую склонность выискивать по всей площадке и по всему помещению цеха укромные уголки, чтобы нет-нет, да приложиться к бутылке, а тут уж совсем недалеко до травмы.

Одним словом, день обещал быть тяжелым, но, слава Богу, вернее, Ленину, такой день случался только раз в году.

Рейн, так звали мастера, был опытным руководителем и пользовался уважением в коллективе. И уж конечно, будь его воля, все эти субботники он бы с великим удовольствием отменил к чертям собачьим, но против директивы сверху не попрешь, дело надо делать. Он знал, что к концу дня уставшие работяги будут материться, чертыхаться и клясть субботник на чем свет стоит, что, конечно, за всеми уследить не удастся, и уже после обеда кое-кто будет ходить, пошатываясь. В глубине души он жалел людей, но внешне никак не показывал этого. Знал он и то, как зверски устанет и сам от всего этого мероприятия, именуемого «трудовым праздником» и проходившего на заводах с барабанами, фанфарами и знаменами.

Итак, пробило восемь. Все в сборе. Рейн встал посреди двора и огласил план действий на день.

– Нас сегодня шестнадцать человек, двое отсутствуют. В понедельник, если не приведут уважительных причин, получат выговор с занесением в личное дело.

– А какие принимаются уважительные причины? – спросил кто-то из рабочих, при этом на всякий случай спрятавшись за спину приятеля.

– Болезнь, смерть близких и собственная смерть, – раздраженно ответил мастер.

– В последнем случае и справку приносить не обязательно, – прокомментировал тот же голос.

В толпе раздался короткий смешок. Полировщик Калью как бы про себя заметил:

– Надо договориться с родственниками: если кто-то собрался помирать, пусть делает это к субботнику!

– Ладно, хватит трепаться, – рявкнул Рейн. – За работу! Вчера я сосчитал, у нас тут во дворе около четырехсот надгробий, их все надо уложить так, чтобы любой клиент мог без проблем вывезти свой камень.

– Сколько? – спросил Неэме.

– Что, оглох? Около четырехсот, – повторил Рейн.

– Матерь Божья! – тот же голос.

– Так. Время идет, а мы разглагольствуем. Расходись! – скомандовал мастер.

Все понуро побрели к своим местам.

– Чертова жизнь и черт бы побрал этот субботник. Пашем, пашем, а в магазине все прилавки пустые, все приходится доставать из-под полы. Никакой получки не хватает, – ворчал кто-то из рабочих.

Второй тихо ему возразил:

– Ну, нам, каменотесам, вроде жаловаться не на что. За работу по граниту хорошие бабки платят, да и халтуры нам хватает, не то что на заводе.

– И все равно наши люди до этой б...ской советской жизни жили лучше, а теперь нам навязали этот гребаный социализм.

– Ты-то откуда знаешь, как жили наши люди? Тебя тогда и на свете не было, – заметил его собеседник.

– Да предки об этом все время говорят.

– Предки предками, а ты своей головой думай. Квартиру ты получил бесплатно и машину успел купить, что тебе еще надо?

– Ах, вот ты о чем? Извини. Я забыл, ты ведь партийный.

– А ты не забывай, – вконец обозлившись, отчеканил второй.

– Что ж тогда ты халтуришь? Вроде тебе это не к лицу, – съехидничал первый.

– А это не твое собачье дело, все халтурят, и я халтурю, и вообще пошел ты знаешь куда?..

– Куда? – не унимался задира.

– В задницу!

– Спасибо, мне и здесь хорошо!

На этом спор прекратился.

– Так. Внимание сюда! – раздался голос мастера. – Подъемник использовать только в особых случаях, когда камень очень большой и тяжелый, с неровной конфигурацией. В остальных случаях берите телегу, их у нас три, а также лом. Там, где надгробие отполировано со всех сторон, лом используйте только деревянный, чтобы не повредить полировку. Да что я вам говорю, сами все знаете... Давайте, давайте, шевелитесь, время идет. А то и до второго пришествия не справимся.

– А его и не будет, – заметил кто-то из рабочих.

– Чего не будет?

– Второго пришествия.

– Ну, хватит умничать. За работу! – окончательно вышел из себя мастер.

До обеда работа кипела. Пожилые рабочие двигались чинно, не спеша, в их жизни это был далеко не первый субботник, время от времени присаживались покурить и заодно потрепаться. О домашних делах никто не говорил, все больше о водке и о бабах, а еще больше – о халтуре.

– Знаешь, я в лесу оставил хороший кусок коричневого камня, надо бы как-нибудь исхитриться и приволочь его сюда, чтобы обработать. У меня на него есть хороший клиент. Вот только не знаю, как это сделать, чтобы не попасться Рейну на глаза, – сказал гравировщик Мати.

– А ты сделай это ночью, – посоветовал ему Эрик.

– Так ведь вахтер у нас новый, ты что, не видел? – с удивлением спросил Мати.

– А он что, все ночи подряд дежурит?

– До конца этого месяца – все, другой вахтер в отпуску, а с камнем медлить нельзя. Кто-то другой его может стянуть, из наших же каменотесов, ты и сам это знаешь.

– Знаю. Но я знаю и другое: все эти вахтеры на одно лицо, на лапу берут – дай боже, и этот, скорее всего, не святой.

– А ты мне поможешь?

– А что я с этого буду иметь?

– Ну, в следующий раз, когда будет нужно, я тебе помогу.

– Э-э, нет, так не пойдет. Заплати мне, а потом, когда ты мне понадобишься, и я тебе заплачу.

– Ну, чего ты такой жадный, Эрик, мы же друзья!

– Дружба дружбой, а денежки врозь, а то представляешь, к примеру, я тебе помогу, а меня вдруг выгонят с работы! Вот и получится, что и бабок не получил, и без работы остался.

– Ладно, договорились, – поразмыслив, сказал Мати.

– Заметано, – согласился Эрик.

Молодежь была под более пристальным наблюдением мастера, и отлынивать от работы ей удавалось с трудом. Два молодых парня, вместе нанявшиеся транспортными работниками, дружно ворочали тележкой, на ходу делясь впечатлениями вчерашнего вечера. Рослый, хорошо сложенный красавчик Тийт приблизил свое тонкое лицо к Лойту и вкрадчиво произнес:

– Знаешь, в какую историю я вляпался вчера вечером?

– Ну, рассказывай, – улыбаясь и заранее предвкушая удовольствие, сказал Лойт.

– Черт побери, если кому-нибудь расскажешь, ей-богу, не поверят!

– Ну, давай, не тяни, я-то тебя знаю, – двинув товарища в плечо, ответил Лойт.

– Был я у нее!

– У кого?

– У Тийу, ты ее знаешь!

– Ну?

– Только я с нее слез – стучат в дверь. Она соскочила с кровати и говорит: «Это муж пьяный из командировки вернулся, должен был завтра приехать!»

А я-то голый! Быстро влез в трусы, а она мне уже показывает на окно, а сама кричит:

– Кто там, подождите, я в ванной!

Я только успеваю надеть ботинки – и на балкон. Одежду мою она сгребла в охапку – и вышвыривает из окна вниз!

– А какой этаж? – спросил Лойт.

– Третий.

– Так ты что, с третьего этажа сиганул?

– Нет, с балкона третьего на балкон второго, а потом уж на землю. Схватил свою одежду – и бегом, благо лес рядом. Там перевел дух и оделся.

– Небось пересрался? – прыснув со смеху, сказал Лойт.

– А ты как думаешь? – хихикая ответил Тийт.

– Так и думаю, – прогоготал Лойт.

Незаметно наступил полдень. Послышалась команда мастера:

– Обед, всем вниз, в столовую!

Столовой как таковой не было. Была раздевалка, и находилась она в подвале старой деревянной постройки, именуемой конторой, где сидели приемщица, бухгалтер и мастер. В подвале же, рядом со шкафчиками для сменной одежды, стоял длинный стол

и две такие же длинные скамьи деревенского типа. Вот за этим столом рабочие и обедали, ели, кто что из дому принес, а иногда в отсутствие мастера и в карты резались, конечно, за деньги. Но сегодня это было исключено. Рейн постоянно на территории и злющий, как собака.

Все спустились вниз и развернули свои завтраки. Сел и Рейн со всеми и вынул из портфеля термос с супом. Отламывая хлеб и кладя на него кусок буженины, он, окинув взглядом работников, сказал:

– Сделали много, но еще больше осталось. Через час всех жду во дворе. Поднапряжемся и все запланированное осилим.

Затем, доев свой суп, он поднялся наверх перекурить. Улучив момент, один из рабочих, известный пропойца, распахнул телогрейку и, ловко откупорив торчавшую из кармана четвертинку водки, не вынимая ее, быстро наполнил стакан до половины и залпом выпил, закусив огурцом. Затем сунул в рот жвачку, чтобы отбить запах спиртного, идущий из беззубого рта, закрыл аккуратно бутылочку крышкой и сел как ни в чем не бывало в своем углу.

Остальные, давно зная его слабость, только поглядывали в его сторону и ухмылялись. Покурив и подремав, они наконец услышали зычный голос мастера:

– Обед кончился, всем наверх!

Одеваясь и потягиваясь, рабочие медленно поднимались по лестнице во двор, на свежий воздух. Еще раз перекурив, взялись за работу. Работали до вечера без дураков, и к шести часам все успели закончить.

Потные, уставшие, все повалили в душевую и долго наслаждались горячей водой. Мастер на этот раз компании им не составил: уселся в свою машину и умчался домой. Разумеется, стакан с водкой тут же начал гулять по столу от одного рабочего к другому. И только один из них так и не приложился к нему.

– А ты что не пьешь, Рихо? – спросил кто-то тихо сидевшего в углу работягу.

– Сегодня суббота. У нас, адвентистов, это святой день, и я должен бы быть в церкви, а я тут работал... – угрюмо ответил Рихо.

Почитай отца твоего
и мать твою.
Заповедь пятая

СОН ПЯТЫЙ

Я брел среди могил, как потерянный. В руке у меня были три розы. Когда я их купил и где? Так я и не смог вспомнить. Да и кладбище это я видел впервые. Ни одной знакомой могилы. Как же я тут оказался, все думал я, не сон ли это? Ах, какая разница, сон или не сон. Разве жизнь не похожа на сон, а сон на жизнь? Вдруг, откуда ни возьмись, поднялся сильный ветер. Под порывами его деревья гнулись, а сухие ветки, срываясь, больно били меня по лицу. Мне подумалось: не Божье ли это наказание за мои грехи? Но я не останавливался. Шел дальше, читая на надгробиях имена покойников и невольно пытаясь угадать знакомое имя.

Ветер прекратился так же внезапно, как и начался. Я вытер лицо носовым платком и заметил на нем кровь. Подумал, что она идет из носа, иногда со мной и раньше бывало такое. Высморкался. Нет, нос чистый. Ну, тогда ветки, очевидно, поранили мне лицо, подумал я. Нашел на платке чистое и сухое место и тщательно протер всю свою физиономию до ушей. К моему удивлению, платок оказался незапятнанным. Странно, подумал я. Вспомнил, что в моем портмоне есть небольшое зеркальце, вынул и внимательно вгляделся в себя, ища какие-нибудь порезы на щеках. Их не оказалось, лицо было совершенно чистым, но, к моему удивлению, кровоточили глаза! Вернее, в них стояли кровавые слезы. Что это, подумал я, впервые в жизни такое! Что это за болезнь, откуда она?! Ведь ни одна ветка не хлестнула меня по глазам, это я помню четко. Тогда что это – и за что?

– За твои грехи, – раздался голос.

– Перед кем? – машинально спросил я, даже не задаваясь вопросом, чей это голос.

– Перед твоими родителями, – ответил Он, и я понял, что стою перед Господом, хотя и не вижу Его.

– Это Ты, Господи? – кое-как выдавил я из себя, вконец расстроившись.

– Надо же, какой догадливый, конечно же, это Я, – иронически заметил Он.

– Прости, Господи, но я Тебя не вижу, где Ты? – упав на колени, промямлил я.

– А ты и не заслужил видеть Меня. Говори. Я тебя слушаю, – сказал Господь, отчего мне стало совсем нехорошо, и кровавые слезы ручьем потекли из моих глаз.

– Ладно, – произнес Господь, – вытри глаза и выбрось платок в урну.

Я сделал, как Он велел.

– А теперь вынь из кармана другой платок и вытри лицо насухо.

– Но у меня нет другого платка, это был мой единственный, – возразил я.

– А Я тебе говорю, сунь руку в правый карман, и там найдешь чистый, большой носовой платок, – несколько раздраженно произнес Иисус.

К моему удивлению, действительно так и было: в правом кармане у меня оказался незнакомый мне платок, и даже с вышитыми инициалами, чего прежде не было ни на одном из моих платков.

Я хорошенько вытер им лицо и не обнаружил ни единого кровавого пятнышка. Глаза были чистые.

– Теперь пройди еще три могилы и прочти надпись на четвертой, – произнес Он.

Я так и сделал – и обнаружил, что под четвертым надгробием похоронены мои родители.

Я взял две розы и положил на могилу матери, одну же положил отцу.

Иисус с горечью произнес:

– Ты сейчас нехорошо поступил, цветы надо было положить в равном количестве.

– Но у меня всего три цветка, как же мне их разделить поровну? – огорчился я.

– Тогда каждому положи по одной розе.

– А что я буду делать с третьей?

– Попридержи ее, она тебе еще пригодится.

Так я и сделал, как Он мне велел, а потом присел на скамью и пригорюнился. Не помню, сколько времени я так сидел, вспоминая всю свою жизнь с ними, пока опять не услышал Его голос.

– Покайся.

– В чем? – спросил я.

– В том, что редко о них вспоминал.

Я низко опустил голову, полностью осознавая Его правоту...

– Господи Иисусе, но Ты же знаешь, какой была моя жизнь, такой жизни я и врагу не пожелаю. Когда же мне было часто вспоминать о них?

– Это не оправдание. Их жизнь была еще тяжелее твоей, однако своих родителей они вспоминали гораздо чаще, чем ты их.

– Но ведь при жизни я их любил и относился к ним хорошо.

– И это неправда, мать ты любил неизмеримо больше, чем отца, и относился к ним очень по-разному.

– Но Ты же все знаешь, Ты знаешь, насколько разные они были люди и как мало они подходили друг другу, – взмолился я.

– Знаю, – сурово ответил Господь, – но не тебе их судить. И помни, твои дети будут судить тебя так же, если ты не покаешься в своих грехах перед твоими родителями.

Я опустился на землю, приложил лоб к ограде и стал каяться. Я вспоминал все свои прегрешения перед родителями, начиная с того возраста, когда вообще себя едва помнил. Вспоминал все мельчайшие подробности своего непослушания, и в детстве, и в зрелом возрасте, все, что могло им испортить настроение, и за все просил у них прощения.

Долго и безутешно рыдал я над их могилами. Вконец обессилев, я поднял голову. Взглянул на цветы и остолбенел: цветы шевелились! Они были более чем живые. Они были словно души усопших, и тут я услышал Его голос:

– Они простили тебя. А теперь сядь на скамью, успокойся, и давай побеседуем. Помнишь ли ты пятую заповедь: Почитай отца твоего и мать твою?

– Конечно, Господи, я ее помню, но позволь и мне задать Тебе вопрос.

– Задавай, – сказал Он.

– Родители бывают разные. Бывают те, кто ничего не жалеет для своих детей, и дети есть смысл всей их жизни. Мало того, что они растят их до совершеннолетия, дают им образование, до конца своей жизни беспокоятся о них, вкладывая в своих отпрысков всю свою душу, они еще помогают растить детей своих детей и по мере сил, а силы у пожилых людей, как правило, на исходе, возятся с внучатами...

А есть и такие, которые отказываются от своих детей, подкидывая новорожденных в детдома, матери, неизвестно от кого нагулявшие своих малюток. Отцы, не просыхающие от пьянства. Будучи в разводе, они уклоняются от алиментов и не поинтересуются покинутыми детьми, пока те не вырастут, а потом, к старости, опомнившись, вдруг находят их и пытаются всеми силами

навязать себя когда-то ими же брошенным детям. Так что, Господи, и такие родители, по-твоему, достойны почтения?

– Разве возможно в равной степени требовать почтения к худому и доброму? Конечно, нет, – ответил Иисус, – но простить грех, совершенный родителями по отношению к детям, последние всегда могут, и в этом тоже будет проявлено почтение.

– А могут быть случаи, когда дети вправе отказаться от своих родителей? – спросил я.

– Разумеется, могут.

– Какие?

– Если мать попыталась убить свое дитя, но у нее по какой-то случайности это не получилось, и тогда, как правило, само общество и суд лишают ее материнских прав. Если отец оказался серийным убийцей и насильником, и суд приговаривает его к пожизненному заключению. Но такие случаи редки, а заповедь существует для подавляющего большинства и для людей нормальных, а не для преступников с психическими отклонениями. И помни, еще раз напоминаю тебе: каким судом ты будешь судить своих родителей, таким же будут судить тебя и твои дети.

– Прости меня, Господи, но если Ты позволишь, я задам Тебе последний и, может быть, не очень лицеприятный вопрос, – сказал я.

– Задавай, – коротко произнес Он, и мне показалось, что Он уже знает, о чем я хочу Его спросить.

– Я читал в Библии, как однажды Ты проповедовал в одном доме. И Тебе сказали, что снаружи Мать Твоя, братья и сестры Твои стоят, не имея возможности войти, и хотят видеть Тебя и просят, чтобы Ты вышел к ним. Ты же сказал, что здесь люди, верующие в Тебя, и они есть братья и сестры Твои, имея в виду своих единомышленников. Так ли это было?

– Именно так, – невозмутимо ответил Иисус.

– Тогда объясни, было ли с Твоей стороны проявлено должное почтение к Матери, родившей, вскормившей и воспитавшей Тебя?

– Вот уже два тысячелетия, как я Сам себе не могу простить этого поступка, и позже я долго каялся перед Ней и искуплял вину...

– Значит, и Ты грешен, прости меня, Боже?

– В какой-то степени да, если не считать, что проповедовал Я, находясь в этом доме среди людей по заданию Отца Моего Небесного, Который знал, что в тот период ни Мать Моя, ни близкие родственники Мои в Меня не верили и не поддерживали

Моей деятельности. Но все равно, если бы можно было повернуть время вспять и начать все сначала, этого поступка Я бы уже не совершил. В этом я тебя уверяю.

– Прости меня, Господи, еще раз, если мой вопрос кажется Тебе слишком дерзким...

– Нет, ничего. Ты смелый человек, а смелые люди всегда Мне нравились. А теперь пройди по это дороге еще семь могил, и ты увидишь то, ради чего сюда пришел. На этом я с тобой прощаюсь и желаю Тебе быть здоровым и не грешить.

– Прощай, Господи Иисусе, – только и успел вымолвить я и увидел, что дерево, стоявшее недалеко от могилы моих родителей, все затрепетало, и ствол его странно задрожал. Я понял, что дух Иисуса был на нем.

Я прошел в указанном мне направлении семь могил и на восьмой вдруг увидел имя своей жены. Так вот зачем Он сказал, что один цветок мне еще понадобится, подумал я.

Опустившись на колени, я долго и безутешно лил слезы по безвременно ушедшей любимой моей жене, после смерти которой вся моя жизнь пошла наперекосяк.

Так я просидел до позднего вечера, в мыслях делясь с ней всем происшедшим со мной за день.

Жизнь пятая

У Федора было три судимости. В первый раз он сел мальчишкой за мелкое хулиганство. В лагере старшие товарищи научили его всему, что должен делать урка, то есть играть в карты, пить, курить гашиш или план, быть жестоким, и он все эти «уроки» успешно усвоил. Когда же вышел на свободу, то все, что делал в заключении, продолжал применять в новой жизни, да в придачу сел на иглу.

Во второй раз Федор попал в тюрьму за кражу. На этот раз срок был подольше. До «вора в законе» он так и не дорос. Как только менты чуть прижали его, он раскололся и тут же попал в категорию «засученных» среди уголовной братвы. Когда пятилетний срок кончился, у Федора мелькнула мысль оставить эту собачью жизнь, где человек гниет заживо, но слабость характера привела его в третий раз на скамью подсудимых, на этот раз за еще более тяжкое преступление – изнасилование.

Все произошло по пьянке. Он и сам толком не мог вспомнить, как это случилось, но родители девочки сказали: или плати деньги, или садись в тюрьму. Денег у него не было, вот он и сел, получив срок по полной программе.

В лагере заключенные доставали с воли все что угодно, и через тех же надзирателей, не гнушавшихся брать с зеков деньги за свои «услуги», доставляли наркоту.

Однажды под кайфом Федору показалось, что сосед по нарам слишком странно на него смотрит, должно быть, «голубой». У Федора давно уже была спрятана заточка, вот ею он ночью и «пришил» беднягу. Дали дополнительно еще два года. За лагерное убийство больше двух лет не давали. Получилось, что в общей сложности Федор провел в заключении пятнадцать лет.

У Полины мать пила, отца же она вообще никогда не видела, в доме не было ни одной его фотографии. На вопрос дочки, где же ее папа, мать всегда отвечала одно: он погиб – и больше ни в какие подробности никогда не вдавалась. Постепенно Полина сделала вывод, что мать просто-напросто ее нагуляла, и сама, скорее всего, не знает, от кого.

Когда Поля подросла, похорошела и стала дружить с соседским мальчиком из благополучной семьи, мать как-то привела в дом пьяного мужика и завалилась с ним спать. Ночью этот тип пытался изнасиловать Полину, и она, отчаянно защищаясь, саданула его ножницами по горлу. Получилось насмерть. Доказать же

свою невиновность Полина не смогла, мать встала не на ее сторону... Вот и вышло, что схлопотала срок.

Девки в камере попались блатные, но приняли ее как свою. Чтобы не отличаться от них и быть в авторитете у «главной», здоровенной бабы, почти ни в чем не уступавшей мужикам, Полина постепенно втянулась в лагерную жизнь, а это означало ту же водку, наркотики и при удобном случае переспать с мужиком.

Вышла она на волю совсем другим человеком. Потом – мелкая кража, тоже по пьянке, и новый срок. Потом – распространение наркотиков, и опять срок. И последнее – мордобой в ресторане, с увечьем официантки – и снова срок. У Полины было четыре судимости, в общей сложности семнадцать лет она провела в лагерях заключения. Вот в последнем лагере Федор с Полиной и познакомились.

Их выпустили примерно в одно время. Встретившись на воле, они договорились соединить свои судьбы, построить семью и навсегда отказаться от старой жизни.

Поначалу все было хорошо. Они поступили работать на швейную фабрику, она швеей, он – наладчиком. Руководство фабрики, прекрасно зная их прошлое, пошло им навстречу и вне очереди выделило однокомнатную квартиру, только бы ребята начали жить по-человечески. Радости Федора и Полины не было конца, и благодарности тоже. Они знали, что их же коллеги, сослуживцы по цеху, вполне порядочные люди, имеющие семью из трех-четырех человек, по несколько лет ждут своей очереди на квартиру, продолжая жить в общежитии, а им на второй год работы так повезло, остается только жить и трудиться на благо отечества.

Появились и деньги, на одну получку жили, другую откладывали. Строили планы на будущее – и наконец с радостью узнали, что Полина беременна.

Однажды она обратилась к мужу с просьбой поехать вместе в церковь и помолиться, поблагодарить Господа, а заодно покаяться в совершенных прежде грехах. На что Федор коротко ответил, что если она хочет, путь идет сама, а для него Бога нет, и вообще, где Он был, когда они столько лет провели в заключении? Так вопрос и повис в воздухе. Одной Полине в церковь идти не хотелось.

Все шло хорошо до рождения первого малыша. Роды вышли трудными, мальчик получил небольшую родовую травму, но врачи успокаивали, говоря, что со временем все выправится. Полина же была очень огорчена и считала, что это ей наказанье за ее прежнюю жизнь.

Как-то в магазине ей встретилась бывшая сокамерница. Постояли, поговорили, вспомнили общих знакомых и договорились встретиться еще раз, уже у Полины дома, пока Федор на работе. Хотелось Полине поговорить с кем-нибудь, отвести душу, а тут такой случай.

Подружка, как полагается, пришла с гостинцами, ну и бутылку водки не забыла прихватить с собой. Поначалу Полина наотрез отказалась от спиртного, но как тут было не пригубить, когда подруга произнесла такой тост – за рождение первенца, и чтобы он, когда вырастет, стал большим человеком! Так тост за тостом, рюмка за рюмкой, и к приходу Федора с работы мать-кормилица была уже ни жена, ни мать, а вообще никакая...

Увидев пьяную жену и водку на столе, Федор рассвирепел, выматерил супругу и ушел из дому к друзьям, жившим неподалеку. Вернулся он поздно вечером, тоже в дрезину пьяный, еле держась на ногах. Вот с этого все и началось.

Теперь по субботам и воскресеньям муж и жена вместе находили отдушину в зеленом змие, а Бог и церковь казались им какими-то очень далекими, такими далекими, будто бы их и совсем не было.

А жизнь продолжалась. На работе Федора по-прежнему ценили, наладчик он был хороший, а главное, человек безотказный, готовый всегда выручить заболевшего товарища и пахать по две смены. А после работы, рассуждал Федор, как хочу, так и живу, никто мне не судья и не указчик, я сам себе хозяин. Он даже однажды сказал такие слова начальнику цеха.

Через три года Полина вновь забеременела, и врачи строжайше запретили ей пить, пригрозив, что от родителей-алкоголиков ребенок может родиться дефективным. Чувствуя свою вину перед первенцем, она преодолела влечение к спиртному и умоляла Федора тоже больше не пить. Но он только отмахивался от нее, говоря, что, во-первых, он не алкоголик, во-вторых, она сама первой нарушила их общий договор о том, что они не будут в рот брать ничего спиртного. Ответить на это ей было нечего.

Прошли девять месяцев, и Полина родила чудесную, здоровенькую девочку. Радости матери не было конца. Но растить как первого, так и второго ребенка им пришлось вдвоем, без бабушек, так как и родители Федора давно умерли, и у Полины мать скончалась от передозировки наркотиков, когда та была еще в заключении. Все бессонные ночи выпали на долю Полины, ибо Федор вкалывал за двоих, и ему надо было высыпаться, чтобы не валиться с ног на работе. Еле умещаясь в однокомнатной

квартире, они, конечно, искали возможность улучшить жилищные условия, но рассчитывать на помощь профсоюза уже не приходилось. Федору не раз напоминали, что он получил свою однокомнатную вне очереди, когда другие семьи ждали и еще ждут по десять-пятнадцать лет, и к тому же дирекция фабрики знает об его пьянстве, а значит, доверия со стороны руководства он не оправдал. Оставался только один путь – вступить в кооператив, уплатить первый взнос, пай, и двадцать лет выплачивать долг, пока можно будет назвать дом своим. Но где взять денег на этот взнос? Стоит только немного накопить денег, как все они спускаются на кутежах и попойках, а сейчас еще и семья увеличилась, спать практически негде. Да и Полина, пока была беременна, держалась, а как родила, снова принялась за старое. Он, Федор, пашет в две смены, приходит домой поздно, а жена уже «под мухой», в комнате кавардак. Начал Федор не только в выходные напиваться, но и в будни, вечером, перед сном, а утром едва глаза открывать от вчерашней дозы. Тут бы опохмелиться, так нет, на работу надо идти. И так прошел еще один год. Сынок подрос, почти совсем выправился после травмы, а дочка была удивительно красивым ребенком, и Полина не могла на нее налюбоваться.

Решила Полина родить еще девочку, может быть, такая же красавица будет, как эта, и в любом случае маме помощница. Не советуясь с мужем, на свой страх и риск снова забеременела и сообщила Федору только тогда, когда аборт делать было уже поздно. Федор был страшно сердит: «В такой тесноте живем, я работаю один, а ты третьего надумала!» – сказал он и запил еще хлеще. У него начались длительные запои и вместе с ними такие же долгие прогулы на работе.

Родила Полина не девочку, а мальчика, а Федора уволили с фабрики за систематические прогулы. Теперь не только спать было негде, но и жить не на что, но при этом Федор «не просыхал». Долгов наделали столько, что неизвестно было, когда их можно будет вернуть, даже если Федору повезет, и он устроится на какую-нибудь работу. Полина тоже пила, почти не уступая мужу. Соседи подкармливали детей из жалости, но денег в долг не давали, зная, что Полина с Федором их пропьют. Из квартиры муж и жена вынесли все, что только можно было продать, и все равно не хватало на водку.

И тогда случилось то, что должно было случиться – самое страшное.

Как-то случайно появилась пара иностранцев, муж и жена. Были они уже не очень молоды и бездетны. Приглянулась им

двухлетняя дочка Полины и Федора, и сделали они пьяницам «деловое» предложение. Учитывая тяжелое материальное положение в семье, они готовы уплатить им такую сумму денег, что с гаком хватит лет на пять, да вдобавок покрыть все их долги. Те, в свою очередь, отдают им девочку для удочерения, и никогда ребенок не должен узнать, кто его настоящие родители. Все будет оформлено по закону, соблюдены все формальности, и под договором должны стоять подписи двух сторон, как новых родителей, так и настоящих, то есть Федора и Полины.

Конечно, Полина с мужем долго не решались пойти на такой шаг, дочка была их любимицей, но после очередного длительного запоя согласились на эту сделку, фактически продав собственного ребенка.

Где и каким судом будет их судить Господь Бог?

Не убивай.
Заповедь шестая

СОН ШЕСТОЙ

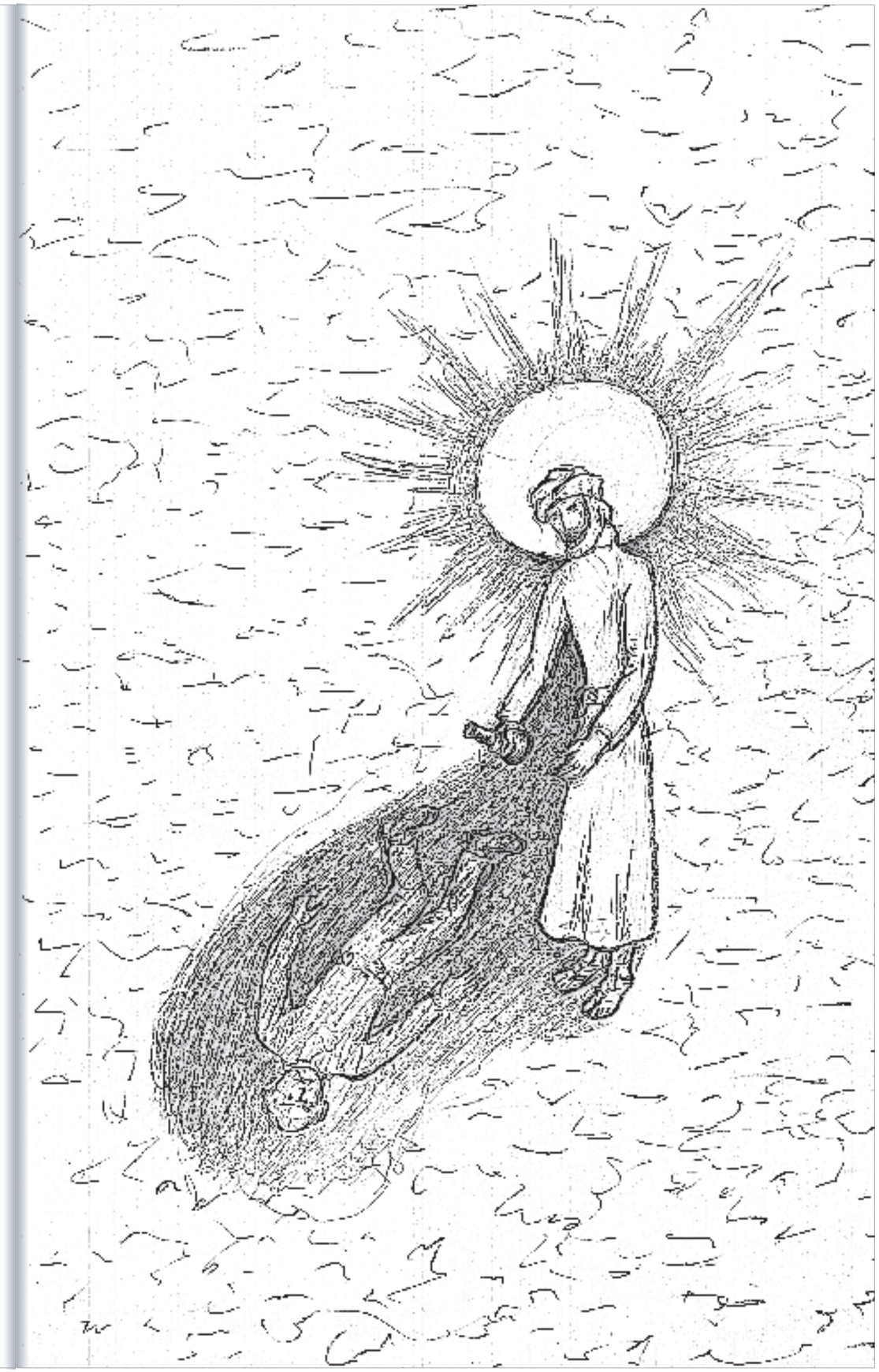
Мои ноги утопали в песке. Каждый шаг мне давался с трудом. Я шел в сторону солнца, и оно слепило мне глаза. Это была самая настоящая пустыня. Мучила жажда, но фляга моя была пуста. Вокруг, насколько видел глаз, не то чтобы ни деревца – ни кустика не было. И как только в таком пекле выживают ящерицы и змеи, задавал я себе вопрос. Но в том, что они тут есть, у меня сомнения не было, своими глазами видел.

У меня стали появляться видения. То я видел колодец с водой, то какой-то оазис, но, приблизившись, обнаруживал, что все это мне привиделось. От жажды уже и миражи появляются, подумал я и продолжал идти к намеченной цели.

Цель... Я знал, что она у меня всегда была, во всяком случае, столько, сколько я помню себя в своей сознательной жизни. Ясная и четкая. Я всегда хотел своим искусством служить людям. Не какому-либо сообществу, нет, человечеству в целом. Я хотел, чтобы мои произведения их к чему-то подвигали, к чему-то светлому, хорошему. Да. И это была моя основная цель. И еще я знал: чтобы упорно и настойчиво к ней идти, у меня должна быть хорошая семья, и я создал ее, вернее, мы вместе с женой. А сейчас, когда ее не стало, я потерялся.

Я понимаю, что методично убиваю себя, убиваю в себе свой талант, и при этом ничего не могу с собой поделать. Моя жизнь стала подобна ходьбе по зыбкой почве, по песку. Два шага вперед и шаг назад. Вот что может значить в жизни одного человека другой человек, а вернее, потеря его. Все мои честолюбивые замыслы куда-то канули, и осталась только душераздирающая боль и тоска. Одним словом, кровавая безысходность.

Все те женщины, которых я знал после нее, ногтя ее не стоили и ввергали меня в еще более жгучее отчаяние. Порой мне казалось, что я уже и не живу, я просто убит физически и духовно, а то, что я вижу, это всего лишь болезненное состояние воспаленного мозга, доживающего последние часы. Так я шел, размышляя о своей жизни, о себе, пока не упал, окончательно обессиленный, впав в какое-то полусонное состояние.



Очнулся я от ощущения прохлады на своем лице. Подумалось: наверное, уже вечер, и если уже темно, то как же я продолжу свой путь в темноте? Если я не пришел к своей цели при ясном свете, как же я пойду дальше? Может, и глаза не стоит открывать?

Но тут что-то кольнуло левый глаз, и я волей-неволей приоткрыл его. Каково же было мое удивление, когда я увидел вместо темноты над пустыней ясный солнечный день. Я же находился в тени, и тень эту отбрасывал на меня другой человек, в руках у которого был кувшин с водой.

Я схватил протянутый мне кувшин и жадно выпил всю воду до дна. Затем, отдышавшись, спросил:

– Ты кто?..

– Спаситель, – с достоинством ответил он.

– Ты пришел спасти меня?

– И не только тебя.

– А откуда ты знаешь, что кто-то еще находится в беде? – недоуменно спросил я.

– А ты сам подумай, – ответил он.

– Я не вижу твоего лица, – сказал я, медленно поднимаясь с песка, – за тобою солнце, и оно светит прямо мне в лицо, в мои глаза.

– За мной нет солнца, – кажется, улыбнувшись, сказал незнакомец, – солнце в другом конце небосвода.

– Но я же не слепой, я же вижу его, только твоя голова его загораживает, – удивленно возразил я.

– Это не солнце, – так же загадочно улыбаясь, ответил мне этот человек. Теперь я разглядел его лучше: это был бедуин в длинной белой одежде, похожей на хитон.

– А что же это тогда? – совсем растерявшись, спросил я.

– Моя аура, – просто сказал Он.

Я тут же свалился обратно в песок.

– Так ты Христос? – почти одним губами прошептал я.

– Именно так. Я Иисус Христос, Спаситель человечества, – сказал он и тоже присел напротив меня, протянув мне все тот же кувшин с водой, хотя мне помнилось, что я всю воду выпил, но тем не менее она там опять была.

– Ну что ж, давай поговорим, – по-дружески произнес Он.

У Иисуса в руках вдруг оказался очень широкий зонт, и Он тут же воткнул его в песок рядом со мной.

– Садись тоже под тень, – предложил я Ему, – солнце печет очень сильно!

– Ничего, обо Мне не волнуйся, на Меня оно не подействует.

Передо мной сидел самый что ни на есть реальный человек, и мне трудно было свыкнуться с мыслью, что это есть Сам Господь.

– Итак, ты хотел спросить меня о смысле заповеди «Не убивай», – сказал Он.

– Откуда Ты знаешь, что именно... – начал я и осекся.

– Я знаю все, – коротко прервал меня Иисус.

– Ах, прости, я забыл...

– Так вот, прежде всего, хвалю тебя за то, что ты интересуешься глубинным смыслом этой заповеди.

– Спасибо, Господи, – скромно поблагодарил я Его, и Он продолжал:

– Не убивай – в прямом смысле слова это должно быть понятно: не отнимай чужой жизни, данной Богом, потому что Творец ее дал, и только Он вправе ее забрать. Но есть и глубинный смысл. Кроме тела, сотканного из клеток, у человека есть еще и душа. Она, как принято говорить, нематериальна, но находится в прямой зависимости от тела, и пока человек жив, тело его служит домом для души, и о нем, о теле, надо заботиться, чтобы вместилище души было всегда в порядке, отсюда и поговорка: «В здоровом теле – здоровый дух». Люди же нередко не щадят друг друга, злословят, оскорбляют, клевещут друг на друга. Все это воздействует на душу (вы говорите: на нервы) и приводит к болезням. Академик Павлов пришел к очень правильному выводу: «Все болезни – от нервов».

Так вот, не щадя ближнего своего, ты приближаешь его смерть, иначе говоря, медленно убиваешь себе подобного, а это великий грех.

– Хорошо, Иисус. Я знаю, что человеческое тело имеет в себе огромное множество нервных окончаний, но жизнь сама по себе тоже состоит из бесчисленного количества «возбудителей», воздействующих на эти окончания, и более того, если человека поместить в такие условия, где ничто не будет его раздражать, не будет вокруг людей, животных и вообще сплошная тишина, то он с ума сойдет, то есть ему необходимы возбудители для его же здоровья. Как же здесь быть?

– Возбудители должны быть, но они должны быть положительными, хотя ты прав в том, что сама жизнь состоит не только из положительных зарядов. Так тем более не усугубляй ее драматизма негативными эмоциями. Человек разумен, и разумом его наделил Творец Небесный, вот и употребляй свой разум на благо другого человека, а не на вред ему.

– А как быть с войнами, где люди, солдаты изначально призваны и даже специально обучаются убивать друг друга, где каждый защищает свою территорию от захватчика, и если не убьешь ты, то убьют тебя. Кстати, в Библии ведь сказано: «И будут войны, и пойдет народ на народ, и будет глад и мор, и землетрясения, и всему этому должно быть». Значит, Всевышний именно так сотворил наш мир, так как же не убивать в этой жизни, тогда остается быть жертвой ее?

– Нет. Вообще не убивать невозможно. Человек убивает птицу, животное, охотится, чтобы прокормиться, организму нужен строительный материал, белок. Зверь убивает другого зверя тоже для того, чтобы прокормиться. Ты правильно заметил, именно таким мир создан Творцом. Но все это должно быть в разумных пределах. Если ты видишь, что кто-то посягает на жизнь твоего ребенка, и не убьешь злодея, значит, ты позволишь ему убить твое дитя. Но ведь есть тысячи примеров убийства ради наживы, корысти, карьеры и так далее. Именно об этом говорится в шестой заповеди: не убивай.

А можно рассматривать ее еще шире. Не убивай и самого себя, ибо твою жизнь даровал тебе Господь через твоих родителей, а их жизнь – через их родителей, и так до Адама и Евы, сотворенных Господом Богом. Не убивай в себе своего таланта, данного тебе Всевышним, ибо он дан для определенной цели, и необходимо правильно его реализовать, а это будет зависеть только от тебя, а Господь будет помогать, вразумлять тебя, конечно, только в том случае, если ты к Нему обратишься. А убивать талант другого человека – такой же грех, как и убивать физически, ибо он, талант, – это высший дар Бога, какой только может быть. Те или иные способности есть у всех, кроме больных с психическим расстройством, но это отдельный разговор, а довести способность до степени таланта без участия Господа, как правило, не удается, хотя бывают и исключения, но чаще всего эти исключения работают против человека. Не убивай в себе любви к ближнему, даже тогда, когда сами люди не щадят тебя. Если ты просветленный, прозревший с помощью Отца Небесного и своего разума человек! Будь выше людской слепоты. Благодари Господа за то, что Он тебя выделил из толпы, и знай, что место на небесах тебе будет уготовано славное.

– Хорошо. Это мне понятно, – сказал я, – возьмем другой пример. Вот врач, проверяющий на себе действие того или иного лекарства, которое он же и придумал для излечения тяжело больных людей. Он ведь подвергает себя опасности. Он может и

умереть. Значит ли это, что он совершает грех, убивая себя таким образом?

– Ни в коем случае, – решительно прервал меня Иисус, – врач это делает во имя людей, он рискует своей жизнью во имя ближнего, и если теряет ее, то на небесах это ему зачтется, и место его обязательно будет в раю. Он как бы прикрывает своим телом амбразуру, из которой строчит вражеский пулемет, уничтожая людей.

– Ну, а террорист, – продолжал я, – он ведь тоже мотивирует свои действия любовью к ближнему, к людям его национальности, его партии, его страны... Подкладывает взрывчатку – и считает, что исполняет священную миссию.

– Террорист убивает ни в чем не повинных людей, – горячо возразил Иисус, – более того, среди них могут быть люди, сочувствующие ему и его сторонникам, не говоря уже просто о стариках и женщинах с детьми. Он это делает из слепой ненависти, и чаще всего руководствуясь не разумом, а только эмоциями, и, конечно же, место ему только в аду, какую бы веру он ни исповедовал.

На этом я заканчиваю нашу с тобой беседу. Время идет, а Мне еще предстоит долгий путь, дел на сегодня у Меня много. Мне думается, Я сумел донести до тебя глубинный смысл шестой заповеди, и на этом я прощаюсь с тобой. Живи и не греши.

– Благодарю Тебя, Господи, Ты очень добр, – поклонился я ему.

– Всего тебе наилучшего, – произнес Он. И после этих слов образ Иисуса на моих глазах стал медленно растворяться в пространстве, пока совсем не исчез. Я же еще долго сидел, размышляя над Его словами.

ЖИЗНЬ ШЕСТАЯ

Анфисе было за сорок, когда в их местечке появился пастор Алексей. Он снимал комнату в доме напротив, у соседей Анфисы. Прихода у него не было, но люди к нему шли и подолгу задерживались в его комнатушке, беседуя о чем-то при свете свечей, это Анфиса видела из своего окна. О чем он там с ними говорил, какими своими проблемами они с ним делились, было бы интересно как-нибудь узнать, думала Анфиса. Но жизнь так была закручена, что к вечеру уже не оставалось никаких сил, чтобы зайти к пастору на огонек.

В этом городке, где Анфиса родилась и провела всю свою жизнь, почти никуда не выезжая, если не считать соседних деревень, была церковь, но православный батюшка был пьяницей, и прихожане, зная это, хоть он и старался по мере сил скрывать свой грех, не очень-то его уважали, а Анфиса и вовсе презирала. «Да и за что его уважать-то, – говорила она, – у меня дома был такой, муженек мой ненаглядный, настрогал мне двоих пацанов, да и помер от той же водки, так и с этим будет, помяните мое слово».

И как в воду глядела: вскоре отец Евгений (так звали священника) действительно умер от белой горячки, и церковь совсем опустела. А пока из центра собрались прислать другого батюшку (тянули, как водится, полгода), люди повадились ходить к Алексею.

Не имея никакой профессии, Анфиса работала уборщицей в нескольких местах и одна подняла двоих сыновей. Старший женился и ушел жить к жене, там, у ее родителей, жилплощадь была побольше, к тому же сын знал, что с матерью редко какая невестка может ужиться, всегда она чем-то недовольная, сердитая и сварливая, да оно и понятно, все от нелегкой жизни и постоянной усталости. Младшему исполнилось восемнадцать лет, закончил он школу не ахти как, и пока болтался и не знал, куда ему податься, то ли работу искать, то ли в институт готовиться, хотя с его-то знаниями шансов, конечно, было мало, это он знал наверняка.

Недавно к пастору Алексею приехала жена, миловидная молодая женщина, и Анфиса решила с ней познакомиться. Зашла как-то якобы за спичками, но при этом выбрала момент, когда пастора не было дома. Посидели, выпили чаю, поговорили о том, о сем, и как бы между прочим Катерина (так звали молодую супругу пастора) спросила Анфису, не знает ли она, где в их

местечке можно купить дом за не очень большую цену. Анфиса сказала, что есть такой, и неподалеку, двухэтажный, там жили старики, муж и жена. Они померли, а дети уже давно разъехались и живут в больших городах, и никто из них не думает возвращаться в родное гнездо и возиться с этим домом, а дом требует основательного ремонта, площадь у него большая, внизу обширный подвал и хороший садовый участок при доме.

Подумав, Катерина сказала, что со слов Анфисы все звучит заманчиво, но они с мужем должны посмотреть сами, и если Анфису не затруднит показать им этот дом, то за услугу они ей заплатят.

На этом и договорились.

Про себя Анфиса подумала: «Надо же, без году неделя в нашем местечке живут, а уже и дом могут купить! Откуда такие деньги? Все, небось, от прихожан, от этих наивных верующих фанатиков, готовых последнюю рубашку отдать, лишь бы оказаться после смерти в раю!» Вот недоумки-то. Рая вообще нет! А ад, вот он, тут, на Земле. И она в нем живет, а никакой бог ее не видит и не слышит.

В субботу, как договорились, Анфиса с пастором и его женой пошли смотреть дом. По пути Анфиса как бы невзначай задала Алексею вопрос: а не грешат ли они сейчас все втроем? Пастор посмотрел на нее с удивлением и в свою очередь спросил, в чем же их грех.

– Ну, как же, – ехидно улыбаясь, сказала Анфиса, – сказано ведь в Библии: «святи день субботний», а мы вот мирскими делами занимаемся.

На что пастор лукаво, как показалось Анфисе, улыбнулся и ответил:

– Святить – это вовсе не значит не жить для себя, тем более, что в новом, своем доме я смогу больше принять людей, пока не будет построена наша церковь.

– А что, и церковь свою строить будете? – спросила Анфиса.

– А как же, – коротко ответил Алексей.

– И все на деньги прихожан, государство вам не помогает?

– Государство никогда ничем не помогало и не собирается, – подчеркнуто четко произнес Алексей, – да мы и не ждем помощи. Главное, чтоб оно не мешало нам, как это было при коммунистах, а с этой проблемой мы с Божьей помощью как-нибудь и сами справимся.

Подойдя к дому, Алексей и Катерина удивились его размерам. Дом был действительно внушительный, а значит, и стоил,

скорее всего, немало. Но сад при доме оказался просто великолепный, и каких только деревьев в нем не было. У пастора загорелось желание поселиться в нем и пустить глубокие корни, народить кучу детей, и чтобы у каждого было по комнате, как в старину у дворян, и чтобы кто-нибудь из них тоже стал пастором, и куда бы эти дети ни уезжали, пусть время от времени возвращаются в родовое гнездо и радуют своими успехами родителей. Размечтался Алексей не на шутку, а Катя, наблюдая за ним и хорошо зная его, поняла, что ее Леша разобьется в лепешку, а этот особняк приобретет.

Анфиса постучалась в соседний дом, и заранее предупрежденная хозяйка вынесла им ключи. Вошли, стали ходить из комнаты в комнату. На первом этаже – пять комнат, не считая обширной кухни. И на втором – четыре, плюс ванная и большая застекленная веранда. Великолепно. Не дом, а целый замок. Может быть, тут жил какой-нибудь барин?

– И большая здесь жила семья? – спросил Алексей у Анфисы.

– Приличная, – ответила та, – четырнадцать человек.

– И сколько он стоит? – опять обратился к ней пастор.

– А я знаю? Сказали, что возьмут недорого. Вы сыну-то их в Москву позвоните, соседка телефон даст, да сами и спросите.

Про себя же она подумала: «Что тебе деньги, ты их не в поту и крови зарабатываешь, как я, морочишь голову людям, а они и верят тебе. Ишь как глаза разгорелись, и женка твоя все ходит и улыбается, видать, оченно пондравился домина!» И, стараясь не смотреть в их сторону, пряча глаза, Анфиса мысленно нехорошо выругалась, так, как это не раз делал ее муж по пьяни.

– Да, – наконец произнес пастор, – дом подходящий, но и ремонт нужен основательный.

Катерина что-то одобрительно промычала, но от комментариев воздержалась.

Вернув соседке ключи и взяв адрес и телефон старшего наследника, муж с женой щедро расплатились с Анфисой и ушли по своим делам.

«Денег у них куры не клюют, раз они за такую ерунду столько заплатили, интересно, где же они их держат?» – подумала Анфиса.

Придя домой, Анфиса обо всем рассказала сыну, но, к ее удивлению, его эта история никак не заинтересовала, и на ее слова, что деньги у этих попов нечестные, сын, удивленно взглянув на мать, сказал:

– Ну, а нам-то, мам, какое до всего этого дело, честные, нечестные, пусть у них об этом болит голова!

Расстроенная вконец, что сын ее не поддержал, Анфиса уединилась и весь вечер просидела, глядя в окно и вспоминая всю свою жизнь с самого детства.

Самые светлые воспоминания у нее остались о бабушке. Тихая, набожная старушка, народившая семерых сыновей, из которых вернулся с фронта только один, отец Анфисы, очень любила внучку. Когда Анфиса родилась, деда в живых уже не было. По рассказам бабушки, он был отменный плотник, но и выпить не дурак. Если кто из хозяев, у кого он подрабатывал по вечерам, наливал ему чарочку, он не отказывался выпить за здоровье хозяина. Но был добрым, смирным, и даже будучи пьяным, не дрался, не бил жену, как другие мужики в их деревне. Бабушка старалась привести внучку к Господу, водила ее в церковь, но все ее усилия были напрасны, в школе атеизм был на высоте, и Анфиса, не переча любимой бабушке, про себя посмеивалась над ее набожностью.

Отца и мать Анфиса вспоминала редко. Они между собой жили плохо. Часто ругались, и мать не раз уходила к своим родителям, забрав с собой дочь, а потом возвращалась до новой ссоры, постоянно угрожая мужу заявить на него в милицию, рассказать о его темных делах на работе, о которых, кстати, он же разболтал ей по пьяной лавочке.

Замуж Анфиса вышла по любви, но она, любовь, постепенно выветрилась с парами водки, регулярно употребляемой мужем каждую субботу и воскресенье до самой его смерти. Разве это была жизнь, думала Анфиса, ничего по-настоящему светлого и хорошего, о чем стоило бы вспомнить! А вот у этих белоручек все по-другому. Не зря в народе говорят, что дети церковников всегда бывают счастливчиками. А чем они лучше, чем она, Анфиса, и ее сыновья? Тем, что у них деньги есть, а деньги-то ведь не честные, а заработанные на обмане наивных верующих? И Анфиса еще раз выругалась про себя.

Но дни шли, и за ежедневными заботами все как-то позабылось – до того дня, когда вдруг Анфиса не услышала, что Алексей купил дом, который она им с женой показывала, и скоро переселится туда и начнет его основательно ремонтировать.

Все в ней опять перевернулось. Вся желчь готова была выплеснуться наружу. Решила она как-то пойти и посмотреть, как ремонт движется. Первое, что она увидела, подойдя к дому, – тяжелые решетки на всех окнах первого этажа. А это зачем,

подумала Анфиса, у нас в городке ни на одном доме, кроме почты, таких решеток нет, видать, есть что прятать и что стеречь от людей. Постучала в дверь. Отворил сам Алексей и дружелюбно пригласил в дом. Везде и всюду слышны были стуки молотков, визг пил, работа шла полным ходом.

– День добрый, – поприветствовала хозяев Анфиса.

– Здравствуйте, – в свою очередь ответили они.

– Ну, как ремонт-то идет? – елейным голоском спросила она.

– Спасибо, хорошо, – ответил пастор, – вот с вашей легкой руки у нас теперь этот дом. Спасибо вам!

– Да что уж там, мое дело маленькое, а хорошим людям и везти должно по-божески.

– Спасибо на добром слове, – еще раз поблагодарил ее молодой пастор.

– А решетки зачем вы поставили, – спросила Анфиса, – чай, у нас в поселке воров отродясь не было?

– Воров, может быть, и нет, а пьяных много, а у нас тут строительный материал, и мы не всегда дома, в разъездах часто... Вдруг кто-нибудь забредет выпивши и случайно подожжет дом, а с решетками надежнее. Береженого Бог бережет, – ответил Алексей.

– Ну-ну. Бог в помощь, и да хранит вас Господь, – опять умильно произнесла Анфиса и под приветливыми взглядами хозяев тихо удалилась.

По дороге домой у Анфисы созрел план, который она не замедлила претворить в жизнь. Одна я не справлюсь, думала она, мне нужен помощник, и лучшую кандидатуру, чем сын, в таком деле придумать трудно. Правда, он пастора все время выгораживает, но ничего, когда будет поставлен перед фактом, деваться ему будет некуда, не выдаст же он родную мать, если уж припрет, то поможет!

В один из вечеров она попросила сына сходить с ней вместе к пастору с пасторшей, вроде как поговорить о чем-то божественном.

Мать с сыном подошли к пасторскому дому и постучались. Дверь, как обычно, отворил сам пастор и пригласил в единственную комнату, где пока, на время ремонта, жили молодожены. По дороге Анфиса попросила Алексея показать дом и ее сыну.

– Глядишь, вдруг станет вашим прихожанином, – с улыбкой сказала она.

Пастор, разумеется, согласился. И тут Анфиса тихонько шепнула ему на ухо, не одолжит ли он ей до конца месяца некоторую сумму денег, а с зарплаты она им долг вернет. Немного подумав,

пастор согласился и попросил подождать его в комнате, сам же направился в какую-то из соседних комнат, в какую именно, она так и не смогла подсмотреть. Пока он отсутствовал, Анфиса приоткрыла кошелку, где наготове лежал молоток. Вскоре Алексей вернулся, неся в руках нужную сумму. Анфиса поблагодарила его и стала их медленно пересчитывать. На какое-то мгновение молодой хозяин отвернулся – и получил мощный удар в висок. Бедняга тут же рухнул. На звук падающего тела откуда ни возьмись прибежала его жена и, увидев лежащего в луже крови мужа и Анфису, державшую в одной руке деньги, а в другой молоток, поняла, в чем дело, и с кулаками набросилась на нее. Завязалась драка. На крики прибежал сын Анфисы и, увидев на полу распростертое тело пастора и двух остервенело дерущихся женщин, попытался оторвать Катерину от матери. Изловчившись, Анфиса тем же способом сразила и Катерину.

Потрясенный сын стоял и смотрел на мать, пока не услышал:

– Не время сопли распускать, времени мало, лучше помоги мне найти, где спрятаны деньги!

Видя, что ее отпрыск не в состоянии не только двинуться с места, но и слова вымолвить, она махнула рукой и быстро принялась шарить по всем комнатам. Сколько она ни искала, так ничего найти и не смогла, не считая какой-то мелочи, очевидно, на ежедневные расходы по хозяйству. Откуда ей было знать, что дом приобрести и ремонт сделать помогла религиозная община – чтобы не только проводить там встречи с прихожанами, но и принимать пасторов, приезжающих из других краев.

Время истекало, в любой момент супругов, уже приобретших популярность в округе, мог кто-то навестить. Надо было уносить ноги. Но возникла еще одна проблема. Алексей непонятно куда подевал ключ от входной двери. Ни в его карманах, ни в карманах жены ключа не было, а на окнах первого этажа – крепкие решетки! А окна второго этажа находились довольно высоко. Чтобы не рисковать, Анфиса надумала связать между собой простыни, снятые с кровати супругов, и по ним спуститься в сад.

Первым спустился сын. Когда же повисла на связанных простынях Анфиса, а она была женщиной крупной и полной, ткань не выдержала и разорвалась. Анфиса тяжело грохнулась на землю и так ударилась, что, как потом выяснилось, опасно повредила себе шейный позвонок.

Милиция мигом раскрыла эти два совершенно непрофессиональных убийства, тем более что соседка, когда-то дававшая Анфисе ключи, видела, как она с сыном входили в дом.

На вопрос следователя, не думает ли она, что это Божья кара, Анфиса ответила: нет, просто лучше надо было все продумать и подготовиться, и тогда никто ничего не узнал бы.

Не прелюбодействуй.
Заповедь седьмая

СОН СЕДЬМОЙ

Почва была настолько болотистой, что при каждом шаге приходилось с трудом отрывать ногу от этой трясины. До островка, казалось, рукой подать. Но как тяжело было идти – трудно описать! Интуитивно я знал, что там, на островке, меня ждет нечто приятное, какой-то сюрприз, и я шел, обливаясь потом, но полный светлых надежд.

Наконец нога моя ступила на твердую почву, и я в изнеможении свалился на траву. Запах ее дурманил мне голову, цветы, в основном ромашки, сгрудились надо мной и заглядывали мне в лицо. Истинное блаженство, подумал я. Может, я в раю, а может, и в могиле, для праведника разница невелика, закрыв глаза, размышлял я. А кто тебе сказал, что ты праведник, усмехнулся я про себя. Вот будет потеха, когда тебе откажут в рае и поместят в какой-нибудь захудалый уголок параллельного мира, так сказать, пошлют на периферию, и будешь ты там себя чувствовать жалким провинциалом? Умора. Тоже мне святой нашелся. Да, наверное, каждый сам себе кажется таким хорошим, чистеньким, непогрешимым, а все остальные хуже него, и вообще чуть ли не виноваты перед ним. И самое интересное, что такое присуще не только отдельным индивидам, но и целым группам людей, а возможно, и нациям.

Вспомнился старый анекдот времен насильственной советизации Эстонии. Стоят двое подвыпивших русских, и один другому говорит:

– Пошли эстонцев бить!

А тот ему:

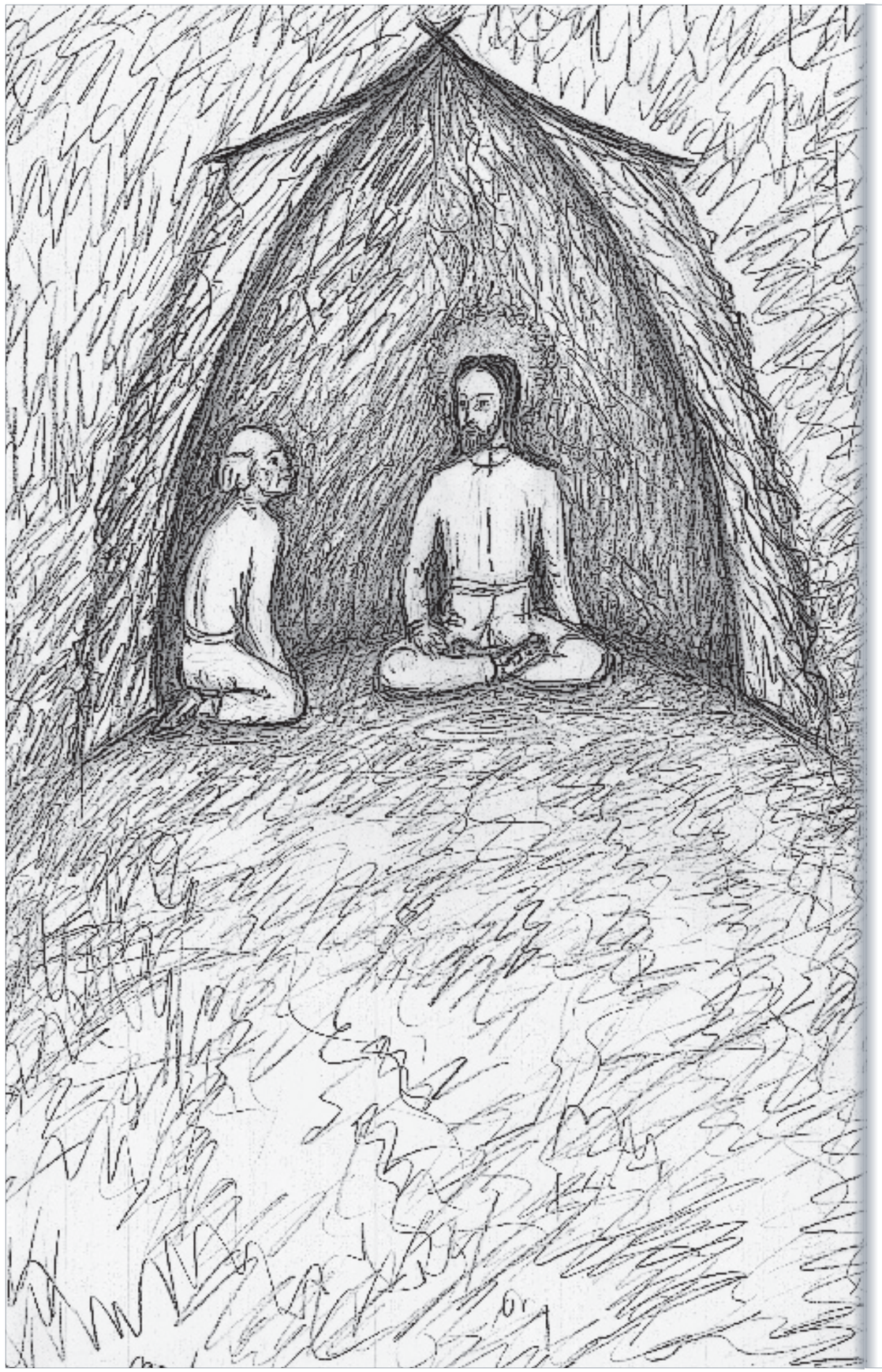
– А если они – нас?

– А нас-то за что? – искренне удивился первый.

Денек-то какой выдался, на небе ни облачка, вокруг аромат цветов и стрекот цикад, только почему-то не слышно чириканья птиц.

– Здрасьте, – сказал я сам себе, – приехали, уже на лирику потянуло, никак, перегрелся на солнышке. А впрочем, действительно, почему я не вижу ни одной птицы, задал я себе вопрос.

– Они сюда не залетают.



– А? Что? – спросил я у кого-то и тут же вскочил как ужаленный. – Тут кто-то есть? – уже громко сказал я, оглядываясь вокруг. Но все было тихо, и я подумал, наверное, почудилось, бывает от переутомления, и опять опустился на траву, закрыв глаза от блаженства. И вдруг снова очень ясно услышал голос:

– Встань и иди!

– Куда? – спросил я, опять вскочив на ноги.

– Ко мне, – раздался все тот же четкий голос.

– В какую сторону? – спросил я.

– Туда. Куда ты сейчас смотришь, – ответил Он.

И я пошел быстро и легко, мгновенно почему-то поняв цель своего прихода на этот островок.

Идти пришлось недолго. Впереди виднелся шалаш, и я бодрым шагом направился к нему. Помявшись у входа, я набрался духу и вошел. Никого в нем не оказалось. Я выглянул наружу. Может, я ошибся и не туда пришел, подумал я в растерянности.

– Сядь и жди, – услышал я Его. Тогда я успокоился и сел в ожидании встречи с Тем, Кто меня все это время вел.

Через некоторое время я услышал приближающиеся шаги человека, и вскоре передо мной возникла Его фигура. Да, это был Сам Иисус Христос.

Должен признаться, я уже догадывался, что именно с Ним у меня должна состояться встреча, но чувство неловкости, близкое к смущению, не покидало меня. Пытался я и урезонить себя доводами вроде: «Ты уже далеко не молод, тебе за семьдесят, и терять тебе нечего, да и приобретать, пожалуй, тоже». Но другое «я» мне говорило: «Если тебе за семьдесят, то Ему за две тысячи, и Он для того и встречается с тебе подобными, чтобы мы – люди – хоть перед смертью немного поумнели».

Итак, мы поздоровались, и Он сел на землю, скрестив ноги. Я попробовал сесть так же, но у меня не получилось, и тогда я опустился на колени, поджав под себя ноги.

– Ну что, начнем? – спросил Он.

– Что? – не понял я.

– Беседу.

– Я не против, – ответил я.

– Вот и хорошо, что ты не против, – с оттенком юмора заметил Он. Так ты насчет Седьмой заповеди «не прелюбодействуй»?

– Да, насчет нее.

– А что тебе в ней неясно?

– Господи, – с жаром начал я, – не могут же все быть монахами, а кто же тогда детей делать будет, от кого бабы рожать

будут? Ведь притяжение полов друг к другу заложено самой природой, самим Творцом Небесным, как же мужику жить без...

– Подожди, подожди, – прервал меня Он, – что-то тебя не туда занесло! А кто тебе сказал, чтоб ты не жил нормальной, здоровой жизнью, то есть имел жену и получал все возможные радости от брака, причем как ты, так и она? Кто? В заповеди сказано: «Не прелюбодействуй».

– А что это значит?

– Ну, вот видишь. Ты даже не потрудился заглянуть в толковый словарь, чтобы уяснить себе, что обозначает это слово, а приперся сюда базарить со Мной! А слово это обозначает: изменять супружеской верности, то есть иметь физическую связь на стороне, прелюбодействовать, – назидательно сказал Он, укоризненно взглянув на меня.

Я сидел пристыженный, как напроказивший мальчишка. Никому на свете не пожелаю оказаться в такой ситуации!

– Прости, Господи, – только и мог пролепетать я, опустив глаза.

– Ладно, прощаю, – взглянув на меня и чуть улыбнувшись глазами, произнес Он, – не ты первый и не ты последний, много вас у Меня было за две тысячи лет. И потом уже более миролюбиво добавил:

– Я ведь знаю, каким соблазнам и противоречиям бывает подвержен человек, и даже праведники, случается, сбиваются с пути и совершают ошибки. Хочу тебя немного успокоить: прожитой тобой жизнью Я доволен.

Сразу же приободрившись, я задал ему следующий вопрос:

– Вот в Библии сказано: «Соблазняющий вдову грешит», а вдовец, соблазняющий вдову, тоже грешит? Ведь они оба свободны, два одиноких человека, нуждающиеся в человеческом тепле. Как быть в таком случае?

– Все зависит от стремлений. Если вдовец хочет использовать женщину, вдову просто для удовлетворения похоти, плотских желаний, а потом бросить ее, забыть и идти к следующей вдове с такими же намерениями, то, конечно, он грешит, ибо он разрушает ее душу, да еще и обостряет физиологические потребности.

Но если он подходит к женщине с мыслью создать союз, семью, очаг и заботиться о своей избраннице, тем самым сгладив и свое одиночество, и ее, то никакого греха в этом нет, как говорится, Бог им в помощь и мир их новому дому.

– А если, допустим, оба они хотели иметь семью, как Ты говоришь, но у них не получилось? Не подошли они друг другу,

оказались слишком разными людьми, в народе говорят: не сошлись характерами, а связь физическая у них все-таки была, они же не дети? Тогда как?

– На нет и суда нет. В следующий раз пусть будут поосторожнее в выборе спутницы или спутника жизни, – ответил Он.

– Хорошо, это я себе уяснил, – сказал я, – но тогда, если Ты позволишь, я задам еще один вопрос.

– Задавай, – сказал Он.

– Почему некоторые особо горячо верующие становятся монахами, затворниками, отшельниками, если, как Ты говоришь, жить здоровой жизнью полноценного мужчины не считается грехом перед Всевышним?

– Ты сам Мне ответил на свой вопрос, – улыбнувшись, сказал Господь, – особо горячо верующие, то есть люди, пожелавшие всю свою жизнь без остатка посвятить служению Богу, чтобы ничто им не мешало, уходят от мирских забот. Никто их это делать не заставляет. Это их личный выбор. Но никто и не должен удерживать их от избранного пути.

– Скажи, Иисус, а можно я задам Тебе чуточку каверзный вопрос, но если не хочешь, можешь на него ничего не отвечать, я не обижусь?

– Спасибо, что ты мне это позволяешь, – с веселыми искорками в глазах сказал Иисус, – но даже прежде чем ты надумал Мне его задать, я прочел его в твоих подспудных мыслях, он был под коркой твоего сознания. Ты хочешь меня спросить, а каково Мне было две тысячи лет назад, в Моей земной жизни, знал ли я хоть одну женщину, и если нет, не тяжело ли давалось Мне целомудрие. Так или нет?

– Именно так, – ужасно смутившись, промямлил я.

– Ну, так слушай, Рафи, слушай меня внимательно, – торжественно произнес Иисус Христос.

– Я весь внимание.

– Я изначально был подготовлен Отцом Моим Небесным к Своей судьбе. Но Он дал Мне право выбора: или, если Я захочу, Я буду иметь на земле все, все блага земные, власть, деньги, семью, наследников и стану царем еврейского народа, но при этом на небесах место мое будет скромным, или в Своей земной жизни приду к тому мучительному концу, к которому я пришел, то есть к Голгофе, но, попав на Небо, Я сяду рядом с Ним и буду вторым после Него. Но тогда земную свою жизнь до тридцати трех лет Я должен прожить так, чтобы стать символом чистоты, доброты, кротости, целомудрия и всех остальных добродетелей человеческих,

какие только есть, с тем, чтобы все последующие тысячелетия люди с благоговением вспоминали Мое имя.

Я выбрал второе... Не скажу, что этот выбор дался Мне просто, но, совершив его, я уже от избранного пути не отходил.

А в остальном Я был такой же человек, как и вы все, с теми же проблемами, с теми же потребностями и противоречиями в душе, самый что ни на есть земной человек.

– Спасибо Тебе, Иисус. Это самое главное, что я хотел от Тебя услышать, – сказал я.

– Я знаю, – просто ответил Он.

– И еще, – не удержался я, – а если, допустим, я буду следовать своим природным инстинктам и в поисках спутницы на остаток своей уже недолгой жизни начну менять их одну за другой, каково будет мое место на небесах? Где оно будет?

– Где оно будет, сказать Я тебе не могу, а вернее, не хочу.

– Почему? – наивно поинтересовался я.

– Потому, что человек не должен о себе все знать наперед, но одно Я могу тебе сказать наверняка: твой путь к нам будет похож на твое хождение по болотам. И все.

После этих слов Он встал, давая мне понять, что разговор окончен, и мы вместе вышли из шалаша.

Попрощавшись со мной, Господь двинулся в сторону леса, а я долго смотрел Ему вслед, пока силуэт Его фигуры не исчез окончательно.

ЖИЗНЬ СЕДЬМАЯ

– Ах ты, кобель поганый, – кричала, трясясь от злости, Мери, – я-то думаю, почему у меня все там чешется, а он, оказывается, мандавошку в подарок от какой-то б... мне принес, чтоб тебя громом разразило!

– Да по случайности это, Мери...

– Молчи! Мерзавец! И главное, скрыть все хотел от меня, сам уже успел ее вывести, а мне не сказал, авось проскочит?!

– Мери...

– Заткнись! Слушать тебя не хочу! Ты мог передать эту гадость Лиде! Ты же сажаешь ее на колени! Подлый развратник! Убирайся, чтоб глаза мои тебя не видели!

– Мери! Но ведь по пьяни... утром проснулся, а эта сучка у меня в постели. Как и когда она там оказалась, Христом-Богом клянусь, ничего не помню!

– Замолчи! – не унималась Мери, – Господом еще клясться надумал, не упоминай Его имени, ты этого не заслужил! Я тебе, кобелине, отомщу, ты у меня еще припомнишь! И не подходи больше, не трогай меня своими лапами! Завтра же подам на развод! Давно хотела, надоели твои запои, а теперь все – решила! Говорили мне, что у тебя в каждом рейсе подружки заводятся, тоже мне шофер-дальнобойщик, а я-то, дура, не верила, думала, клевещут злые языки, нашему счастью завидуют, а вот теперь сама носом ткнулась! Спасибочки, дорогой муженек! Проучил ты меня. Чуяло мое сердце, что-то тут не то, больно ты сытый до е..ли ходишь. А оказывается, все гораздо проще, по б...дям ты нынче стал бегать, чтоб те треснуло. Ладно, я тебе еще покажу, на что я способна! – кричала в ярости Мери.

– Ну, ты тоже, небось, не святая, – наконец сумел вставить словечко в нескончаемый поток ругани Никита.

– Кто бы говорил! В чем ты можешь меня упрекнуть?! – заорала Мери.

– Да хоть в том, что я тебя не девушкой взял.

– Ну и что? Я тебе честно сказала: до тебя у меня был один парень, и все, не то что у тебя, паскуды, немерено шлюх!

– А почему я тебе должен верить? – в свою очередь начал наседать на нее муж.

– Мне теперь все равно, можешь и не верить. Теперь мне на все наплевать. Все равно я с тобой жить не буду! – заявила

Мери, а про себя подумала: «Так я тебе, лопуху, и скажу, сколько у меня было парней! Жди, болван!»

– Да и при мне ты чуть ли не каждому мужику глазки строишь и крутишь перед ними задом!

– Может, и строю, да не то, что ты, в постель я к себе никого не пускаю! – рявкнула в ответ Мери, про себя усмехнувшись: «Ну и правильно делаю: он, видите ли, пропадает в своих рейсах, а я тосковать должна, как Пенелопа? Имела любовников и буду иметь! Изменяла тебе, дураку, и буду! Ты этого заслуживаешь, кормилец наш миленький!»

– Это еще большой вопрос, – продолжал настаивать Никита, – до меня, знаешь ли, тоже доходят всякие слухи.

– Не знаю, что до тебя доходит, но за руку ты меня не поймал! А языком молоть каждый дурак может.

– Ладно, Мери, хватит, что было, то было, давай забудем все, – перешел на миролюбивый тон Никита.

– Никогда, запомни! И ни за что! – заявила Мери, гордо выпрямившись.

Никита еще долго уговаривал жену простить его, не разрушать семьи, подумать о дочке, с кем не случается, в семье всякое бывает. Каялся, божился, что никогда больше изменять ей не будет, но все было напрасно, Мери твердо стояла на своем: развод – и точка.

Был у Мери любовник, и он ей очень нравился, а главное, был куда более состоятельным человеком, чем ее муженек-шофер. Это был человек с положением. Правда, ходили слухи, что до баб он тоже охотлив, но вот уже длительное время он встречался только с Мери и уговаривал ее разойтись с мужем, обещая на ней жениться.

Она давно на это решилась бы, если бы не дочь. Лида отца любила, да и Никита в ней души не чаял. Ну, а тут такой удобный случай. В конце концов, дочке она все объяснит как надо, а с любовника возьмет слово обращаться с ней как с родной дочерью, и уж конечно, рожать от него ребенка она не намерена, а то иди знай этих мужиков, вдруг и этот окажется не тем, что надо, или вообще бросит ее, так что же, с двумя детьми куковать до пенсии? Нет уж, она не дура и должна быть себе на уме.

Суд развел Мери и Никиту быстро, без заморочек и обычных предложений подумать еще и прийти через три месяца. Разводов тогда было слишком много, и советское государство не на шутку было озабочено проблемами семейного института. Однако Никита на суде ничего не отрицал, признался во всем, в чем его обви-

няла Мери, и судья, будучи тоже женщиной, сразу вошла в ее положение.

Осталась проблема дележа совместно нажитого имущества и размена квартиры. Дочку Мери ухитрилась так настроить против отца, что Лида сквозь зубы здоровалась с ним, причиняя ему невыносимую боль. Никита понимал, что его же беспутная жизнь привела к этому, но, как и все люди, выискивал в ситуации причины, хоть как-то оправдывающие его. Он говорил себе: «Я всегда знал, что Мери меня не любит по-настоящему, поэтому и пил, ну, а где водка, там и шлюхи. Все бы ничего, если бы не дочка, она совсем переменилась ко мне...»

С дележом имущества ссор не назревало, он согласен был отдать Мери все, а себе оставил только кухонный стол, пару стульев и кровать. А вот с разменом квартиры Никита тянул, не соглашаясь ни на какие предложенные варианты, в надежде, что со временем все утрясется, наладится, и они с Мери сохранят семью. Ну, перебесится баба, говорил он себе, и успокоится, надо лишь набраться терпения и переждать.

Но за своими делами они оба, нервные, взвинченные, не замечали, какой не по возрасту задумчивой сделалась дочка. Замкнувшись в себе, девочка тяжело переживала семейный раскол. Будучи в шоке от отцовского предательства (в чем ее убедила Мери) и видя, как беснуется мать, она почувствовала себя совершенно одинокой и старалась большую часть времени проводить с подружками, невольно притягиваясь к тем, у кого тоже было не все ладно в семье. Та незыблемая цельность, то безоговорочное единство «мама, папа и я», которое составляло ее мир, в одно мгновение рухнуло, и для ее тонкой натуры это была настоящая катастрофа.

Как-то Мери привела дочь к своим родителям и под предлогом, что уже поздно возвращаться, оставила ее у них, пообещав, что завтра, в субботу, она среди дня заедет и заберет ее. Внучка с удовольствием согласилась провести вечер у бабушки и дедушки, которые очень ее любили.

Сама же Мери, заранее договорившись с любовником, встретилась с ним и привела его к себе. И они так тихо улеглись в постель, что Никита, сидевший в соседней комнате перед телевизором, ничего не услышал.

Утром в ванной комнате он наткнулся на незнакомого мужчину! Какое-то время оба оценивающе смотрели друг на друга, и Никита, сообразив, наконец, что произошло, удивился, что же могло заинтересовать Мери в нем?

Внешностью соперник уступал ему на все сто, но держал себя вызывающе, очевидно, рассчитывая на что-то. В выяснение отношений Никита с ним вступать не стал, а пошел их выяснять к бывшей жене. Та ответила коротко, с нагловатой ухмылкой:

– А что тебя удивляет? Ты тянешь с разменом, а мне сегодня вечером стало плохо, вот я и просила его остаться у меня!

– Где дочка? – спросил Никита.

– У стариков, – ответила Мери.

«Значит, она все продумала заранее, а я эту дрянь до сегодняшнего утра еще любил!» – подумал он.

– Он сделал мне предложение, – почему-то вдруг добавила Мери, возможно, почувствовав всю подлость своего поступка.

– Желаю вам счастья, – сухо произнес Никита, – где варианты обмена? Дай мне их, я сегодня же пойду и еще раз посмотрю на месте!

Вскоре обмен состоялся. Мери вышла замуж за своего начальника цеха, и они поселились в двухкомнатной квартире в одном конце города, а Никита в коммуналке – в другом.

И началась у Мери с виду благополучная, сытая жизнь, а у Никиты – сплошные бессонницы. «Столько лет я любил эту бездушную тварь, – говорил он себе, – ладно, согрешил я, но я всегда любил только ее, она это знала! И самое обидное, что и дочь меня предала, я слышал, что она подружилась с отчимом, и это при живом-то отце. Да, куда ни глянь, везде крах. Скорей бы в рейс, ничего не видеть и не слышать!»

Прошло время, и оба они как-то успокоились. Мери была довольна жизнью, Никита уехал жить в другой город.

Но у таких сказок не бывает счастливого конца. За их поступки постепенно расплачивалась дочь. Приступы меланхолии, переходящие в глубокую депрессию, стали усиливаться, особенно когда спустя несколько лет отчим стал болеть и вскоре умер. Теперь у Лиды не было ни отчима, ни родного отца, которого в свое время она, хоть и не по своей вине, предала полностью, приняв сторону матери.

Умерли и бабушка с дедушкой. Мери день ото дня становилась все боле нервной, неуравновешенной. Уже будучи взрослой, после неудачного брака Лида решила: вполне естественно, что ее никто не любит, если от нее отказался даже родной отец. Мать и дочь невесело коротали свои вечера. Стареющая мать и получившая в конце концов инвалидность на почве депрессий дочь... Да, наши дети часто расплачиваются за наши грехи.

Не кради.
Заповедь восьмая

СОН ВОСЬМОЙ

Я стоял перед высотным зданием государственного банка. Тридцать этажей насчитал я, считая снизу вверх и сверху вниз, и еще раз, и еще раз, дабы мне не ошибиться. На входных дверях была приклеена записка: «Лифт по техническим причинам не работает». С ума сойти, подумал я, а мне-то надо на тридцатый этаж, и это в мои-то годы, не слишком ли?

И тут же услышал ответ:

– Не слишком!

Не обратив на это внимания, мало ли что может с перепугу померещиться, я решительно открыл дверь и пошел к лестнице, мельком заметив, что никого в здании нет, нет даже привычного движения людского потока в фойе столь фешенебельного архитектурного сооружения.

Первые десять этажей я прошел довольно бодро, помогла ежедневная тренировка. Дело в том, что я живу на пятом этаже пятиэтажного дома без лифта. Пока был молод, вбегал на пятый этаж на одном дыхании, но с годами это становилось все сложнее.

Помнится, мне надо было поднять в свою квартиру бронзовую скульптуру, только что отлитую в литейном цеху, для того, чтобы отшлифовать, а затем и отполировать ее до зеркальности прямо в своей маленькой кухоньке хрущевского типа. Скульптура весила семьдесят килограммов. Я донес ее один и без передышки, правда, когда я добрался до пятого этажа, сердце мое было готово выскочить из груди. Но мне тогда не было и сорока, и я был здоров и силен, как буйвол. А сейчас от меня осталась лишь тень прошлого. И вообще после потери бесконечно дорогого мне человека, моей жены, чудо, что я еще живу.

Ну да ладно, личные мотивы в сторону, осталось еще двадцать этажей. Вот чуток передохну – и в путь.

Я одолел еще пять этажей и мокрый, как мышь, сел на лестницу передохнуть. Ну вот, подбадривал я сам себя, теперь осталась половина, терпи, казак, атаманом будешь. Да, конечно, из меня атаман – как из шахтера космонавт, усмехнулся я про себя. Ну да ничего, не возвращаться же назад, у нас в роду слабохарактерных не было. Так, проявляя упорство и настойчи-

вость, я осилил еще пять этажей и, обессиленный, сел отдышаться.

Ну, даже если осилю я еще десять этажей, а потом ведь еще и спуск мне предстоит?.. Зонтик забыл прихватить, авось с его помощью и спланировал бы вниз, коли нет парашюта рядом, пытался я пошутить.

Так, сейчас я встану и продолжу подъем...

– Вот это правильно, – услышал я.

Да кто же это там смеется надо мной? Сам оказался бы на моем месте, посмотрел бы я на него! И все же я поднялся и прошел еще два этажа. «Осталось всего восемь, – сказал я сам себе, – что ни говори, мне уже не тридцать! Маленько еще передохну, и дальше вверх по этой лестнице прямо на небо».

Затем я поднялся еще на два этажа и, совсем обессиленный, опять сел на ступеньку. Все, сказал я себе, кажется, окончательно выдохся, больше не могу!

– Можешь, – опять прозвучал голос в моей голове, – ты еще и не то выдерживал, не сдавайся!

И я поднялся и пошел шаг за шагом, ощущая, как ноги становятся все более ватными, а сердце бьется со скоростью тысяча ударов в минуту. И одолел еще два этажа.

– Осталось всего четыре, – прозвучал в голове голос.

Я прошел, еле передвигая ноги, еще два. И тогда тот же голос произнес – так близко, словно человек стоял рядом и говорил со мной:

– Иди ко мне, я жду тебя.

И я наконец одолел последние два этажа.

Дверь выходила на обширный балкон, смотровую площадку, и сквозь стекло я увидел сидевшего на длинной каменной скамейке человека, делавшего мне знак рукой, как бы приглашая пройти к нему. Я открыл дверь и спросил:

– Вы зовете меня?

– Да, да, тебя, – ответил мне незнакомец.

– Простите, мы что, знакомы?

– Конечно, знакомы, – улыбнувшись, ответил он.

– Что-то я не припомню, а кто вы?

– Иисус.

– Какой Иисус?

– Иисус Христос.

Вытаращив на него глаза, я наконец выдавил из себя:

– А, собственно говоря, почему я вам должен верить?

– Подпрыгни, – сказал Он.

– Не понял?

– Ну, ты можешь подпрыгнуть на высоту хотя бы тридцати-сорока сантиметров от пола?

– Конечно, могу.

– Так будь добр, сделай это.

Я подпрыгнул – и... повис в воздухе. Никакие мои старания, направленные на то, чтобы опять опуститься на твердую поверхность пола, не увенчались успехом. И тогда Иисус спросил:

– Теперь веришь?

– Прости, Господи, – сказал я, – теперь-то уж разумеется.

И тогда движением своей руки сверху вниз, как бы медленно разрезая воздух, Он осторожно опустил меня на пол.

– А теперь садись со Мной рядом, и начнем разбирать восьмую заповедь, ведь ты за этим сюда пришел?

– Именно за этим, – сказал я, уже ничему не удивляясь.

Прежде чем сесть, я подошел к барьеру и взглянул вниз. Внизу было синее-пресинее море, а вдали виднелись небольшие острова.

Какая красота, подумал я.

– Да, здесь удивительно красиво, – прочтя мою мысль, сказал Иисус, – но давай начнем, через два часа погода испортится, подует сильный ветер, и сидеть здесь будет неуютно.

Я присел на скамейку рядом с Ним.

– Ты хотел бы разъяснения заповеди «Не кради», – сказал Он.

– Да, да, именно так, – ответил я.

– А что тебя в ней смущает?

– Ну, Иисус! Ты же видишь, что творится внизу, на земле. Крадут все – или почти все. Крадут на заводах и фабриках так называемые несуны, крадут в столовых, кафе и ресторанах, крадут в такси, накручивая километраж и беря чаевые у клиентов, крадут, крадут и крадут. Куда ни посмотришь, везде крадут. Даже богатые владельцы крупных предприятий скрывают свои доходы и недоплачивают налоги государству. А кто не крадет, тот бедствует, еле сводит концы с концами. Ты же все это знаешь лучше меня! Так что же получается, заповедь призывает честных людей прожить всю свою жизнь в нищете? Во имя чего?

– Мы находимся в здании, где сосредоточены огромные богатства города, – сказал Иисус, – сегодня воскресенье. Кроме нас двоих, никого из работников банка здесь нет. Охрану Я усыпил, сигнализацию отключил. Вот тебе ключ, который откроет

любой сейф, иди и возьми оттуда столько денег, сколько хочешь, шифр от замка я тебе подскажу. Иди!

– Что Ты, – отшатнулся я от Него, – я этого никогда не сделаю!

– Почему? Я тебе гарантирую, что никто об этом не узнает, а тебе украденного хватит до конца жизни. Вот ключ. Иди же.

– Нет, нет, Иисус, – сказал я, в ужасе отодвинув от себя Его руку с ключом, – я на такое никогда не пойду!

– Но почему? Что тебя смущает?

– Как почему? – возмутился я, – это же не мое, это все чужое.

– Вот! – торжествующе произнес Иисус, – как раз это я и хотел от тебя услышать.

– Да? А что тут необычного? – удивился я.

– Как раз все обычно, это не твое, ты это не заработал своим трудом, и даже когда Бог предлагает тебе воспользоваться чужим, ты отказываешься. Браво, молодец!

Я смущенно опустил глаза.

– А теперь представь себе, – предложил Иисус, – если все люди начнут брать то, что им не принадлежит, то есть не работать, не производить продукты потребления, а только красть, красть и красть. Красть друг у друга, красть у предприятия, красть у государства. Сегодня он украл пять крон, завтра тысячу, послезавтра – уже чужую машину, а послепослезавтра – и чужую жену. Во что может превратиться такая человеческая общность – и вообще все человечество в целом, если пойдет этим путем?

– Оно недалеко от этого, – с горечью вставил я.

– Знаю, – сказал Иисус, – и скорблю по этому поводу. А теперь представь себе мир, где все честно трудятся, как служащие, так и начальство. Одним словом, люди честным трудом наращивают богатство. От большого количества продукции она дешевеет. Конкуренция заставляет работать все лучше и лучше, ведь трудящийся человек только выигрывает при этом, пользуясь всеми благами. Разве не красивая картина?

– Красивая, согласился я, – только, по-моему, нереальная.

– Почему? – спросил Он.

– Потому, что человеческая сущность противоречива и в целом не способна на это. Прости, Иисус, эта картина слишком идеалистична.

– Но ведь есть же примеры, есть народы, у которых воровство пресекается на корню строгими законами, и мы знаем, что такие государства процветают.

– Их не много, – возразил я.

– Не важно, главное, что они есть и могут служить примером для других.

– Не знаю, что-то мне мало в это верится, – заметил я.

– Хорошо. А ты подумал о мире ином, о параллельном мире, о рае на небесах? Ты что же, думаешь, нераскаявшимся мошенникам и ворам там есть место?

– Но я там не был, и представить мне его себе трудно, – сказал я.

Какое-то время поразмыслив, Иисус вдруг произнес:

– Ладно, Я тебе его покажу. Взгляни на небо и на секунду закрой глаза.

Я исполнил то, что Он мне сказал, и услышал, как Он, коснувшись рукой моих глаз, сказал:

– А теперь открой.

Я открыл глаза и увидел небольшой кусок неба и протекающую в нем жизнь людских душ, когда-то ушедших из нашей земной жизни. Все они выглядели как настоящие люди. Они двигались, улыбались, беседовали между собой, шли по своим делам. Все было почти так же, как в нашей жизни. И тут я услышал голос Иисуса.

– Видишь ли ты здесь хоть одного, похожего на вора?

– Нет, – ответил я, не отрывая глаз от столь прекрасной картины рая, – я хочу туда!

– Это надо заслужить здесь, на земле, – сказал Он.

Я умоляюще взглянул в Его сторону, но Его уже не было рядом...

ЖИЗНЬ ВОСЬМАЯ

С юности Анания тянуло во всякого рода злачные места, к азартным играм, к жуликам и жульничеству, и стал он в итоге картежным шулером.

Однажды у одного нефтяного магната, тоже азартного по натуре человека, Ананий выиграл нефтяную вышку, и деньги потекли рекой. Не имея даже среднего образования (кое-как закончил шесть классов), он, тем не менее, неплохо соображал, когда дело касалось денег, и, получив их, Ананий начал свою бизнесменскую деятельность.

Строил доходные дома, скупал участки земли для будущего строительства и приобретал недвижимость. Дела шли совсем неплохо. В кругу деловых людей он заимел авторитет, купил себе роскошный дом, женился на очаровательной девушке и сделал ее полновластной хозяйкой этого дома, похожего на дворец. Жену называл не иначе как «моя королева».

Со временем родились у них двое детей, мальчик и девочка, с разницей в два с половиной года, мальчик был старшим. Ананий был удачлив в делах и бесконечно счастлив в браке. Казалось бы – живи себе и радуйся, и дай другим тоже жить.

Но человеческий аппетит не знает пределов. Нет, чтобы посмотреть вокруг, увидеть, кто плохо живет, голодает, болеет, не имеет крыши над головой, и помочь этим людям, получив при этом максимум морального удовлетворения, как это бывает с людьми, желающими жить по Божьим заповедям. Ананий же обращал свой взор на тех, кто оказался «круче» него, изворотливее, наглее, кто входил в ограниченное число богатейших людей мира, и очень завидовал им.

Как известно, и это проверено многократно на протяжении веков, зависть ни к чему хорошему не приводит. Она может служить только двигателем к недостойным поступкам, а отнюдь не к благородным.

Вот и захотелось нашему герою почувствовать себя королем. Пусть небольшим, пусть не очень известным, но все же царем и Богом для своих подданных. О том, что многие одаренные люди, истинные интеллектуалы, ученые, поэты, художники, зачастую жили и живут, мягко говоря, в стесненных обстоятельствах, но при этом несут свой гений как светоч человечеству, об этом Ананий не думал. Он знал, что это для него недосягаемо, для этого надо учиться, учиться и учиться, до самой смерти.

А вот быть хозяином судеб людей, владельцем земли, на которой они живут, – для этого нужно иметь большие деньги и, конечно, соответствующее положение в обществе. Это ему вполне подходит.

Одержимый этой идеей, он продумывал разные варианты получения большой суммы в кредит, а там, мол, посмотрим, как будем отдавать их обратно, да еще с процентами.

Детьми он не занимался, и когда жена обращалась к нему с просьбой помочь, так сказать, воздействовать на расшалившегося сыночка, Ананий, как правило, отмахивался: «Вот тебе мой замок, вот тебе и слуги в нем, и денег я тебе даю столько, сколько ты хочешь, остальное делай сама».

Но шли годы, дети взрослели, старела жена, старел и сам Ананий. Кое-кто из его круга деловых людей стал совсем крутым, мультимиллионером, кто-то вдарился в политику и вошел в правительство, а Ананий оставался в прежнем положении и просто входил в число состоятельных людей своего города. Это его не устраивало.

И решил Ананий заключить одну сделку. Узнав, что на одном из теплых морей продаются острова, он выбрал один из самых больших и полетел на своем самолете осматривать его.

Остров был действительно большим, но заселен не густо. Жили на нем в основном рыбаки-аборигены, построившие там свои лачуги и занимавшиеся своим ремеслом круглый год. Природа была почти девственной. Все выглядело как в сказке, и все Ананию нравилось. Одно только было препятствие – деньги.

Продавался остров за космически огромную сумму. Даже если бы Ананий продал весь свой бизнес, таких денег он не набрал бы. И все же он решил рискнуть, взять в банке кредит под залог всего своего имущества, движимого и недвижимого, убедив при этом членов правления банка, что намерен открыть на острове рыбоконсервный завод, возможно, что и не один, остров же большой, построить современные рыболовецкие фермы, взращивать в море жемчуг и т.д., и в течение трех лет вернуть банку все занятые им деньги с процентами.

Правление поверило ему, зная, из каких низов он выбрался в среду состоятельных людей города, и выделило ему необходимую сумму под сравнительно терпимые проценты.

Появившись на острове, Ананий собрал все его население и объявил, что теперь он полный владелец острова, и люди при встрече с ним должны кланяться и здороваться, если хотят дальше жить с ним в мире. Далее он подробно рассказал, что планирует

построить на острове, а в его намерения входили большие нововведения, обещающие намного улучшить условия жизни аборигенов.

На острове закипела работа. Приходили суда со строительным материалом. Привлекалась рабочая сила не только из числа местных жителей, но и с других островов, все было в движении под руководством Анания с его кипучей энергией.

Но настал день, когда надо было отдавать банку часть денег с назначенными процентами. На извещение, предлагающее явиться в банк, Ананий никак не отреагировал. После третьего извещения к нему прибыл посыльный банка. Ананий сделал недоуменное лицо и сказал, что банк его с кем-то путает. Никаких денег он у него не занимал, и вообще не может понять, что они от него хотят. Никакие объяснения служащего не возымели действия, Ананий стоял на своем.

Тогда обеспокоенные члены правления решили сами прибыть на остров и поговорить с Ананием. Их он встретил с таким же недоумением, и на их напоминание о документе, заключающем в себе договор с его и их подписями, потребовал показать этот документ. При рассмотрении документа члены правления с ужасом обнаружили, что подпись Анания на нем отсутствует.

Естественно, возник вопрос, как такое могло произойти. На глазах представителей правления банка Ананий ставил свою подпись, а спустя какое-то время ее не оказалось! Ответ напрашивался сам собою – мошенничество.

Вдруг кто-то из свидетелей церемонии подписания бумаги вспомнил, что Ананий дважды ронял авторучку: перед тем, как поставить подпись и после того, как поставил ее, и сам же удивился при этом. «Что это со мной сегодня?» – сказал он, как бы обращаясь к самому себе. И все подумали, что человек просто волнуется, сумма-то большая.

Тогда решили прибегнуть к опыту известного в городе фокусника-манипулятора. Дали ему две авторучки с разными чернилами – и он у всех присутствующих на глазах сделал то же, что и Ананий, но так, что никто из них не заметил, как и когда он подменил одну авторучку другой. Всем стало ясно, что Ананий использовал чернила, которые со временем обесцвечиваются, и теперь ни на каком суде невозможно доказать, что на самом деле он должник банка. Ярости дирекции не было предела.

Жена Анания, узнав от мужа об его жульничестве, была очень расстроена. Будучи верующей, она понимала, что теперь Бог отвернется от их семьи, Бог накажет тем, что просто не будет

слышать их молитвы, а этого достаточно, чтобы беды посыпались на них одна за другой. Мужу она сказала с горечью:

– Ты сам прекрасно знаешь, что зло порождает зло, теперь беды будут сваливаться на нашу голову, и виновником всего этого будешь ты, и только ты!

Ананий выслушал ее и спросил с усмешкой:

– Тебе много дал твой Бог?

– Да, много, – ответила она. – Он дал мне хорошую семью, а это самое ценное, что только может быть на свете.

– А мне Он ничего не дал. Всего в жизни я добился сам. Да и вообще – есть ли на самом деле Бог?

Время шло, работа на острове кипела, островитяне были довольны своим хозяином, встречаясь с ним, кланялись и почтительно здоровались. Все шло так, как было намечено вначале. Ананий успел выстроить себе особняк, а людям –дома, был истинным царем острова и не переставал радоваться жизни. Все складывалось, как нельзя лучше.

Но вдруг пришла первая беда. Подарил Ананий сыну на его двадцатилетие личный самолет. Но, к сожалению, радоваться молодому пилоту пришлось недолго. Парень разбился насмерть прямо над островом...

Экспертиза показала, что на самолете каким-то образом оказалась взрывчатка, она-то и послужила причиной аварии.

После такого горя, потери единственного сына, у жены Анания случился инфаркт, унесший и ее в могилу.

Возле дочери начали ошиваться какие-то странные типы, якобы ухажеры, пошли бесконечные попойки, ночные тусовки, одним словом, не нуждаясь в деньгах, девушка вела совершенно праздное существование и в итоге села на иглу. А дальше все пошло по обычному черному сценарию: передозировка наркотиков и внезапная смерть в двадцать четыре года.

Ананий остался один. У него больше не было ни семьи, ни здоровья, ни смысла жизни, ни даже Бога, от которого он отвернулся сам.

Не произноси
ложного свидетельства.
Заповедь девятая

СОН ДЕВЯТЫЙ

Я долго шел по узким средневековым улочкам незнакомого мне города. Стояли глубокие сумерки. Слабо мерцали уличные фонари, все окна домов были плотно закрыты ставнями. Ни одного прохожего я не встретил. Я думал: «Какая непривычная тишина!» Скамейки возле домов тоже пустовали, а ведь обычно на них сидят старики и сплетничают про всех жильцов дома, а владельцы собак прогуливают своих питомцев перед сном. А тут – никого. Странное ощущение – и почему меня так тянет к этим скамейкам? Может быть, я устал? Да нет, прошел я много, скорее всего, полгорода, но усталости никакой не чувствую. Тогда почему я так пристально вглядываюсь в каждую из них? Хочу кого-то на ней встретить? Знакомого? Абсурд, я никогда не был в этом городе, нет у меня здесь никого.

Тогда я решил приоткрыть какие-нибудь ворота и заглянуть внутрь, во двор дома, может, там я найду какую-то подсказку для себя. Но все двери оказались наглухо закрытыми. Я шел все дальше и дальше, постепенно теряя надежду во всем этом разобраться.

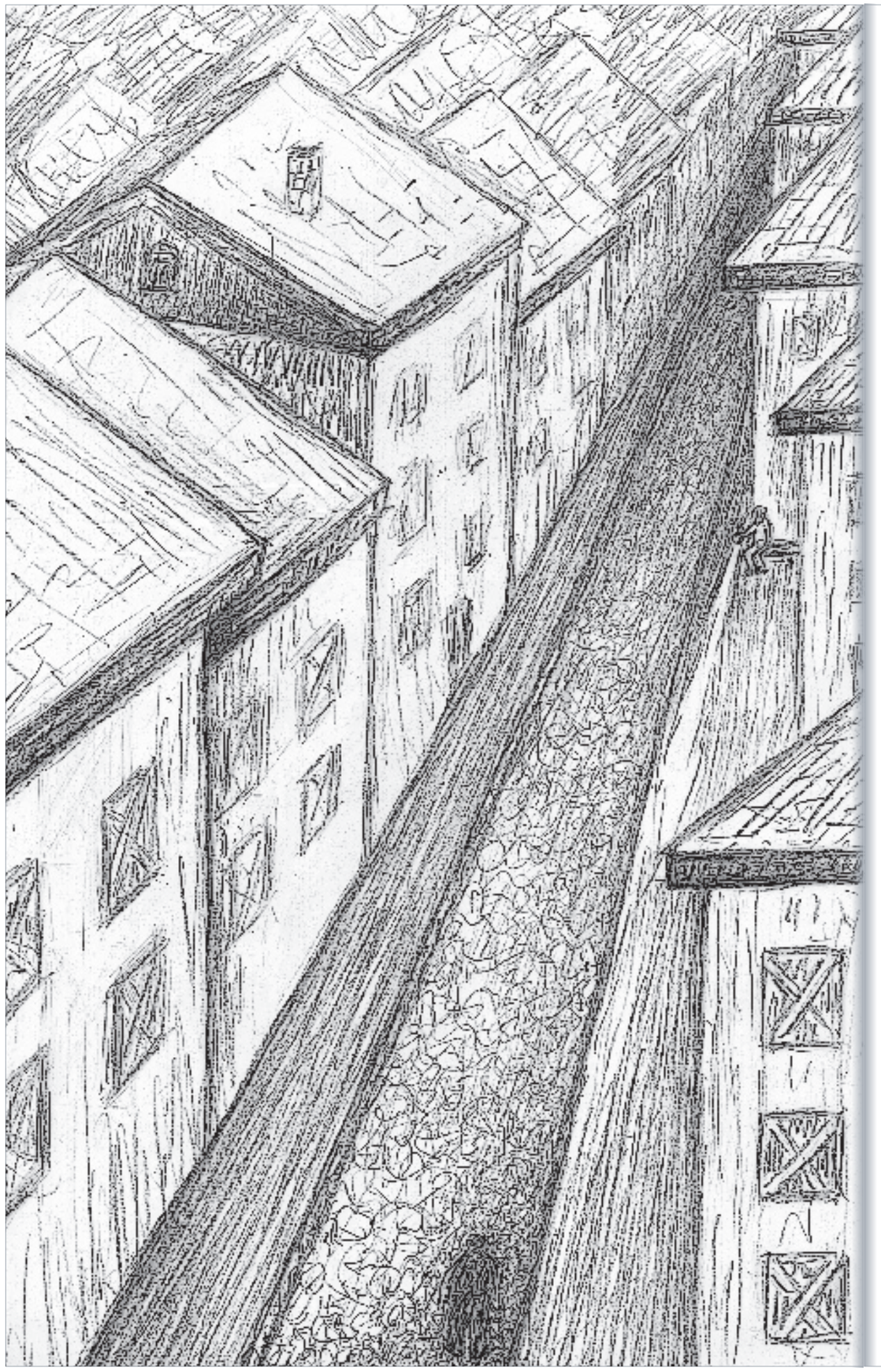
Вдруг я увидел, что вдали один из фонарей мигает как-то необычно. Прямо как азбука Морзе, подумал я, жаль, что я ее не знаю. И все же, следуя внутреннему голосу, пошел по направлению к этому свету. Чем ближе я подходил, тем яснее становилось, что фонарем кто-то управляет, так как мигает он не стихийно.

Ну вот, сгорю как мотылек... «Свеча вставлена в фонарь, и мотылек горестно бьется о стекло», – вспомнились мне строки одного восточного поэта. Когда я почти дошел до фонаря, находясь примерно на расстоянии тридцати шагов от него, он вдруг погас. Здрасьте, сказал я про себя, этого мне не хватало, и чего я к нему иду, как к живому?

– Здравствуй, – ответил мне кто-то из темноты, – ты шел ко мне не напрасно.

– Здесь кто-то есть? – спросил я.

– Повернись направо, и увидишь меня, – произнес тот же голос.



Я повернулся и увидел очень старого человека, сидящего на скамейке. Там было так темно, что я еле различил его во мраке. Но одно сразу бросилось в глаза: он был совершенно седой, с длинной, белой как лунь бородой. У нас, в горах, так выглядят древние старики, и мы их называем «аксакалами», что в переводе с тюркского означает «белая борода».

Фонарь вновь загорелся и ярко осветил нас.

– Кто ты? – спросил я его.

– Иди сюда и садись рядом со мной, – невозмутимо сказал мне старец.

Я подошел и присел на краешек скамейки. На Кавказе мы никогда не осмеливаемся сидеть в присутствии таких старцев, а уж рядом сесть – это вообще наглость, это можно сделать только по особому приглашению аксакала, там они у нас находятся на положении чуть ли святых.

– Я тебя позвал, и ты пришел, – продолжал старик, как бы не слыша моего вопроса.

– Но я не слышал, чтобы ты меня звал, – сказал я с удивлением.

– Ты это слышал в своем сердце, – спокойно ответил он.

– Так кто же ты есть, отец? – еще раз обратился я к нему.

– А ты догадайся сам, – лукаво улыбнувшись, сказал старик.

Я задумался. Через некоторое время я сказал ему.

– Хорошо. Но можешь ли ты сказать мне, сколько тебе лет?

Поразмыслив некоторое время, он с той же улыбкой ответил:

– Это я могу: более двух тысяч.

Я совершенно обалдело уставился на него и наконец произнес:

– Тогда я, кажется, знаю, кто Ты.

– Ну? – подтолкнул Он меня.

– Ты Иисус Христос.

– Наконец-то, – рассмеявшись, вымолвил Он.

Как ужаленный я вскочил со скамейки, но жестом Его руки был вновь усажен, и даже поближе к Нему.

– Я хотел с тобой побеседовать о девятой заповеди – «не произноси ложного свидетельства», – доверительно склонившись ко мне, произнес Иисус.

– Но почему со мной, Господи? – спросил я.

– У Меня есть на тебя определенные виды. Что касается живописи и графики, ты все выполнил, теперь очередь дошла и до твоих книг.

– Значит, все, что я сделал на библейскую тему в изобразительном искусстве, все это было по Твоему скрытому указанию?

– А ты как думал?

– Я думал, что все это я сам.

– Конечно, сам, но по моей подсказке, – еще раз улыбнувшись, сказал Он.

– Вообще-то я должен был и сам об этом догадаться.

– Почему?

– Потому, что люди мне говорили, что это лучшее из всего того, что я создал в искусстве.

– Но ты же никогда не доверял мнению людей, ни когда дело касалось чужих картин, ни тем более твоих произведений, – с легкой иронией сказал Иисус.

– И, кажется, ошибался, – вконец расстроившись, сказал я.

– Что ж, хвалю тебя за самокритику, ты сделал шаг вперед, – торжественно произнес Христос. После некоторой паузы я спросил Его:

– Можно я задам Тебе один вопрос?

– Слушаю тебя, только небольшой, времени у Меня мало, а разговор у нас предстоит серьезный.

– Скажи, Господи, где мы находимся, что это за город и почему я здесь никого не вижу, ни людей, ни даже животных? Ведь сейчас не ночь, а такое впечатление, будто все спят.

– Они действительно спят, только иным сном, а город этот давно вымерший, ты же видишь только образ его. Фонарями тебе светил Я, чтобы ты не заблудился и без проблем пришел ко Мне. Вот и все, – сказал Он, – А теперь давай поговорим о заповеди.

– Я весь внимание, – сказал я.

– Девятая заповедь – самая трудновыполнимая. Творец знал, что чуть ли не половину своей жизни человек будет пребывать во лжи. Даже грудному ребенку мать, чтобы оторвать его от груди, сует соску, это первый маленький обман – и так до самой смерти. Умирающему старцу близкие и врач говорят, что он еще поживет, надо только потерпеть немного. И, конечно же, такая ложь – не грех, она не возбраняется Отцом Небесным потому, что она на пользу человеку, она делается и говорится для его спасения. Новорожденному ребенку – чтобы он не переел и не заболел на этой почве, глубокому старцу – чтобы поддержать его, дать еще один шанс в борьбе со смертью.

– Тогда зачем вообще эта заповедь? – не удержался и перебил Его я.

– Не спеши и не перебивай старших, дойдем и до этого, – сказал Господь, укоризненно взглянув на меня.

– Прости, Господи, – сказал я сконфуженно.

– Итак, как же ее понимать и как следовать ей? – продолжил Иисус. – Не произноси ложного свидетельства, то есть не будь свидетелем того, чего нет на самом деле. Ты спросишь Меня, а как же разведчики? А я знаю, что во все времена были разведчики, которые шпионили, находясь в чужой стране, чтобы собрать как можно больше секретных данных этого государства и передать их своим, и чем лучше была поставлена разведка, тем сильнее была страна в борьбе с врагом, и эти люди по праву назывались и называются героями.

– Именно так, Иисус, – опять вставил я.

– Так вот, эти люди, подкидывая дезинформацию враждебной стороне, лгут на благо своей страны и не сознаются на допросах, если попадаются, чтобы не навредить своему государству. И пока государства на Земле не перестанут враждовать между собой, а они никогда не перестанут этого делать, ибо и это изначально предсказано Творцом: «...и пойдет народ на народ, и будут войны и будет глад и мор... и всему этому должно быть», – сказано в Писании, – профессия разведчика была и будет в почете у человечества, так как она требует большого мужества и патриотизма. Разумеется, не в том случае, когда человек предает свою страну, свой же народ, ибо это всегда было и есть предательство.

Возникает естественный вопрос, нет ли здесь противоречия между заповедью и жизненной необходимостью?

Нет, отвечу я тебе, нет. Понимать заповедь надо так: не произноси ложного свидетельства, приносящего вред не только ближнему твоему, но и человеку, не сделавшему тебе ничего плохого. Даже на суде, если судится твой друг с человеком, тебе посторонним, незнакомым, и твой друг неправ и хочет уговорить тебя солгать на суде во благо ему и во вред противнику, не поддавайся его уговорам и не делай этого. Не иди на суд и не свидетельствуй ложно.

– Но ведь тогда друг отвернется от меня, может быть, вообще перестанет дружить со мной?

– Это уже его дело. Если он не понимает, что толкает тебя на грех перед Отцом Небесным, то какой же он друг? Без сожаления и угрызений совести и ты перестань дружить с ним. Совесть изначально заложена в человека Богом. Она помогает ему ориентироваться в жизненных ситуациях и, как правило, человек чувствует в себе фальшь, даже если не показывает это внешне. Следуй ей, совести, прислушивайся к ней в себе – и ты не ошибешься. Это все, что я хотел тебе сказать. А теперь прости, я

спешу, у меня еще много дел и встреч запланировано на сегодня. А день уже идет к концу.

– День действительно подходит к концу, и люди вскоре пойдут спать, пора и Тебе, наверно, отдохнуть, Господи, – с сожалением расставаясь с ним, сказал я.

– Вот-вот. Входи в этот дом. – Он открыл дверь находившегося рядом дома. – Там все для тебя приготовлено: еда, питье, ночлег. И спокойной тебе ночи.

– А как же Ты, Господи?

– Бог никогда не спит, это удел живущих в материальном мире. Я и души в моем раю всегда готовы к осуществлению важных дел, как вечные стражи добра и порядка во Вселенной.

С этими словами Он исчез.

ЖИЗНЬ ДЕВЯТАЯ

«Почему все так сложилось?» – спрашивал себя Игнат, сидя на нарах.

Этот вопрос он задавал себе ежедневно и ежечасно и не мог найти на него вразумительного ответа! Он ведь не участвовал в этом диком преступлении, за которое его осудили – коллективном изнасиловании.

«Страшно подумать, – размышлял Игнат, – и это при моем-то рыцарском отношении к женщине. А эти твари, подонки, совершившие такое, указали и на меня, будто я был с ними. Мое несчастье, что я жил с ними в одном дворе, а они, падлы, видно, завидовали мне, что я из обеспеченной, благополучной семьи, и вот теперь я здесь. Надо же такому случиться. Ничего, мне бы только выйти из этого ада, со всеми с ними я поквитаюсь. Сколько их было, семеро? Скоты, семь кобелей на одну девчонку... Конечно, все было в темноте, она, может, и не видела их лиц, бедняжка, испытать такое врагу не пожелаю. Ну, ничего, вы все семеро будете гнить в одной могиле, и ни одна собака вас не раскопает. Это я вам обещаю. А я-то еще и дружил с вами, впрочем, как и со всеми мальчишками с нашего двора...

А судьи? Судьи тоже хороши. Что, они не видели по лицу, что я на такое не способен? Конечно, судья – женщина, «ваша честь», где уж вам разобраться в такой запутанной истории? Потерпевшая с ними общалась раньше? Общалась, ведь они жили в одном квартале. Потерпевшая знает в лицо Игната Гордеева? Знает. А как ей меня не знать, когда на дню сто раз на улице встречались.

А с другой стороны, почему бы судьям было и не поверить обвинению? На скамье подсудимых, бывает, оказываются дети не только обеспеченных, но и высокопоставленных родителей. Сидит же за изнасилование сынок председателя Союза художников, и не по ложному обвинению, как я, а вполне заслуженно, уж я-то его знаю, этот подонок вполне способен на преступление.

Завтра у меня свидание с матерью. Слава Богу, что хоть она верит мне. Отец тоже, хотя был момент, когда он усомнился во мне, но я ему прощаю, целый день, бедняга, вкалывает, чтобы мы жили достойно, в достатке, разве ему было дело до воспитания сына? Видел-то я его только по утрам и поздно вечером перед сном. Мои старики совсем сдали за последние годы, а теперь еще и это горе свалилось им на голову. Каково им смотреть в глаза

знакомым и родственникам? Сыночек сидит по такой ужасной статье, и попробуй им доказать, что я невиновен, тем более, за мелкое хулиганство условный срок у меня уже был. Кстати, тогда я тоже влип за компанию с тремя из этих типов. Вот и получается, что по большому счету судьбе есть за что меня наказывать: не водись я с ними вообще, не был бы сейчас здесь. Конечно, если тогда все было справедливо, то сейчас я сижу ни за что. Но сделай я тогда нужные выводы и отколись от этих тварей раньше, не смогли бы они сейчас указать на меня. Просто им никто не поверил бы...»

Так сидел Игнат со своими невеселыми мыслями уже четвертый год, а мать обивала пороги всех инстанций, пытаясь доказать невиновность сына. В этот злополучный день его даже близко не было с этими мерзавцами, это Мария (так звали мать Игната) знала твердо, потому что Игнат целый день был с ней, но судья решил, что мать выгораживает сына, что родители вообще не могут быть свидетелями, они, мол, лица заинтересованные.

На следующий день у матери было свидание с сыном, и она принесла ему обнадеживающую весточку. Будет назначен пересмотр дела. Она наняла очень хорошего адвоката, и тот, ознакомившись с делом, сказал, что шанс выиграть есть, и назначил сумму на случай выигрыша. Деньги немалые, но ничего, дело стоит того, чтобы Игнат оказался на свободе, отец тоже так считает и продолжает работать в две смены, и в субботы и в воскресенья, а там как Бог даст.

Мария слышала, что этих подонков содержат в других лагерях, слава Богу, не вместе с сыном, а то бы и там передрались. Родители их не навещают. Оно и понятно: каковы дети, таковы и родители. А при встрече на улице она давно никого из них не замечает. Детей нарожали, а воспитание оставили на школу и государство. Вот и результат. Да и когда им было заниматься воспитанием своих детей, когда они с утра до ночи квасят, из окон их квартиры то и дело слышна площадная брань и время от времени завывание пьяных голосов: «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка темная была...» Да, не забыть бы сказать Игнату, что в их зону в конце недели приедет священник. Пусть сын прислушается к проповеди, авось что-то ценное в ней найдет. А вообще-то приучать его к этому надо было раньше. Это ее материнский промах, и ошибка ее родителей по отношению к ней, своей дочери, что все они были далеки от Бога. Кто его знает, может быть, тогда мы бы были под Его защитой, и Он уберег бы Игната? Как в первый раз, когда четверо пацанов всего-навсего

обворовали будку и набили карманы конфетами, так и сейчас оградил от этих мерзавцев-насильников и поставил бы сына на путь истинный.

Да, все мы грешны. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Так и мы. Пока все хорошо, не вспоминаем Его, а как приспичит: «Господи, помоги! Не оставь заблудшую душу! Ты же нас любишь! Пошел за наши грехи на крест, не обойди вниманием и меня, век Тебе благодарен буду!» «А где же ты раньше был? – вправе спросить Бог. – Ты хоть раз вспомнил обо Мне, когда тебе было хорошо? А сейчас вопишь, просишь о помощи, бегаешь каждый день в церковь, ставишь там свечи во славу Меня, а все предыдущее время я для тебя ведь и не существовал. Так вот теперь потерпи. Я в первую очередь приду на помощь тем, у кого всегда был храм в душе и кто никогда не был лицемером. Но, конечно, не забуду и про тебя, ибо пришел я в этот мир ради вас, грешников, вас я хочу обратить в праведников. Кайтесь же! Кайтесь по-настоящему и взывайте к Отцу Моему через Меня.

В субботу в зону к осужденным пришел пастор и стал проповедовать Библию, говорить о добре и зле, призывать к покаянию. Зеки встретили его с насупленными лицами, глаза их выражали настороженную недоверчивость. Каждый из них как бы молча спрашивал его: «Что ты знаешь о нас и обо мне в частности, можешь ли ты вообще знать о нашей здешней жизни?»

Наконец один пожилой зэк со множеством судимостей спросил:

– Сколько лет вы вот так проповедуете и призываете к покаянию? Если бы вы знали, сколько грехов в одной нашей зоне! А если все наши души разом поместить в ад, вряд ли там найдется хоть одно свободное местечко даже для раскаявшейся души!

По рядам заключенных прошел одобрительный смешок.

– Во-первых, для раскаявшейся души место уже не в аду, – ответил пастор. – А во-вторых, я не верю, что Бог захочет вас всех поместить в ад, да еще и одновременно.

Последние слова совсем развеселили заключенных.

– И в-третьих, – продолжил пастор, – я проповедую уже пять лет.

– А чем до этого занимался? – спросил кто-то.

– Сидел, – коротко ответил пастор.

– Сколько? – раздался еще чей-то голос.

– Одиннадцать лет.

– За что? – спросил какой-то юнец.

– Ну, уважаемые, я же не спрашиваю каждого из вас, за что вы сидите, почему же вы спрашиваете меня об этом? Нарушаете негласный закон зоны. Это нехорошо.

По рядам прошло волнение: свой парень, наш мужик!

После окончания проповеди Игнат подошел к священнику и рассказал ему свою историю. Пастор пристально посмотрел ему в глаза и вдруг сказал:

– Я тоже не верю, что ты способен на это. Бог, я думаю, сейчас испытывает тебя. Вот тебе Библия, читай ее, и в следующий раз, когда я приеду, поговорим о прочитанном. Я же буду за тебя молиться. Напиши мне на бумаге разборчиво свою фамилию и имя, не забывай молиться утром и вечером и кайся за прежние свои грехи.

И уже прощаясь, добавил:

– Да, и не вздумай мстить своим обидчикам, даже думать о мести. Поверь мне, за тебя их накажет сам Господь Бог.

Прошло еще полгода. Дело Игната Гордеева было пересмотрено. Он был полностью оправдан за неимением доказательств, а главное, нашлись свидетели, подтвердившие, что в этот день Игнат сидел дома и никуда из своей квартиры не выходил.

Судьба же семерых насильников оказалась воистину плачевна. Двоих из них наутро нашли зарезанными. Урки совершили над ними самосуд, посчитав их доносчиками лагерному начальству. Трое, тайком сделав себе заточку, отважились на побег из зоны, а охрана с собаками их настигла. В завязавшейся драке одну собаку они убили, а другую ранили. Озверевшая охрана позволила оставшимся собакам рвать их тела на куски. Полумертвых беглецов вернули в лагерь досиживать свой срок и приплюсовали еще новый за побег. Шестой из семерых скончался в лагерной больнице от туберкулеза.

Последний, выйдя на свободу, совершил преступление, аналогичное первому, при этом еще и задушив свою жертву, и был вновь посажен на такой срок, что люди сомневались, доживет ли он до его окончания. Такова была судьба этой преступной семерки.

Игнат понял, Бог любит нас всех и готов простить раскаявшихся, но может и наказать по всей строгости, так, что мало не покажется.

Не пожелай ничего,
что у ближнего твоего.
Заповедь десятая

СОН ДЕСЯТЫЙ

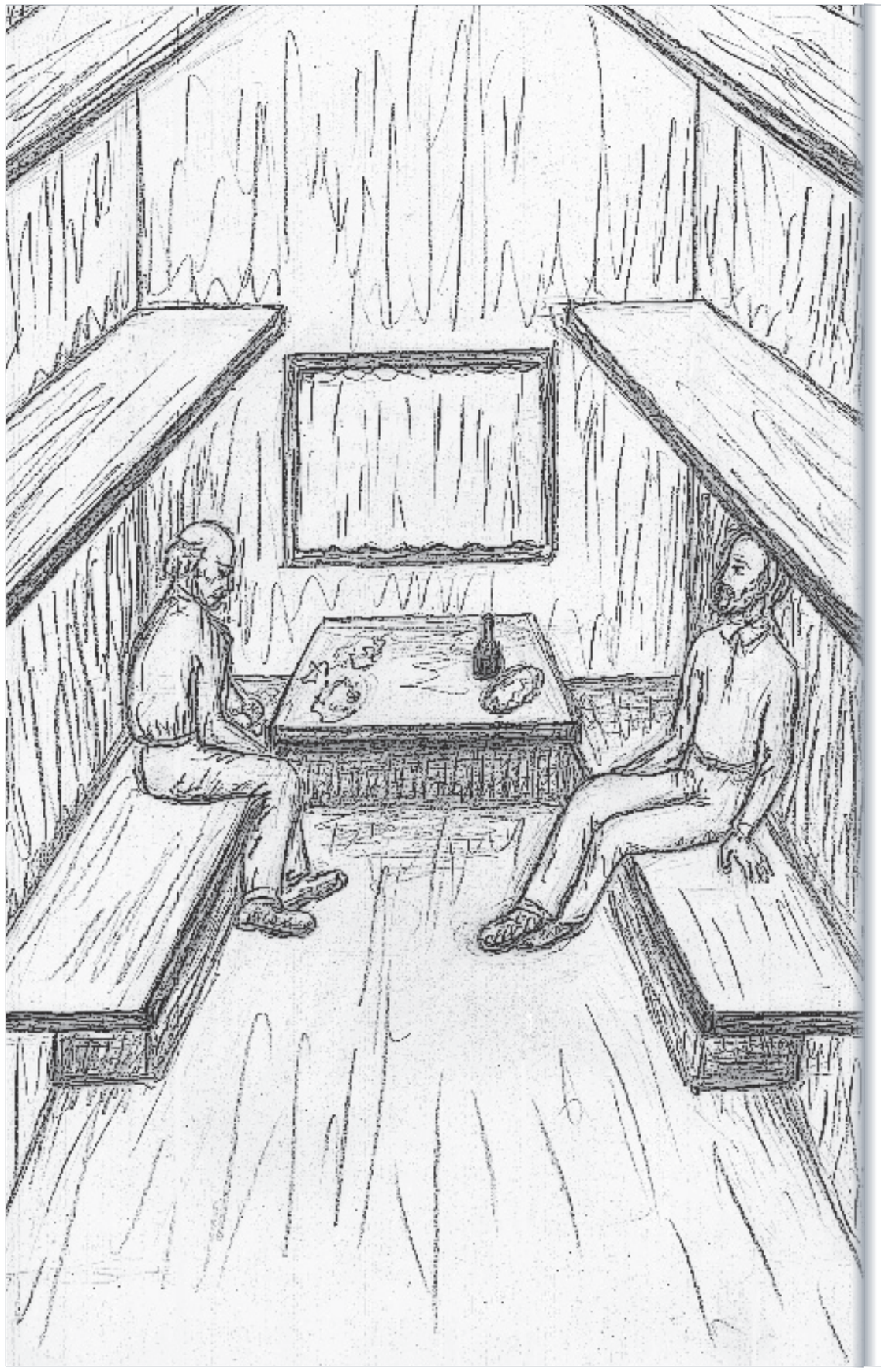
Я лежал на нижней полке купейного вагона, отвернувшись к стенке и, будучи в полусонном состоянии, прислушивался к равномерному стуку колес мчавшегося поезда. Все мое тело ныло от усталости, натруженные руки и ноги гудели. На ладонях моих были грубые, как на пятках, мозоли. Когда и где я так перетрудился, я не мог вспомнить, и куда мчится мой поезд, тоже не мог понять.

Мысленно передо мной протекала вся моя жизнь.

Каждый человек видит себя в наилучшем свете, а если нет, то оправдание своим неприглядным поступкам находит всегда. Обвинять он будет кого угодно, всех и вся, только не себя. Себя мы, как правило, любим, жалеем и удивляемся, почему нас так же не любят и не жалеют все остальные. Хотим только лучшего для себя, не задумываясь, заслужили ли мы это лучшее. Зависть присутствует всегда. Порой мне кажется, все исчезнет в этом мире, все рано или поздно умрет во Вселенной, и человечество исчезнет с лица Земли, как когда-то исчезли динозавры, бронтозавры и т.д., только зависть будет существовать вечно. Она будет витать в окружающей среде и ждать новых жертв: в кого вселиться, чтобы продолжить свое гнусное существование.

Ничто так прочно не вросло в живую плоть, как зависть, желание иметь то, что есть у другого, а у тебя нет. Территорию лучше, чем та, которую занимаешь ты, пищу, одежду, женщину – и даже талант, данный тебе Богом. А если нет, если ты доволен тем, что имеешь, и ничего чужого тебе не надо, тогда тебе откроют глаза твои же друзья, твои близкие, родственники. Твои родители скажут тебе: «Посмотри, как учится твой товарищ, а ты еле тянешься!» Жена укажет тебе на твоего сослуживца, ежегодно отдыхающего на Канарских островах, не то, что ты – в местном доме отдыха. И если ты не будешь ко всему этому стремиться, то ты просто урод. Да, да, урод в роду человеческом. И вот отсюда все начинается.

В тебе поселился и начал жить микроб неудачника. Тебя никто не понимает. Мир для тебя чужой. Ты говоришь себе: плевать мне на всех, я такой, какой есть, не хотите – не общайтесь



со мной, я никому себя не навязываю. Не хотите – не живите со мной, я никого к себе не привязываю, проживу и без вас.

Ха-ха! А чувство одиночества тебе знакомо? Нет? Тогда я тебе не завидую. Вот этому мало кто может позавидовать. Но если ты с этим справишься, тогда ты гений. Тогда ты не такой, как все, но уже совсем по-другому.

А вообще-то мне в жизни безумно везло. Мы были оба такие, я и моя жена. Как говорится, нашли друг друга, два сапога пара. Ничто материальное нас не интересовало, только здоровье ребенка, а потом и внучат. И книги, книги, книги, в основном об искусстве. Ну и, конечно, мое творчество. Я считал, что для него я на этот свет родился. В конце концов и жена, хоть и не сразу, пришла к этому выводу.

– Ну и чего ты добился в этой жизни? – спросите вы меня.

– Не знаю, – отвечу я вам. Внезапно я почувствовал на себе чей-то взгляд. Резко повернувшись, я увидел сидевшего напротив и пристально разглядывавшего меня человека.

– Добрый вечер, – поздоровался я с ним, и он приветствовал меня кивком головы. Когда он вошел в купе так, что я и не слышал, ума не приложу.

Какое-то время мы смотрели друг на друга, изучая один другого. Он был среднего роста, неплохого для его возраста сложения (выглядел он гораздо старше меня), одет, я бы сказал, просто: джинсовые брюки, серая куртка и на ногах кроссовки.

Первым молчание нарушил я:

– Как вы вошли, что я даже и не слышал?

– Мы можем и на ты, – ответил он.

– Но вы гораздо стар...

– Все люди – братья – прервал меня он.

– Что ж, я не против, – сказал я.

Наступило неловкое молчание. Мой спутник продолжал беззастенчиво изучать меня. Потом он очень членораздельно, словно бы желая подчеркнуть каждое слово, сказал:

– Ты был занят одной очень важной мыслью, вот почему не заметил моего появления.

Я был настолько поражен, что и не знал, что ответить. Я ведь лежал лицом к стене, как он мог понять, что я действительно напряженно думал о десятой заповеди? Тем не менее, я встал, делая вид, что не расслышал его слов, и предложил ему угоститься моей едой, взятой из дому. Я выкладывал из кошелки все содержимое и раскладывал на столике.

Он тоже вынул из своего рюкзака каравай хлеба, сыр, бутылку сухого вина, и в свою очередь предложил мне угощаться. Меня удивил этот хлеб: такой формы каравая я ни в одном магазине не видел. Что-то в ней, в этой форме, было архаичное. Затем мы сели за трапезу. Мой спутник взял хлеб и, преломив его, протянул мне солидный ломоть. Как странно он это сделал, не отрезал, а именно преломил, заметил я. И тут же вспомнилось из Библии: ученики Христа заметили, что так, как Иисус преломлял хлеб, никто не преломлял в те времена. Невольно я покосился на незнакомца и увидел, что он улыбается мне, как бы прочитав и подтверждая мою мысль. Мне стало не по себе.

– Куда путь держишь? – спросил я его, чтобы нарушить неловкое молчание.

– Туда же, куда и все. В жизнь, – ответил он мне со всей серьезностью, а глаза у него при этом смеялись. Какой-то странный, подумал я, да еще и с философскими наклонностями.

– Прости, старина, – заметил я, слегка осмелев, – ты случаем не психолог?

– Ты недалек от истины, – спокойно ответил он.

– А я художник, скульптор, но иногда пишу расска...

– Знаю, – прервал меня он.

– Откуда?

– Твое имя довольно известно в профессиональных кругах.

Не скрою, мне это очень польстило, будто кто-то бочку меду вылил мне на душу, я сразу же заулыбался. Оно и понятно: кому не понравится быть известным, когда тебя узнают даже случайные попутчики?

Мы закусили. Он ел с аппетитом, угощаясь моими яствами, я же пригубил его вино и отведал его сыра с хлебом. Какие-то далекие воспоминания навеял мне вкус этой еды. Такой хлеб и сыр я ел в глубоком детстве в деревне, где жила моя бабушка и провела детство моя мать, в Нагорном Карабахе, в селе Тхаварт.

Я сказал ему об этом. Он улыбнулся, и ничего не ответил. Вдруг неожиданно для самого себя я сказал:

– Ты знаешь, в святом писании в десятой заповеди сказано: «Не пожелай», то есть не пожелай ничего чужого, а вот сейчас я пожелал твоего хлеба и сыра и съел все с удовольствием. Согрешил, поди, и я на старости лет.

– Во-первых, я сам тебя угостил, – ответил он, – а во-вторых, там совсем не это имелось в виду.

– Да я пошутил, – сказал я.

– В каждой шутке есть доля... шутки, – тоже пошутил он.

– Ну, а если серьезно, как ты объяснишь эту заповедь? Ты читал Библию? – спросил я его.

– Читал...

– Ну и? – не отставал я.

– Не пожелай чужого, что может привести тебя к греху. К примеру, если ты увидел у кого-то красивые и удобные ботинки, и у тебя есть деньги, и ты можешь купить такие же и носить, так какой же тут грех? На здоровье. Но если ты увидел красивую женщину, а она уже чужая жена, а ты хочешь соблазнить ее изменить мужу, то это уже грех, и немалый, даже если ты безумно влюблен в нее, и я даже не исключаю того, что, может быть, и она отвечает взаимностью на твои чувства. Все равно грех.

– Но почему? Если и я ей небезразличен, то почему?

– Потому, что ваши браки вершатся прежде на небесах и только потом на Земле.

Или, допустим, ты позавидовал владельцу роскошного дома, а денег, чтобы купить себе такой же, у тебя нет, и самому построить дом у тебя нет ни времени, ни средств. И ты начинаешь придумывать всякие возможности, чтобы выжить хозяина из его жилища. Тоже грех. Работай, копи деньги и берись за строительство сам, и на небесах это будет отмечено. Поверь мне. Истинно тебе говорю.

– Ну, ты говоришь прямо как священник, – заметил я.

– Так оно и есть. Или, вернее, я когда-то им был... Но можно ведь желать и по-хорошему. Допустим, ты увидел на выставке чью-то картину, и она поразила тебя своей глубиной, проникновенностью, и ты сокрушенно сказал себе: «У меня нет такого таланта. Бог меня этим обделил». Неверно. В корне неверно. Одно то, что ты не прошел мимо этой картины, и она тебя потрясла, говорит о наличии в тебе таланта. Остальное зависит только от тебя самого. Работай над собой – и добьешься. Талант без работы – это ничто, и не мне тебе это говорить. А вот если ты услышал, что эта картина продана за большие деньги, и у тебя промелькнула мысль, а не украсть ли ее, а потом тайно продать и на эти деньги купить себе дом – вот это грех, и немалый, ибо ты и сам знаешь, что восьмая заповедь гласит: «Не укради». Итак, цени то, что Бог тебе дал, и развивай это в себе. Работай и работай, не забывай молиться, и все у тебя будет, и все тебе воздастся.

– А если я не успею получить желаемого? Попросту умру, не дождавшись ничего?

– Это значит, что ты понадобился Господу в Его раю, конечно, при условии, что жизнь свою старался вести праведно. А

теперь мне пора сходить, я прощаюсь с тобой. – Он закинул на плечи свой рюкзак и направился к двери.

– Подожди. Скажи хоть, как тебя зовут, приятель?

Повернувшись ко мне, он с улыбкой произнес:

– Иисус.

– Ничего себе! – вырвалось у меня. – Со времен Христа, а вернее, после него этим именем никого не называли...

– Да, но в мое время оно было довольно распространено в Иудее.

С этими словами он прошел сквозь дверь, не открывая ее. Я кинулся за Ним, рванул на себя дверь, но за ней никого не оказалось. Раздвинув занавески на окнах, я попытался понять, где мы находимся. Вокруг была голая степь, и что самое странное, вагон мой стоял, хотя равномерный стук колес движущегося состава продолжал раздаваться, и весь вагон вибрировал, будто двигался вперед.

С этим я проснулся и подумал, как много мне приснилось за одну ночь. Странно. К чему бы это?

ЖИЗНЬ ДЕСЯТАЯ

Большинство людей не желают придерживаться заповедей, и я их понимаю: не делай того, не делай этого, а в жизни так много соблазнов. Чтобы не поддаться на них, нужна немалая сила воли, и все это для чего? Чтобы спасти душу для рая? Уж очень это иллюзорная приманка.

Найти примеры из жизни, иллюстрирующие полное противоречие поведения людей библейским заповедям, для меня не составило большого труда. Но к последней, десятой заповеди мне подумалось: «А каков ты сам, какой твоя жизнь была и пока, слава Богу, еще есть? Или ты такой святой и безгрешный, такой чистенький, как прозрачное стеклышко, как детская слеза или утренняя роса, что и сказать о тебе нечего?

Ничего подобного. Такой же лох, краснобай и лицемер, как и все остальные.

Ну, так вот, сядь и напиши о себе без прикрас, о других писать и выдумывать каждый дурак может. Договорились, сказал я сам себе, так и сделаю.

«Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим».

У меня до пятидесяти трех лет (в этом возрасте я и моя жена приняли православие) вообще не было никаких богов, Библию я считал народным творчеством, вроде «Давида Сосунского» и «Калевипоэга». Конечно, можно сослаться на коммунистическую пропаганду, кстати, коммунистом я тоже был, и наш общий кумир был не кто иной, как В. И. Ленин, приложивший все усилия к тому, чтобы расстрелять как можно больше священников, правда, мы этого не знали. Это меня не оправдывает, свою голову тоже надо было иметь, а обрести ее в пятьдесят три года – это не Бог весть как много мне делает чести.

«Не делай себе кумира и никакого изображения».

Да я и по сей день делаю изображения, и вообще, сколько себя помню, только этим и занимаюсь. А чем еще может заниматься художник?

А кумиром моим был писатель Островский, автор произведения «Как закалялась сталь». Да, это действительно был мужественный и преданный революции человек, но идея, которой он служил, была антигуманной, результат ее – четырехлетняя гражданская война.

«Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно».

А кто его не произносит напрасно? Хотел бы я видеть такого человека («Боже упаси», «Бог с тобой», «Бог тебе судья», «божественный напиток», «побойся Бога», «одному Богу ведомо» и т.д. и т.п.). Вот и я не лучше остальных.

«Помни день субботний, чтобы святить его».

В субботний день я или вкалывал на производстве, или трудился у себя в ателье допоздна, или даже кутил с друзьями, приглашенными в гости. Сходить в церковь ни разу в голову не пришло.

«Почитай отца твоего и мать твою».

Мать я почитал, что правда, то правда. Не просто почитал, а боготворил! Это я говорю без прикрас. А с отцом нередко бывали конфликты. Но должен сказать, если я был строптив, то и он был не подарок. В основном ссоры происходили из-за его неуважительного отношения к моей матери.

«Не убивай».

Каждый раз в своих свирепых драках я готов был убить обидчика, и если это не произошло, то по чистой случайности. Очевидно, Бог меня хранил. На Кавказе мужчину, не способного на убийство, мужчиной не считают. Там каждый парень должен быть потенциальным воином, защитником семьи, рода и отечества, и я не был исключением.

«Не прелюбодействуй».

Это единственная заповедь, где я (с натяжкой, но все-таки можно сказать) чист перед Богом, но в мыслях, то есть в сердце своем, нередко бывал грешен, а смотреть на женщину с вожделением, как сказал Иисус, тоже грех.

«Не кради».

Ха-ха. Я не знаю ни одного человека, который хоть что-то не украл бы в своей жизни. Кто деньги, кто вещи, кто время, а кто и мысли (я имею в виду плагиат). Я же был рядовым несуном на производстве, как и миллионы советских граждан.

«Не произноси ложного свидетельства».

Думается, что в искусстве это невозможно, ибо в нем всегда должна быть выдумка, и чем хлеще и убедительнее ты врешь, тем оно интереснее для зрителей, читателей, слушателей. Можно сказать, что это не жизнь, это искусство, однако я считаю, что оно теснейшим образом связано с жизнью, хотя и стоит немного в стороне от нее.

«Не пожелай».

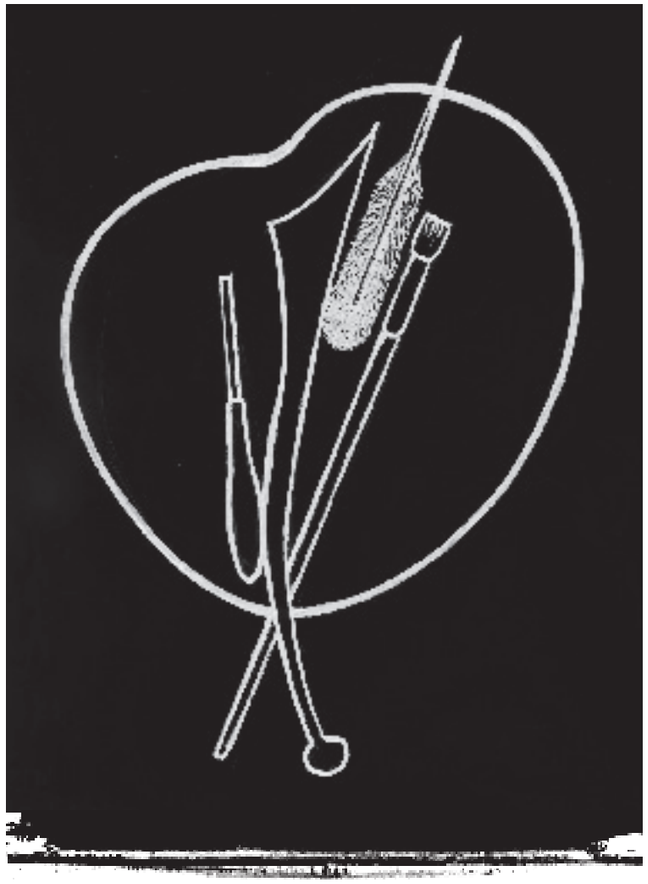
Эту заповедь я хотел бы рассмотреть подробнее. Вот уже пять лет, как я вдовец. Мы с женой прожили в супружестве без

малого сорок лет. И прожили так, что когда моей Ирины не стало, я почувствовал себя бесконечно одиноким, осиротевшим в полном смысле этого слова. Я знал, что наш брак был одобрен на небесах (иначе так красиво не проживешь), и знал, что повторения ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах ни с кем быть не может. Все это я знал твердо.

Однако когда женщины, кстати, такие же вдовы, как и я, сами обращали на меня внимание, во мне каждый раз начинала теплиться надежда: создать красивый союз, хоть чем-то отдаленно напоминающий мой брак. Сейчас я говорю себе: нельзя было в шестьдесят с лишним лет быть таким наивным глупцом, романтиком, мечтателем. Это грех. Но тогда я думал, что поступаю правильно. Ведь я ни у кого ничего не краду. Они так же свободны, как и я, так же одиноки. Кому мы мешаем? О том, что они не стоили даже ногтя моей покойной жены, я и говорить не хочу. Сейчас, когда я пишу эти строки, все эти дамы живы, и у них, наверное, тоже есть свои претензии ко мне. Ну, да Бог им судья, и всем нам тоже. Самое печальное в этой истории то, что все они оказались страшно расчетливыми. Одна обижалась, что я не беру ее с собой в путешествие за границу, хотя прекрасно знала, что меня самого берет с собой семья моего сына, а средств на то, чтобы платить за ее путешествие, у меня нет. Другая пыталась тайком записать наши разговоры на диктофон, вероятно, собираясь в дальнейшем меня шантажировать. Третья вообще сразу позарилась на мою квартиру, которую я оставил в наследство своим внукам.

Все это печально, но виню я только себя. Так мне и надо. Пора было и мне в мои годы понять, что заповедь «не пожелай» говорит не только о том, чтобы не желать чужого, что принадлежит кому-то, но и о том, чтобы не желать для себя того, что чуждо тебе самому: чужого человека, его образа жизни, его образа мышления, его жизненной позиции.

Оправдывает меня хоть как-то только одно: мы – люди, и никто не в силах понять и осмыслить этот мир до конца, не говоря уже о том, чтобы его изменить, не совершая роковых ошибок.



СРЕДИ КАРТИН И ИЗВАЯНИЙ...

СРЕДИ КАРТИН И ИЗВАЯНИЙ...

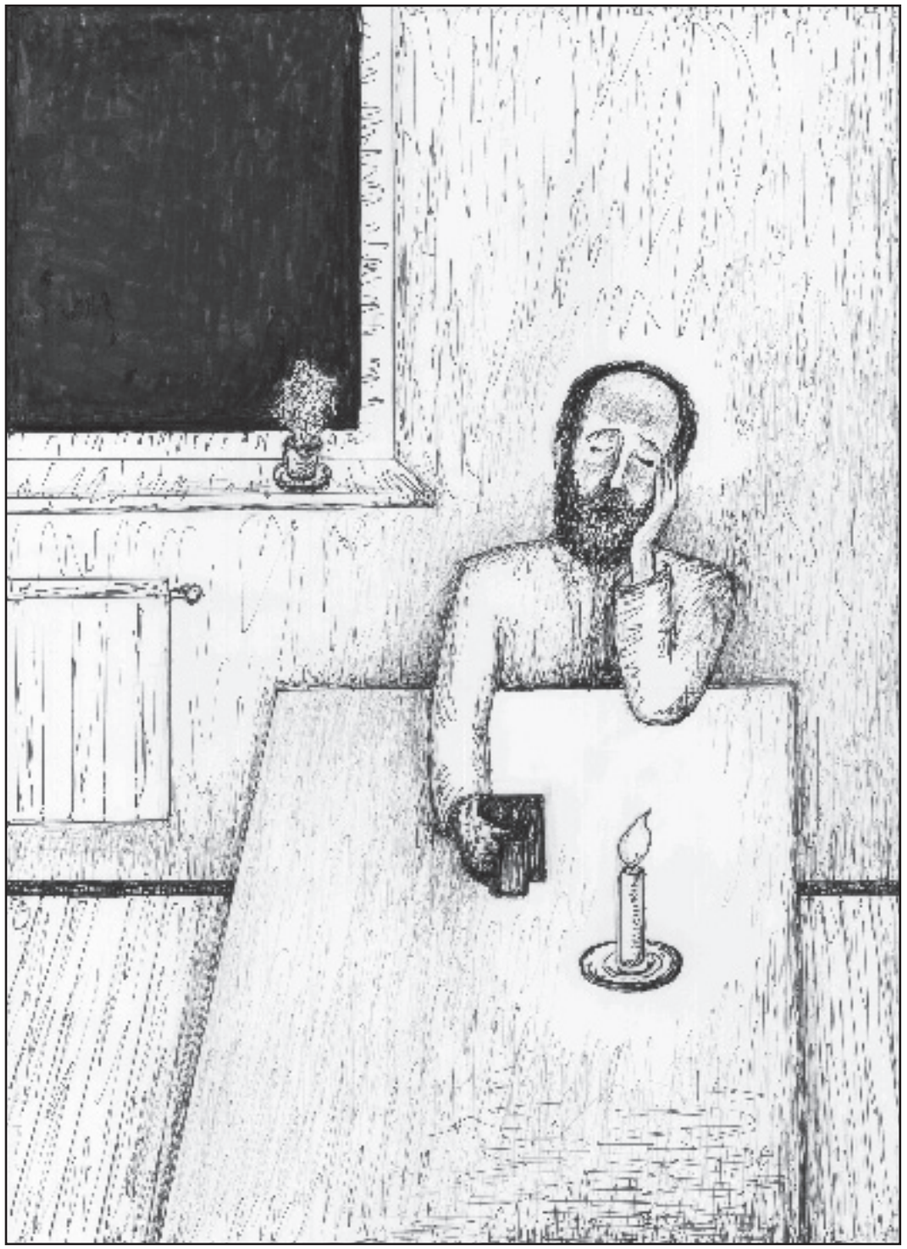
Среди картин и изваяний
В жилище скромном я живу.
Сегодня – день воспоминаний,
По их волнам я поплыву.

Давно, полсотни лет назад,
Я повстречал Ее – случайно...
И был эмоций водопад
Кристально чистых – не банальных.

Сыграли б свадьбу золотую
Сегодня – будь она жива...
Но ставлю я лишь запятую:
Ведь для меня она всегда Жена.

Сегодня – день Ее рожденья.
Знать бы, когда Мадонна родилась.
Но нет ни у кого сомненья,
Для всех святых – один иконостас.

8 июля 2015 года



***

Неумолимо жизнь берет свое,
Хоть сердце, слышу, как стучать устало.
Вот внуки подросли, и сын наш возмужал,
Но без тебя суть, главное, в семье пропало.

Ноябрь 2012 года

ВСЕ ЦЕННОЕ, ВСЕ ГЛАВНОЕ...

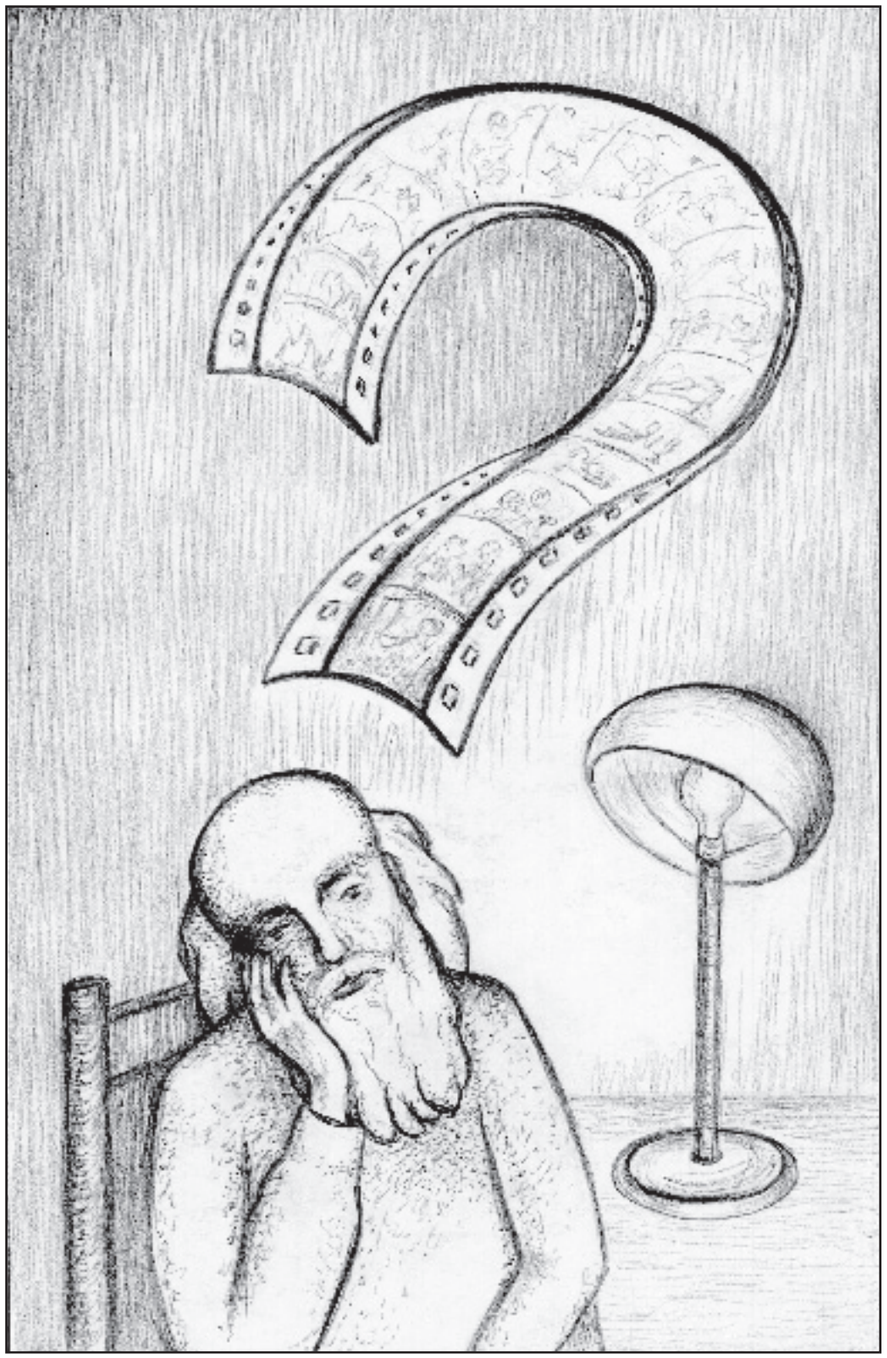
Все ценное, все главное,
Все, что душу могло согреть,
Осталось в далеком прошлом –
Мелодии той уже не спеть.

На вопрос друзей и недругов
«Так ли уж ты одинок?»
Отвечаю сквозь зубы:
«Одиночество – не порок».

Ушли вдохновенные годы,
Исчезла былая стать.
Ни резцом, ни мазком и не словом,
Тех высот мне уже не набрать.

Настоящее в жизни – однажды.
Не потому ль цена высока?
А появись, пусть случайно, дважды,
Мы в восторге: «Его рука!»

17 июня 2015 года



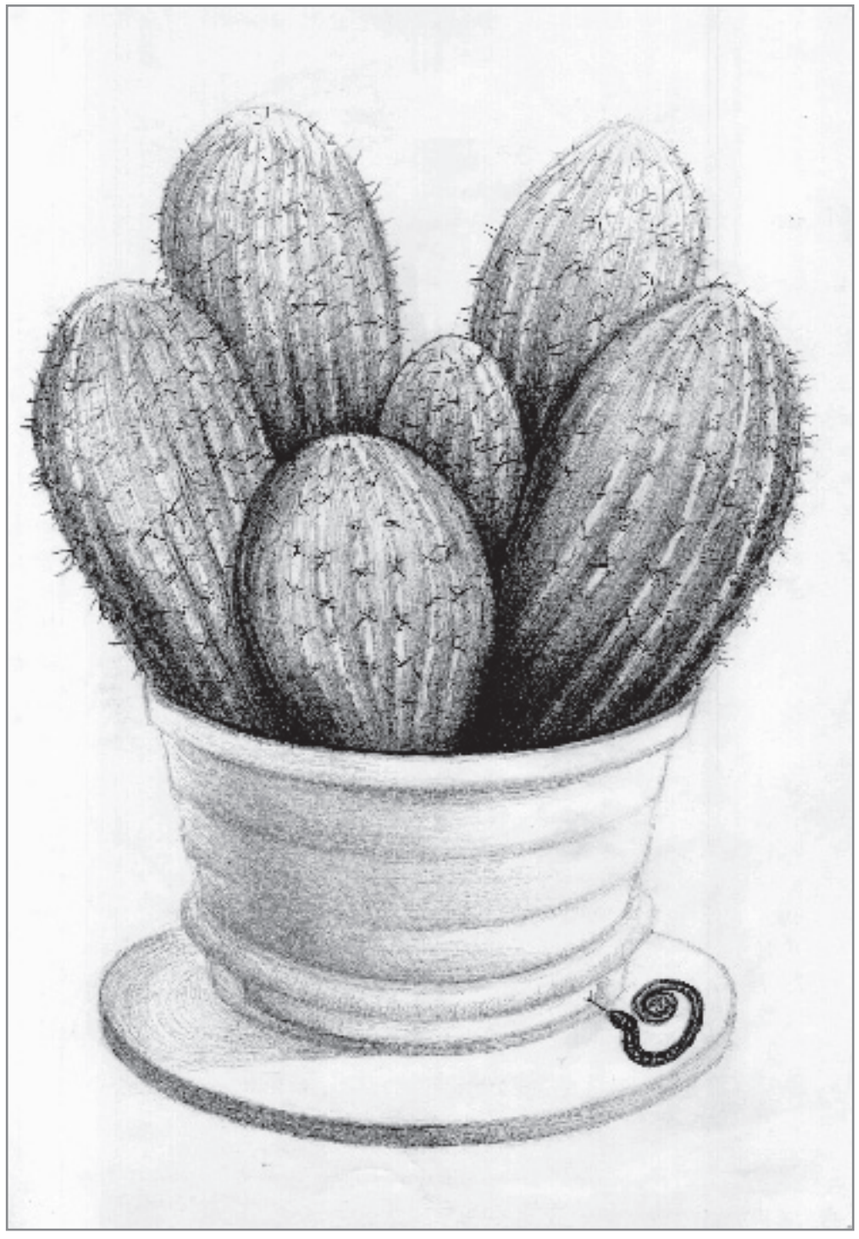
ОБРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Я знал, настанет день,
Когда в порыве горьких откровений,
Скажу себе: «Все, «гений»! Стой! Уймись!
Пусть череда волшебных дерзновений
Умрет в тебе. Остынь! Остановись!»

Слова... слова... Пропитаны вы горечью полыни.
По-вашему, и песен мне не спеть?
Полсотни лет я шел к своей вершине.
Достиг ее. Но чувствую отныне
Иголки кактуса в груди. Нет сил терпеть.

Пусть растворятся мысли в голове,
Как льдинки в океане.
И кактус иглы пусть для слабых бережет!
Я – Воин Духа! И на поле брани
Спасаю всех попавших в переплет.

19 мая 2015 года



***

Прошло уж десять лет
Тебя как с нами нет
С того зловещего звонка:
– Простите, матери у вас не стало.

Затем семь одиноких лет,
Все семь под черным покрывалом.
Лишь пред тобою мертвой я держу ответ:
– Прости! Прости! Но одиночество невмоготу мне стало.

Ноябрь 2012 года

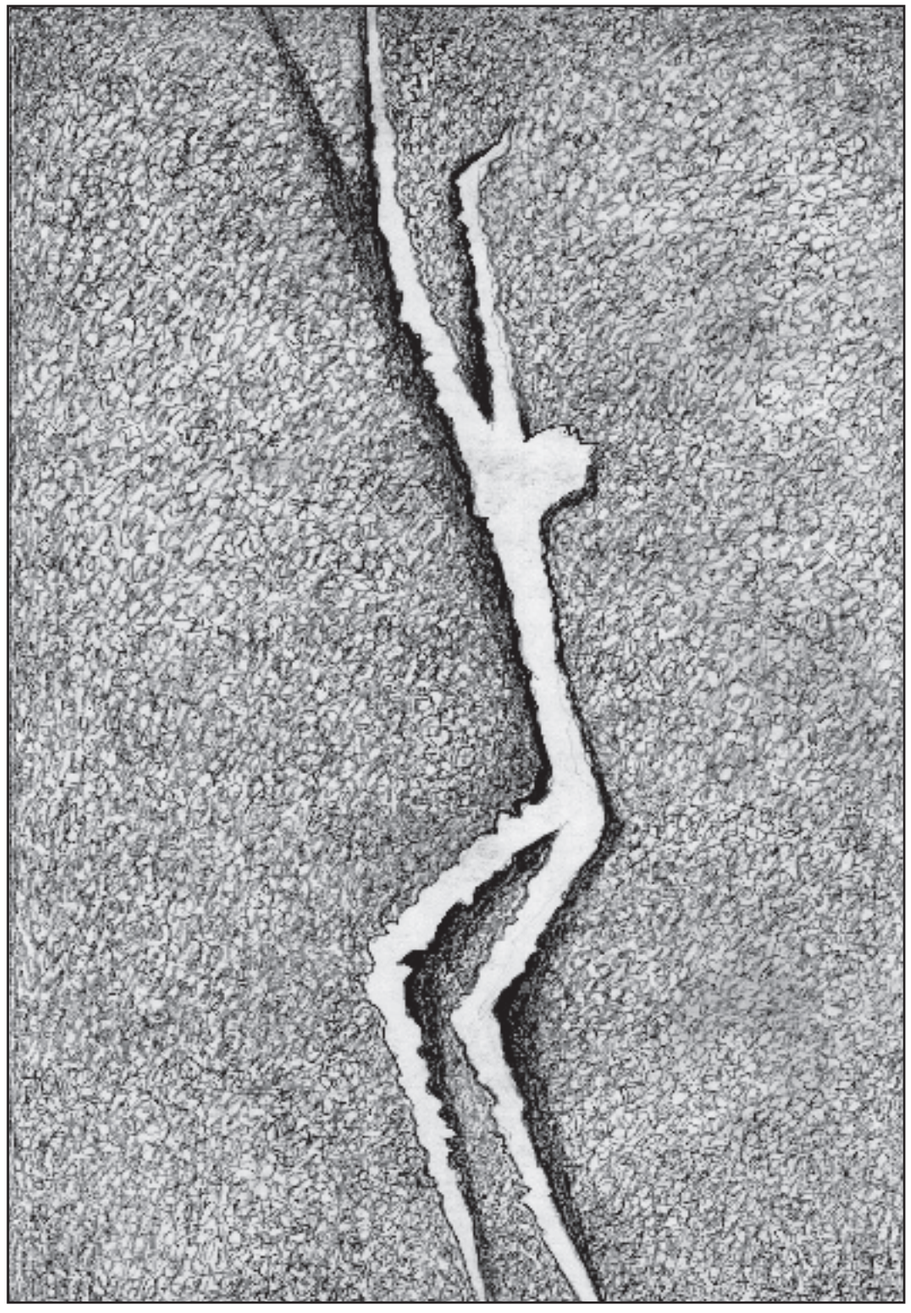
ДВЕНАДЦАТАЯ ВЕСНА

Двенадцатая весна.
Двенадцать лет я без тебя.
Земля проснулась, но и она
Не в силах разбудить тебя.

Я много отдал бы за то,
Чтоб заглянуть в твое окно.
Жилища Ваши в небесах
Бывают зримы в наших снах.

Прости, что потревожил твой покой.
Давно уже я сам не свой.
Ты жди. Когда настанет мой черед,
Я отыщу тебя и через сотню лет.

20 мая 2015 года



С УТРА ЛИЛ ДОЖДЬ

С утра гаденыш льет без устали, остервенело.
По крышам, по зонтам, по головам.
Вчера всех солнышко заботливо согрело,
Как на Кавказе, а сегодня – сущий срам.

Когда свинцово небо, и в голове уныло,
А коль в мозгах уныло, уныло и в груди.
И капли на стекле оконном кропотливо
Ложатся бисером, чтоб, слившись, отойти.

Во сне моя Елена, как в эпоху Трои,
Прекрасна, царственна, любви полна...
Напоминает мне она до боли
Ту, что навек покинула меня.

Чередованье в жизни неизбежно,
На этом держится вся матушка-Земля
И все ж прекрасное должно быть вечным,
Пусть даже глупым покажусь вам я.

21 мая, 2015 года

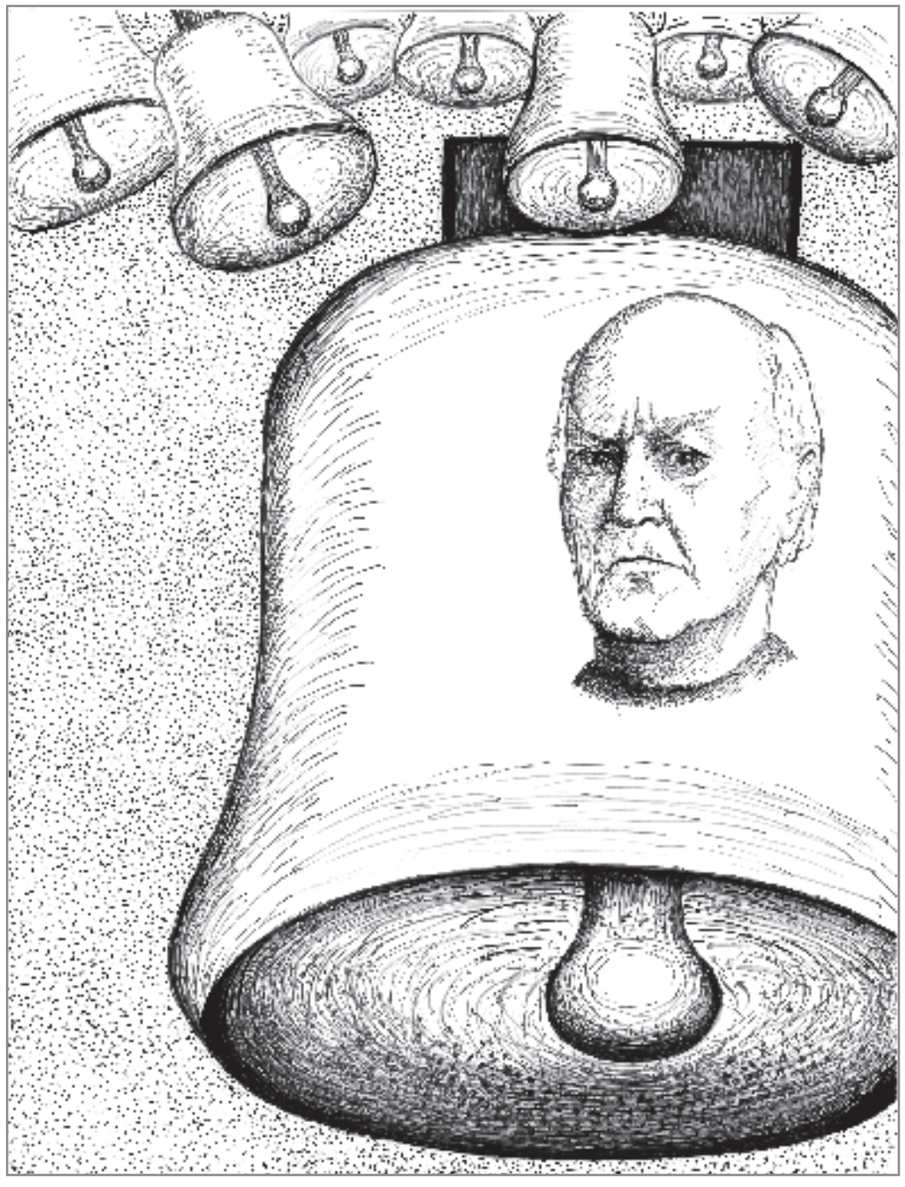
СТЕКАЮТ С БЕРЕЗЫ ВЕСНОЙ ИЗУМРУДНЫЕ РУЧЕЙКИ

Стекают с березы весной изумрудные ручейки.
И называют ее плакучей, но плач ее не от тоски.
Законом природы положено древу горькие слезы лить
В минуты тихого счастья и когда станут ее пилить.

Похоже, что люди деревьям в лесу сродни,
Кто-то гордо стоит под зноем, а кто-то прячется в тени,
Кто-то довольствуется малым, а кто-то жаден, сколь ни корми,
Кто-то хочет от жизни все сразу, а кто-то терпелив в пути.

Ну, оставлю я род человеческий, ну, уйду я на света край,
Чтоб найти на остаток жизни свой маленький тихий рай.
И что ж, одинок и счастлив я буду в этом раю?
И тут чей-то голос сверху: «Старина! Не смеши! Я тут со смеху помру».

25 мая 2015 года



К СТОЛЕТИЮ ГЕНОЦИДА АРМЯН

Дудука звук застрял в ушах,
Протяжный, скорбный, заунывный.
Оплакивает чей-то прах.
Зурна там стонет непрерывно.

И бубен отбивает ритм,
Удары редки, приглушенны...
Картины там кровавых зверств,
Армян, от жизни отрешенных.

Что для Вселенной сотня лет?
Всего лишь миг среди мгновений,
Несчастным же – мильоны бед
И самых жутких откровений.

Да... Мало кто был не убит,
Отняли жизни изуверы.
Но и поныне мир скорбит,
И нашей, и не нашей веры.

25 июня 2015 года

ВИЗГ ПИЛ МЕТАЛЛ, СТРИГУЩИХ

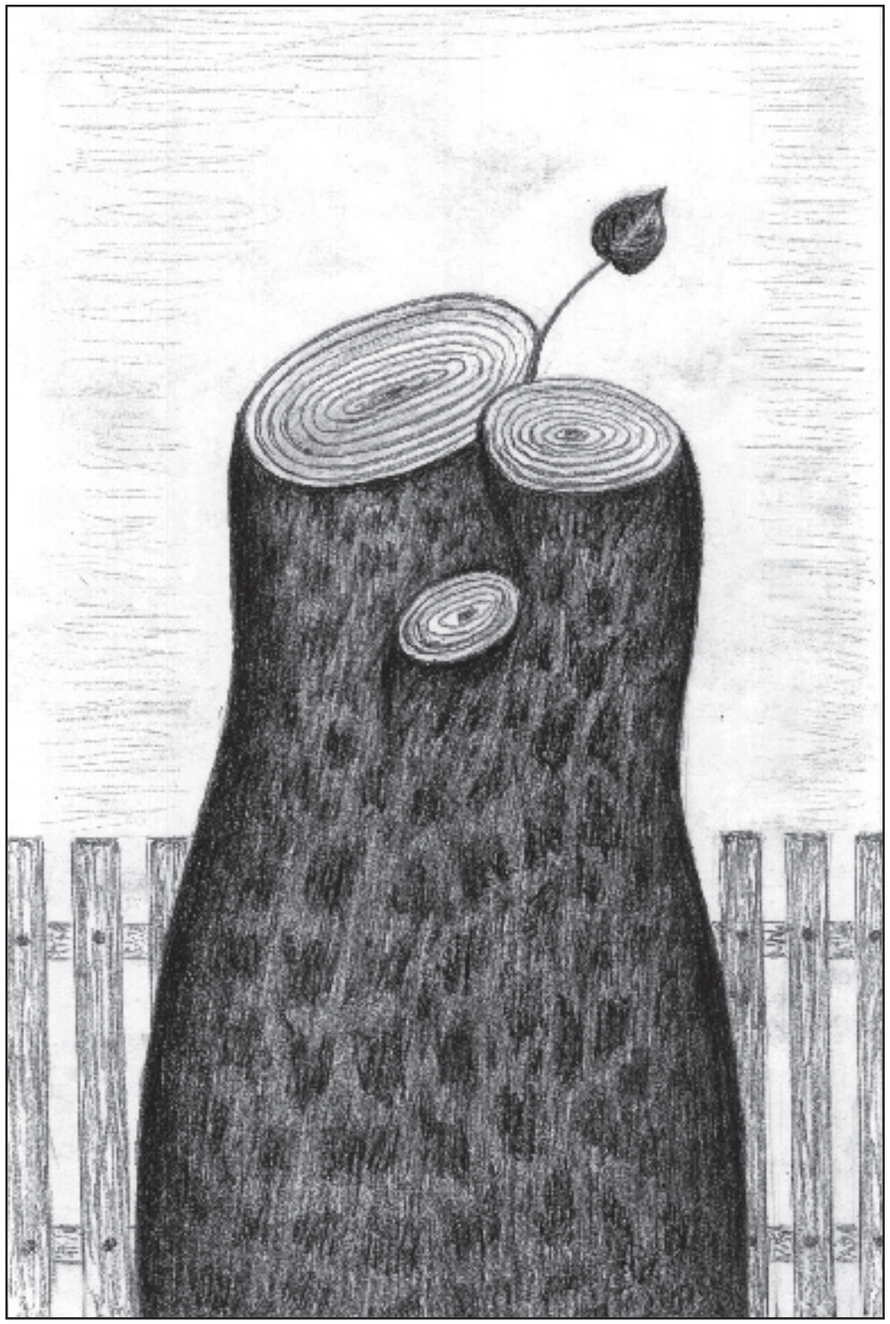
Визг пил, металл стригущих,
Сидит занозой в моем мозгу,
Среди станков вовсю орущих
Про жизнь свою я не солгу.

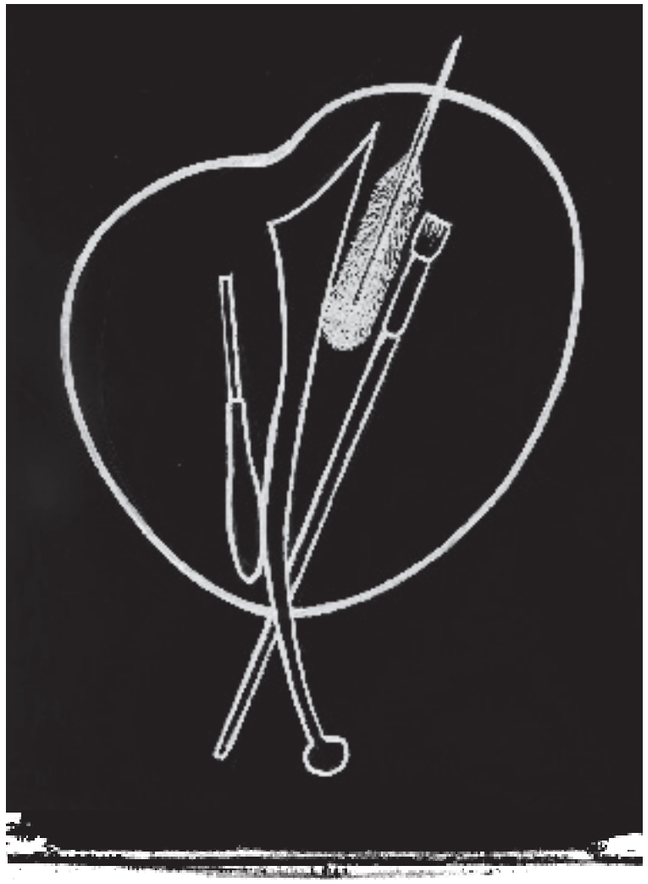
Все начиналось совсем неплохо,
Была семья, как дар небес.
Не ожидали мы подвоха.
Смертельный удар нанес нам бес.

Хозяин ада унес Ирину,
Победу праздновал Сатана.
Надеялся, что вслед за нею
В его объятьях окажусь и я.

Признаюсь, близок был к его задумке.
Жизнь без Ирины была пуста.
И стал я хрупок, как икринка,
А ожил много лет спустя.

26 мая 2015 года





КОНТОРСКОЕ МАРКЕТРИ

После того как у Микаэля скончалась жена, с которой он прожил тридцать восемь лет, в его квартире воцарилась гробовая тишина. Ощущение одиночества было настолько угнетающим, что гнало его вон из дома, куда-нибудь, все равно куда, лишь бы не сидеть в четырех стенах, где все напоминает о ней, и не выть волчьим воем от безысходности, от бессилия что-либо вернуть. Наступил духовный паралич, длившийся ни много ни мало два года, и за ним – творческий вакуум как следствие его. В попытке чем-то занять себя Микаэль стал захаживать в контору сына. Туда – пешком четыре с половиной километра, там – полтора-два часа и тем же ходом обратно – домой. Глядишь, и день прошел. Всю жизнь не хватало времени даже для сна, а тут его оказалось столько, что и не знаешь, чем заполнить.

Развалившись на конторском диване и медленно попивая чай, Микаэль невольно присматривался к служащим и прислушивался к их разговорам. Такое времяпрепровождение резко контрастировало с его прежней жизнью замкнутого человека. Как профессиональный скульптор, а позже – график и живописец, Микаэль добрую часть времени проводил в своем ателье, где всегда было тихо и безлюдно. А тут столько людей в одной комнате, и все они такие разные и интересные! Конечно, ему хотелось писать с них живописные портреты, кстати, что он и делал время от времени, но позже.

Однако не столько живопись и графика (скульптурой он давно перестал заниматься), сколько обычный житейский интерес к проблемам этих людей постепенно, капля за каплей, возвращал его к жизни, к которой он утратил было всякий интерес.

АЛЬБИНА

Вот перед ним Альбина. Красивая русоволосая женщина. Она, пожалуй, самая красивая в этой комнате. Держится с достоинством, знает себе цену. Даже походка ее как бы говорит: муж меня не просто любит, он меня обожает. И, наверное, есть за что. Входящие в комнату мужчины неизменно пялят на нее глаза. Но когда кто-либо из них с елейной улыбочкой и, как правило, с неуклюжим комплиментом пытается обратить на себя ее внимание, то натыкается на леденящий взгляд ее больших серых глаз и тут же осекается. А провожает неуклюжего ухажера наша красавица бритвенным взглядом с примесью высокомерного презрения. Но этого он, слава богу, не видит, на затылке же нет глаз, но все равно ощущает, если судить по походке (ведь входил-то совсем другой, куда более уверенной). Это вызывает у Микаэля молчаливый и злорадный смех.

Наибольшее уважение к Альбине Микаэль испытывал в связи с ее материнством. Не забывая о том, что она женщина, всегда со вкусом одетая, с ухоженной головой и стерильно чистыми, как у хирурга, руками, она в любви к своему сыночку была сущая мать-наседка. А сыночек нередко болел. И только глаза матери выдавали ее озабоченность. В такие дни у Микаэля было о чем поговорить с Альбиной, ведь его внучек тоже не отличался богатырским здоровьем. Тем более, что она давно перестала воспринимать Микаэля как отца шефа: ну, сидит старичок и пусть себе сидит, никому ведь не мешает.

Обладая некоторым пророческим видением, а вернее, думая, что он обладает таковым, Микаэль видел Альбину в будущем очень доброй бабушкой. Одной из тех, кто ничего не жалеет для своих внучат. И каждый приход детворы к любимой бабушке – это настоящий праздник как для внуков, так и для бабушки Альбины. И самый младший из них когда-нибудь скажет: «Наса бабуска оцень сталенькая, но все говолят, сто она оцень класивая».

Ну, а пока она еще так молода и по-настоящему прекрасна, Микаэль решил написать о ней стихи, чем вообще нередко занимался сидя на диване.

Ты красотою, дева, не гордись.
Как в песне сказано, она не вечна.
И друг твой статен, знаю, как Парис,
Но жизнь людей так быстротечна.

А чтоб к бессмертию души прийти,
Поверь мне, надобно совсем другое:
От всех соблазнов напрочь отойди
И в сердце обретешь высокое, благое.

АНИТА

Анита – святая душа. За все годы ее работы в фирме никто не только не слышал от нее громкого голоса, но и не видел косого взгляда в чью-либо сторону. Ее тонкая музыкальная фигура напоминала Микаэлю национальный инструмент дудук, чей звук всегда был грустным и до боли родным. Когда кто-то спросил ее, откуда у нее такое имя, она ответила: «Вообще-то по документам я – Анаид. Отец в молодости проходил военную службу в Армении. Видимо, там ему понравилась девушка по имени Анаид. Вот он и настоял, чтобы меня так назвали. Но все меня называют Анитой, а отца я вижу очень редко, они с мамой разошлись, когда я была еще очень маленькой».

Глядя на Аниту, Микаэлю кажется, что она из таких женщин, вернее, из тех редких женщин, кто способен понять душевный разброд в человеческой натуре, кто никогда не задаст ненужных вопросов из чисто женского любопытства. Ну, а чтобы кого-то одернуть или нахамить – об этом и речи не может быть. И все это – при крепком внутреннем стержне и настоящей целостности ее натуры. Уж очень, порой до слез, она напоминала Микаэлю его жену Ирину.

Если кто-то из девушек время от времени старался обратить на себя его внимание, что вполне естественно для женской натуры, то за Анитой и этого не наблюдалось. Нередко у Микаэля появлялась одна и та же мысль: почему человек развивается так медленно? Почему он только в старости бывает способен оценить истинную душевную красоту? Почему мы, мужчины, в молодости так падки на все яркое, броское, за которым нередко одна пустота? Может быть, Господь, сотворив женщину из ребра мужчины, взял самое лучшее из всех его ребер? В Библии ведь не указано, из какого ребра. А вообще-то мужчина, оставшись без этого самого ребра, уже, по сути, стал неполноценным, хотя бы физически. Печально все это.

Украдкой наблюдая за Анитой, Микаэль все больше убеждался, что она не на своем месте. Ей бы быть врачом или сестрой милосердия, где так необходима чуткость к людским страданиям и где в наше время, когда доллар – хозяин всему, она, чуткость, в таком дефиците.

Пророческие видения являют Микаэлю, что со временем, возможно, ближе к пенсии, Анита будет ухаживать за немощными стариками в доме для престарелых и, скорее всего, именно там полностью раскроется ее душевная красота.

Однажды Микаэль предложил ей позировать для живописного портрета маслом и получил отказ. Это нимало удивило художника, ибо все знали, что по обыкновению, закончив работу, он дарил картину модели с условием вернуть, когда будет выстроена галерея, способная вместить все произведения автора. Но когда это будет? Даже сам Бог этого не ведает. Ответ напрашивался один: не смогла договориться дома. Ну что ж, оно и понятно. Художники заработали себе такую репутацию в отношениях с людьми, что удивляться здесь нечему. Но отсюда появились и стихи, посвященные Аните.

И скромная, и обаятельная
И очень даже привлекательная.
Весь образ просится на полотно –
Вот только маленькое «но»!

Предельно предана супругу,
Навек он приобрел подругу.
Так почему ж не отменить отказ
Побыть моделью ей хоть раз?

НАТЕЛЛА

Когда эта маленькая женщина заходит в помещение, Микаэлю кажется, что небо за окном проясняется. То самое эстонское небо, на котором не так уж часто увидишь солнце. Будто вся комната наполняется светом. Так и хочется сказать – ну, слава богу, распогоживается. Нателла до того маленькая, что любой мужчина рядом с ней чувствует себя вполне уверенно, даже такой семидесятилетний коротышка, как Микаэль, хотя это звучит уже подозрительно. Такие трудолюбивые пчелки, как правило, бывают не только заботливыми женами и любящими самоотверженными мамами, но и мягкими обходительными невестками для своих свекров. Глядя на нее, Микаэль думал: «Если бы у меня было десять сыновей, то каждому из них я пожелал бы именно такую жену».

Миниатюрная и изящная, с аккуратной, подстриженной под мальчика головкой, она светится каким-то особенным внутренним светом. Это не свет просвещенности, исходящий от современных суперэрудиток, там того и гляди хамство может высветиться. Нет, это чисто женское свечение, против которого мало кто из мужчин может устоять. Девочки в конторе иногда любят позлословить по поводу какого-нибудь назойливого клиента, но Нателла, усмехаясь себе под удивительно короткий носик, никогда в этом не участвует. А если кто-то явно переходит границы дозволенного (и такое бывает в женском коллективе), она может и коротко одернуть разошедшуюся, правда, по-доброму и совершенно незлобливо.

Микаэль не знал никого на заводе, кто не только не любил бы ее, но даже был к ней равнодушен. Нередко встречая или провожая ее взглядом, он думал: «Ну, надо же такой уродиться! На челе написано – воистину божий человек».

Микаэль пророчествует: Нателла будет очень счастлива. Во всяком случае, он страстно желает ей этого. У нее родится много детей, и все они будут веселые, ухоженные и очаровательные, кроме одного, которому море будет по колено, но именно он, этот шкет, и будет больше всего любить мать.

До чего ж ты мал, наш светлячок!
Но когда надо – напористый жучок.
Неиссякаемый душевный свет
На все вопросы даст ответ.

АНЖЕЛИКА И ДАЯНА

Сравнительно недавно в конторский коллектив влились еще две женщины. И обе оказались в комнате, в которой продолжал восседать на диване Микаэль. Зорко приглядываясь к ним, он наконец пришел к выводу, что своими голосами они хор не испортят. Это Анжелика и Даяна. Очень разные по характеру, возрасту и внешности.

Анжелика очень молода, простодушна, с детским выражением лица и лучезарной улыбкой. Большая модница и в меру кокетка. Прочное материальное положение семьи и знание государственного языка развило в ее натуре несколько подчеркнутую независимость, что в какой-то степени стало диссонансом по отношению к другим работницам, но общей дружеской атмосферы не испортило. Глядя на нее, Микаэль размышлял, хорошо это или плохо для самой девочки, для ее дальнейшей жизни. И пришел к выводу, что и то и другое, т.е. и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что независимость способствует развитию достоинства, столь необходимого женщине, а плохо потому, что если его слишком много, оно может сослужить недобрую службу в семейных отношениях. Женщина-мать в семье – это воин-миротворец. Противоречия между отцами и детьми существуют во все времена. И при возникновении конфликтов отцы обычно проявляют жесткость и упрямство. Во что бы все это выливалось, если бы не женская способность сглаживать острые углы, нередко наступая себе на горло, ущемляя свое достоинство? Пророческих видений такого плана по отношению к Анжелике у Микаэля не появилось, и он успокоился.

Даяна же, напротив, прочной материальной базы, как у Анжелики, не имела и государственным языком не владела. К тому же была вдвое старше. Даяна – заботливая мама и любящая жена. Но основное ее достоинство в том, что она – очень хороший специалист, а это качество работника должно доминировать над всеми остальными. Пророческие видения о будущем Даяны Микаэля тоже не посетили. И немудрено. Слишком мало он ее знает.

ТАИСИЯ

Таисия – правая рука шефа, главная над всеми работниками. С необычайно тонким аристократическим лицом и мягкими плавными движениями, она чем-то напоминает Микаэлю декабристок, лучших представительниц русского народа. Она появляется на работе раньше всех и уходит позже всех. Все видит и все контролирует. Пожалуй, только ей можно полностью доверить производство. В отношениях с людьми ее мягкость сменяется жесткостью, но только там, где это действительно необходимо. Таисия способна пойти за мужем на край света (и это было однажды в ее жизни), однако на предложение шефа пригласить его поработать на нашем предприятии наотрез отказалась: не дело мужу и жене работать на одном производстве. Владея в совершенстве своей профессией, Таисия не жалеет времени терпеливо учить молодежь. Словом, как работнице ей цены нет.

Микаэль не раз предлагал ей позировать для живописного портрета маслом, но всегда получал вежливый отказ, причем без объяснения причин. Микаэль недоумевал. Он даже готов был писать у нее дома, что совершенно не вязалось с методом его работы. Но Таисия была неумолима. Мысль о том, что она недооценивает его как художника, была исключена. Она присутствовала на всех вернисажах его персональных выставок. Купила дорогую и очень объемную книгу о его творчестве за сорок лет, где была представлена вся его скульптура, графика и живопись. Микаэль знал, с каким уважением она относится к его работам и к нему самому. Так в чем же дело?

Наконец горькая догадка осенила его «ясный ум»: не хочет рисковать производственными отношениями. Досада, граничащая со злостью, уже прочно угнездилась в его душе. Отсюда впервые за долгие годы у него родились злые стихи.

Хвалить в лицо мне как-то неудобно,
Но знают все: в работе муравью подобна,
За цифры так берется рьяно,
Что не придраться трезвым, да и пьяным.

А вот со мной, несчастным от искусства,
Ведет себя ну просто гнусно,
Готов и холст, и даже рама,
Так нет, уперлась, как кое-кто, упрямо.

Но в последний момент Микаэль решил заменить последнюю строку такой: «Так нет, уперлась же, как столб, упрямо». Нельзя обижать хорошего человека, даже если из-за него тебе приходится ограничивать себя в своем творчестве.

Таким и подарил он ей стихотворный листок.

Пророчества Микаэля: Таисия уже сейчас – прекрасная мать и жена, а бабушкой будет еще лучше. А вот кому нелегко с ней будет, так это ее бедному зятю. Не дай бог бедняге не соответствовать ее высоким критериям о человеческой порядочности. Ни красота, ни ум, ни даже богатство не спасут его.

ИРИНА

И последняя, о ком Микаэлю хотелось бы упомянуть, – это Ирина. Она больше других напоминает художнику его жену. Внешне они очень разные, но внутренне очень похожие, прежде всего – своей незащищенностью. Незащищенностью перед наглостью, хамством, перед чьей-либо завышенной самооценкой. Скорее всего, именно эта черта характера способствует тому, что все тянутся к ним со своими откровениями. Приглядываясь к людям, Микаэль не раз задавал себе вопрос: почему так?

Почему поверхностным людям легко живется? Они, как правило, высокого мнения о себе и нередко в своей карьере даже успешнее других людей – глубоких и целеустремленных. Они, как паразиты общества, питаются чужой энергией, сосут чужую кровь и расцветают за чужой счет. Прочитав Библию от корки до корки, он понял, что так было всегда и, к сожалению, так всегда и будет. Отсюда вывод: сильным и добрым людям надо в первую очередь помогать людям ранимым, со сложным внутренним миром, с духовной глубиной и в силу своей порядочности незащищенным от людских пороков, потому как ими всегда пользуются, их всегда эксплуатируют и тут же забывают, когда они становятся ненужными. Что Микаэль и делал почти всю свою сознательную жизнь.

Никто никогда не слышал от Ирины жалобы и никто не видел ее безразличной к чужой жалобе. Всегда подтянутая и ухоженная, мать двоих взрослых прекрасных сыновей, она может сидеть на работе столько, сколько требуется, ничем не выдавая своей усталости. Все ее внутренние переживания остаются с ней, и только глаза порой выдают то или иное состояние души. Так и было однажды, когда ее муж, очень мужественный человек, решил ради спортивного интереса в одиночку на легкой лодке переплыть Финский залив. Решил – и сделал. Но сообщил о своем решении сыновьям и жене уже с середины залива (по мобильному телефону). Грести Александру Щеберину пришлось двенадцать часов почти без передышки. Ирина отработала весь день до конца, никому не рассказав об этом. Но надо было видеть ее глаза. От кого, от кого, но от зорких глаз Микаэля укрыться трудно, это его сила и его тяжесть. Видеть то, чего не

видят другие, далеко не всегда приятно. Позже, работая над ее портретом в графике, Микаэль так и не смог избавиться от врезавшегося в память выражения тех глаз, хотя в жизни Ирина довольно оптимистична и улыбчива. Когда об этом случае стало известно, кто-то из сотрудниц спросил ее: «Почему же ты не попыталась остановить мужа? Могла бы позвонить в портовые службы, его бы забрали». – «Он мне никогда бы этого не простил», – ответила Ирина.

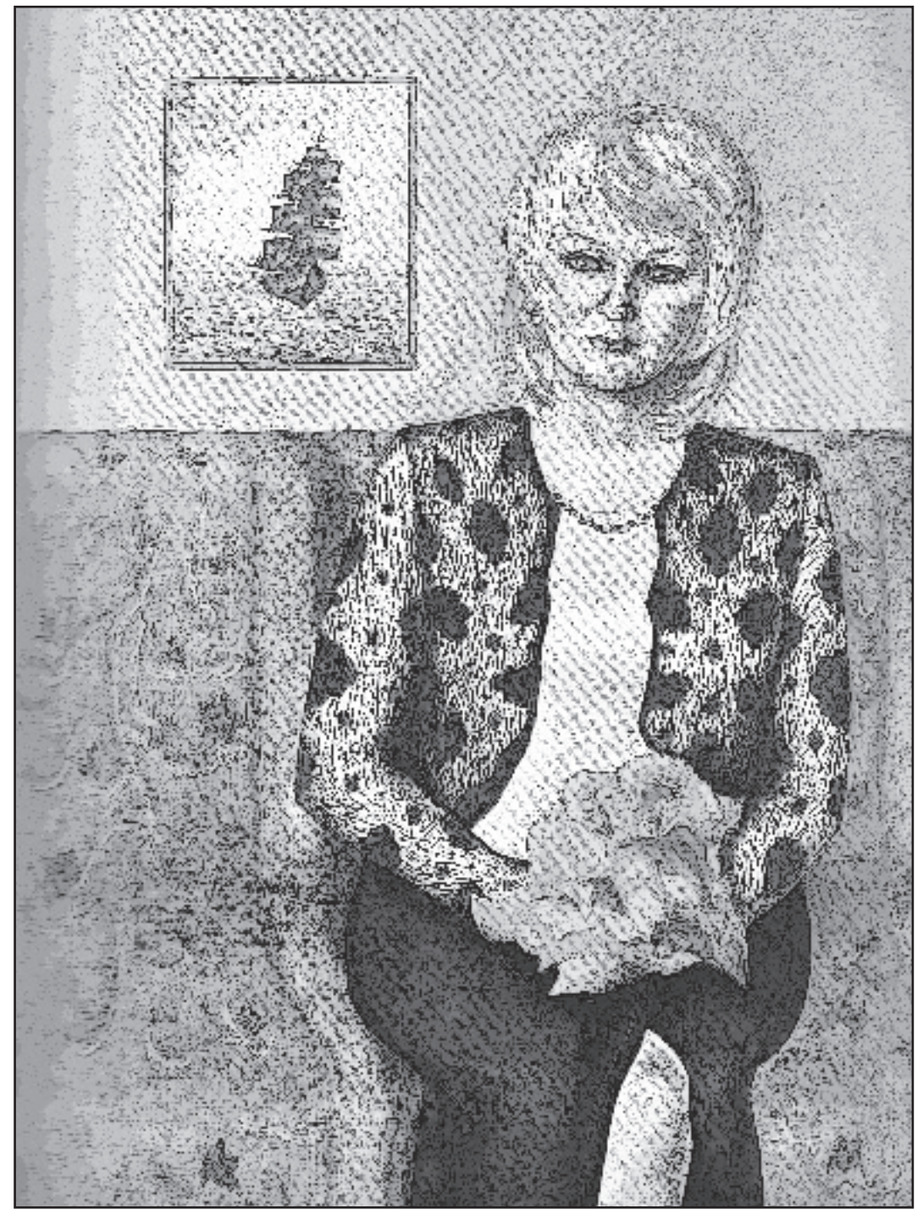
Что пророчествует Микаэль для Ирины? В наше время молодым людям нелегко найти себе настоящих спутниц жизни. В мире стало много лжи, распутства и иной мерзости. От всей души Микаэль желает сыновьям Ирины найти себе достойных жен. Но даже если под ликом невест они приведут в дом сущих змей, Микаэль уверен, что Ирина примет их как добрых фей.

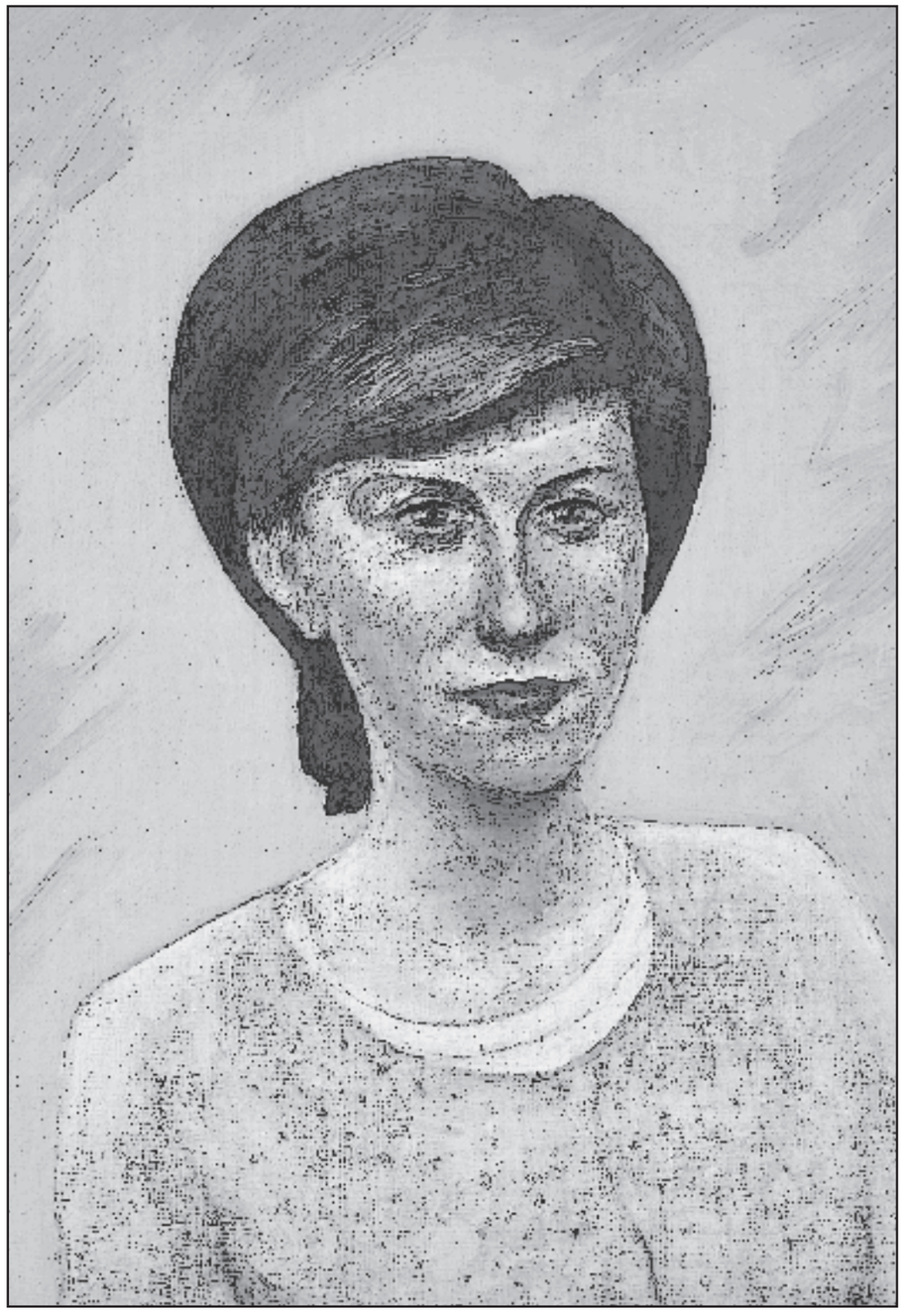
Под солнцем ярким, да и под луной
Скромнее их искать – напрасный труд.
Возможно, краскою покрыли всех одной
Те ангелы, что небо берегут.

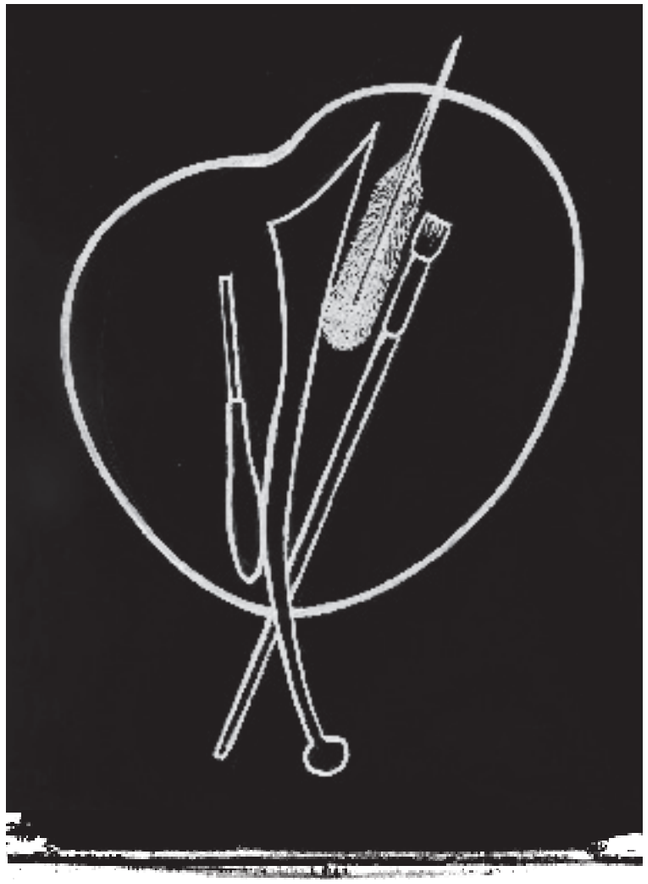
И думается мне, старому изгою,
Что имя человека, как печать.
Но ценность отыскать – не раскопать же Трою,
Людей так много, стоит лишь начать.

А человек устроен как-то странно,
Имеет память – проклятие иль дар?
Господь не обошелся с ним гуманно,
В душе нередко горечи отвар.

И нет моей вины, что ты, Ирина,
Напоминаешь мне Ирину Арутюньян,
Речь не о том, что носишь то же имя,
Мать и у вас бесценна, как у всех армян.







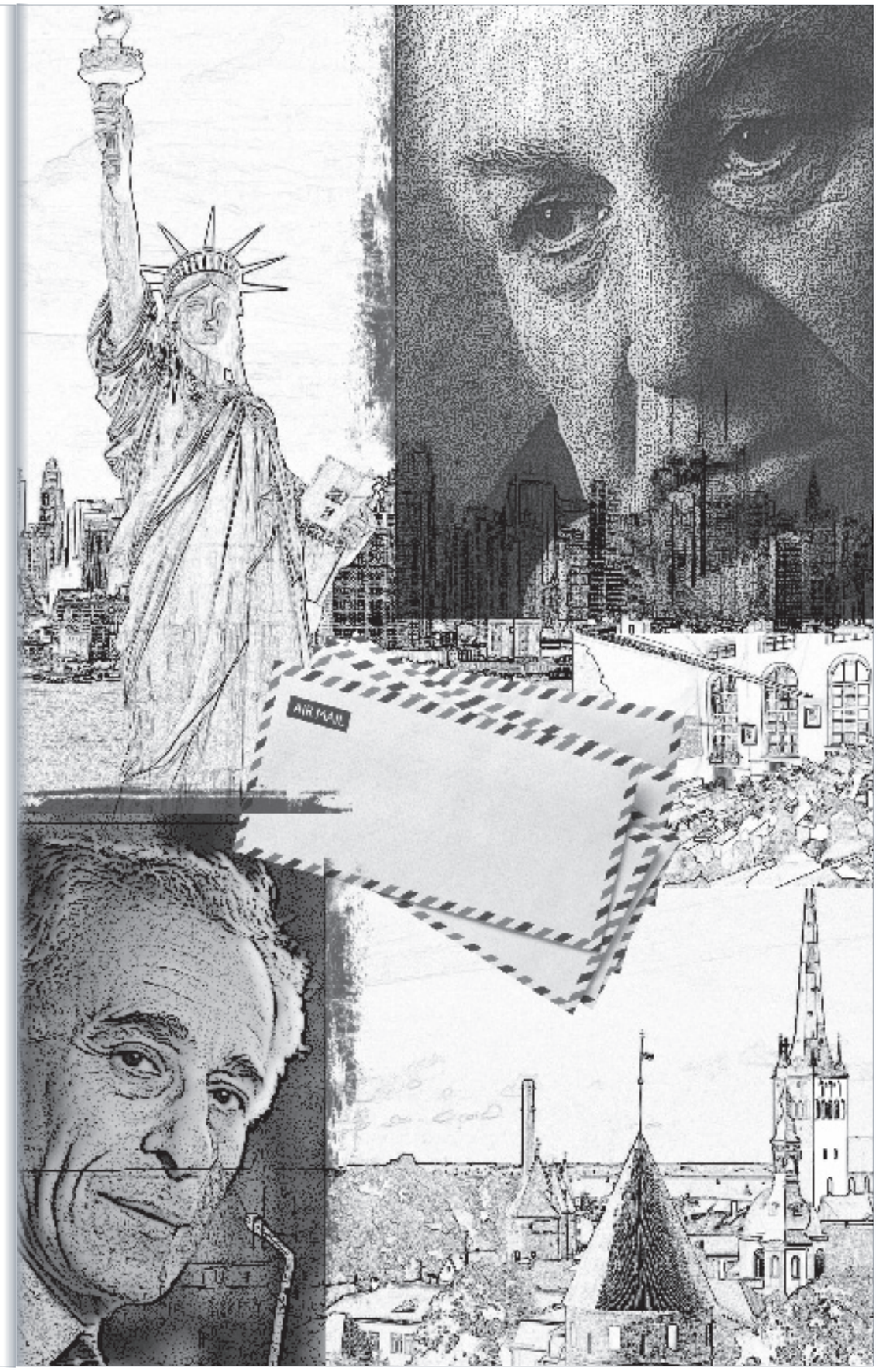
ИЗ ПЕРЕПИСКИ С Б.М. БЕРНШТЕЙНОМ

ПАМЯТИ Б. М. БЕРНШТЕЙНА

Ушел из жизни Человек, нам давший очень много.
Он прожил девяносто лет. Не скажешь – раньше срока.
Был он ученый и поэт, ритор, учитель и эстет,
Нам всем наставником он был, художникам от Бога.

В раздумьях и в воспоминаниях я вечер просидел.
Жизнь прожита. При всем старании немного я успел.
Но, как и в давние года, не помню, сколько лет назад,
Услышать мнение его хочу: подъем в искусстве ныне или спад?

27 июня 2015 года



Возможно, у читающего эту книгу человека возникнет вопрос, почему автор поместил в нее свою переписку с Борисом Моисеевичем Бернштейном, какое это имеет отношение к повестям, рассказам и стихам автора.

Отвечу. Я – скульптор-художник и я абсолютно уверен в том, что без этого человека я никогда не состоялся бы таким, каков я есть на сегодняшний день.

Имя Бориса Моисеевича было широко известно в профессиональных кругах Советского Союза, думаю, что и за рубежом. Когда почитатели его таланта восхваляли и ставили в один ряд его имя с именами Лотмана, Аполлинера и других мировых звезд науки, он, будучи очень скромным человеком, останавливал их, говоря, что величины эти несоизмеримые.

Не знаю, насколько они соизмеримы или несоизмеримы, но знаю твердо, что каждое слово Бориса Моисеевича было, есть и всегда будет для меня на вес золота. В 2017 году мне исполнится восемьдесят, а я всегда гордился и до сих пор горжусь дружбой с этим великим Человеком, Ученым, Эстетом и Наставником целой плеяды художников.

Из шести лет учебного процесса в Художественном институте (шестой год был полностью посвящен дипломной работе) мы пять лет слушали лекции по истории искусства, читаемые Борисом Моисеевичем. Весь курс, начиная с наскальных рисунков неолита и кончая современным искусством XX века, был прочитан нам прекрасным лектором, доктором искусствоведения, профессором Б. М. Бернштейном.

После того как распался Советский Союз и Эстония получила свободу, Государственный художественный институт был переименован в Художественную академию, срок обучения студентов сократился до пяти лет, а преподавание истории искусства ограничилось одним годом, причем студент сам заказывал для себя

тот раздел истории искусства, который его интересует. Этим, по сути дела, ограничивались познания будущего художника, получившего высшее художественное образование.

Могу себе представить, каким шоком это стало для Бориса Моисеевича. В разговоре со мной он признался, что это была одна из причин его отъезда в Америку, где уже поселилась его дочь со своей семьей.

Переписка наша началась не сразу после их отъезда, а в связи с намеченным выпуском книги о моем творчестве. В переписке участвовал и мой сын Арег, так как он полностью финансировал ее издание. Борис Моисеевич согласился написать напутственную статью и, прислав ее, наотрез отказался от какого-либо гонорара.

С тех пор прошло немало лет, но и по сей день каждое его слово, сказанное в мой адрес, в особенности по поводу моих работ, для меня – великая честь, и я бережно храню в памяти все встречи с этим великим Ученым и Человеком.

Дорогой Рафаэль!

Поздравляю Вас с юбилеем!

Я очень высоко ценю Ваши человеческие и профессиональные качества. В Вашем случае эти две грани личности трудно развести и потому, что скульптура для Вас – страсть, призвание, долг, нравственная миссия, и потому, что Вам как художнику свойственно говорить на пластическом языке прежде всего о нравственном. Такое редко встречается в наше смутное время.

Мы с Фридой желаем Вам творить в полную силу, наслаждаться присутствием и любовью семьи и, разумеется, крепкого здоровья, без которого все удовольствия жизни теряют вкус!

Сердечный привет и наилучшие пожелания всем Вашим близким!

Ваши Фрида и Борис Бернштейны

24 июля 1997 года

Дорогой Рафаэль!

Настоящим я намерен опровергнуть возможные предположения, будто «с глаз долой – из сердца вон». По-всякому бывает.

Я помню о Вас и о Ваших заботах. Проблема в том, в частности, что мы живем в местах малохудожественных, хотя и экономически процветающих. В сущности, от Сан-Хосе до Сан-Франциско тянется непрерывная калифорнийская деревня, известная у нас под названием одноэтажной Америки. Правда, под этой одноэтажностью скрываются интересные вещи, скажем, парочка ведущих университетов: в том числе и знаменитый Стэнфордский, в библиотеках которого я сейчас имею удовольствие заниматься. Но с художественными галереями здесь негусто, А мои связи со здешними галеристами до сих пор были равны нулю.

Теперь, однако, я познакомился с одной. И первое, что я ей показал, без особой надежды, но все-таки, был Ваш каталог с сопутствующим комментарием. Результат моих интриг, однако, имеется, галерист Ненси Гордон заинтересовалась и предложила некоторые варианты. Не знаю, насколько он Вас удовлетворит, передаю его в точности и с дополнительной и необходимой информацией от себя.

Итак, во-первых, эта галерея – Koret Gallery – находится в Центре еврейской общины – Jewish Community Center, города Пало Алто (Palo Alto), этот город, включающий и Стэнфордский университет, принадлежит к процветающей ныне экономической зоне, а упомянутый Центр отличается интенсивностью культурной жизни, в частности, его так называемый русский отдел, то есть отдел (уникальный для такого рода центров), который создает культурную среду для многочисленных евреев из России, обитающих в этих краях. Именно поэтому в нем время от времени организуются всякого рода культурные события (помимо постоянной деятельности). В том числе: в июне 1997 года там запланирован так называемый Русский фестиваль, к нему приурочена и соответствующая выставка в галерее, для которой Ненси по своему опыту и вкусу отобрала несколько Ваших вещей.

Но: галерея входит в систему Центра, в то же время обладает и известной самостоятельностью. Галерея коммерческая, это значит, что выставки там рассчитаны на продажу! В связи с этим – первый вопрос: готовы ли Вы продать что-либо из того, что может быть выставлено? Для них это – условие, с продаж галерея живет, так как тут царит зрелый и перезрелый капитализм.

И обратно – готовы ли Вы к тому, что ничего не будет продано? Это дело случая, последняя выставка графики с коллажами здешней художницы, неплохой, технически умелой, не принесла ни одной покупки, увы. Конечно, галерея не на бойком месте где-нибудь в Сан-Франциско, но народу – всякого, кроме «русских» – там бывает много: еврейская община, но также и англо-американцы, афроамериканцы, латинос, китайцы, индийцы, кто хочешь, это Америка.

Далее: Ненси Гордон, ввиду ограниченности площадей, хотела бы представить следующие работы:

Хула-хуп. 1968

Солнце над гетто. 1969

В бесконечность. 1973

Комитас. 1987

Дружеский шарж. 1987

Чашка кофе. 1990

Телемост. 1992

К сожалению, в каталоге не указано, в чьей собственности находятся вещи, все ли они в Вашем распоряжении и могут быть высланы или проданы.

Галерея не может оплатить транспортировку, но, насколько я помню, Арег принимал эти расходы на себя. Если все Вас удовлетворяет, то нужно сообщить об этом Ненси – координаты прилагаются – и договориться с ней о деталях и об условиях продажи, если таковая состоится. Насколько я знаю здешние нравы, галерея забирает себе до 50 процентов продажной цены. Но об этом надо договариваться напрямую. Я понимаю, что Вы будете держать меня в курсе дела. Переговоры с ней надо вести по-английски, к другим языкам она не очень готова.

[...]

Мои координаты Вам известны [...]. Если никто не берет трубку, не надо отчаиваться: голос моего внука скажет, что после «би-би» надо наговорить на пленку свой текст (месседж) – когда мы придем, мы его заслушаем.

Кроме того, если Арег завел себе компьютер с модемом и имеет электронную почту (e-mail), через нее мы можем переписываться молниеносно – прямо сразу!

Я не могу сейчас дать отчет за истекший год, поскольку хочу поскорее отправить письмо, скажу только, что мы в порядке, работаем, сколько получается, внуки требуют нашей помощи и заботы и доставляют много радостей, они – хорошего качества, очень даже; надеюсь поспеть в Таллинн, если получу соответствующий документ, еще весной, а если нет, то осенью непременно.

Надеюсь, что Вы и Ваша семья в порядке, здоровы и процветаете, чего я от души всем желаю, а Фрида энергично присоединяется.

Ваш Борис Бернштейн

16 ноября 1996 года

Дорогой Борис Моисеевич, здравствуйте!

Рад был получить от Вас письмо не только по деловым соображениям, но и по чисто человеческим отношением. В противоположность моему сыну, второе у меня всегда превалировало и до сих пор превалирует над первым. Очевидно, именно поэтому он в своей карьере уже гораздо успешнее меня. Но каждому свое. Я на судьбу не жалуюсь.

В нашей жизни особых событий нет, кроме одного – внучка в школу пошла. Водить ее по утрам для меня – истинное удовольствие. Встречает уже бабушка. А вечером дед обязан

выдумывать все новые и новые сказки и игры. Такой аргумент, что любая фантазия когда-нибудь да иссякнет, ее совершенно не устраивает, вот и приходится изощряться.

Теперь касательно Вашего предложения в связи с выставкой в галерее Ненси Гордон. Во-первых, огромное Вам спасибо за содействие. Во-вторых, что касается меня, то я согласен на любые условия, любые проценты любые скульптуры, ибо почти все они принадлежат мне (за всю творческую жизнь у меня закупили только 6 скульптур, да и те по истечении определенного времени были возвращены мне художественным фондом на хранение), не считая «Грёз», которую я подарил хорошим знакомым.

Но есть одно важное «но»! Как Вы помните, я Вам при последней встрече говорил, что в 1997 году летом мне стукнет 60 и я хочу устроить персональную выставку, и на ней выставить все сделанное за 33 года послестуденческих лет. Неудачи не в счет, они давно в мусорном ящике или в бочке с глиной, но и без них уже на сегодняшний день набралось 110 работ, как малогабаритных, так и масштабных, и большая часть в материалах: гранит, мрамор, дерево и т.д.

Вы сами понимаете, до выставки я ничего и никуда посылать не буду, а тем более продавать. А вот после выставки, ориентировочно осенью, я, как уже писал выше, согласен на любые условия, хотя без Арега окончательно коммерческую сторону мне не решать, так как он мой спонсор, но думаю, что с ним особых осложнений не будет. Кстати, его интересует, за чей счет будет производиться возврат вещей в Таллинн в случае их непокупки. Вот, пожалуй, и все.

Дорогой Борис Моисеевич! Рад за Вас. Думается, Вы неплохо устроились, и от души желаю Вам всем всего наилучшего. Где-то немножко завидую по-хорошему. Может быть, и мои дети когда-нибудь соберутся переехать в Европу или даже в Америку, и я с удовольствием составлю им компанию.

Передайте огромный привет Фриде Абрамовне и всей Вашей семье, кто помнит и знает нас. Всегда к Вашим услугам

Рафаэль

Ноябрь 1996 года

Дорогой Рафаэль!

Получил на днях Ваше письмо. Нынче почта идет быстро, никто не должен проверять нашу политическую кристальность или наше тайное сотрудничество с ФБР и ЦРУ.

Насчет внучки – кто Вас, как не я, поймет? У меня их тут целая тройка, старшая по случаю своей французской специализации на 3-м курсе университета после Нового года уезжает в Париж по академическому обмену на полгода, как говорится – ни фига себе! Средний еще в школе, в том ее месте, которое примерно соответствует нашему 9-му классу, он у нас тоже достойный во всех отношениях мужик; Ну а третья, младшенькая, под Новый год ей стукнет 7, так та вообще, второй год учится в частной французской школе, свободно говорит, а также изрядно читает и пишет на трех языках, прелестная и умница, доставляет всем нам массу удовольствий, а забирать ее из школы за 10 миль от нашего дома – по большей части моя работа, так как родители трудятся, старшая сестра в Беркли в своем университете, брат еще не имеет права водить машину, а Фрида, как Вы понимаете, уже никогда не начнет. Между тем, здесь нормальной жизнью может жить только современный кентавр – человекоавтомобиль.

Но прежде – о делах. Мне, конечно, жаль, что вы не можете выставиться в июне, хотя и мотивы Ваши мне тоже понятны. Кончено, в честь собственного юбилея красиво выставиться одновременно на двух континентах – Евразийском и Североамериканском, это было бы своего рода полуглобальное шоу! Но это – шутливая утопия. Все должно быть так, как Вам хочется и как задумано.

Серьезно другое. Ненси предложила свой срок, поскольку у нее – своя программа экспозиций, которую она разрабатывает не одна, у нее есть как бы правление; июньский фестиваль был для нее очень даже подходящей рамкой, куда логически укладывались художники из России (Ненси, скажем, хочет выставить в это время десяток больших цветных литографий Анатолия Каплана по мотивам Шолом-Алейхема из моей коллекции – без продаж, для удовольствия), как это тут называется, вне зависимости от этнической принадлежности или вероисповедания и культурных традиций, так эмигрировавшие сюда евреи у американцев называются русские (надо было так далеко ехать!); если идея привязки к фестивалю отпадает, надо будет начинать интригу сначала, так как полную выставку Вашей скульптуры не поднять ни Вам, ни галерее, следовательно, ее надо

будет включить в другой контекст. Я ее – Ненси – сегодня как раз видел, она была несколько расстроена новым поворотом дел.

Что касается пересылки, то участвовать в транспортных расходах галерея не может в силу своей бедности. Можно организовать сухопутную доставку из Окленда (куда обычно прибывает багаж), но океан туда и сюда они на себя взять не могут. Сколько это все может стоить, я сказать не могу, надо справиться в Эстонском пароходстве; в здешних правах обычно бывает так, что если сразу заказываешь туда и назад, то будет дешевле, а как в новых буржуазно-демократических государствах, мне трудно сказать, все может быть. «Вплоть до наоборот», как говорят изысканные стилисты.

Вы написали, что завидуете мне по-хорошему. Не знаю, как на это ответить. Конечно, климат здесь райский, конечно, внуки замечательные, конечно, я работаю в библиотеках такого уровня, какой мне и не снился в течение всей моей профессиональной жизни, конечно,

Штаты – удивительная страна по многим параметрам, а по степени терпимости к другим, возможно, первая; пестрота человеческих типов, рас, обликов, культурных и религиозных традиций, способов поведения никого не смущает, не могу ничего сказать – все это стало для меня неожиданной возможностью обогатить свой жизненный опыт еще одним чрезвычайно богатым пластом; да, это так. Но наше культурное пространство с его историей, природой и людьми, с которыми жизнь прошла и которые стали частью моей личности – оно наше, мое, и я не могу, вслед за некоторыми нашими соотечественниками здесь, легко от него отречься, клясть страну, откуда ты родом, или рисоваться перед другими своим быстрым, легким перекрашиванием, то, что отложилось в клеточной структуре личности, никуда не денется.

И очень горько, что там все так нелепо, что такое количество ненависти, неумения, алчности, лжи, жажды власти и прочего добра, что тут перечислять, Вам это все известно, досталось на долю именно этого сведенного вместе конгломераты людей и культур, с Россией в середине.

Это очень сложно. Часть этого комплекса чувств и настроений связана не столько с переменой места, но и с движением времени: тоскуешь не только по местам, но и по людям, связям, ситуациям и событиям, которые ушли, рассыпались, преобразились.

Но я что-то расфилософствовался о вещах, достаточно известных. Вообще-то жаловаться я не собираюсь. Сейчас закончил одну занимательную работу – занимательную для меня, как для других – посмотрим, если удастся напечатать, она довольно длинная и специфическая: сюжетом служит библейская заповедь «Не сотвори себе кумира не изображай...» и т.п., обычно ее считают направленной против изобразительных искусств, я же попытался к этому добавить, что Библия – неожиданно – позволила через этот запрет определить, что такое искусство... Теперь обдумываю некоторые другие возможные темы. Тем временем я упорядочил привезенный с собой архив отца и его мемуары, списался с Институтом еврейской истории и культуры в Нью-Йорке и передал эти материалы в их архив, который был в этом очень заинтересован. Я тоже, поскольку для меня было очень важно, чтобы наследие МБ стало доступно для всех, кто будет интересоваться историей еврейской культуры и образования в России: в связи с этими делами стал писать воспоминания об отце, Одессе и о детище отца – Еврабмоле. Словом, занятий хватает, а времени – не хватает, увы. Но это куда лучше, чем когда его (время) и себя некуда девать.

Рафаэль, желаю Вам и Вашей семье всяческих благ и процветания в наступающем Новом году! Фрида полностью присоединяется к сказанному

Ваш Борис Бернштейн

19 декабря 1996 года

Уважаемый Борис Моисеевич,

Вам пишет Арег Арутюньян. Я, если помните, сын Вашего бывшего ученика Рафаэля Арутюньяна.

Решил Вам написать сам, так как отец сейчас не очень общителен и глубоко переживает преждевременную кончину моей матери, которая скончалась в январе этого года.

Уже в течение шести лет я являюсь продюсером моего отца и взял на себя все финансовые расходы и организационные заботы по устройству его персональных выставок, изданию книг и т.п. Одной из последних моих работ была организация выставки живописи и графики в центре «Сакала», которая прошла в августе прошлого года и была приурочена к 65-летию Рафаэля Арутюньян. На этой выставке он представил

более 70 живописных и 170 графических работ. Пресса отозвалась об этой выставке очень тепло и дружелюбно. Никто не ожидал увидеть отца в этой ипостаси. Кстати, все скульптурные, живописные, графические работы и все отзывы в прессе я поместил в Интернете по адресу www.rafael.pri.ee.

После этой выставки отец решил написать книгу о наших предках, начиная с моего прапрадеда и кончая своей жизнью. Я издал эту книгу, ее презентация состоялась в августе текущего года. Не буду рассказывать Вам о ней подробно, так как думаю, что Вы сами сможете ее прочесть и оценить.

Теперь, если позволите, я пишу суть дела, с которым хочу к Вам обратиться. Дело в том, что мы наметили издать книгу с репродукциями скульптурных, живописных и графических работ моего отца. В нее войдут около 300 произведений. Таким образом, мы рассчитываем на книгу из 600 страниц. Она будет издана с помощью высококачественной цветной полиграфии на русском и английском языках. Сейчас мы имеем очень удачные фотографии всех скульптур и на следующей неделе приступаем к фотографированию картин на широкоформатные слайды. Разумеется я постараюсь сделать все, чтобы эта книга была безупречна с точки зрения качества печати и оформления.

Как Вы понимаете, для такой книги нам необходима серьезная исследовательская работа человека, хорошо знающего моего отца. Зная, с каким теплом мой отец всегда отзывался о Вас и Ваших родителях, мне пришла в голову мысль обратиться к Вам с просьбой взять на себя этот нелегкий и объемный труд, то есть написать обширную исследовательскую статью обо всем творчестве моего отца.

Кстати, отец хочет также поместить в книгу некоторые фотографии своих юношеских и студенческих работ, вплоть до диплома. Он считает, что показать становление художника надо с его первых творческих шагов.

Предлагая Вам это, я понимаю, что это не простая услуга, и, если мое предложение Вас заинтересует, то готов обсудить с Вами материальный аспект этого дела.

В ожидании Вашего ответа

С уважением

Арег Арутюньян

29 сентября 2003 года

Дорогой Арег!

Получил сегодня Вашу бандероль и неожиданный подарок, огромное спасибо! Хочу прежде всего сказать, как меня восхищает Ваша сыновья преданность отцу и поддержка!

Книгу Рафаэля я успел только пролистать, а моя жена уже и прочла. Кассету пока посмотреть не могу, она на европейской системе, но я открыл сайт отца и поразился его новому творческому облику.

Пожалуйста, передайте ему мое восхищение его творческой энергией и мои поздравления. Я надеюсь, что он сам сможет с нами снестись по этому адресу.

Наши наилучшие пожелания

Фрида и Борис Бернштейны

4 октября 2003 года

Дорогой Борис Моисеевич, здравствуйте!

Как Вам писал сын, всеми моими делами занимается исключительно он.

Прошло уже девять месяцев со дня кончины Ирины, а я до сих пор не могу прийти в себя. Не говоря уже о здоровье, которое резко ухудшилось.

Огромно спасибо за добрые слова о моем творчестве.

Как я понял из Вашего письма, Вы пока не очень хотите взяться за ту работу, что Вам предложил Арег (исследовательскую статью к моей книге). Хотя, признаться, мне очень хотелось бы видеть именно Вашу руку в книге по той простой причине, что умнее и глубже искусствоведа и критика, чем Вы, я не знаю (и вряд ли узнаю).

В этой связи я попросил бы Вас рекомендовать кого-нибудь из тех, кого Вы хорошо знаете, из Москвы и Санкт-Петербурга с тем, чтобы Арег мог обратиться от Вашего имени к этому человеку. Как Вы понимаете, за деньгами вопрос не встанет, так как мой сын, чтобы вернуть меня в искусство и в жизнь в целом, готов на любые затраты.

Заведомо благодарю Вас за все.

С глубоким уважением всегда Ваш ученик

Рафаэль

6 октября 2003 года

Дорогой Рафаэль!

Я в прошлом письме откликнулся СРАЗУ на получение Вашей книжки и кассеты, не прочитав первую и не посмотрев вторую. Поэтому сейчас я хочу прежде всего от имени нас обоих, Фриды и меня, выразить Вам и всему Вашему семейству глубочайшие соболезнования по поводу утраты, которая никак и ничем восполнена быть не может. Мы понимаем, что любые слова не имеют в таких случаях целебного или какого-либо иного действия, но хотим как-то сообщить Вам наше понимание такой беды, как утрата самого близкого человека, рядом и вместе с которым прожита главная часть жизни.

Теперь о нынешнем. Рафаэль, произошло какое-то недоразумение, ибо письмо Арега я не получил! Я тщательно обыскал конверт, где были книга и кассета, но там кроме упаковочных бумаг я ничего не нашел. Не было и какого-либо письма по e-mail'у, ничего. Может, обращение – в кассете, но я ее посмотреть не могу, пока в ателье мне не переведут ее в здешний формат. Поэтому предложение Арега о соучастии в книге мне не было известно, как и сейчас не очень ясно, о какой книге речь. Книга, которая у меня в руках, искренняя и живая, уже издана – имеется в виду эта или какая-то иная?

Впрочем, предварительно могу сказать, что исследовательскую, как Вы пишите, то есть монографическую статью мне сделать трудно; дистанция мешает. Нужен непосредственный контакт с вещами и даже с Вами, нельзя такую работу делать дистанционно, по репродукциям и даже по воспроизведениям на сайте, Вы это, конечно, понимаете; все играет роль – формат, ресурсы, факторы, вся оптическая и чувственная субстанция образа, без которой нет подлинного переживания вещи... А приезд в Таллинн в исторически обозримое время вряд ли сулится.

Есть и другие обстоятельства, препятствующие заняться такого рода монографической статьей: в работе сейчас довольно большая книга, от которой написано около 30 авторских листов, но дело не кончено, свет в конце тоннеля едва брезжит, а московский издатель поставил сроки... Но первый пункт, разумеется, главнее; без реального соприкосновения с произведениями всякий анализ будет иметь привкус халтуры.

Что я бы мог сделать и сделал бы с удовольствием – это не претендующее на обзор и анализ свободное «напутствие», слово о Вас и Вашем искусстве. Но прежде я должен себе представить, о какой книге речь.

Порекомендовать кого-нибудь? Я вот думаю, и на ум прежде всего приходит печальный список ушедших друзей и коллег. Увы, Рафаэль, возраст такой, дело движется к 80, иных уж нет, а те далече – вот и Нинель Зитерова вдруг обнаружилась в Германии... Новое поколение мне плохо знакомо, по литературе вижу, что некоторые, их много, бегут далеко впереди прогресса, вряд ли Вы с такими сойдетесь; другие щеголяют откровенным и развязным цинизмом, эти будут Вам просто противны. Но главное – я уже будучи в Таллине невольно, хотя и отчасти, был отключен от художественного процесса в обеих столицах, а теперь и подавно. Но я еще подумаю – вдруг кто-либо придет на ум! А что если Май Левин? Она – мастер, я ее ценю очень высоко.

А пока – отвечайте.

Желаем Вам сил, душевного равновесия, для которого у Вас есть опора – прекрасный сын, каких нынче не бывает или бывает на редкость мало, и его семья, а еще – бумага, мел, холсты, краски, глина: Ваш индивидуальный образный язык для выражения Ваших мыслей и душевных состояний.

Ваши Фрида и Борис
6 октября 2003 года

Дорогой Борис Моисеевич!

Получили Ваше послание по Интернету. Большое Вам спасибо.

Арег, послав Вам книжку «Воспоминания одного человека», вложил в пакет пленку, где зафиксирована презентация выставки живописи и графики, а также письмо отдельно в конверте. Жаль, что оно затерялось. Но не в этом суть.

Там шла речь и идет сейчас о планируемом издании широкоформатной книги в 600 страниц, где будет репродуцироваться чуть ли не все мое творчество – как скульптура, так и живопись с графикой – общей численностью в 300 работ.

Конечно, я прекрасно понимаю: чтобы серьезно разобраться во всем этом, нужно увидеть все воочию и даже как-то пощупать руками (имею в виду скульптуру), что, увы на расстоянии невозможно.

Плюс ко всему, и это я Арегу тоже говорил, что Борис Моисеевич отлично знает Рафаэля- скульптора, но никогда не видел ни моей живописи, ни графики, а сайт в Интернете не

может дать должной информации, в особенности такому специалисту, как Вы. Но у молодых свое понимание действительности, в отличие от нас, проживших жизнь людей, им все хочется взять быстро, цепко, нахрапом. На все мои профессиональные доводы сын отвечал в духе современного бизнесмена: «Ты же сам говоришь, что другого искусствоведа уровня Бориса Моисеевича ты не знаешь. Вот и надо обращаться только к нему». – Вот и обращайся!» – ответил я. Что он и сделал. Так что, Борис Моисеевич, Вы уж нас извините.

А рекомендованные Вами Май Левин и Нинель Зитерова будут взяты нами на заметку. Если вспомните кого-нибудь еще, будем очень признательны.

Если сочтете для себя возможным написать свободное «напутствие» вышеупомянутый книги, также будем очень благодарны и все необходимые материалы для этого по первому Вашему требованию вышлем тем или иным путем.

Пожалуй, вот и все.

Еще раз благодарю Вас за все. Большой привет Фриде Абрамовне, Лене с супругом и их детям.

Всегда Ваш Рафаэль

P.S.

Арег прилагает к этому сообщению не дошедшее до Вас письмо в виде файла.

6 октября 2003 года

Дорогой Рафаэль,

теперь картина прояснилась. Не знаю, что там случилось с этим письмом, я был несколько удивлен, что нет никакой приписки, и обшарил все закоулки, но ничего не нашел. Ладно, теперь я все себе представляю.

Я рад, что Вы понимаете меня: чтобы написать серьезный аналитический текст, необходим контакт не только с не виденными мной живописными и графическими произведениями, но и с некогда виденными – память все не держит, к сожалению, и мне уже не 18 лет, к еще большему сожалению. Но некоторое сопровождающее, безусловно, доброжелательное и с элементами характеристики слово я напишу непременно и с удовольствием.

Что касается возможного автора статьи, то Нинель Зитерова – прекрасный автор, но, по моим сведениям, она переехала в Германию, кажется, в Гамбург. Или в Любек? Точно не помню

А Май Левин, если согласится, то это было бы идеально, она – мастер.

Среди молодых коллег в Таллине есть превосходные эрудированные и одаренные критики, наши недавние студенты (напр. сын Соанса Ханно), но они по-русски не пишут и, возможно, даже и не понимают.

Будем в контакте! Сыну привет!

Ваш ББ

8 октября 2003 года

Дорогой Борис Моисеевич !

Мы с Арегом встретились с Май Левин в назначенное ею же время. У нас создалось следующее впечатление. 1. Она забыла о назначенной встрече и на месте оказалась почти случайно. 2. Не удосужилась заглянуть на сайт, хотя времени для этого у нее было предостаточно (почти неделя). 3. И, самое главное, выяснилось что она настолько загружена работой, что взяться за статью может не раньше чем через четыре месяца, а то и позже, хотя в целом от сотрудничества не отказывалась.

Несмотря на очень лестную с Вашей стороны характеристику по поводу ее профессионализма (мастер), а Вам я доверяю всецело, мы с сыном решили не зацикливаться на этой кандидатуре и вышли на Нинель Зитерову. Арег больше часа говорил с ней по телефону, подробно отвечал на все ее вопросы, и она в конечном счете пришла к заключению, что у нас с ней работа получится, правда, оговорилась, что вообще-то ей больше приходилось писать о живописи, но и о скульптуре случалось. Берется за дело с удовольствием, хотя сайта тоже еще не видела, но в ближайшее время на целый месяц приедет в Таллинн.

Пожалуй, вот и все новости.

О напутственной статье с Вашей стороны. Вы будете писать ее после того, как Нинель закончит свою работу, или независимо от нее? И еще: не смогли бы Вы заодно посодействовать переводу Вашей статьи на английский язык? Мне думается, что у Вас в Америке это сделать легче, чем в Эстонии. Всю материальную сторону дела можно обговорить с Арегом – моим спонсором, меценатом и вообще Земным покровителем.

С уважением, привет Фриде Абрамовне

Всегда Ваш Рафаэль

16 октября 2003 года

Дорогой Рафаэль!

Я рад, что Вы договорились с Нинель, она – хороший профессионал, я уверен, что ее статья будет превосходной.

Я завтра покидаю наши пределы на две недели с гаком – мы с дочерью едем в Испанию (черт побери!), я вернусь к 6-му числу ноября, тогда обсудим. Конечно, лучше мой текст написать, зная, что написала Нинель, чтобы не пересекаться. Но если надо торопиться, то можно и раньше. Насчет перевода – я подумаю, поговорю с переводчиком, который тут под рукой.

Желаю успехов

ББ

17 октября 2003 года

Дорогой Борис Моисеевич!

К сожалению, с госпожой Зитеровой на последнем этапе переговоров так договориться и не удалось. Если у Вас есть еще время и желание, а главное – здоровье написать напутственную статью, то сообщите стоимость Вашего печатного листа, на какой объем мы можем рассчитывать и, что очень важно, на какой срок. Время, откровенно говоря, нас поджимает, все лето мы занимались репродукционным материалом, пора приступать к верстке, макет тоже возьмет немало времени. Хотелось бы выпустить книгу ко дню второй годовщины кончины моей жены (26 января). К первой годовщине мы напечатали книгу под названием «100 стихов», посвященную ее памяти.

Пожалуй, вот и все. У меня все без изменений. Пока не работаю. Дети взрослеют, внуки растут, жизнь как-то течет, но совсем не так, как прежде. Передавайте большой привет Фриде Абрамовне, Елене и ее семье

С уважением

Рафаэль

Октябрь 2003 года

Дорогой Рафаэль!

Думал о Вас. Рад получить от Вас весточку. Но очень жаль, что Вам не удалось договориться с Нинель; плохо представляю себе, что могло помешать, но, видно, что-то было.

О моем участии.

Первое – стоимость моего печатного листа в данном случае не имеет отношения к делу, так как уважение и дружеские чувства я не умею оценивать в денежных единицах. Кроме того, сам жанр напутствия требует краткости. Словом, не будем об этом..

О сроках: я сию минуту срочно заканчиваю большую работу – книгу объемом примерно в 35 авторских листов, нахожусь я на финишной прямой, и отвлекаться от этой работы мне бы не хотелось. Я полагаю, что в течение сентября текст будет доведен до такого вида, что его можно будет предъявить издательству. Возможно, успею раньше, сентябрь целиком – это с запасом. После этого у меня запланирована одна заказная работа, но ее я могу несколько отложить, чтобы написать текст для Вас. Точный объем трудно предсказать, как напишется, но длинным он быть не должен. Наверное, от трех до шести машинописных страниц, я думаю.

Прежде чем приступать к делу, хорошо бы иметь общее представление о характере и составе книги, напишите об этом несколько слов, если нетрудно.

Я, как видите, в рабочей форме, тьфу-тьфу, ФА тоже ведет себя довольно прилично, ведет дом, имеет учеников, иногда концертирует с певцами, вот и сейчас за стеной занимается с певцом-баритоном, тщетно пытается перевоспитать младшую (14 лет, длиннее меня на полголовы) внучку, хотя девочка очень хорошая и очень способная, умница.

Здоровья Вам, сердечный привет Арегу.

Ваш ББ

Ноябрь 2003 года

Дорогой Борис Моисеевич!

Рад был получить от Вас весточку и еще более рад, что Вы в отличной форме, а что Фрида Абрамовна до сих пор преподает, это вообще феномен. Желаю еще столько же Вам обоим и долголетия, и трудоспособности.

Что касается Нинель Зитеровой, раз уж Вы затронули эту тему, считаю своим долгом коротко охарактеризовать сложившуюся ситуацию.

Госпожа Зитерова, ссылаясь на здоровье, отказалась от написания монографии, но с удовольствием взялась за «эмоциональную статью», так как и работы мои, и сам я, по ее сло-

вам, ей понравились, и только сожалела о том, что, имея столько возможностей познакомиться со мной в Таллинне, почему-то упустила их. Все переговоры вел Арег. Инициатива издания книги принадлежит ему, и деньги тоже его. Я, как Вы знаете, гол как сокол. А книгу он хочет издать такую, чтоб всем книгам книга была, чуть ли не Эрмитаж. Тут я не противлюсь.

Договоренность с г. З. была на две с половиной тысячи евро. Через определенный промежуток времени Н.З. сообщила, что статья перерастает почти в монографию и что она ей самой очень нравится. Арег тут же догадался, что заплатить придется больше, с чем он и поехал в Германию. В августе он навестил З. в Гамбурге, намереваясь расплатиться и взять статью (она находится в рукописном варианте). Но неожиданно г. З. завела разговор о каких-то авторских правах, в чем я мало разбираюсь, и о том, что менее чем за 7000 евро она статью не отдаст. На предложение Арега уплатить не две с половиной тысячи по изначальной договоренности, а три с половиной тысячи евро последовал решительный отказ. Сыну пришлось вернуться в Таллинн ни с чем. Вот такая банальная история.

Теперь что касается моей книги. Она будет из трех частей – скульптура графика живопись. На сайте есть вся скульптура и живопись, и они так и войдут в книгу. Графика же будет включена далеко не вся, ее много, и я будут тщательно отбирать, что поместить, а что просто оставить для своей будущей галереи, которую Арег наметил когда-нибудь построить для своего отца.

Еще раз благодарю Вас за все, буду ждать Вашей статьи, передавайте привет членам семьи, в особенности Фриде Абрамовне.

Всегда Ваш Рафаэль

Август 2004 года

Дорогой Рафаэль, история с Зитеровой меня огорчила. Капитализм, однако, развращает! О каком авторском праве была речь – мне неясно, авторское право – это одно, а авторское вознаграждение – дело двусторонней договоренности между автором и заказчиком и никакими законами не регулируется. Ее алчность наказана тем, что она теперь с выполненной работой, но без гонорара.

Я остаюсь старорежимным и предпочитаю руководствоваться правилом, которое сформулировал еще древнегреческий живописец Зевксис (V век до н.э.). Как сообщает Плиний, он заявил, что нет такой суммы денег, которая бы соответствовала ценности его картин, и стал их дарить. Я тоже высоко ценю свои тексты...

Смотрел Ваш сайт – он выглядит отлично, я там нашел много мне неизвестного и для меня неожиданного! Как только разберусь с последними страницами книги, займусь «напутствием».

Ваш ББ

3 сентября 2004 года

Дорогой Борис Моисеевич!

Очень рад был прочесть Ваше письмо, свидетельствующее о глубоком понимании моей и нашей с сыном сущности. Я всю свою сознательную жизнь старался быть порядочным человеком, то есть не причинять никому незаслуженный боли и железно держать свое слово – слово мужчины, а об отношении к женщине Вы сами знаете меня еще со студенческой скамьи. В таких же традициях воспитал и сына, надеюсь, что и внучку и, даст Бог, поучаствую в обработке внука. На мой взгляд, никакой талант и трудолюбие не могут сгладить безнравственных поступков. Жил и живу так, чтобы не только не стыдно было смотреть людям в глаза (люди не всегда могут быть критерием истинного благородства), но и не краснеть, заглядывая в глубины своей души. Еще и еще раз Вам спасибо.

Где-то к середине месяца я подготовлю и вышлю Вам почтой довольно обширный материал своих работ. Осмелюсь приложить к ним и книжку стихов. Заранее прошу Вас быть снисходительным, я, конечно, не поэт, но все написанное шло из глубины сердца. И, самое главное, постараюсь выбрать удачную фотографию внука Габриэля и ее тоже прислать Вам, и тогда вы сами убедитесь, какой это шикарный парень.

Передавайте мой сердечный привет Фриде Абрамовне, всем членам Вашей семьи. Даст Бог, когда-нибудь с сыном навещу Вас в Америке, есть такая потаенная мечта.

Остаюсь всегда Ваш

С уважением

Рафаэль

Сентябрь 2004 года

Дорогой Арег!

Только что получил Вашу бандероль, спасибо! Буду смотреть, читать. К сожалению, мой компьютер не видит DVD, воспользуюсь машиной дочери.

Привет отцу!

Ваш ББ

25 сентября 2004 года

Дорогой Борис Моисеевич, здравствуйте!

Я не могу найти тех нужных слов в русском языке (а может быть, их и нет), чтобы выразить Вам свою благодарность. Родители давно умерли, Мянни тоже, и на сегодняшний день нет ни одного человека, к которому я относился бы с той огромной долей уважения, как к Вам, то есть как ученик к учителю или сын к отцу. Преподаватели в институте учили меня профессиональному ремеслу, за что им большое спасибо, но ни с кем из них, кроме Вас и Мянни, не удавалось за все шесть лет учебы поговорить просто по-человечески, не говоря уже о чем-то наболевшем.

Вы же, плюс ко всему вышесказанному, открыли мне Рембрандта, раскрыли по-настоящему Домье и многих-многих других, которых нет смысла сейчас перечислять. А главное, научили не просто восторгаться красотой натуры, модели, но и задумываться над тем, что же за ней стоит (отсюда и начало моего психологического портретного творчества).

Позже уроки жизни были взяты у Ваших родителей, особенно у Моисея Борисовича. Общение с ними было единственным кислородом за более чем двухлетний период моего одиночества в Таллинне. Наверное, мало кому так везет в жизни, как мне. Ведь именно годы учебы и общение с мудрыми людьми формируют человека, художника как личность. Вечная им память. Еще и еще раз огромное спасибо.

Зитерова сама вышла на нас, и я лично говорил с ней по телефону. Разговор был конкретным и, может быть, несколько жестким. Она без проблем согласилась на три с половиной тысячи евро. Обещала в ноябре приехать в Таллинн и здесь напечатать монографию (там у нее нет кириллицы).

Мне бы хотелось отправить Вам статью электронной почтой, и, если у Вас будут какие-то замечания, я не постесняюсь ей высказать.

Огромный привет Фриде Абрамовне и всей Вашей семье.
Всегда с уважением
Ваш Рафаэль
19 октября 2004 года

Дорогой Рафаэль!
На этих днях я был несколько свободней и мог расправить крылышки. Прилагаю текст обещанного «напутствия». Если Вам хочется видеть там еще нечто важное, скажите мне, не стесняюсь, и я подумаю, как это сделать.
Привет сердечной сыну.
Ваш ББ
19 октября 2004 года

Дорогой Рафаэль!

Я рад возможности написать несколько напутственных слов для этой книги. Из моего нынешнего далека мне удобней было выбрать форму письма. Это не анализ, не монографическая статья, это личное послание, адресованное Вам, но открытое для всех. Вот оно.

Я не решаюсь назвать себя Вашим учителем – настоящими наставниками для Вас были другие: Ян Варес, Олав Мянни, Мартин Сакс; это они Вас учили тому, чему возможно научить будущего художника. Но я читал Вам свои курсы, как и многим другим; скольким – не могу сосчитать, ясно, что за сорок с лишним лет должно набраться немалое число. Я это говорю к тому, что вспомнить даже по именам сейчас могу далеко не всех. Многие, вероятно, забыты незаслуженно. Но некоторые, сравнительно немногие и яркие, остались в памяти. Еще меньше тех, с кем после окончания института установились долгие и теплые отношения уже иного качества – коллегиальные и, если по-простому, человеческие; их можно перечесть по пальцам одной руки. Вы – из их числа.

Сказанное относится и к студенческим работам, курсовым и дипломным. Недавно я вспоминал о дипломной работе Володи Ворошилова, впоследствии – знаменитого создателя телевизионной игры, уже, увы, покойного. Могу вспомнить еще две-три, и среди них – Вашу. Это был проект памятника жертвам одесского гетто; Вы приходили ко мне советоваться, когда идея только начала получать осязаемую форму. Конечно, я сейчас плохо различаю очертания проекта, но в этом раннем выборе мне видятся такие черты характера, которые определили в дальнейшем многое в Вашем жизненном и творческом поведении. Надо ли напоминать, что дело идет о временах, когда упоминания о систематическом истреблении евреев вызывали партийно-правительственное раздражение, да и само слово «еврей» лучше было не произносить. Был ли Ваш проект актом бунта, который позднее получил название диссидентства? Не знаю. Думаю, что это было нечто иное и, может быть, большее: манифестация внутренней свободы. Вы – так мне кажется – были не за, это уж само собой разумеется, но и не против антисемитской политики партии. Вы ее просто не замечали, не желали о ней знать. Вы знали о трагедии, и для Вас существовали только две проблемы – истины и справедливости. Такими, какими Вы – Вы лично – себе их представляли. Со временем эти представления могут меняться, опыт, приносимый возрастом и историей, заставляет нас корректировать свое понимание мира. Ваш случай – не исключение, но для Вас первичный принцип остался без изменений. Я бы назвал это выпадением из контекста. Такое бывает с пророками, с праведниками, с донкихотами, с художниками; масштаб может быть любой, а принцип один: я не спорю с веком, я его не замечаю.

Я знаю, что в этом месте Вы захотите мне возразить. Вы напомните мне, что первый проект, дипломный, был горячим откликом на одну из позорных трагедий века, что за ним последовали другие, не менее искренние и страстные. И я с Вами тут же соглашусь. Более того, добавлю я от себя, – вещи, которые на отстраненном языке теории принято называть политически и морально ангажированными, составляют бóльшую половину Ваших скульптур. Период после 1985 года, особенно продуктивный, оказался и в этом отношении наиболее напряженным. Я понимаю, тогда сошлось в одно множество причин, и первая из них – грандиозная историческая ломка. Она позволила переоценить пережитое и переживаемое и наконец сказать во всеуслышание о том, что давно было понято, и о том, что происходило или становилось ясным сейчас, сию минуту. Да и времени для творчества, для размышления «с резцом в руках» у Вас оказалось поболее, чем когда-либо раньше. Все вещи этого ряда мне не перечислить, их воспроизведения читатель увидит на страницах этой книги. Вот лишь несколько напоминаний, выбранных наудачу: «Застенок» (дерево, 1985), «Тяжкие годины. 1937 г.» (гранит, 1986), «Мертвая дорога. Салехард-Игарка» (дерево, 1989), «Страничка истории моего народа. Карабах» (дерево, 1990), «Еще одно забытое

яичко» (дерево, металл, 1995), «В зловещем круге» (дерево, металл, 1996)... Так вот, именно это качество Вашей натуры заставляет меня повторить слова о выпадении из контекста.

Я попробую пояснить свою мысль.

Каждый из нас связан со своим временем по многим измерениям или, иначе сказать, включен во множество контекстов. Когда я упоминал о Вашей дипломной работе, речь шла о выпадении из идеологического контекста. Но для художника по профессии и по призванию – а Вы полностью принадлежите к этому типу – доминантным остается художественный контекст. Трудно представить себе более деформированную ситуацию, нежели та, в которой оказались Вы; перефразируя Эйнштейна, можно было бы сказать, что Вы попали в искривленное пространство. Окончив Институт, Вы формально стали «советским художником», ибо несоветских в стране не было и быть не могло, даже диссиденты и подпольные художники были советскими – а не какими-нибудь – диссидентами. В качестве советского скульптора Вы возвращаетесь в родной Баку и там встречаетесь лицом к лицу с реальностями художественной жизни победившего и размягченного соцреализма – двуличием, продажностью и цинизмом. «Служенье муз» в такой форме Вам настолько претит, что Вы в конце концов перебираетесь в Таллинн. Искусство Эстонии в то время, естественно, принадлежало к многообъемлющему телу советского искусства, но с заметными – и все более заметными – отклонениями в сторону большей свободы и профессиональной ответственности. Отсюда было куда виднее, что за стенами «лагеря социализма», а кое-где – и внутри стен, судьбы искусства складываются радикально иным образом; отблески западного опыта являлись и здесь. Не помню, как я преподносил вашему курсу историю искусства XX века, но помню точно, что где-то с середины шестидесятых годов мы стали читать студентам отдельный обширный курс современного зарубежного искусства и, вопреки установкам Академии художеств СССР, нами руководившей, речь в этом курсе не шла об «упадке и разложении буржуазного искусства», вовсе нет; мы обсуждали совсем другие проблемы. При этом естественной чертой нашей ситуации было двухцветное видение: чем несносней становились узы соцреализма, тем прекрасней рисовалось положение дел в художественной культуре Запада и тем более хотелось влиться в свободно текущий поток авангардов. В условиях Эстонии такое становилось возможным еще задолго до распада империи – тут открывалась перспектива, которую Вы не могли не заметить!

Стоит более или менее последовательно пересмотреть Ваши работы, чтобы увидеть, как в этом многополюсном пространстве Вы выстраивали собственную линию творческого поведения. Зная о художественных событиях и идеях «здесь и там», Вы не отказывались брать уроки везде, где это казалось Вам уместным и необходимым. Этим я могу объяснить многостильность Вашего творчества – от поэтического реализма (в котором заметны следы эстонской скульптурной традиции) до драматической экспрессивной деформации, от патетической «прямой речи» до замысловатой, переливающейся смыслами, символики, от стилистически упорядоченной целостности до намеренной множественности зрительных кодов в пределах одного произведения. Такая игра со стилями делает Вас кандидатом на производство в постмодернисты, которое было бы уместно тем более, что Ваша творческая зрелость и пик продуктивности приходятся как раз на то время, когда постмодернизм был объявлен наступившим и, более того, вошел в силу. Но я бы Вас в постмодернисты не зачислил, поскольку и тут Вы сохранили безусловную независимость и верность себе.

Говоря наиболее общим образом: искусство «после авангарда» перестало быть «искусством выражения» – в самом широком значении слова. Место выражения любого рода, от экспрессии душевных состояний и до деклараций о персональном видении и интерпретациях мира, заняли изобретение и остроумие, а также бесконечные рефлексии по поводу самого искусства. Отчуждение произведения от личности представляется идеальным творческим принципом. Герхард Рихтер, которого считают первым художником современности (есть такой счет), говорил об одной из своих серий («Серая живопись»): «Серое есть резюме не-утверждения, оно не провоцирует чувства или ассоциации... Как никакой другой цвет, оно подходит для иллюстрации «ничто». Для меня серое есть единственный возможный эквивалент безразличия, отказа утверждать что-либо, отсутствия мнения, отсутствия формы».

Так вот, этот разрыв между персональной субъективностью и художественным высказыванием, столь характерный для современной ориентации художества, абсолютно, идиосинкратически чужд Вашей натуре. Именно здесь, в этой точке, Вы снова выпадаете из контекста, сохраняя незыблемую и органическую для Вас связь между личностью и искусством как персональным посланием. Попросту говоря, когда я смотрю на Ваши произведения, я, разумеется, прежде всего вижу форму, которую Вы дали инертному материалу, из нее я вычитываю смыслы, которые

в нее вложены, а сквозь форму и смыслы я вижу, слышу, понимаю Вас.

Я уже сказал, что в центре Вашего мира утвержден неизменный моральный императив – центральная ось, организующая порядки мира и удерживающая его от распада. Но Вы – художник, мастер, и потому Ваше творчество никак не свести к пуританскому морализаторству. Ваше высказывание свободно. Вы знаете, что без игрового начала искусства не бывает. Отсюда – Ваш вкус к игре-борьбе с материалом, который выразился прежде всего в скульптуре, а теперь, в весьма зрелом возрасте, привел Вас, скульптора до мозга костей, к испытанию себя в новых для Вас медиумах – живописи и рисунке. Отсюда – Ваша игра формами, стилевыми контрастами, отсюда – понимание юмора пластики. Отсюда, наконец, – свойственная Вашим работам высокая игра смыслов, семантические мерцания, соблазняющие зрителя возможностью многих и разных прочтений...

Примерно полвека назад Андре Мальро, соблазненный перспективами репродуцирования, описал идеальный образ «воображаемого музея» (или «музея без стен»), вмещающего в достойных воспроизведениях мировое художественное наследие. Репродукции Ваших работ, собранные вместе под этим переплетом, должны стать Вашим персональным «музеем без стен». Я от души желаю, чтобы очередь его заинтересованных посетителей долго не редела.

Ваш Борис Бернштейн
Маунтен Вью, Калифорния. Октябрь 2004 года

Дорогой Рафаэль!

Я очень рад, что Вы довольны. Еще я рад, что история с Нинель подходит к благополучному концу, я был очень огорчен первоначальным поворотом событий.

Ваше письмо, честно скажу, меня растрогало, многое вспомнилось. Мы помним, как Вы заходили к моему отцу – и если он поддерживал Вас, то Ваше внимание, интерес и уважение поддерживали его, я это знаю точно!

На днях я вышлю Вам небольшую книжечку моих воспоминаний об отце и его деле, она вышла в Питере маленьким тиражом, но текст был опубликован в журнале «Таллинн», в питерском педагогическом журнале, в двух журналах здесь, в Штатах, и в интернетском журнале...

Напомните мне, пожалуйста, для этого дела Ваш почтовый адрес и держите нас в курсе событий вообще.

Арегу – сердечный привет. Фрида А. кланяется.

Ваш ББ

20 октября 2004 года

Дорогой Борис Моисеевич, здравствуйте!

Ваша книга об отце всколыхнула и мои воспоминания о Ваших родителях, и я решил поделиться с Вами некоторыми из них, наиболее запомнившимися.

*

В 1963 году, когда только-только появились первые эскизы к будущей дипломной работе на тему еврейского гетто в Одессе, Вы как-то подошли ко мне и, улыбаясь, сказали, что со мной хотел бы познакомиться Ваш отец. Назвали адрес проживания родителей, добавив, что мне будет интересно с ним, так как это очень неглупый и интересный человек. На следующий же день я нанес визит Вашим родителям и, действительно, так все и оказалось.

Моисей Борисович попросил меня сесть напротив него у окна, объясняя, что только так он хоть как-то в состоянии разглядеть очертания моего лица. Я молча выполнил его просьбу. Затем последовал вопрос:

– Скажите, Рафаэль, что заставило вас взяться за такую, в общем-то, неблагодарную тему?

Я ответил, что прежде всего тема незатасканная. Я почти не знаю скульптур, выполненных на эту тематику. Где-то она перекликается с геноцидом, организованным турками против армян, когда убивали только за то, что родился армянином, да и потом, для еврейского народа сама цифра чудовищная, шесть миллионов ни в чем не повинных людей.

– А вы не боитесь, что у вас могут быть осложнения с экзаменационной комиссией, да и вообще в дальнейшей вашей судьбе художника? – спросил Моисей Борисович.

– Боюсь, – ответил я, – но не настолько, чтобы отказаться от задуманного. Ведь второго такого случая, когда тебе предоставляют мастерскую, оплачивают модель и при этом – целый год относительной свободы, может больше не представиться. И, в конце концов, трагедия еврейского народа мне не чужда, я вырос среди евреев, знаю их чаяния, характеры, психологический настрой. И кто-то же должен когда-нибудь осветить эту тему в

изобразительном искусстве! Пусть этим художником буду я. Если всего бояться, то и скульптором не надо становиться.

Очевидно, последние мои слова вызвали сильное волнение у Моисея Борисовича, потому что он с дрожью в голосе почти выкрикнул мне:

– Вы знаете, Рафаэль, я уже стою одной ногой в могиле, а вы мне дарите вторую жизнь!

С этого и началась наша дружба.

*

Борис Моисеевич! Возможно, что воспоминания где-то будут и печальными, жизнь была такая, ну что же, поскорбим вместе, с некоторых пор я не стесняюсь своих слез и считаю их слезами очищения.

После защиты диплома я через полтора года вернулся в Таллин и сразу же посетил Ваших родителей. И начались долгие беседы с чаепитием. Я был один. Жена доучивалась в Баку, а Моисей Борисович и Эсфирь Григорьевна были единственными людьми, которые меня слушали и понимали. Плюс ко всему я подспудно чувствовал, что разговариваю с последними из людей, принадлежащих к той, дореволюционной интеллигенции и мне, молодому человеку, надо бы как можно точнее запоминать все, ими сказанное. Что я и делал.

*

– Моисей Борисович! А как вы познакомились с Эсфирь Григорьевной? – спросил я.

– О-о! Я был шалопаем. Это она была из хорошей семьи. Они жили хорошо. Вон ее и музыке учили.

И вдруг Эсфирь Григорьевна говорит:

– А помнишь, как ты однажды напился и, возвращаясь домой, я почти несла тебя на своем плече?

– Было дело. Мы жили на Севере, и нас пригласили в гости, а там мне все время подливали водку в стакан и я действительно не рассчитал и напился, но это было только раз в моей жизни.

– Моисей Борисович! А как вы провели годы эвакуации?

Тут внезапно вступает в разговор Эсфирь Григорьевна.

– Мы, Рафаэль, долго блуждали и, в конце концов, оказались в Средней Азии. Чтобы Борис Моисеевич не отставал от школьной программы, мы отправили его в местную школу в ка-

ком-то селе. Там был такой учитель, что Боря знал больше него.

Вступает в разговор Моисей Борисович и тоже отвечает на мой вопрос:

– А потом меня вызвали на Север, и я довольно долго там работал на заводе. Должен сказать, пользовался большим уважением. Был такой случай, когда среди заводских работников зашел какой-то нелестный разговор по поводу евреев, но тут раздались голоса в коллективе, чтобы Бернштейна к ним не причислять.

– Так, почему же вы не захотели вернуться в Одессу? – спросил я.

– Попытаюсь вам объяснить, – ответил Моисей Борисович. – Одессу я нашел совсем другой, чем когда оставлял ее. В доме, где мы жили и работали, устроилось КГБ. Многие из прежних знакомых исчезли, и, самое главное, к еврейской доле я не видел сочувствия ни со стороны властей, ни со стороны населения. Позже мне сказали, что в моем кабинете допрашивали моих соотечественников. Я не захотел ходить по одесским улицам, где мне все это напоминало. Это было тяжело для меня. И вообще, Рафаэль, я прихожу к заключению, что человечество, очевидно, должно кого-то ненавидеть, вот этим кто-то и оказались евреи.

Как-то раз, зайдя к Вашим родителям (а я всегда приходил без предупреждения), я встретил уходящую девочку-чтицу. Моисей Борисович пояснил:

– Да, читает мне газеты, журналы, но я и сам пишу. Мне посоветовали написать о моей деятельности, связанной со школой для еврейских детей (о том, что Вы это посоветовали, он почему-то мне не сказал). Я знаю, что сейчас это никому не нужно, но пройдет лет двадцать, тридцать, может понадобиться, да и надо же мне как-то заполнить свое время. Ведь человеческая жизнь, Рафаэль, состоит из деятельности и досуга. А я только и помню, что утром надевал штаны, вставая с постели, а вечером снимал их перед тем как лечь в постель. Вот и все. А сейчас я слепой, и мне некуда себя девать, и нечем занять свою голову.

– Рафаэль! Расскажите немного о себе. Вы, армяне, те самые горцы, о которых говорили во времена моей молодости? Кто ваши родители, чем они занимаются?

– Те и не те. Я думаю, что во времена вашей молодости больше говорили о северокавказцах, которые долго противостояли России. Мы, армяне, противостояли туркам, персам – кому мы только не противостояли! – а Россия, наоборот, помогала нам. Но черты общие, конечно, есть у всех горцев.

Кто мои родители? Мать была детским врачом, отец был чекистом, а сейчас – простой служащий. Сестра – филолог. Вот вчера получил от нее письмо. Пишет, что соседка-казачка вот уже много лет держит кур на чердаке, где мы развешивали выстиранное белье для просушки. Правда, осталась только одна курица из целого выводка. И сколько отец ни предупреждал ее, что это не дело, что война давно миновала и яйца можно купить в магазине и на рынке, что незачем держать кур в городских условиях, да еще там, где люди сушат чистое белье (ведь она летает, поднимается пыль и, в конце концов, курица гадит на свежевыстиранное белье). Все без толку.

Как-то раз, зайдя на чердак и увидя загаженные наши простыни, отец поймал курицу, отрубил ей голову и бросил соседке на кухонный стол. Та, придя с работы и увидев зарезанную курицу, тут же догадалась, чьих это рук дело, принесла обезглавленную птицу и тоже бросила на наш кухонный стол. Отец недолго думая бросил ее в кастрюлю, сварил и съел. Вот вам и характер кавказца-горца.

Последовал долгий беззвучный смех Моисея Борисовича, а в промежутках он несколько раз повторял:

– А он бросил ее в кастрюлю, сварил и съел.

Но однажды, зайдя к Вашим старикам, я с порога увидел, что Моисей Борисович чем-то расстроен. Разумеется, ни о чем не спрашивая, я стал рассказывать про свои дела, про то, как мне приходится нелегко на работе среди работяг, не только ничего не понимающих в искусстве, но в последнее время взявших в привычку посмеиваться надо мной в связи с тем, что все свободное после работы время я посвящаю скульптуре, а не халтуре с надгробиями, т.е. не делаю деньги, а занимаюсь пустым делом. Закончил я свой диалог фразой: непросто интеллигентному человеку быть простым каменотесом.

На что Моисей Борисович возразил, что есть интеллигенты, так до конца и не ставшие интеллигентными, и рассказал мне недавнюю историю.

– Вы знаете, Рафаэль, я переписываюсь с некоторыми из своих бывших учеников в связи с той книгой, которую сейчас пишу. Написал я одному из них, и он мне ответил. Он, конечно, уже немолодой человек, ему шестьдесят четыре года, доктор математических наук, и ответил он мне очень вежливым и теплым посланием, о многом вспомнив из нашей той жизни. Но в самом конце приписал «Всегда помню Вас...» и расписался именем и отчеством.

С большой горечью и досадой в голосе Моисей Борисович произнес:

– Не понимают, что для нас они всегда остаются мальчиками в коротких штанишках.

*

Еще помню – как-то в разговоре я спросил его, что он думает о моих делах. Почему меня то и дело гонят с выставок? Ведь я никакой не антисоветчик, более того, люблю свою огромную Родину и уважаю правительство, не то что некоторые из моих коллег, а получаю больше всех по мозгам (вспоминая, удивляюсь своей наивности – вот что значит молодо-зелено!).

Моисей Борисович несколько странно посмотрел в мою сторону и вдруг спросил:

– Мне сказали, что вы занялись абстракцией, правда ли это?

Я ответил утвердительно. И тогда он поинтересовался, с чем это связано? Я стал объяснять тогдашнее свое душевное состояние, делая акцент на том, что традиционных художественных средств, приемов в искусстве мне стало не хватать для выражения моих переживаний. И вдруг с его стороны последовал неожиданный вопрос, читал ли я Кафку? Я ответил, что слышать слышал, но не читал.

– А вы знаете, Рафаэль, ведь этого человека долгое время никто и нигде не хотел печатать, а сейчас его считают родоначальником целого направления в литературе!

На следующий день я пошел в библиотеку и взял домой Кафку.

*

А вот еще. В одной из наших бесед я спросил его напрямик, доволен ли он тем, как сложилась судьба у Бориса Моисеевича. И он ответил:

– Сейчас его ласкают. Везде и всюду посылают, но я за него очень боюсь. Ведь он преподает, а студенты задают вопросы, и ему надо ответить так, чтобы не исказить истинное положение вещей и в тоже время не навлечь на себя беду со стороны вышестоящих органов. А это очень непросто. Я очень боюсь за него.

– Но ведь студенты и художники и сами что угодно обсуждают между собой, – возразил я. – Тогда надо посадить всех.

Ответ был довольно лаконичным:

– Говорить могут все, а сажают избранных. Ах, Рафаэль, я вас уверяю, Россия никогда не станет Ватиканом коммунизма. Вы увидите это сами, надеюсь.

*

Как-то Эсфирь Григорьевна мне призналась:

– Мне очень обидно, Рафаэль, что Борис Моисеевич не стал пианистом. Война помешала. Я ведь учительница по музыке, я знаю. Конечно, Фрида хорошая пианистка, она много работает, но Боря – совсем не то. У него были большие способности, я-то знаю. Если бы не война...

Ответ мой был по-юношески горячим:

– Ну о чем вы говорите, Эсфирь Григорьевна?! Вы только посмотрите, какая это голова в нашем деле. Может он и был бы очень хорошим пианистом, но ведь таких искусствоведов в Союзе по пальцам пересчитать! Вы знаете, что у него есть в отличие от других? Нюх!! Особый нюх на произведения искусства!

Ответом на мою горячность была мягкая, благодарная улыбка.

В это время постучалась и зашла соседка с холодным славянским лицом, как у манекена. Произошел какой-то недолгий разговор с Вашей мамой, и когда она ушла, Эсфирь Григорьевна сказала:

– Недавно она (соседка) отчитывала меня за то, что я не мою коридор. А я ей ответила, что мою, и вообще в другом обществе женщину моих лет могли бы освободить от подобных обязательств.

А я тогда подумал: Господи! Ведь не знают, суки, с кем рядом живут! Им бы этих стариков на руках носить, а они их отчитывают за что-то.

И кажется, что-то бросил в адрес соседей.

На что Моисей Борисович ответил:

– К ним мы уже как-то притерлись за столько лет, а если менять квартиру, опять надо как-то притираться к другим соседям.

Мне подумалось: вот она – мудрость. Но судя по тому, что Эсфирь Григорьевна стала еще усерднее угощать меня чаем, было ясно, что моя реакция ей понравилась.

*

Также помнится, однажды, в беседе о дореволюционной и революционной эпохе, я спросил у Вашего отца:

– Моисей Борисович, а как выглядели казаки?

– Мне они запомнились эдакими губастыми парнями с этим их улюлюканием и свистом, а вообще все они были грабителями. Читайте Бабеля, там все довольно близко к истине. Конечно, его почти не печатали, пока жив был этот усач-Буденный, но путевку в жизнь ему дал сам Горький.

– А каково было Борису Моисеевичу на военной службе? – спросил я.

– Ему было нелегко, хотя, мы благодарим судьбу за то, что она сохранила его для нас, но сами понимаете, Рафаэль, быть среди них с их пристрастием к водке, да еще с этими их боевыми подругами....

*

Навещая Ваших родителей, я всего один или два раза видел какую-то женщину-еврейку, которую впоследствии Моисей Борисович назвал приживалкой. И как-то я спросил его, почему он не общается с соотечественниками, ведь здесь в Таллинне есть синагога, и посещают ее как верующие, так и неверующие евреи, просто чтобы пообщаться. На что Моисей Борисович, несколько замявшись, ответил, что, кажется, у него мало чего с ними общего, кроме национальной принадлежности.

Сейчас, когда журналисты задают мне тот же самый вопрос, я отвечаю им так же: «У меня мало чего с ними общего».

*

Наконец пришел день, и я дождался свою жену Ирину, приехавшую ко мне в Таллинн на постоянное жительство, и мы вместе стали навещать Ваших родителей.

Но со временем она начала испытывать некоторую неловкость в присутствии этих старых, умудренных жизнью и опытом людей, и все больше и больше отпускала меня к ним одного, аж до самого рождения нашего ребенка – сына Арега.

С рождением Арега жизнь так закрутилась и завертелась, что не хватало времени даже для сна, не то что по гостям ходить. Ведь два года я работал один, а надо было платить и за кооперативную квартиру, и за мастерскую (и тут сдирали немало), и кормить семью, и доставать молоко, так как у Ирины оно кончилось на третий день после родов, да еще и умудриться что-то подготовить к выставке. И все это я делал, зарабатывая

на сдельщине. Уставал зверски, но тем не менее хоть изредка, но навещал Ваших родителей.

Однажды Эсфирь Григорьевна спросила меня, где мы пеленаем ребенка. Я ответил, что на том же диване, на котором спим сами (тогда мы еще жили в мастерской). Она была удивлена и посоветовала нам найти совершенно отдельное место, вспомнив, что Вас, Борис Моисеевич, она пеленала на специально предназначенном для этого столике. Вмешался Моисей Борисович и несколько раздраженным тоном напомнил ей:

– Ну, что ты говоришь? Где им найти такое место в их-то тесноте?

И тогда Эсфирь Григорьевна рассказала одну историю из Вашего детства.

Как-то Вы заболели, и врач порекомендовал энное время находиться в совершенно темной комнате, естественно – с Вашей мамой.

– Все мы там делали в кромешной темноте, – рассказывала Эсфирь Григорьевна, – мылись, ели, двигались, говорили. Помнится, укладываю я Борю спать, а он привык, засыпая, держать мою руку в своей ручке. Только я хочу осторожно вынуть руку, думая, что он уже уснул, как слышу: «Дай ючку!» Вы знаете, Рафаэль, это было самое счастливое время в моей жизни. Нам никто не был нужен – только я и мой маленький Боря.

Я слушал и думал, что это истинное счастье Матери с большой буквы. Где еще такое услышишь?

*

Знаю, что время от времени Моисей Борисович предпринимал какие-то попытки перебраться поближе к Вам по месту жительства, т.е. обменять свою квартиру на какую-нибудь в Мустамяэ, но все было безуспешно. А однажды он попросил меня сопроводить его на прием к чиновнику Макухе, от которого это зависело, что я и сделал. Но и это не помогло. И тогда он спросил меня, не мог бы я предложить Макухе попозировать мне для скульптурного портрета с тем, чтобы как-то расположить его к себе. Помню, это вызвало у меня улыбку, и я сказал Моисею Борисовичу:

– Это будет выглядеть наивно.

– Почему? – удивился он.

– Да потому, что не такой уж он дурак и сразу поймет, что к чему. Плюс ко всему меня как скульптора его физиономия совершенно не интересует, а значит, и портрет не получится. И,

наконец, если бы ему хотелось иметь свое скульптурное изображение, неужели вы думаете, что он позировал бы (а это длительный процесс) совершенно неизвестному скульптору, а не какому-нибудь маститому художнику.

После некоторого размышления Моисей Борисович вынужден был согласиться с моими доводами.

*

Прошло немало времени со времени последнего моего визита к Вашим родителям, и как-то, встретив меня в здании Союза художников, Вы сообщили мне, что скончалась Ваша мама. Помню, что и поездка в Италию у Вас в этой связи сорвалась. Известие о смерти Эсфири Григорьевны очень огорчило меня, и я после похорон стал снова навещать Вашего отца.

– Мне говорят – мужайся. Откуда мне брать эти силы для мужества? – говорил Моисей Борисович.

Сейчас в своем горе я тоже часто говорю себе: откуда мне брать силы для мужества? Хоть я и не слепой, каким был Ваш бедный отец, и гораздо моложе его, но горе есть горе, и оно непомерно. Да, Ваши родители прожили вместе шестьдесят лет, а я с Ириной – без малого сорок, но суть-то разве в количестве совместно прожитых лет? Важно – как прожили. Мы с ней жили целеустремленно, насыщенно. Пусть было трудно и временами у нас были разногласия, но жили честно, без блуда и лжи, без прочих пороков и мерзостей.

– Почему вы не перебираетесь к сыну? Вы старый, больной человек, ведь вам нужна помощь, – спросил я как-то Вашего отца.

– Фрида – очень хорошая невестка, мать и жена, но если она положила на одно место, допустим, щетку, то она хочет ее видеть там, куда она ее положила. А я же слепой, я так уже не могу.

В одно из моих посещений, когда разговор приобретал все более и более грустный оттенок, я задал ему вопрос, которого до конца своих дней не прощу себе. Движимый больше любопытством художника, чем разумом и чуткостью порядочного человека, я спросил:

– Как в Вашем возрасте относятся к смерти?

– Что? – переспросил Моисей Борисович.

И тогда я спросил напрямик:

– Смерти боитесь?

После секундного замешательства Моисей Борисович как-то отрывисто произнес:

– Нет. Нет. Порой схватит меня здесь (рукой показав в область сердца), думаю – вот она. А потом отпускает, – сказал он разочарованно, почти шепотом, а в глазах – слезы.

После похорон Ирины, на ее поминках, уже в конце подходит ко мне школьный товарищ Арега, художник по дизайну (заканчивал наш институт) Валерий Сидорчик и, глядя на меня с сочувствием, спрашивает:

– Рафаэль Суренович, наверное, хотелось бы уйти из жизни вместе, в один день и час?

– Нет, Валера, даже раньше, чтобы не видеть всего этого.

А про себя подумал: вот оно – зло, возвращается, и это справедливо. Бог есть!

*

На поминках Вашего отца (хотя я знаю, что у евреев поминки не приняты) все отогревались в теплой квартире после мороза.

Помню, был Чернов, не шибко уважавший художников, Генс со своей супругой (светлая ей память), кокетливо обращавшей внимание присутствующих на свои полные щеки; какой-то близкий друг Парсаданяна; еще какие-то дамы, которых я не знаю, и Ваша жена и дочь. Вы держались мужественно, а я чуть было не напился, хотя никто и никогда в жизни не видел меня пьяным – старая кавказская закваска.

Вместе с Вашими родителями из моей жизни ушло нечто большее, чем просто беседа с умными и хорошими людьми. Что? Я до сих пор не могу сформулировать это словами, да и не хочу.

Пожалуй, это все, что я хотел Вам рассказать. Извините за столь скорбный конец, но такова уж тема, да и сама жизнь.

Привет Фриде Абрамовне, Лене и внукам.
Всегда Ваш
Рафаэль

P.S. Сейчас подошел Арег и рассказал свежий анекдот. Расскажу и Вам, чтобы как-то развеять печаль.

В троллейбусе один пассажир обращается к другому:

– Будьте любезны, не сочтите за труд, мне никак не дотянуться, пожалуйста, прокомпостируйте мой билет!

Рядом стоящий мордоворот:

– Ха-ха! Мужик, ты шо, интеллихент?

– Ну что вы, что вы! Я такое же быдло, как и вы.

Еще раз привет всем Вашим.
Рафаэль
2 ноября 2004 года

Дорогой Рафаэль!

Спасибо Вам огромное за Ваше письмо-мемуар. Вы меня перенесли снова в комнату на Крейцвальди, где родители провели последние годы жизни, и очень растрогали! К тому же необычайно интересен Ваш взгляд – взгляд со стороны, с другой точки зрения, нежели моя, так я получаю возможность увидеть родителей другими глазами, в другом ракурсе.

Еще у Вас прекрасная память, которая удержала много подробностей!

Одну коррекцию я могу внести: когда мама говорила о моих утраченных музыкальных возможностях, она преувеличила, что вполне объяснимо и простительно для матери. Из меня музыкант и пианист такого класса, как Фрида, не получился бы – у меня был целый ряд дефектов, которые ограничивали мои исполнительские перспективы, я это сознавал давно, сознаю и сейчас. Так что мой выбор гуманитарной профессии не был ошибкой. Хотя я, возможно, был бы неплохим инженером (об этом свидетельствует моя военная специальность и опыт ее преподавания), но здесь я, кажется, оказался на своем месте.

Я совсем заканчиваю свою книгу, осталась шлифовка. Завязались переговоры с двумя солидными питерским издательствами, но они находятся еще в начальной стадии, так что говорить о конкретном решение пока рано.

Как движется Ваша книга-альбом? Держите меня в курсе.

Сердечный привет Арегу!

Ваш ББ

3 ноября 2004 года

Уважаемый Борис Моисеевич,

сейчас мы отдали Ваш текст на перевод: эстонский, английский, немецкий, французский, испанский и итальянский языки, так как хотим сделать отцовскую книгу по-настоящему международным изданием.

В контексте этого мне в редакции порекомендовали поместить в книге также Вашу фотографию. Поэтому я хотел бы попросить Вас прислать мне Вашу фотографию (лучше цветную) в электронном виде. Так как под фотографией необходимо указать не только имя и фамилию, но и все Ваши регалии, прошу Вас перечислить их полностью.

От отца большой привет Вам и Фриде Абрамовне.

С уважением

Арег Арутюньян

23 ноября 2004 года

Дорогой Арег!

Я сейчас нахожусь в Нью-Йорке. Вернусь 1 декабря, тогда и вышлю фото.

Перевод на эстонский, английский, немецкий, французский я бы посмотрел – во избежание неточностей. Если будет возможность переслать на минуту.

Сердечный привет отцу! Успеха!

Ваш ББ

23 ноября 2004 года

Спасибо Вам за ответ. Перевод планируем получить через 3–4 недели. И как только получу, то сразу вышлю его Вам.

Привет от отца.

С уважением

Арег

24 ноября 2004 года

Уважаемый Борис Моисеевич,

я отправил Вам 27.12.04 перевод Вашего напутственного письма и немного беспокоюсь.

Дайте, пожалуйста, знать, получили Вы их или нет.

С уважением

Арег Арутюньян

29 декабря 2004 года

Дорогой Арег, я все получил. Мы пока просмотрели английский текст, он требует корректуры, которую делает моя внучка. Мы сможем так же придирчиво проверить французский и эстонский переводы, для других нет компетентного чтеца.

Эти дни все были очень заняты, дайте нам немного времени.

Привет отцу!

ББ

3 января 2005 года

Уважаемый Борис Моисеевич!

Спасибо за Ваш ответ. Мы сейчас сильно не торопим, по крайней мере, до 20 января у нас есть время.

Однако у меня к Вам просьба. Может ли Ваша внучка дать мне отдельно перечень ошибок, которые Вы нашли, с тем, чтобы я смог определиться в вопросе о дальнейшем сотрудничестве с фирмой по переводам, которая выполняла эту работу.

Наилучшие пожелания от отца Вам и Фриде Абрамовне.

С уважением

Арег

4 января 2005 года

Дорогой Арег, мы попробуем выполнить Вашу просьбу. Однако наказывать фирму я бы не стал: они, как правило, имеют дело с документами меньшей сложности, Это трудный текст, переводчик честно зарабатывает свой хлеб, как умеет, и отбирать у него (нее) этот заработок было бы жестоко; соревноваться с литературно одаренным носителем языка (именно такова наша внучка) ему, разумеется, не под силу...

Привет отцу!

Ваш ББ

4 января 2005 года

Спасибо за ответ, обязательно учту Ваш совет.
С уважением
Арег
5 января 2005 года

Дорогой Арег!
Пересылаю пока эстонский перевод вполне порядочный (маленькая корректура толстым шрифтом) и русский оригинал, где я тоже сделал маленькую поправку. Остальное – в работе (на итальянский и испанский у меня контролера нет, немецкий на стилистику я тоже не могу проверить, только на верность смысла).
Мои чины, если требуется, – доктор искусствоведения профессор.
Отцу привет!
ББ
9 января 2005 года

Арег, вот немецкий текст, за стилистику не отвечаю, по содержанию кое-что подправил и убрал замеченные опечатки.
ББ
20 января 2005 года

Дорогой Борис Моисеевич!
Наконец-то начинаем верстку книги. В этой связи напоминаю Вам о фотографии, которую Вы обещали прислать по приезду из Испании. Уж очень хочется поместить ее на первой странице. Уверен, что весь художественный мир знает Вашу фамилию, но желательно, чтобы знали и в лицо, тем более, что Арег непременно будет посылать книгу чуть ли не во все углы и уголки нашей планеты. Если же по каким-либо соображениями Вы не хотите присылать фотографию (лучше в цвете), мы, разумеется, настаивать не будем, но тогда просьба сообщить нам об этом, чтобы мы не ждали.
Фото других авторов статей (А. Сидорова и журналистки Эммы Дарвис) мы помещать в книгу не планируем.

С г. Зитеровой так и не удалось наладить нормальных отношений, так как она опять взялась за старое, то есть завышает цену, тянет со сроком, проявляет недоверие, настаивает на договоре в свою пользу и т.д. и т.п. Поэтому мы ограничились Вашим напутственным письмом, монографией Сидорова и журналистским очерком Дарвис. Их статьи на иностранных языках будут напечатаны в сокращенном варианте.
Вот, пожалуй, и все. Привет Фриде Абрамовне.
Всегда с уважением
Ваш Рафаэль.
27 января 2005 года

Дорогой Рафаэль!
Прошу прощения, о фотографии я просто забыл – очевидно, от прирожденной скромности. Прилагаю. Прошу прощения, что до сих пор не прислал отредактированные английский и французский тексты – у моей замечательной многоязычной внучки была сумасшедшая экзаменационная сессия, она действительно физически не могла. На днях сделает.
Привет Арегу!
Ваш ББ
28 января 2005 года

Дорогой Рафаэль!
Прошу прощения за задержку, внучка была сильно перегружена, но и возни с текстом было порядочно. Вот он. Надеюсь, что мы Вас не очень задержали с версткой книги.
Получили ли Вы фото? Устраивает ли оно Вас?
Успехов!
Ваш ББ
5 февраля 2005 года

Дорогой Борис Моисеевич!
Все получили, большое спасибо, особенно за фото. На мой взгляд, оно великолепно, но я не профессионал. В среду мы встречаемся с типографией, они выскажут свое окончательное

мнение. Вы там в образе, выглядите отлично, во всяком случае, не старше меня, хотя на самом деле старше на 13 или 14 лет. В 2005 году мне стукнет 68. В случае, если типографские работники будут настаивать на повторном варианте, придется еще раз Вас побеспокоить. (Вы уж извините.)

А вот за переводы на другие языки я по-настоящему беспокоюсь, перепроверить некому, будем ломать голову и над этим.

Привет Фриде Абрамовне и всей Вашей семье, особенно умненькой внучке.

С уважением

Рафаэль

6 февраля 2005 года

Дорогой Борис Моисеевич!

Спасибо Вам огромное! Вы сами знаете, как много для меня значит Ваша оценка, а Арег просто на седьмом небе. Презентация назначена на 19 октября, но мы не можем удержаться и уже читаем послание по телефону всем ближайшим друзьям.

Еще раз благодарю Вас от всей души. Передавайте привет Фриде Абрамовне, детям и внукам.

Всегда Ваши Рафаэль и Арег

4 октября 2005 года

Дорогой Рафаэль дорогой Арег!

Только что получил альбом. Сын создал подлинный монумент отцу!

Что мне представляется особенно важным:

а. отличные репродукции, отражающие все творчество в высококачественной передаче; главное ведь – дать увидеть! Словесные тексты только помогают смотреть. Фотографы молодцы, одного я не знаю, а Сережу Дидыка прошу похвалить от меня!

б. статьи еще не имел времени прочесть внимательно, но первый просмотр показал, что они написаны отлично, с подлинным пониманием и проникновением, которые даются не только с профессионализмом, он-то выносится за скобки, но и с неподдельной симпатией. Поздравляю от души обоих!

Ваш Борис Бернштейн

4 октября 2005 года

Дорогой Борис Моисеевич!

Поздравляем Вас с наступающим Новым годом, желаем Вам и Вашей семье здоровья, долгих лет жизни, радости, получаемой от успехов детей и внуков, творческих успехов, хорошего настроения.

У нас более или менее все в порядке. Арег открыл еще 5 филиалов в Эстонии и один в Киеве. Намечаем выставки моих работ в Пярну и Йыхви, а также персональную выставку живописи в 2007 году в Таллинне, приуроченную ко дню моего 70-летия.

Внучата растут и умнеют. Провели несколько презентаций книги, как в Таллинне, так и по районам, но не могу сказать, что она очень уж расходится. Ну, да и особых надежд на это не было изначально.

А так в целом живем, трудимся и стараемся не болеть, что не всегда получается. Пожалуй, и все новости. Еще раз привет Фриде Абрамовне и всей Вашей семье.

Всегда помним и думаем о Вас.

Ваши Рафаэль и Арег

20 декабря 2005 года

Дорогие Рафаэль и Арег!

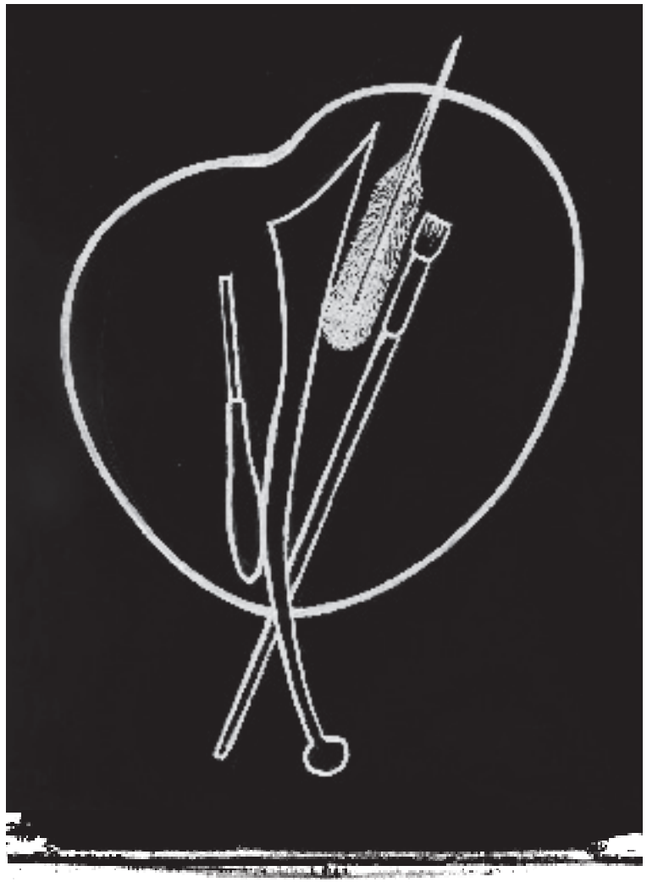
Спасибо сердечное за поздравления и новогодние пожелания. Желаем всему семейству здоровья, успехов и процветания.

Мы тоже в порядке, трудимся в меру сил и времени и надеемся увидеть плоды...

Всего Вам доброго!

Ваши Фрида и Борис Бернштейны

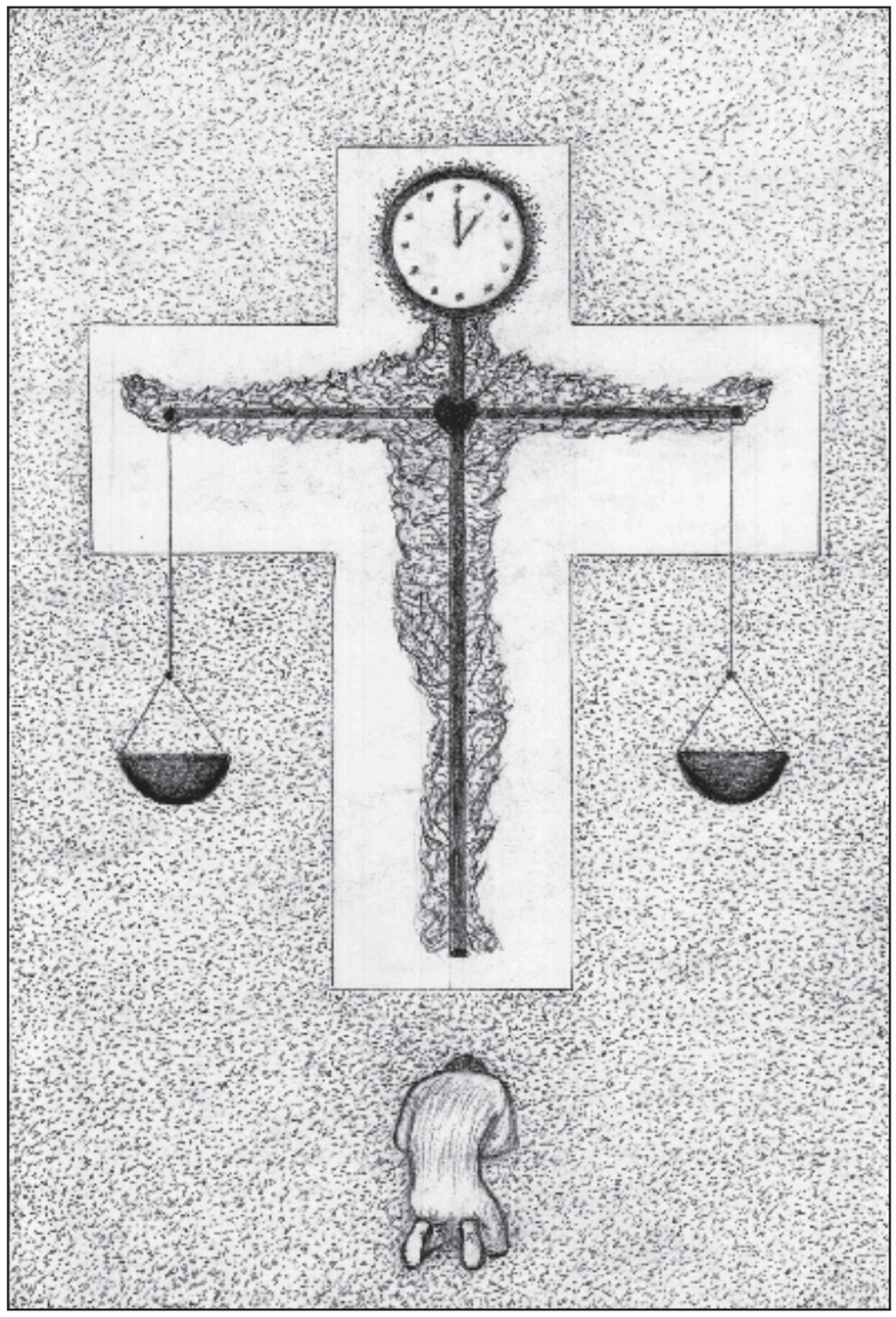
4 января 2006 года

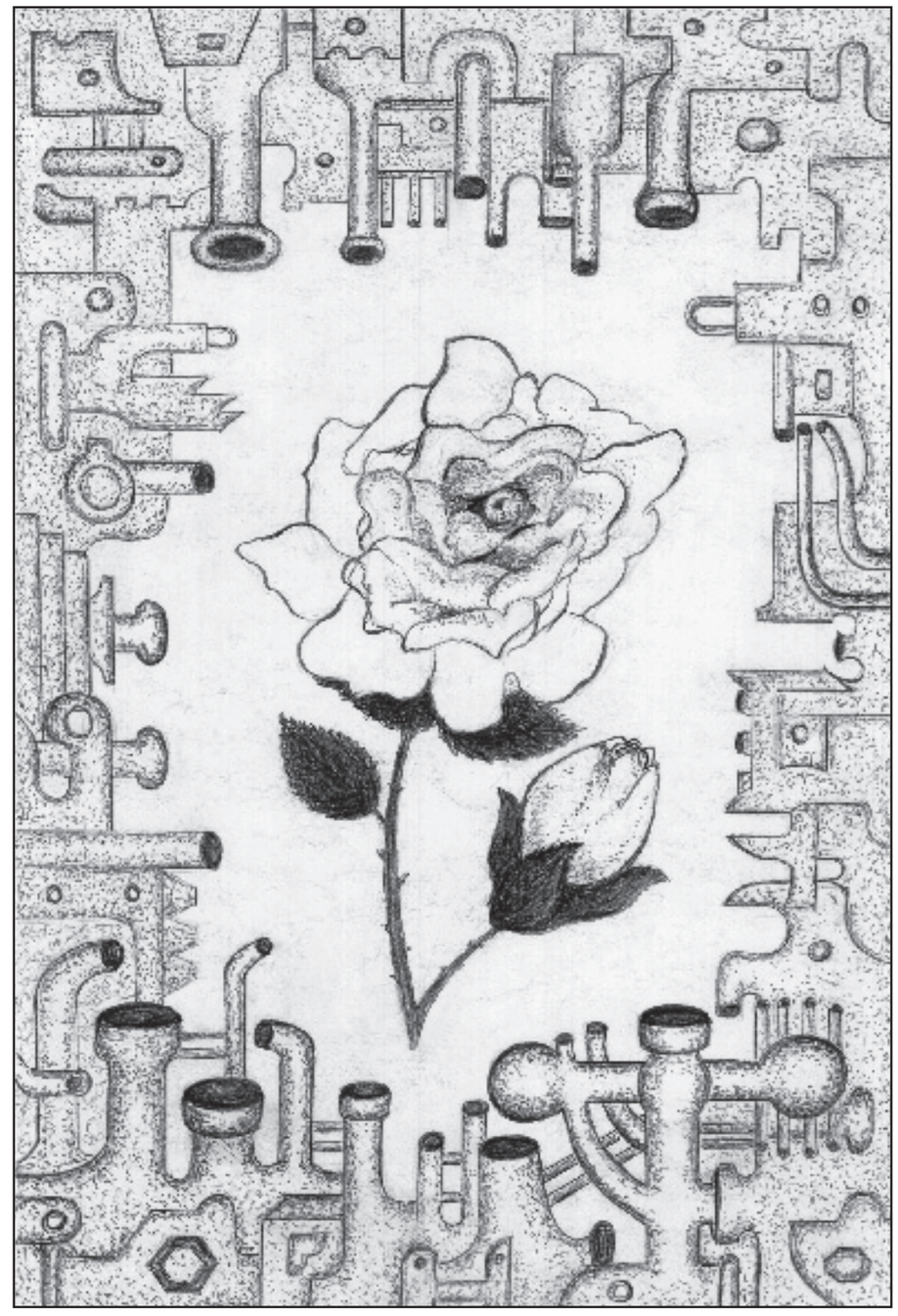


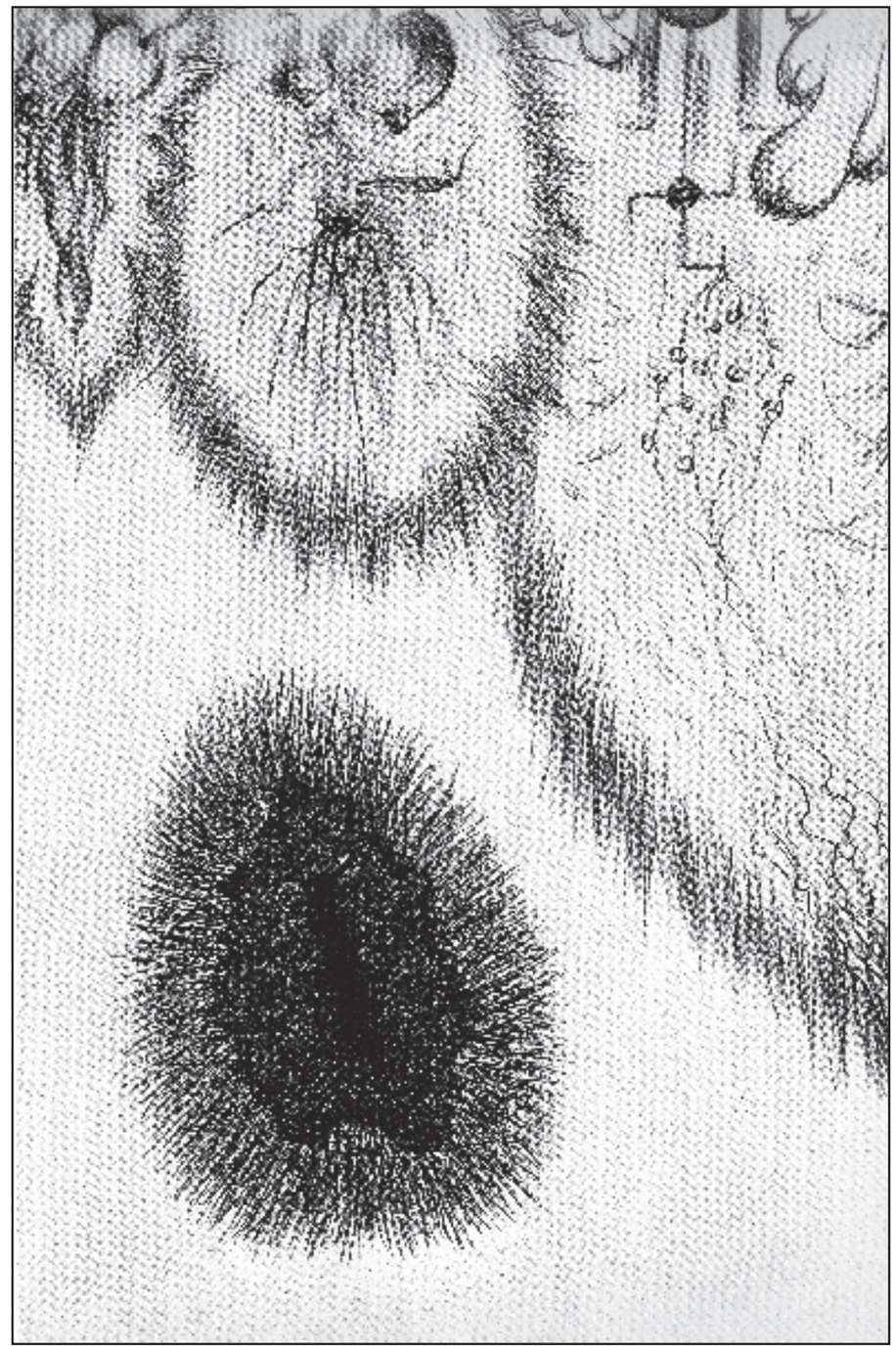
ЛИКИ ГРАФИКИ

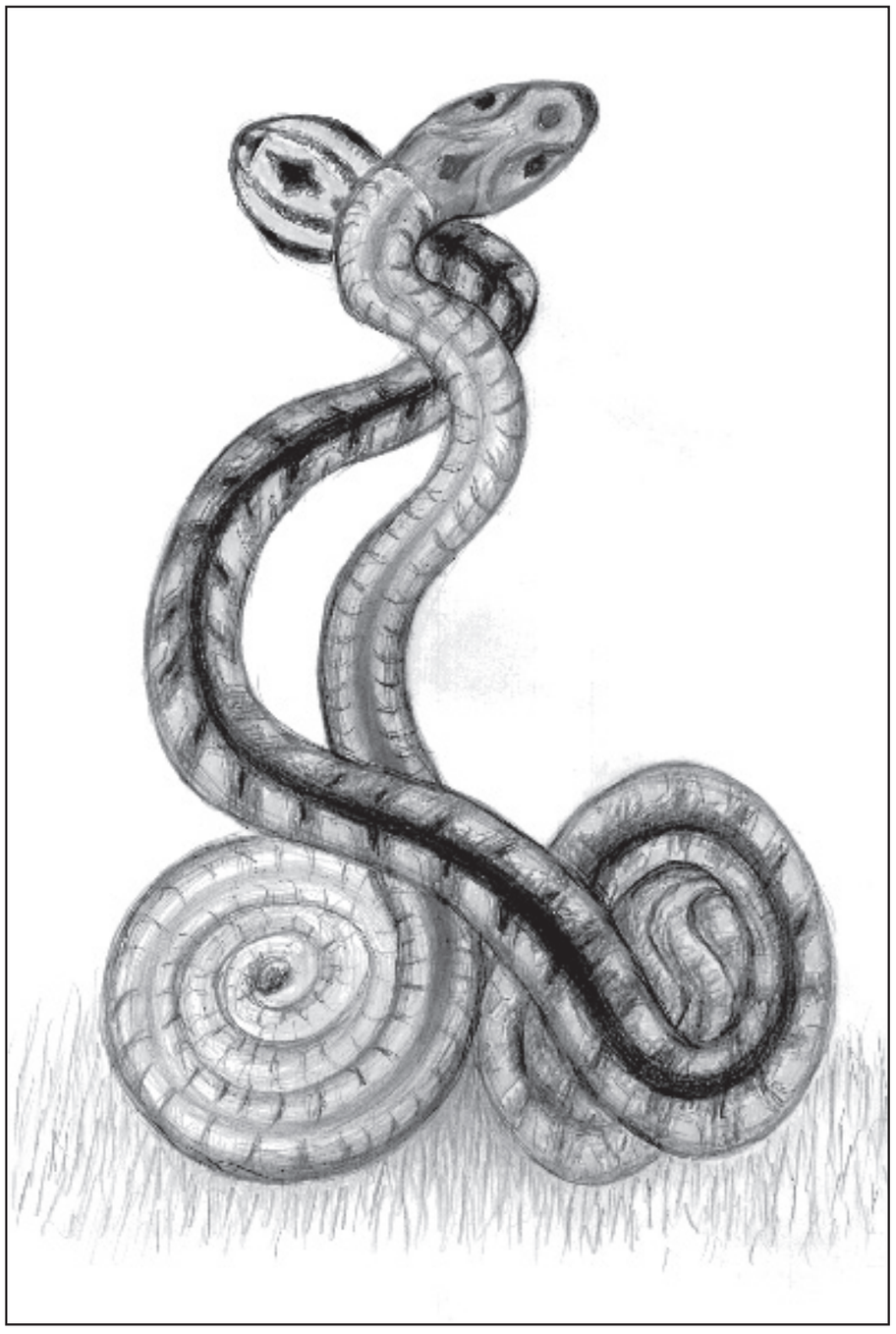
294 время – всему голова
295 белые розы
296 иринушка
297 душа моя – гусеница
298 змеиная любовь
299 во имя жизни
300 дорогой ценой
301 всего лишь легкое прикосновение
302 тяжелы гроздья сердца моего
303 портрет невестки
304 победа
305 жизнь – уносящийся ветром дым
306 чем выше забор, тем лучше сосед
307 всевидящие очи
308 внучка
309 натюрморт
310 на наковальне
311 разруха
312 гнездится жизнь над памятником нашей славы
313 она непобедима
314 живущие в моей памяти
315 медведь
316 лошадь и жеребенок
317 сильный всегда прав
318 звериный оскал
319 война
320 эротика леса
321 дитя святое
322 бегемот
323 горилла
324 музыка небес
325 противостояние
326 доисторическое животное
327 засвеченный сюжет
328 у всех одно и то же
329 песни хулио иглесиаса
330 гауди
331 муза и дали
332 унесенные звуки
333 надежда на просвет
334 загадочная энергия вселенной
335 голова иоанна крестителя

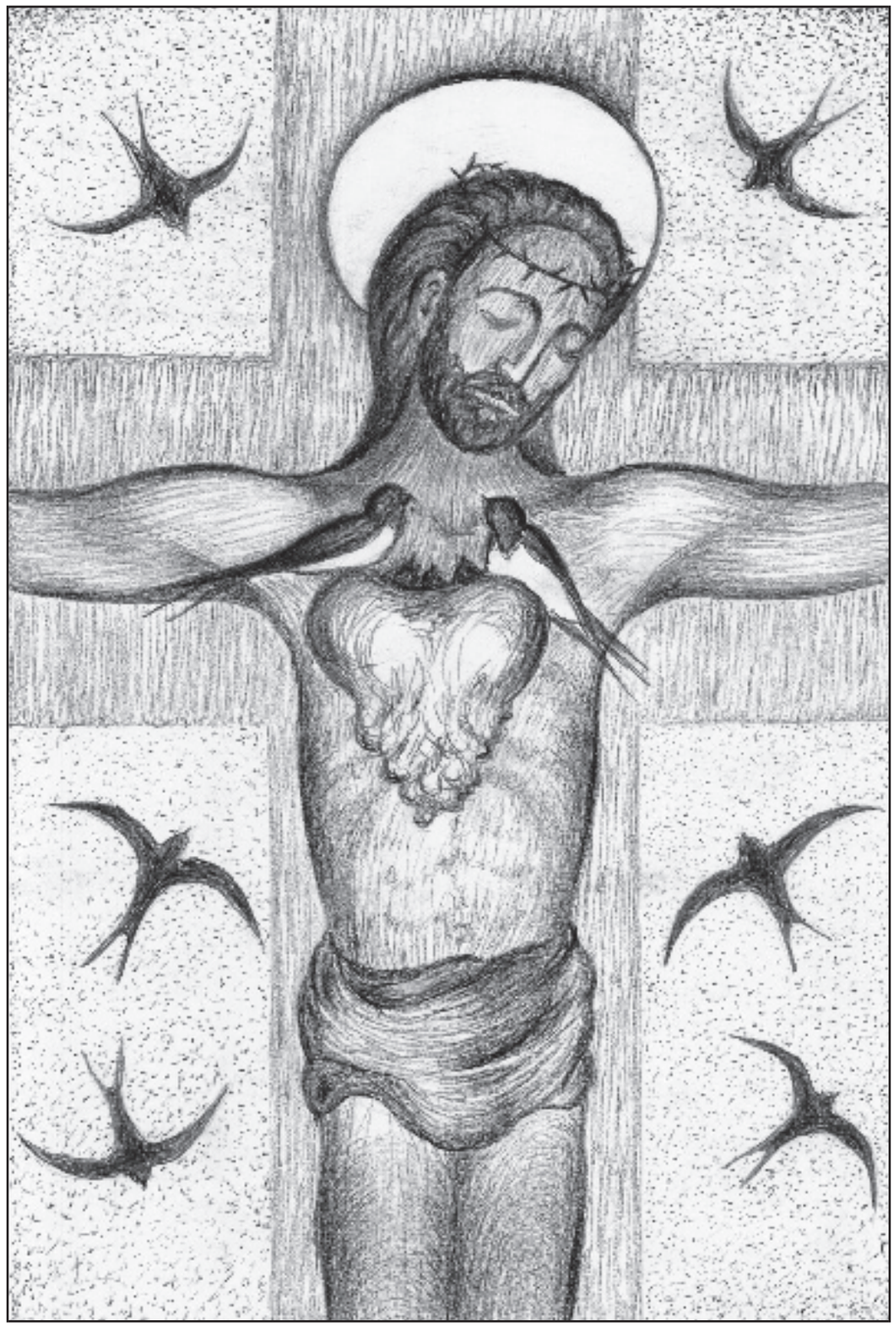
336 песни демиса руссоса
337 археологические раскопки
338 гуманитарный коридор
339 игра на арфе
340 в капкане
341 вечная любовь
342 мы – долгое эхо друг друга
343 опустела без тебя земля
344 хозяин леса
345 ночной город
346 следы войны
347 заоблачная высота. моя деревня
348 неизвестные захоронения
349 не сотвори себе кумира
350 пришла беда в наш дом
351 троица
352 руки дизайнера и манекены
353 статуя коварства
354 стенка на стенку
355 армагеддон
356 пляшущие нимфы
357 птичий остров
358 участь старого дурака
359 дождь над заливом
360 тени прошлого
361 сон беженца
362 все, что осталось
363 сердцеед
364 история вас ничему не учит
365 буря над погостом
366 в царстве тьмы
367 изгнание беженцев
368 призрачный город
369 скорбящий дудук
370 временная разлука
371 след на картофельном поле
372 волшебные звуки
373 попавшие в сети
374 столкновение
375 из-под небес по-птичьи окликая...
376 ничто не исчезает бесследно
377 долгожданная встреча
378 всю ночь лил дождь

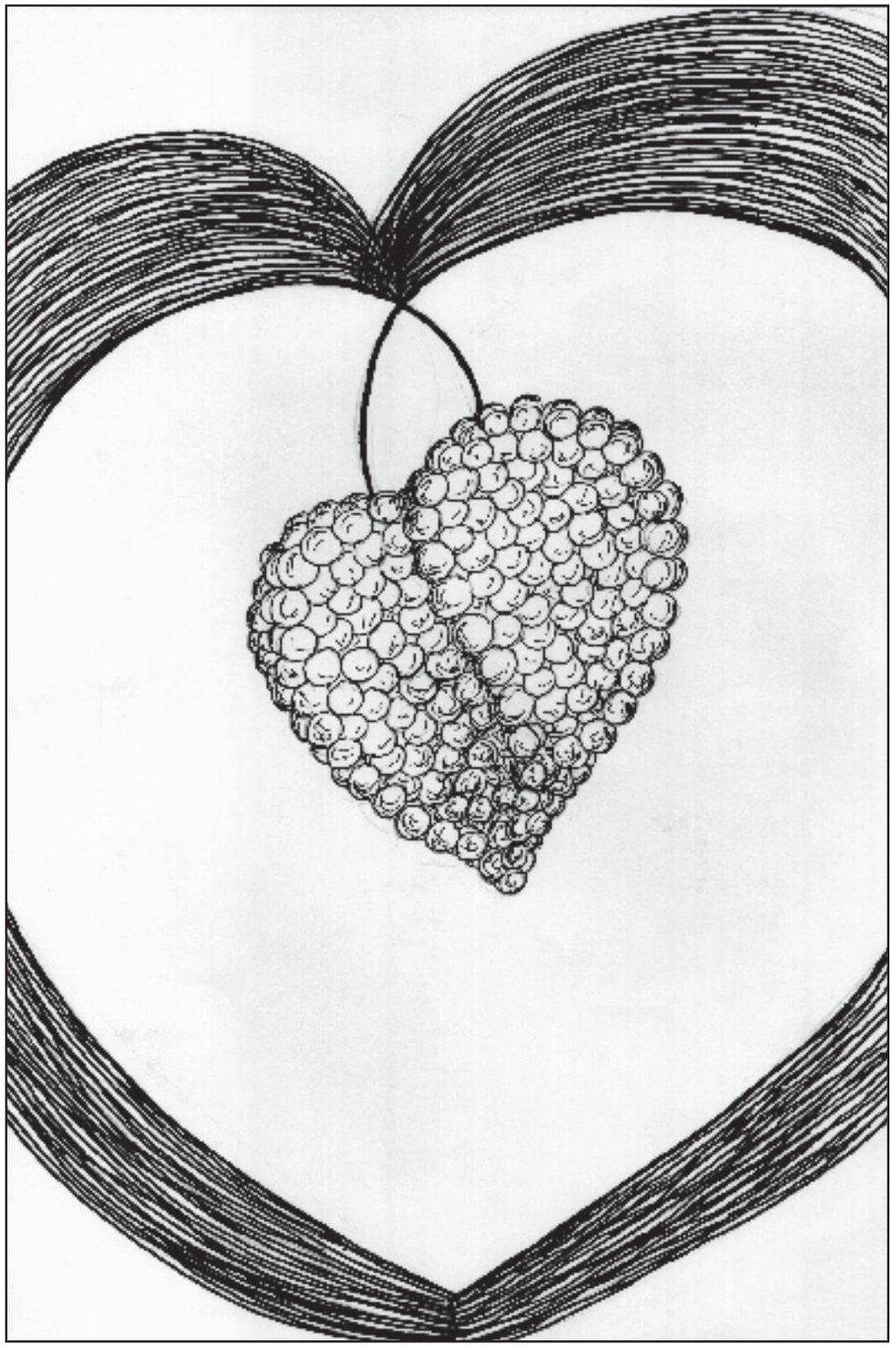


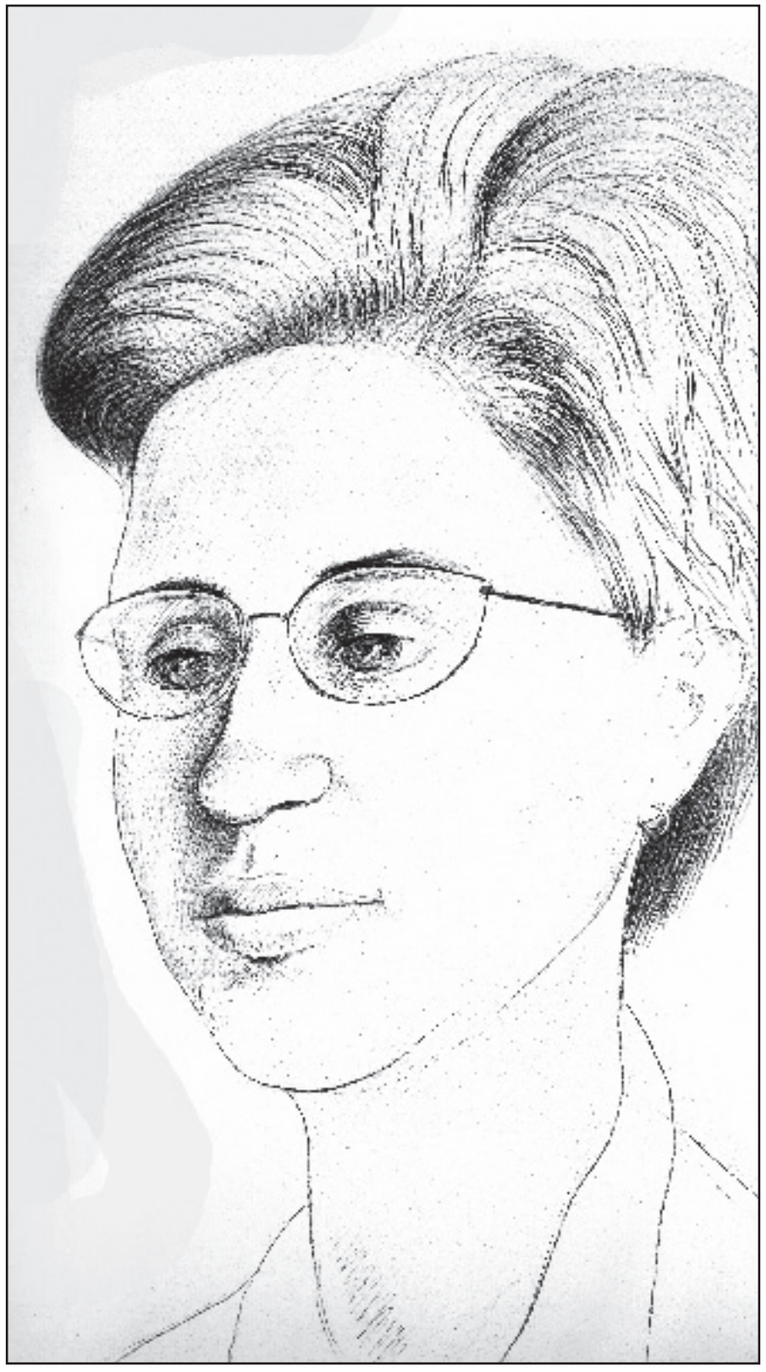


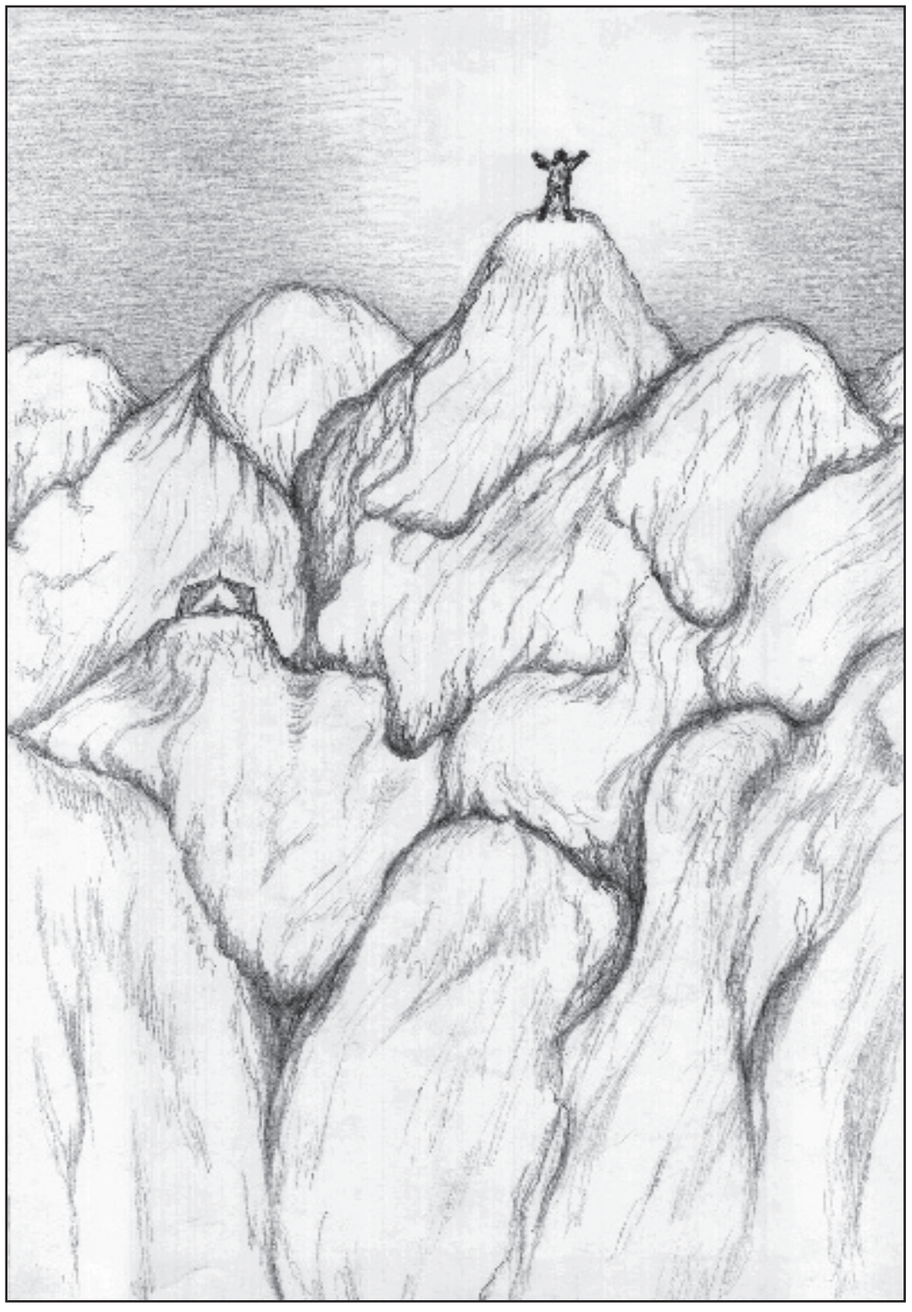


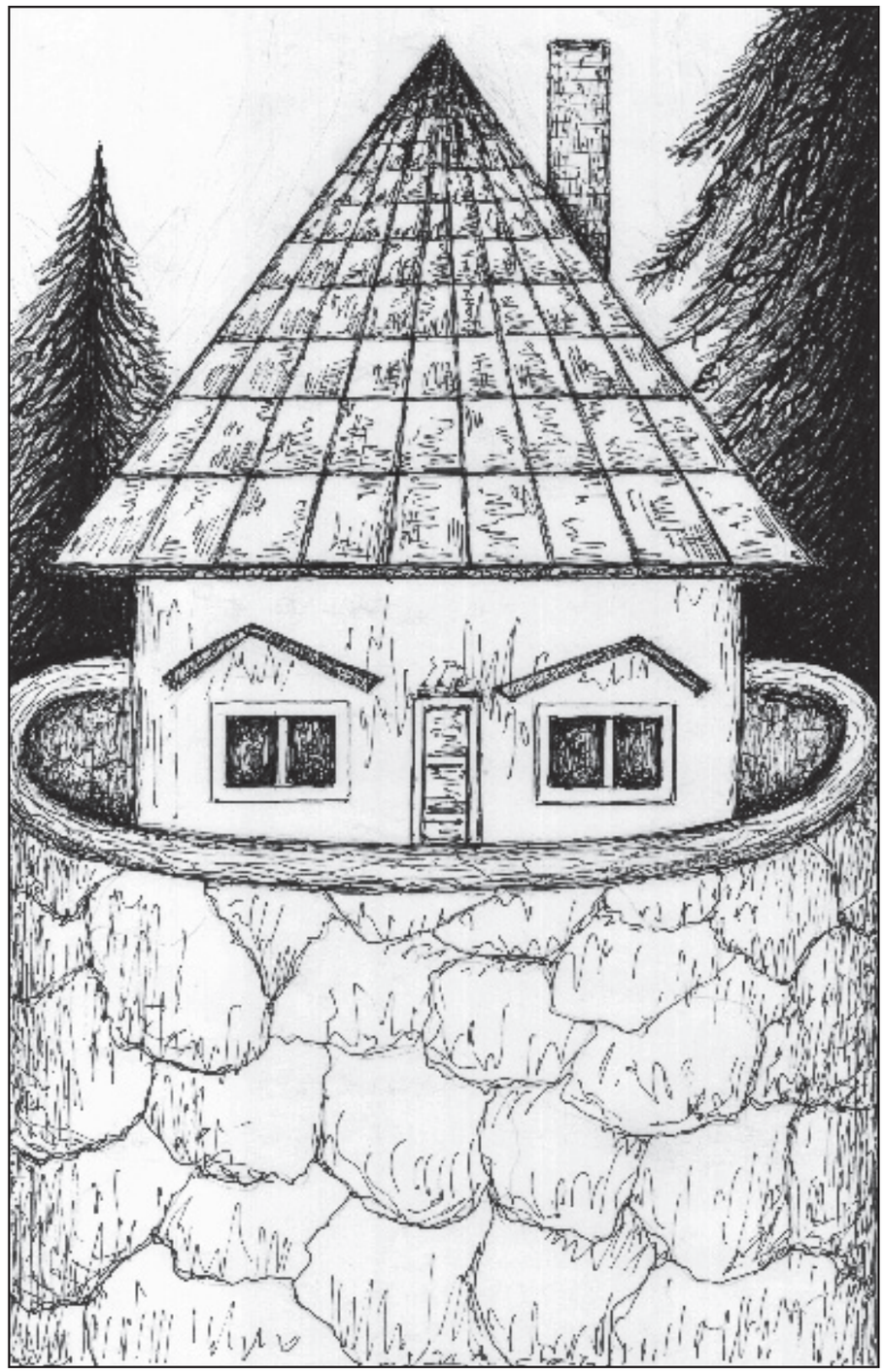


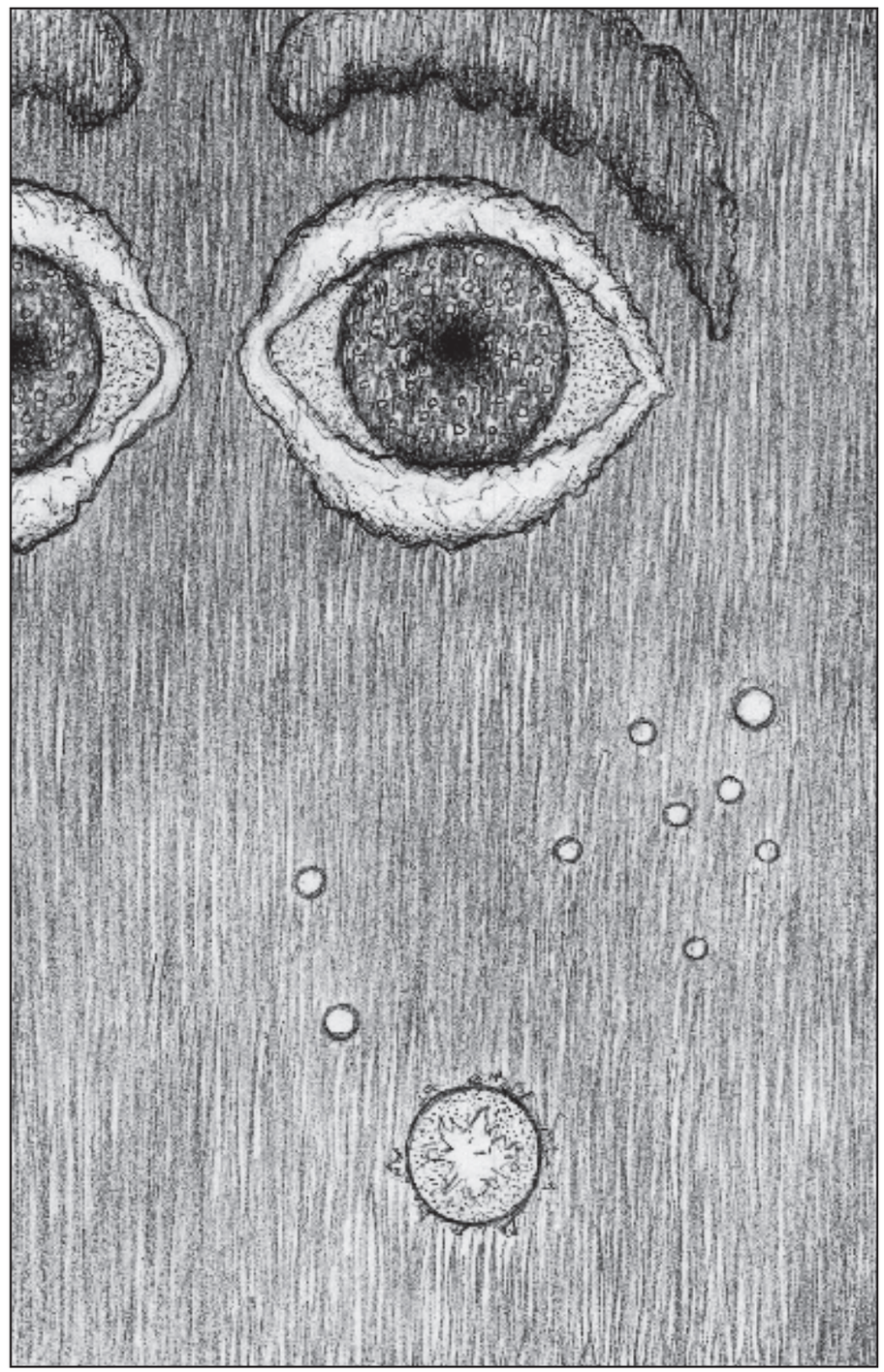


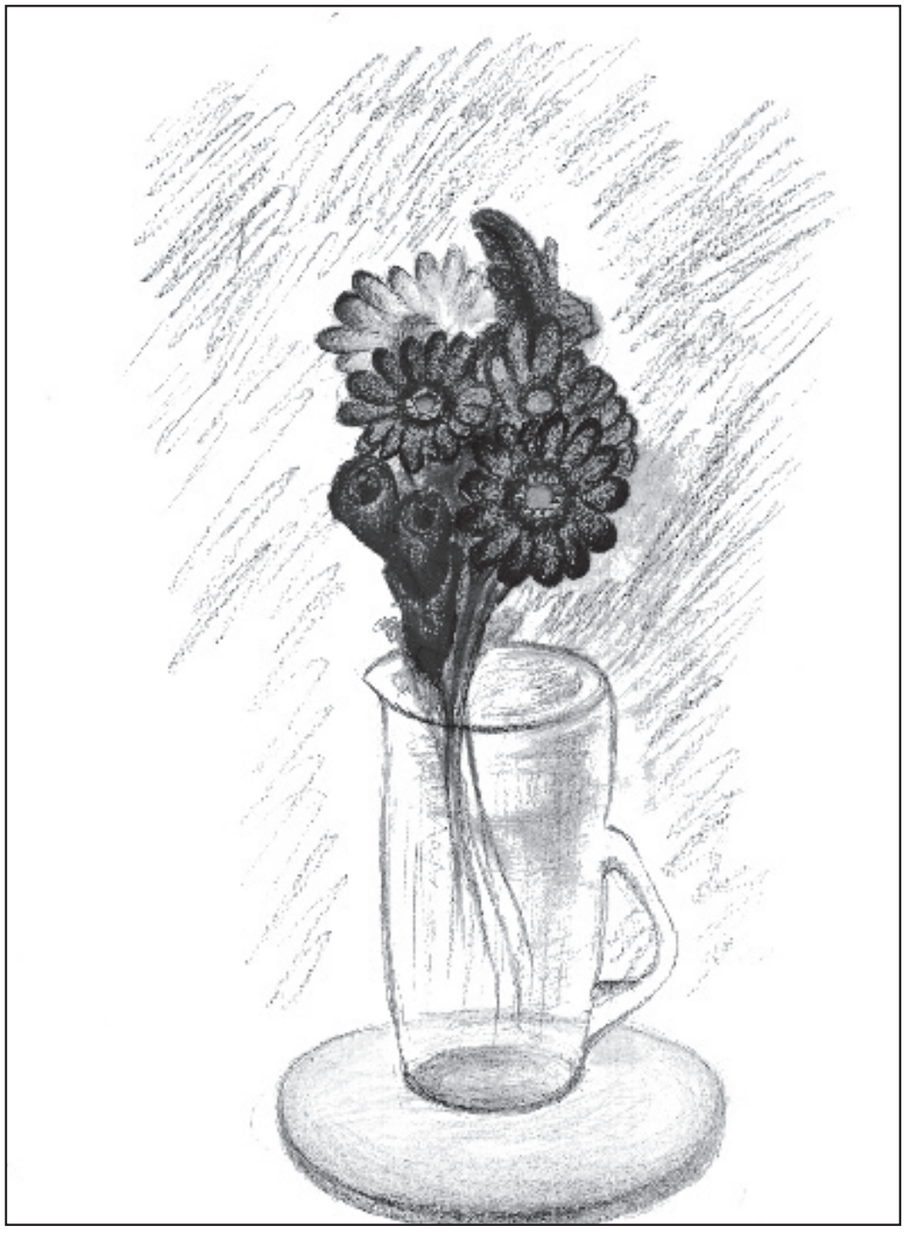


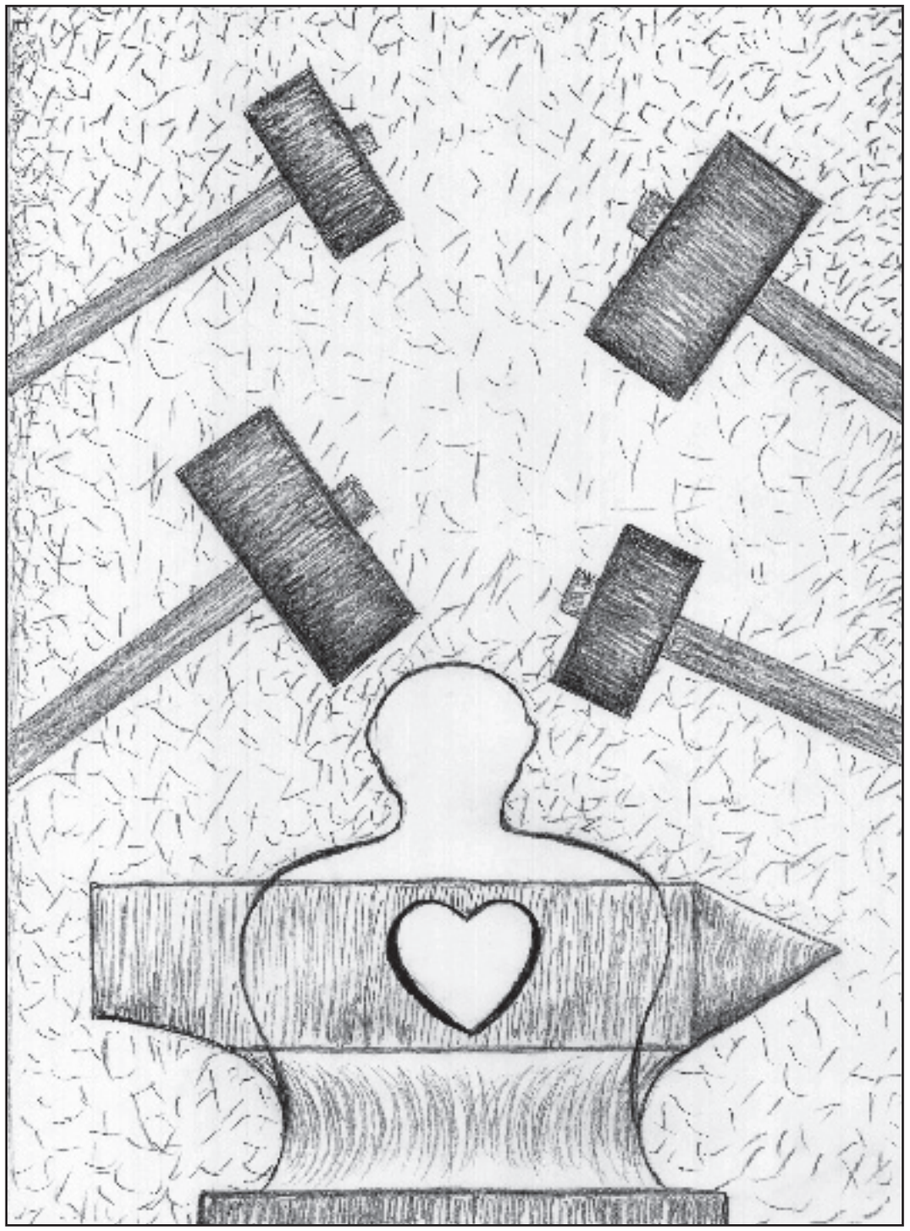


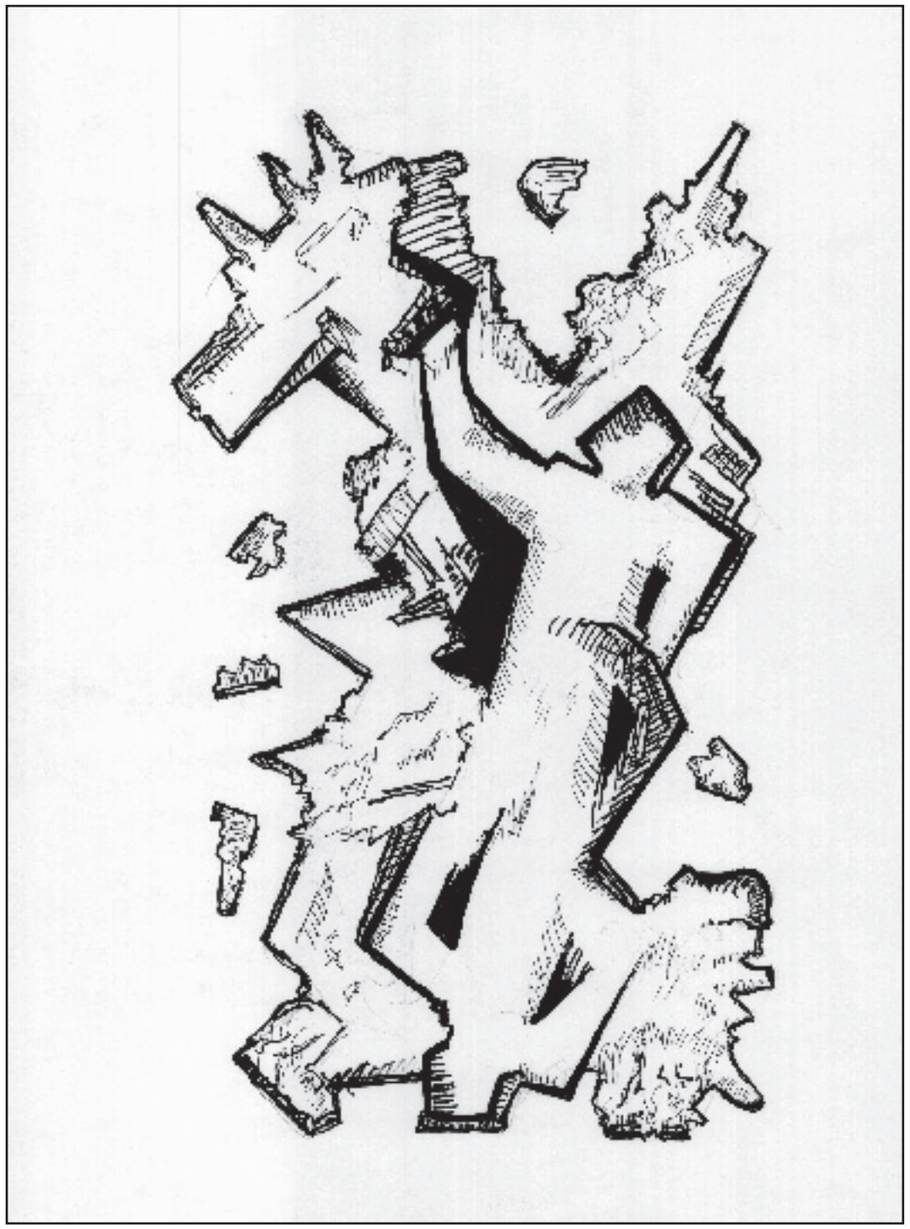


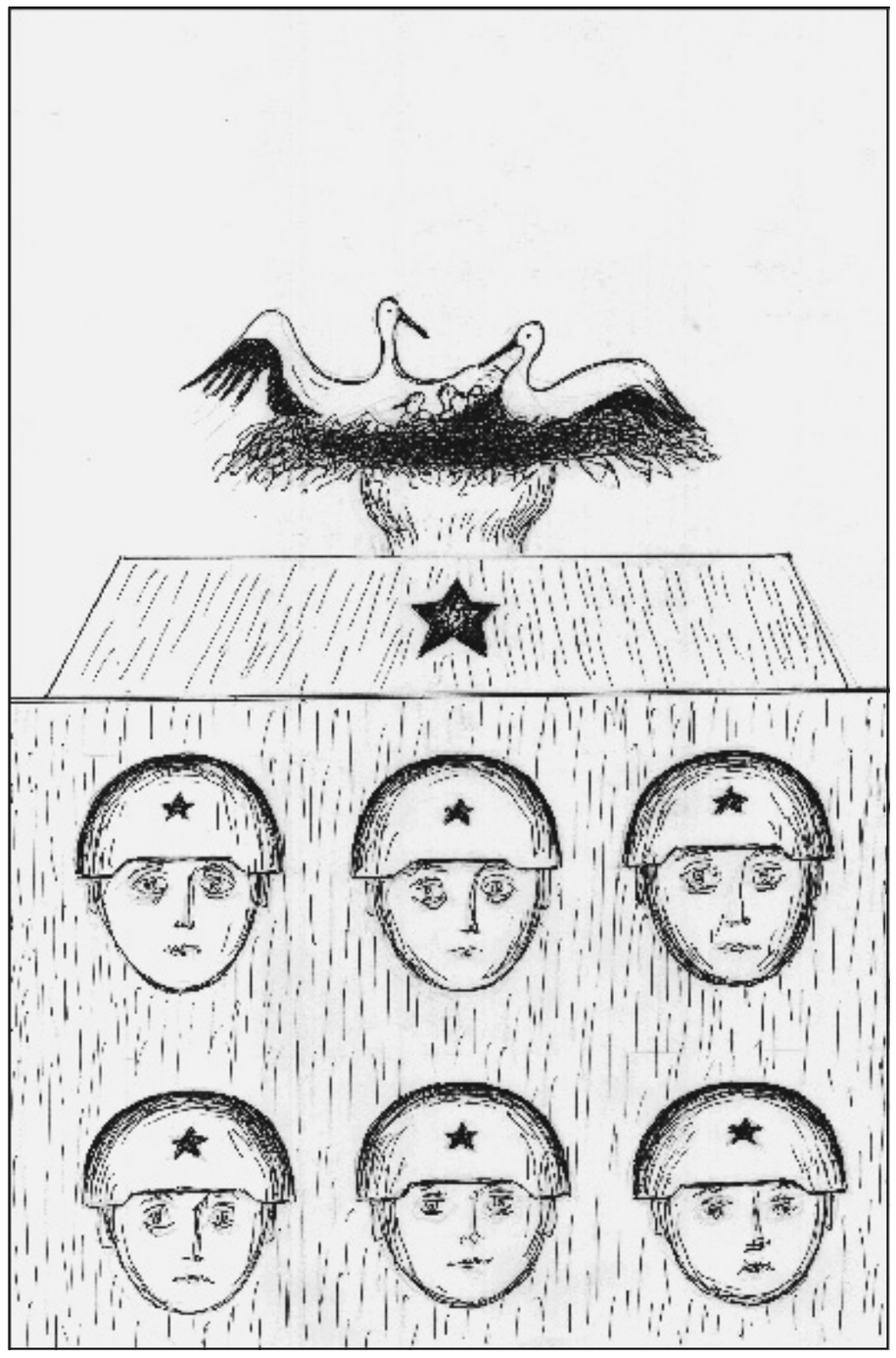


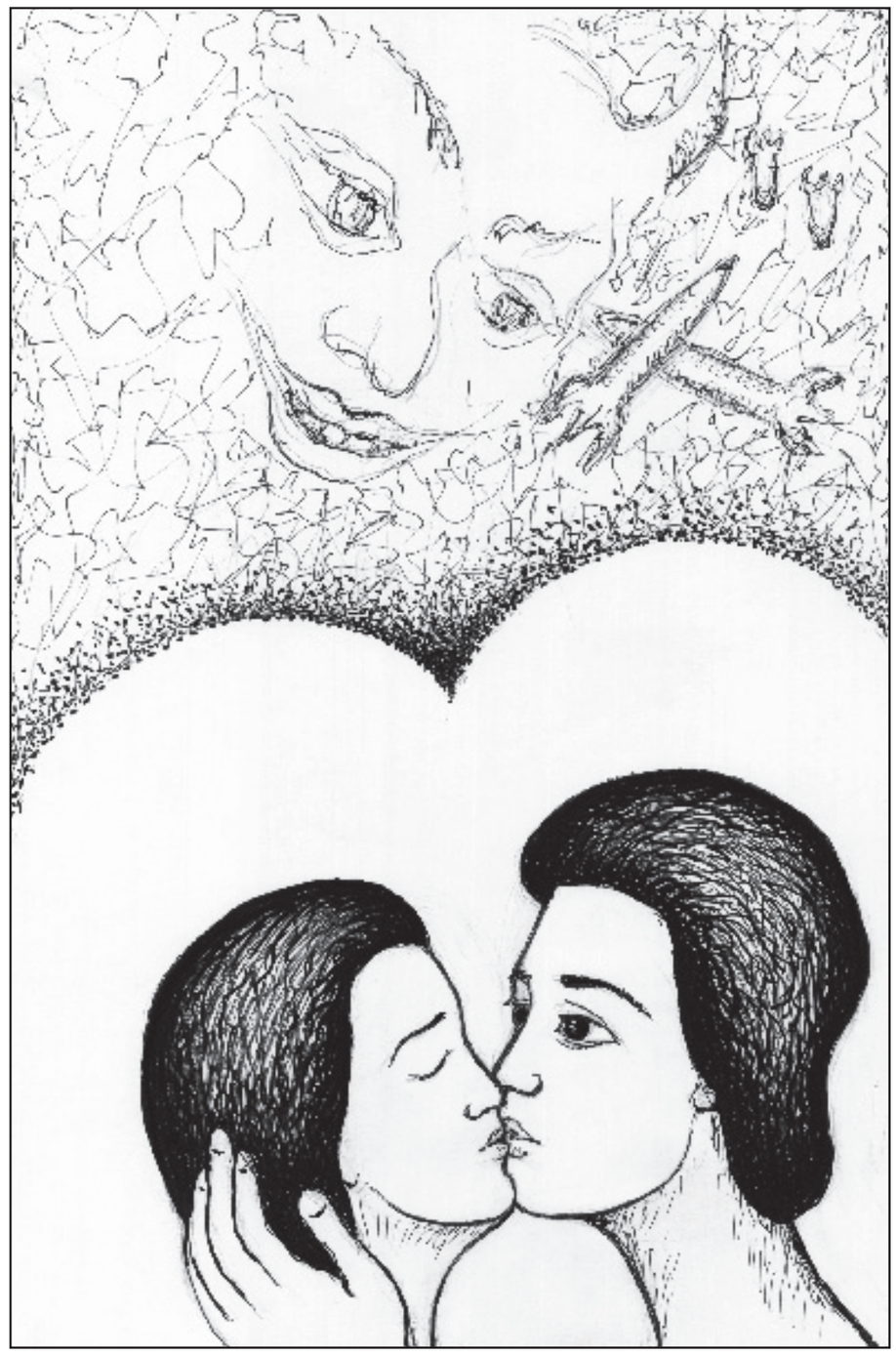


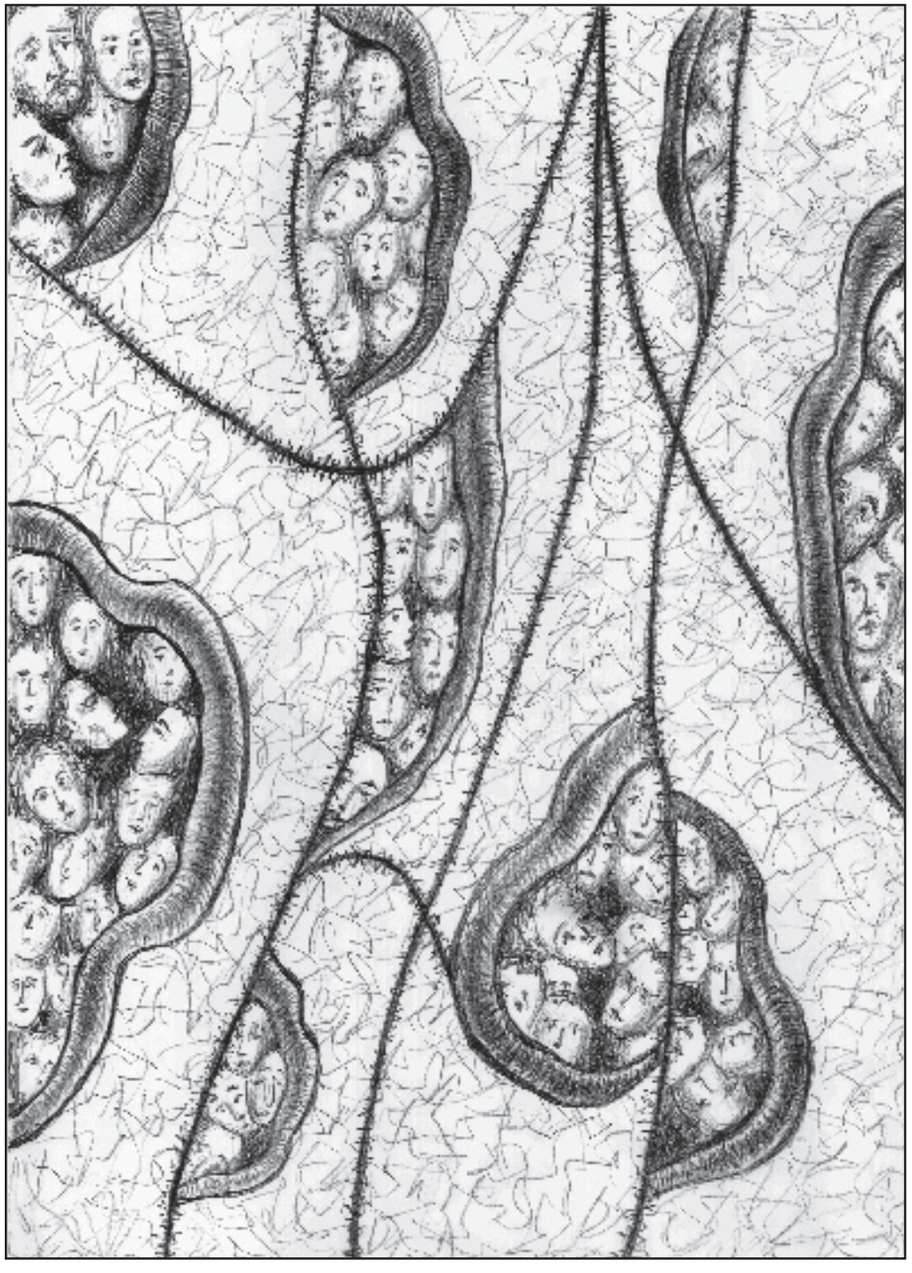


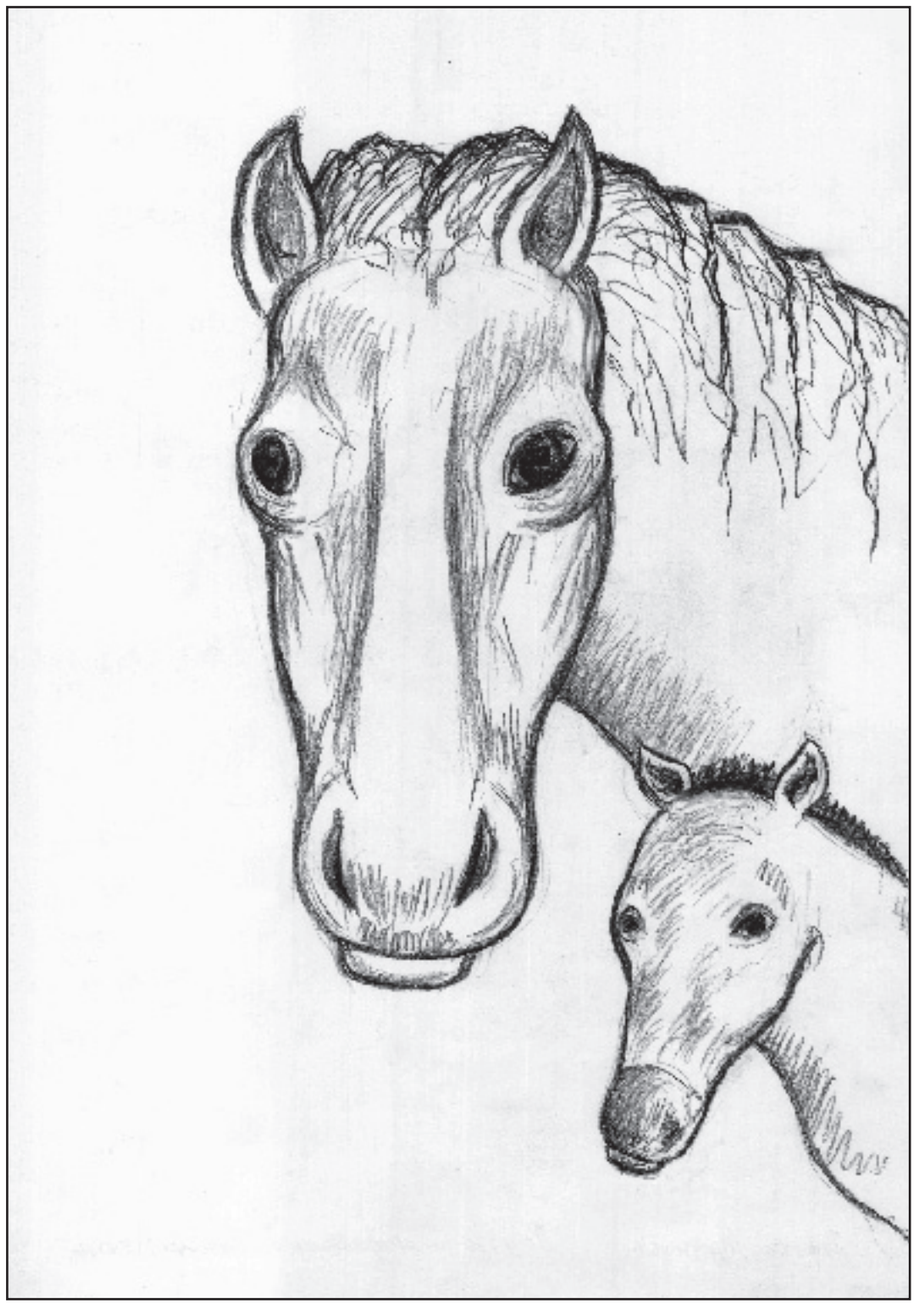


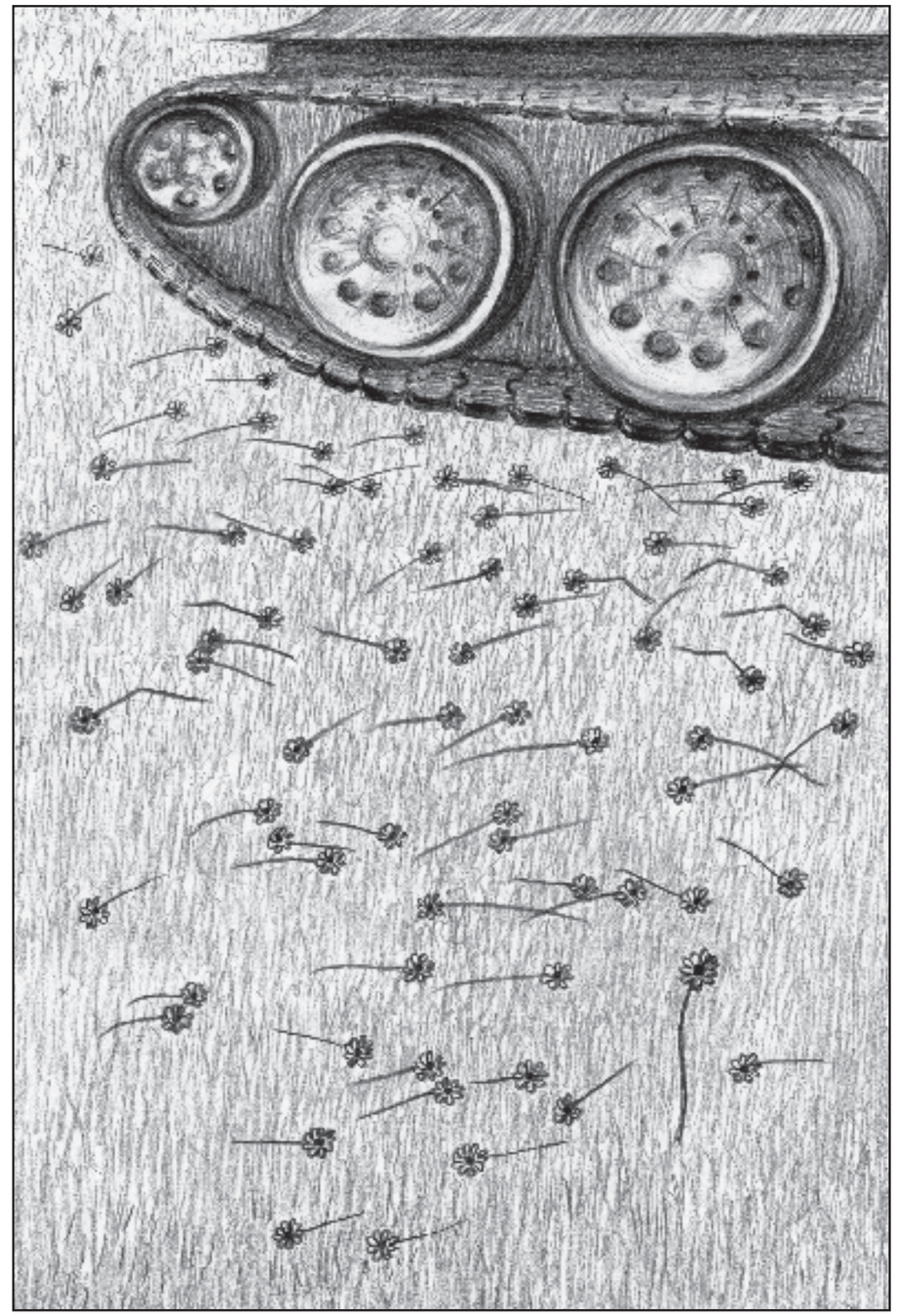


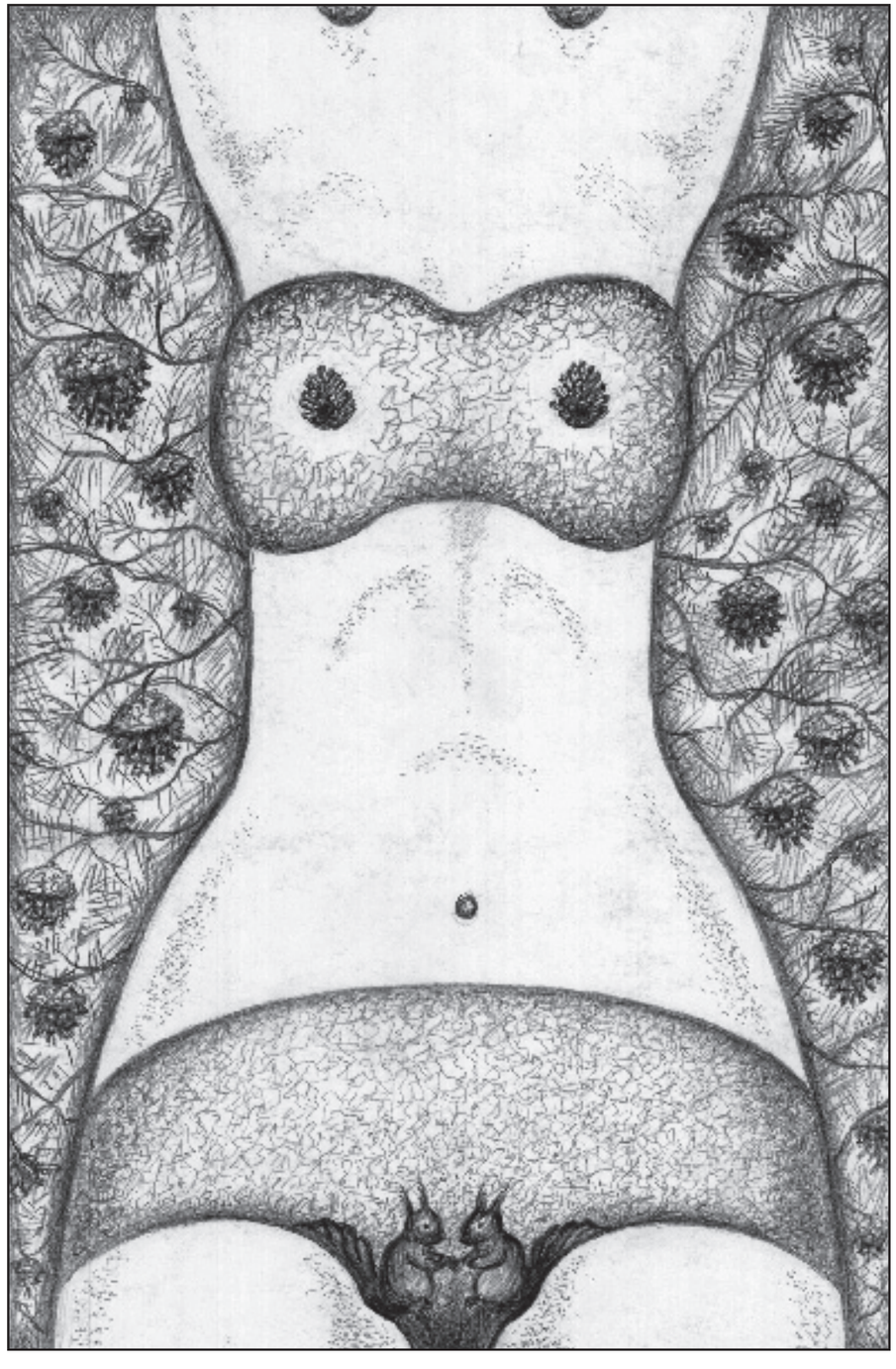


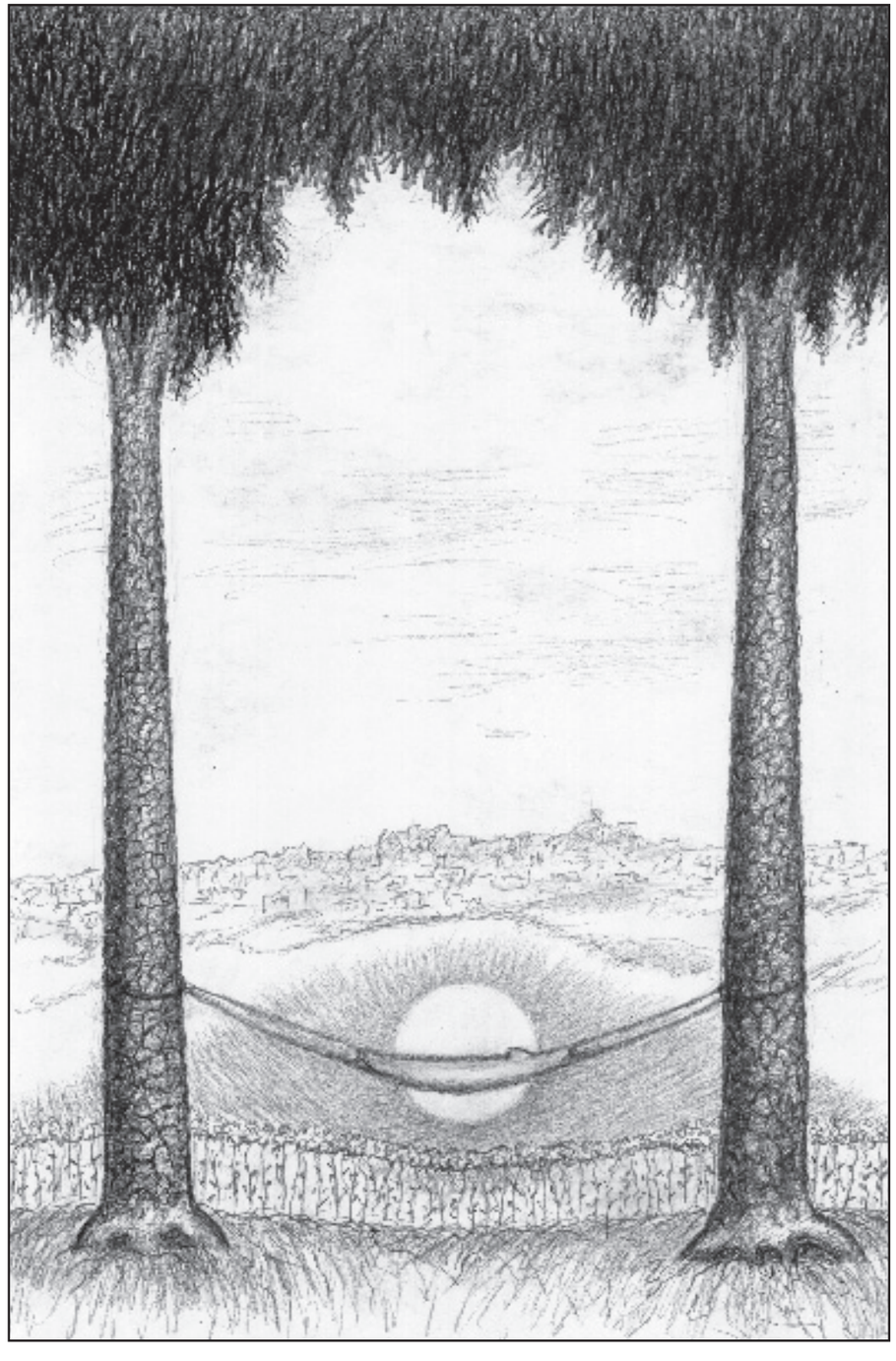


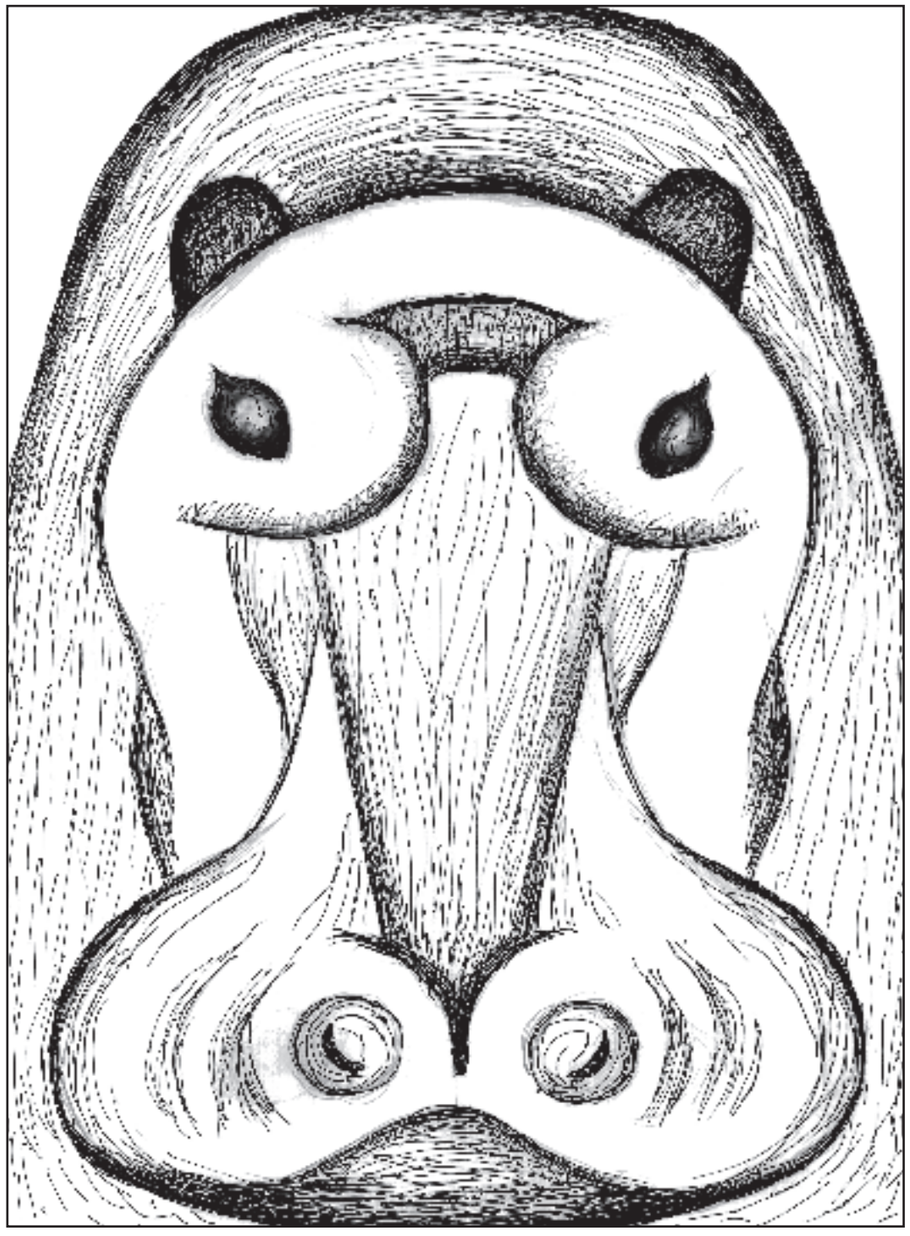


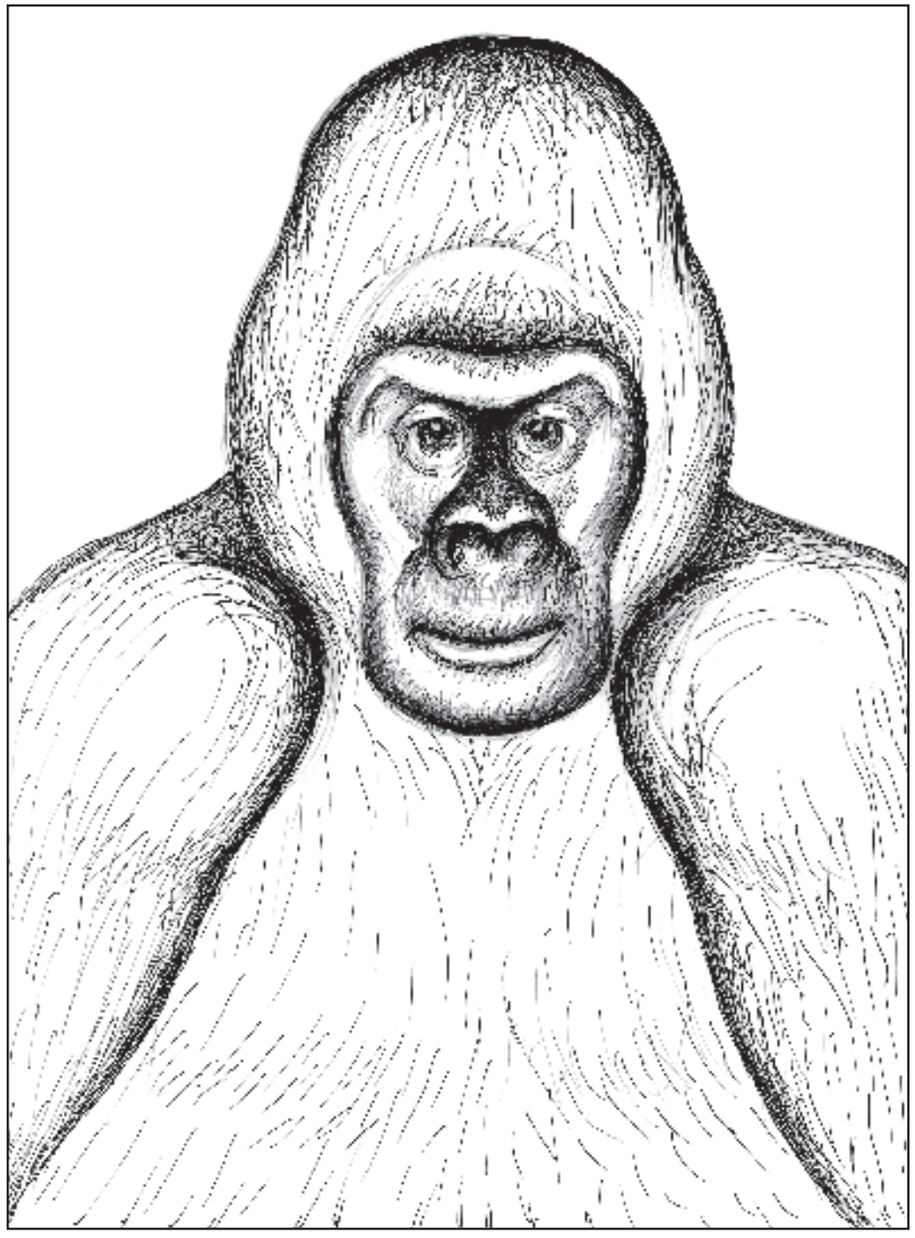


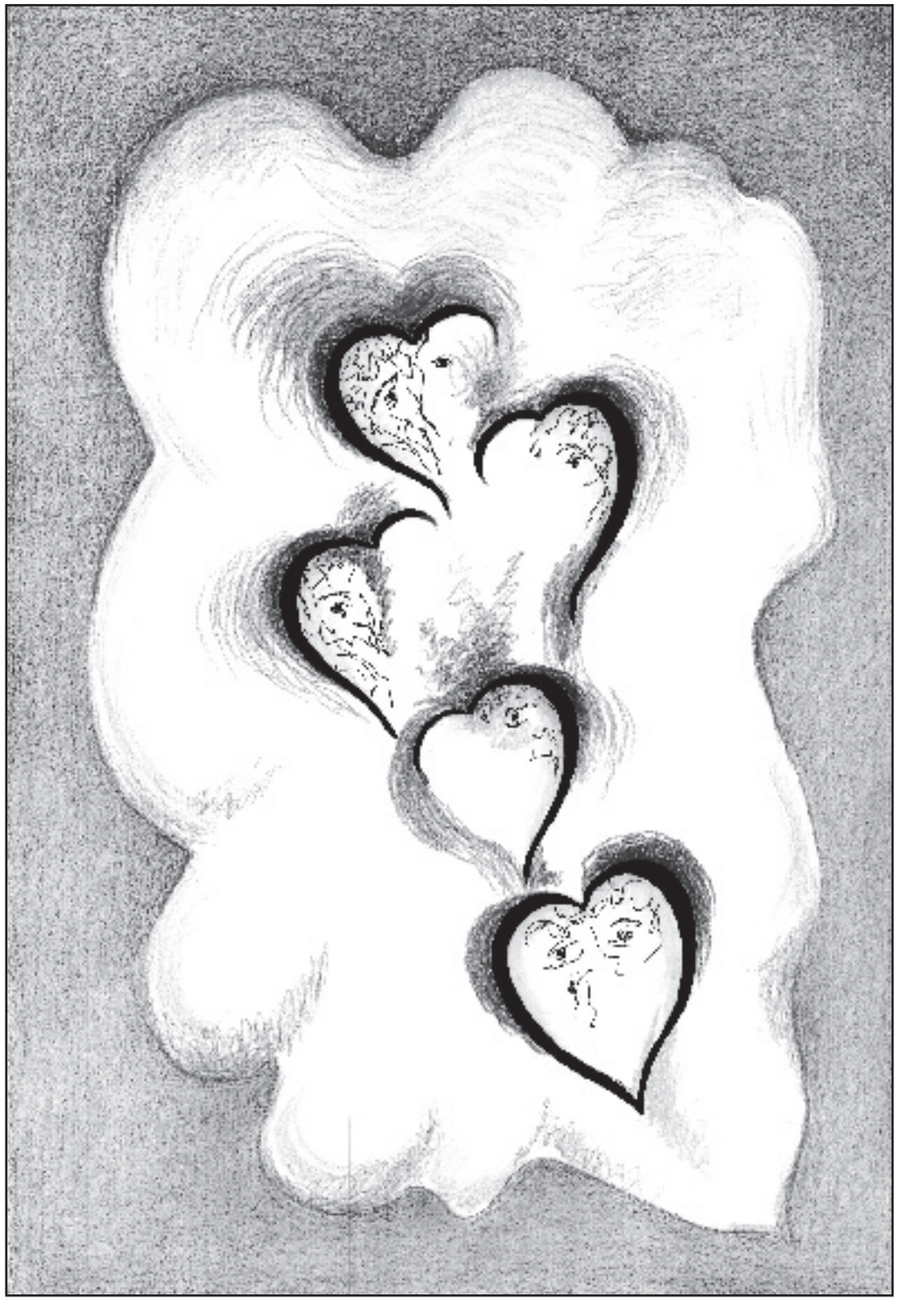


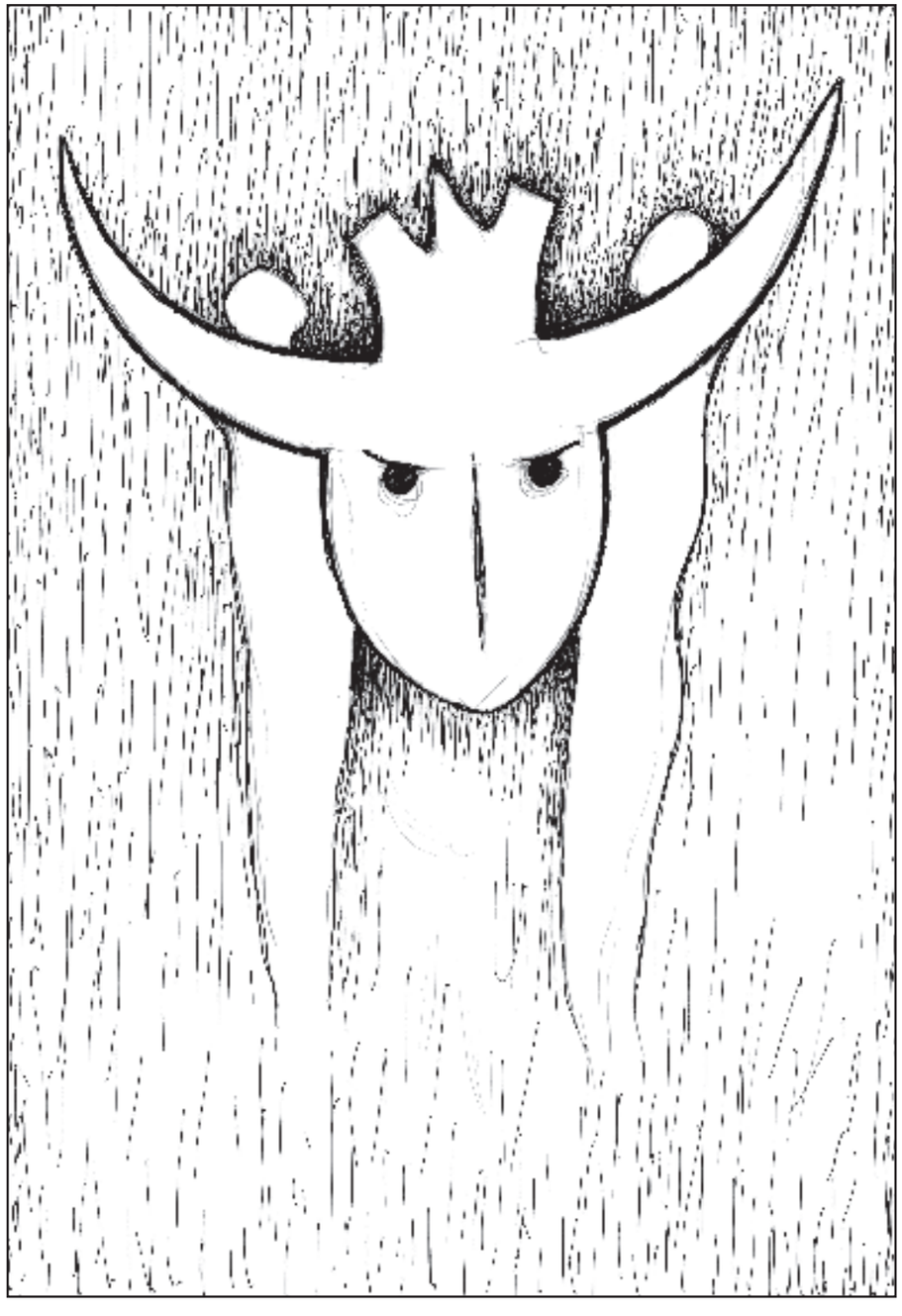


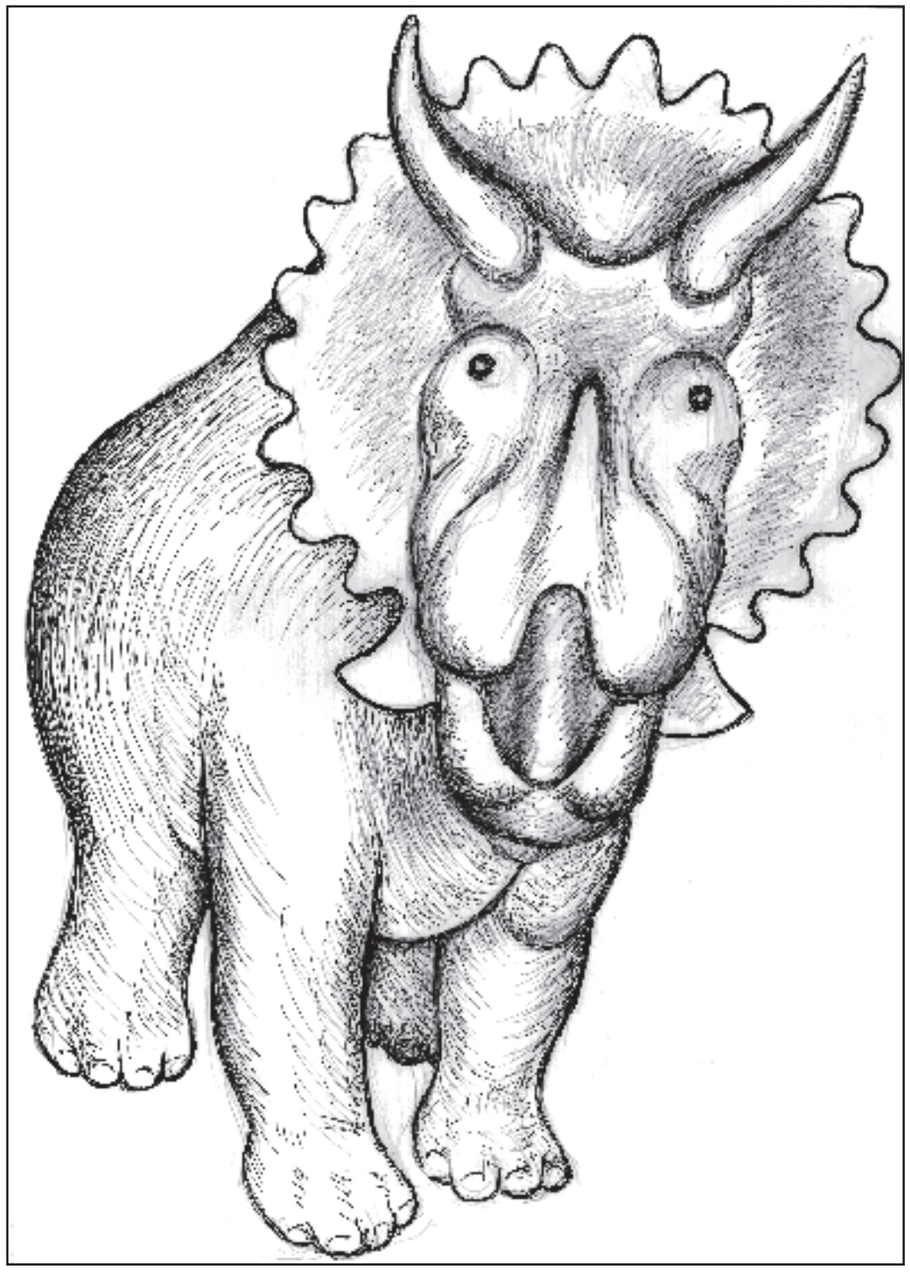


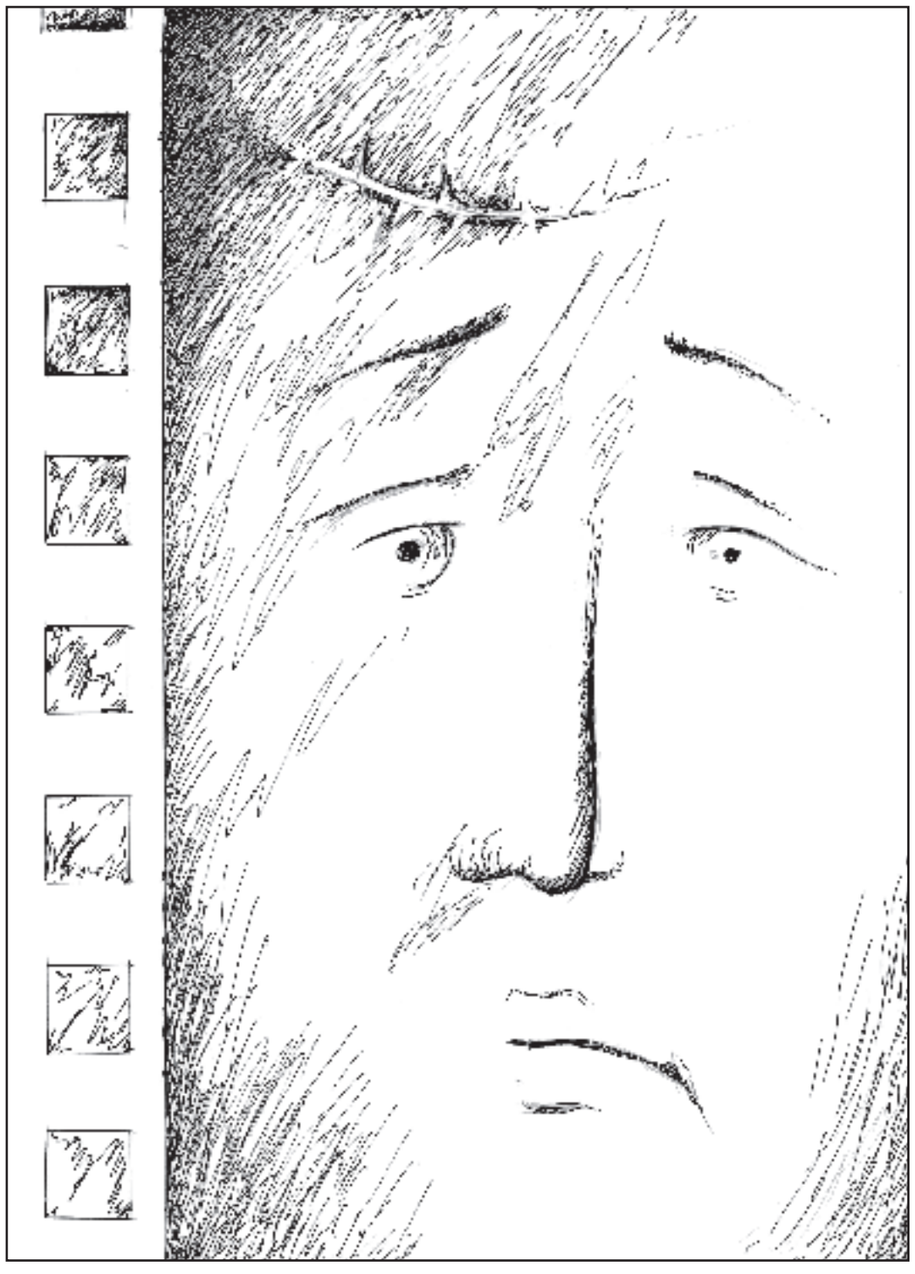


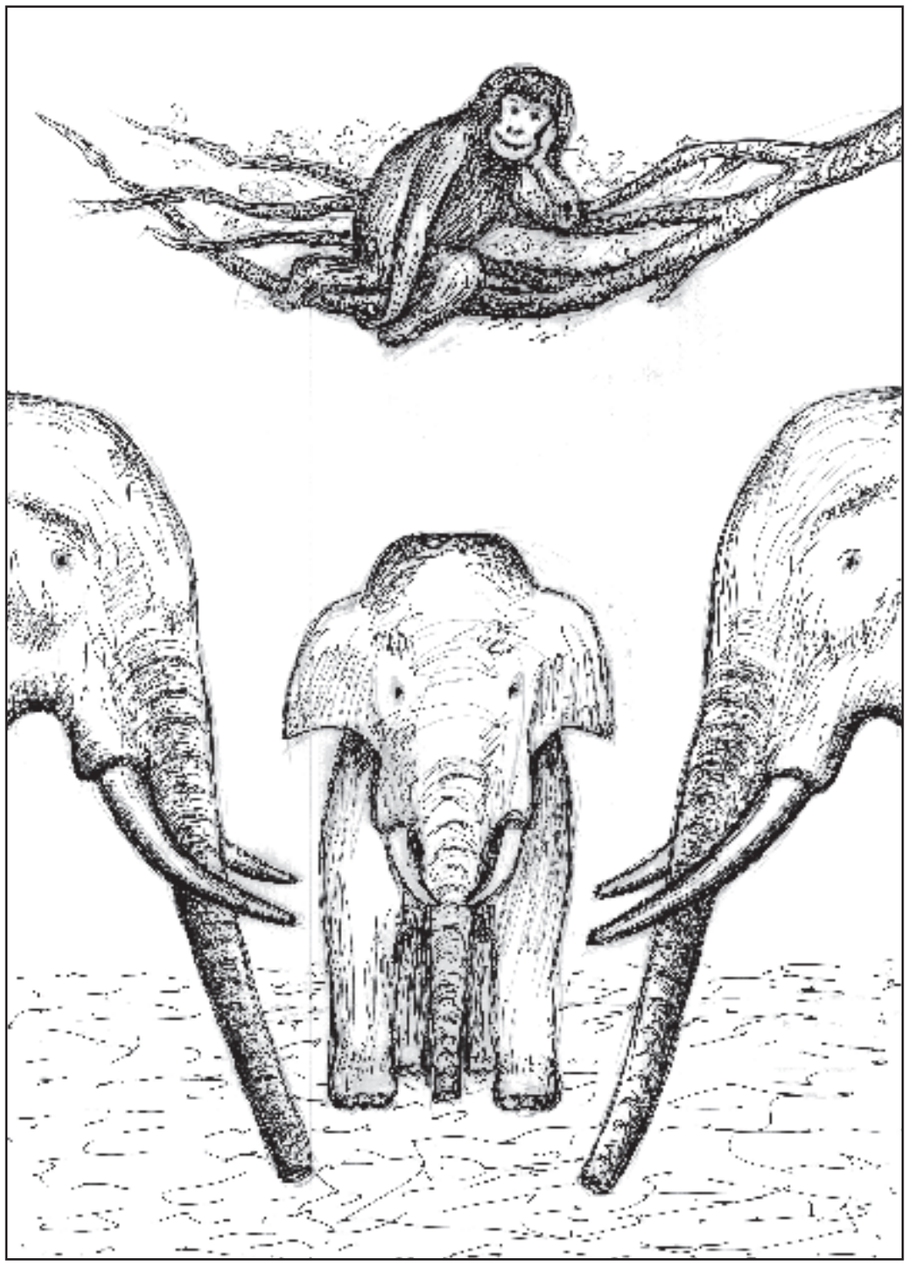


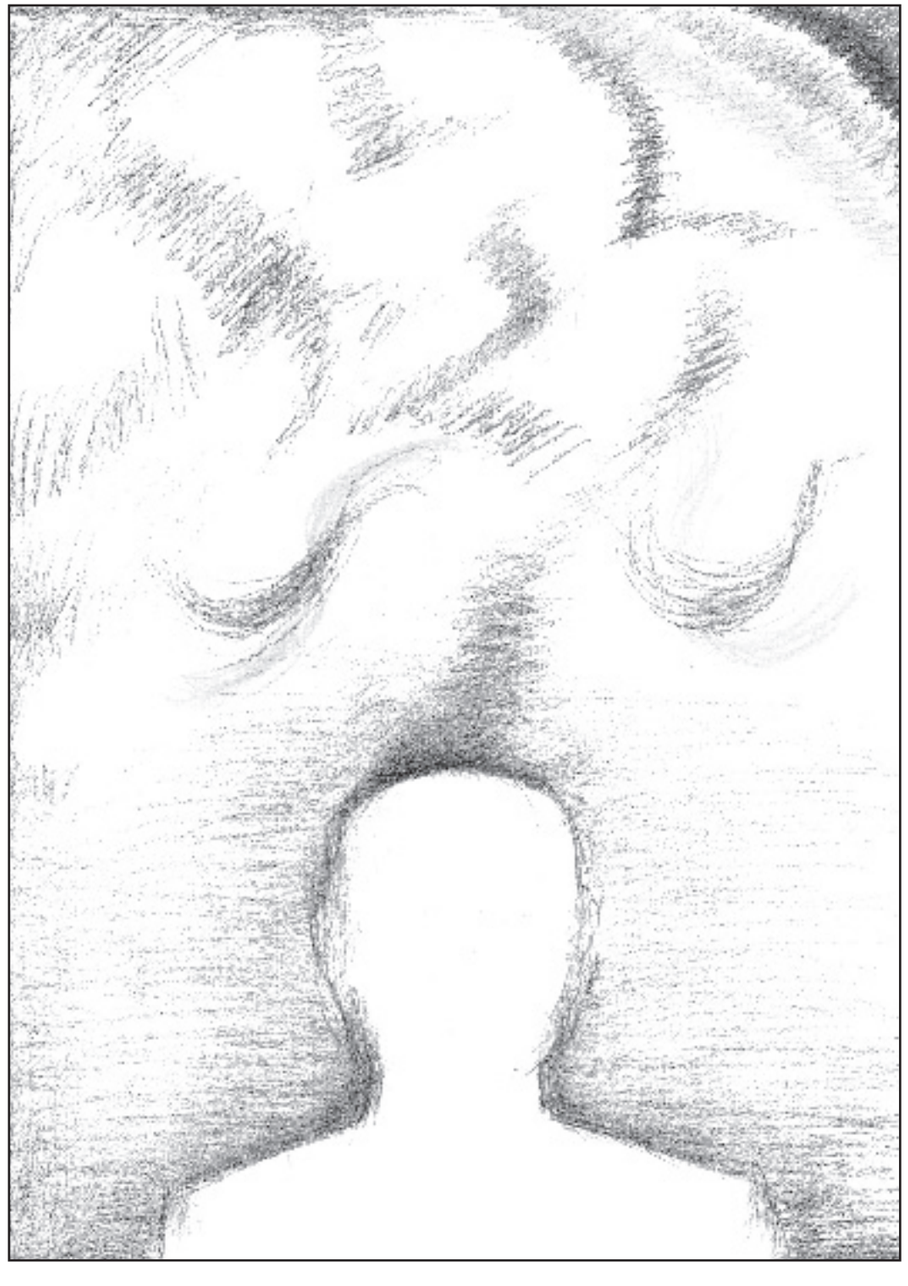


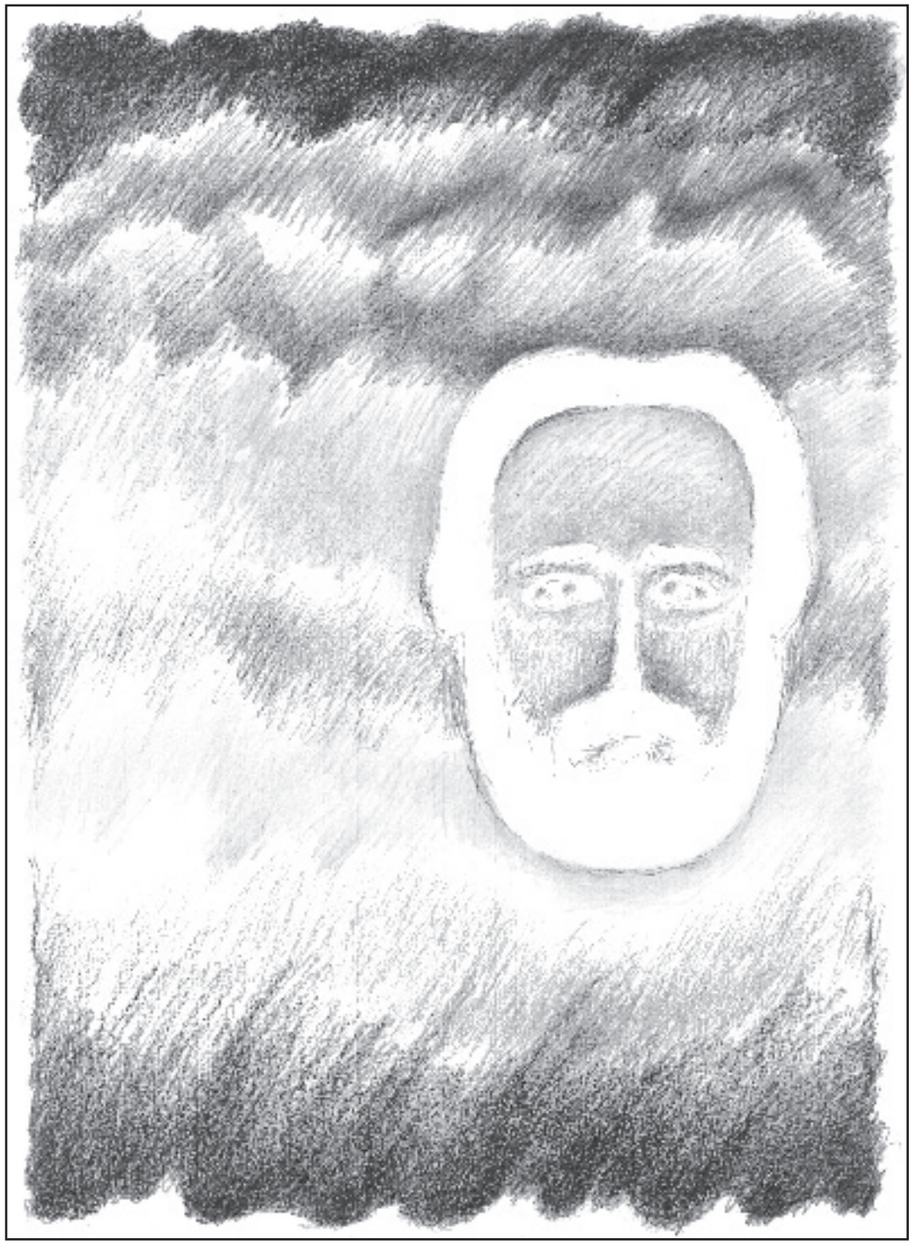


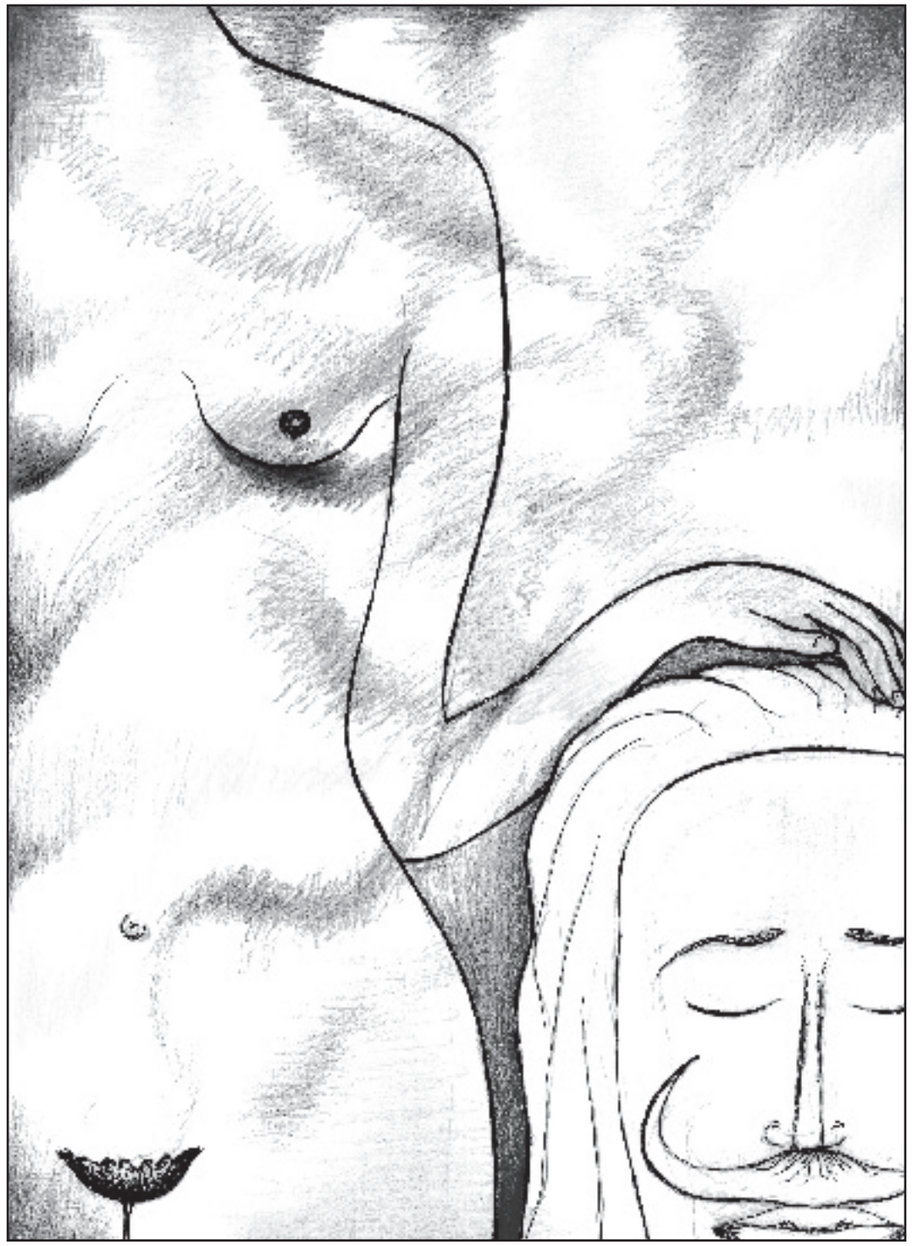


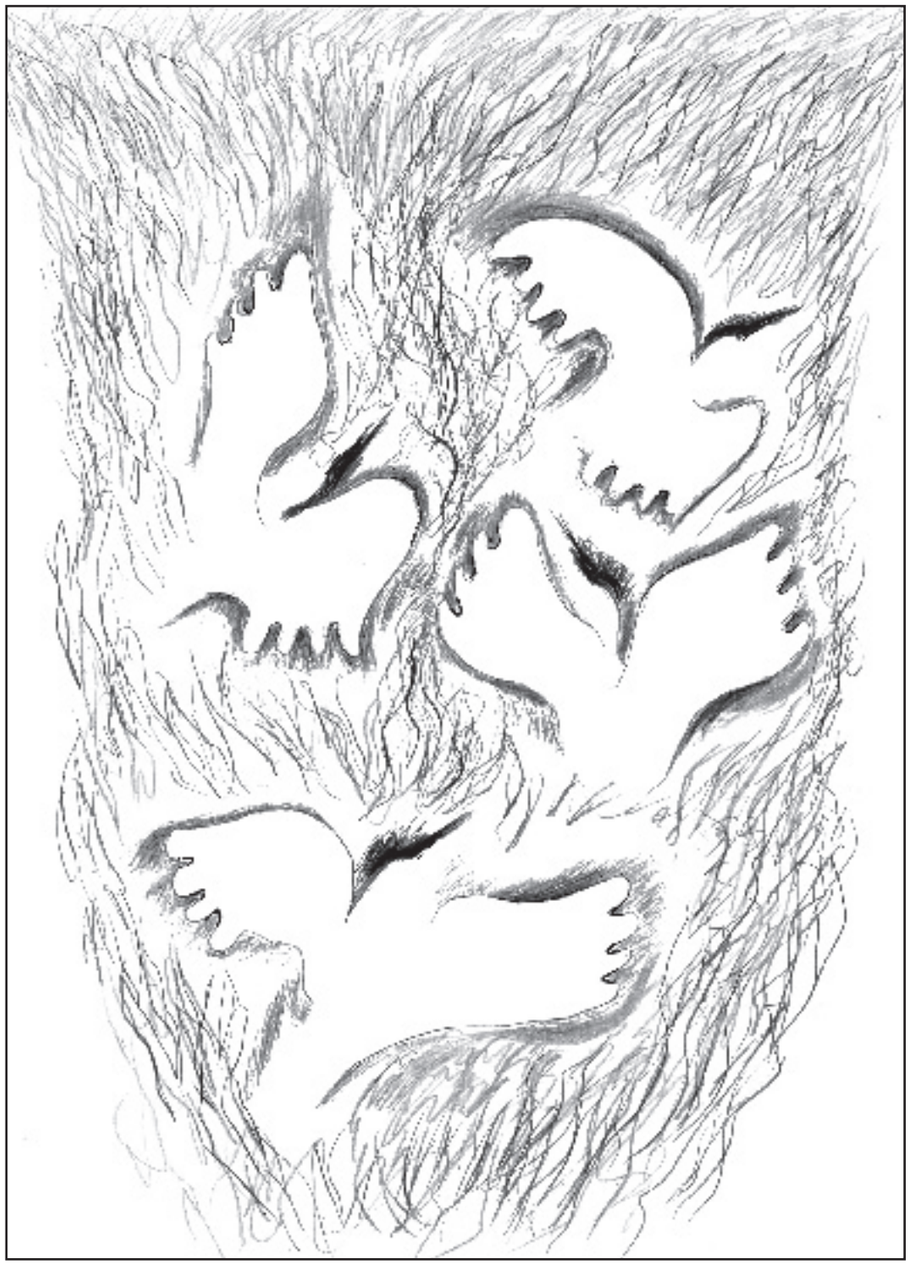


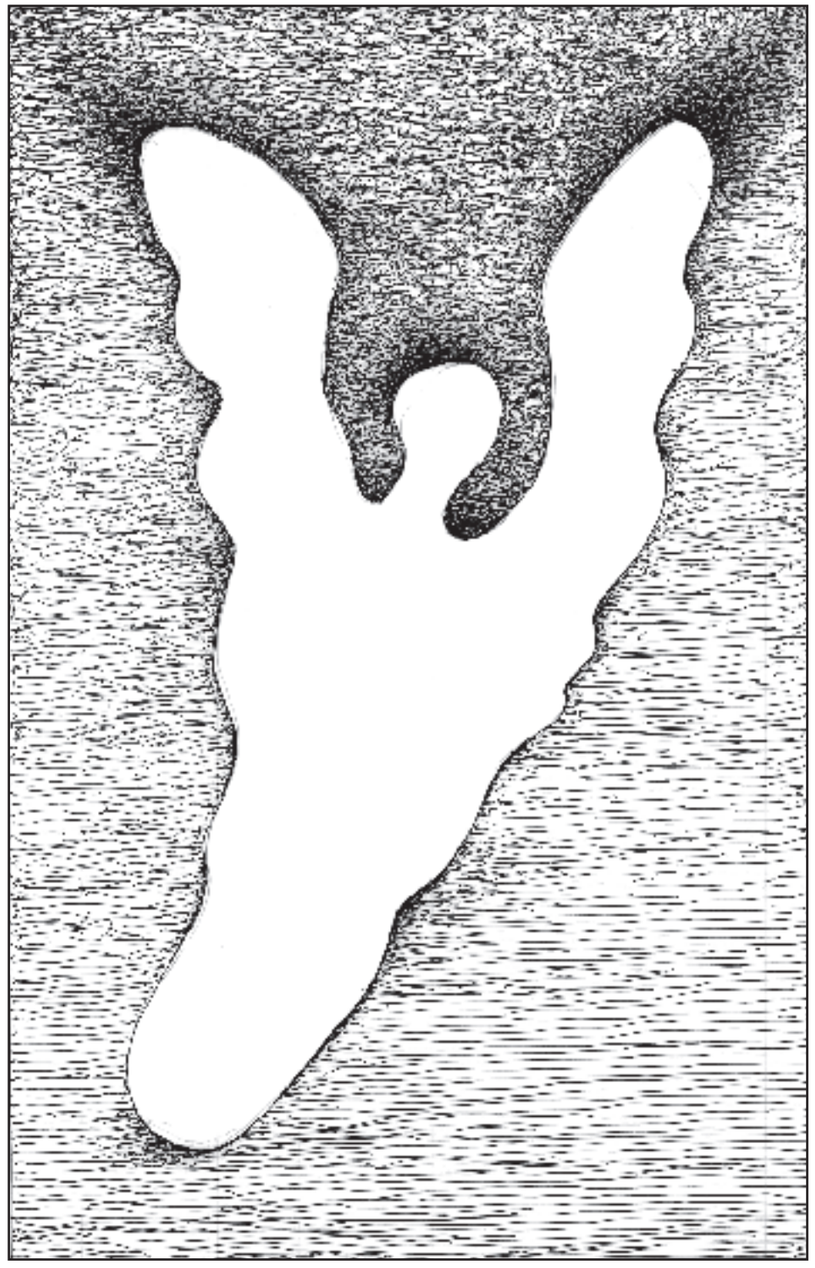


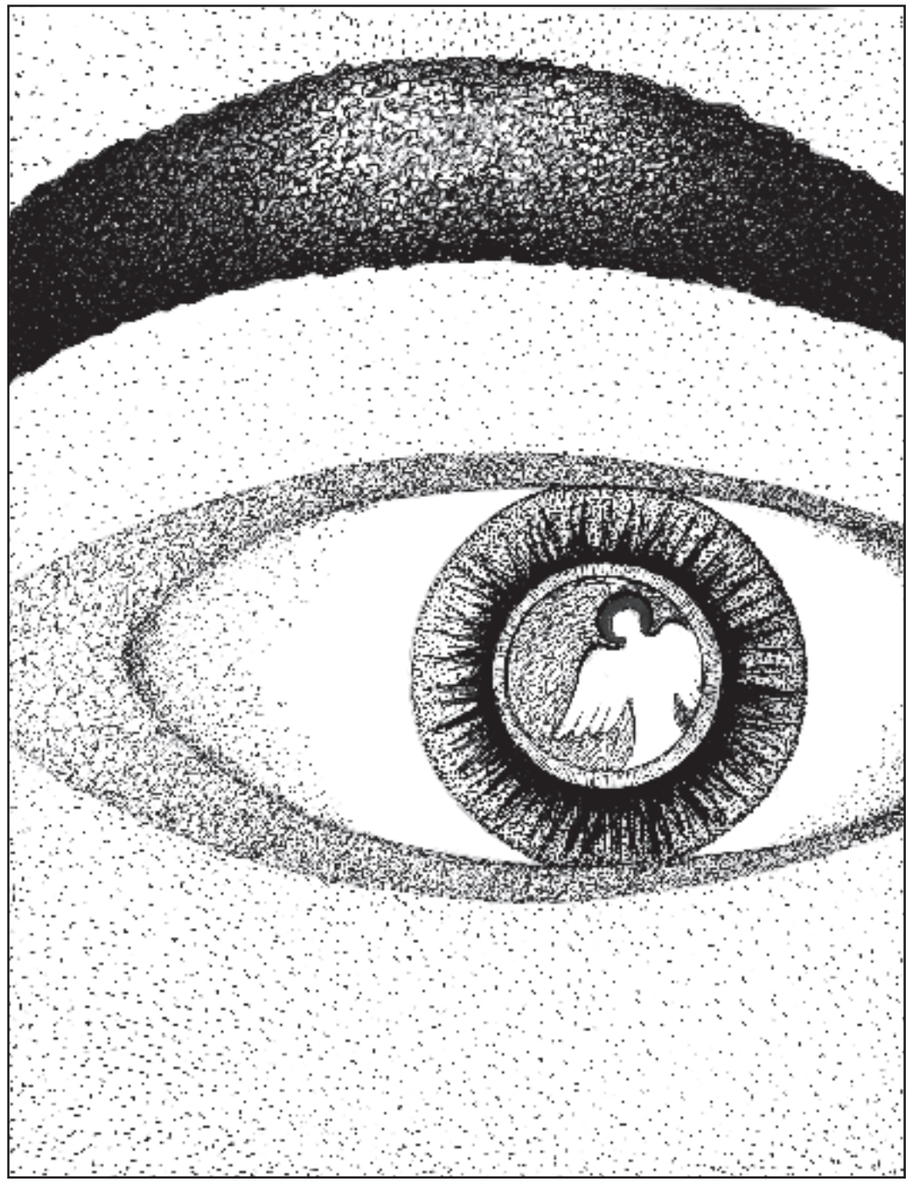


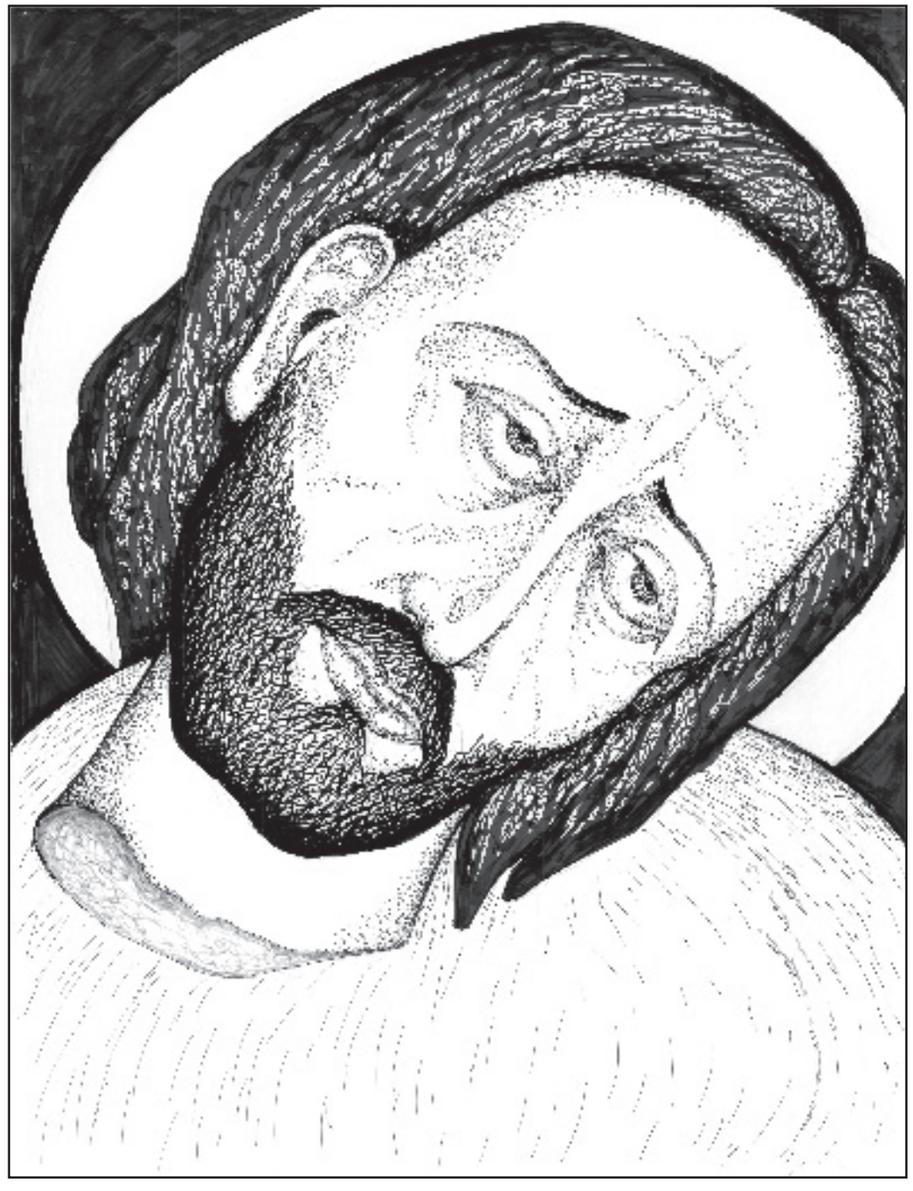


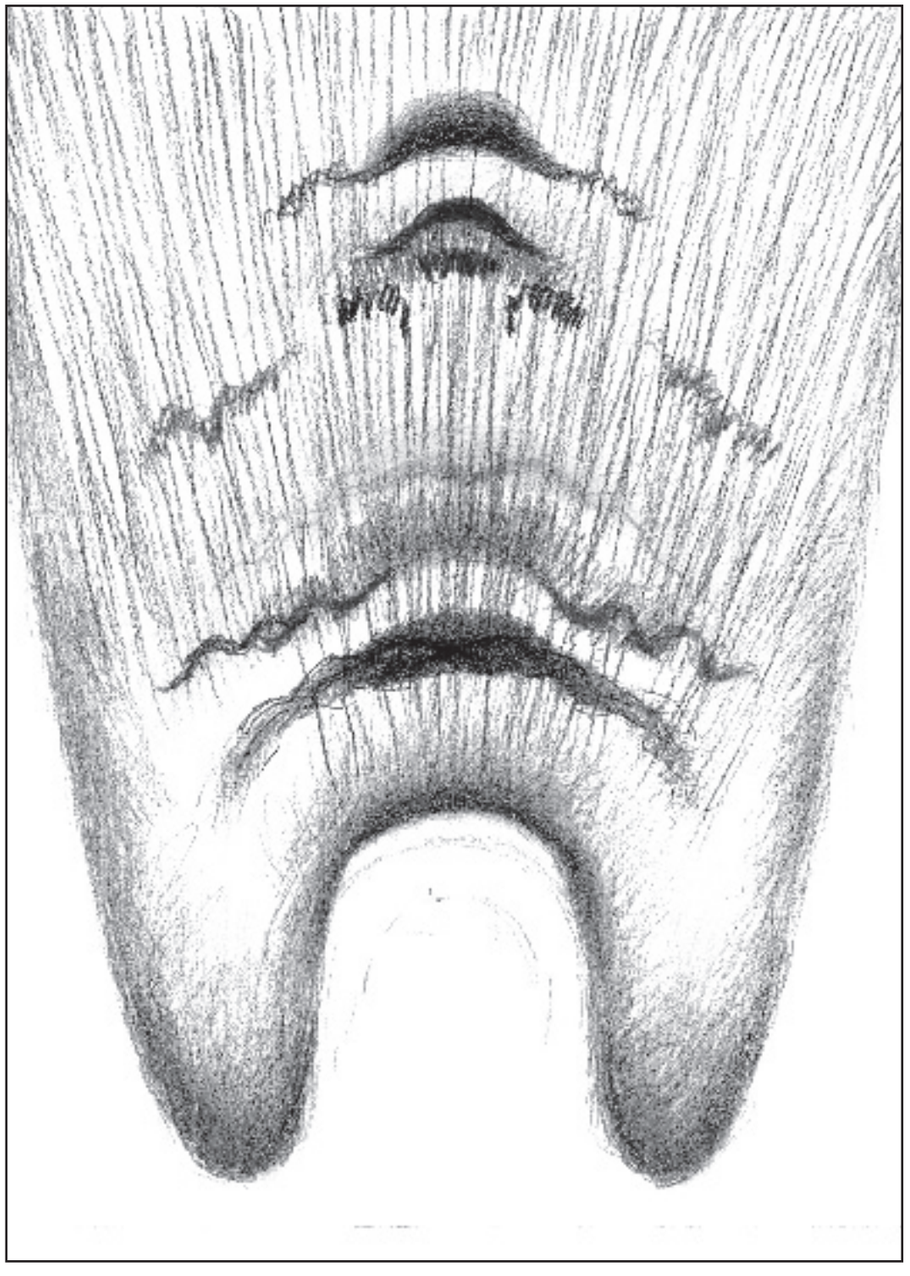


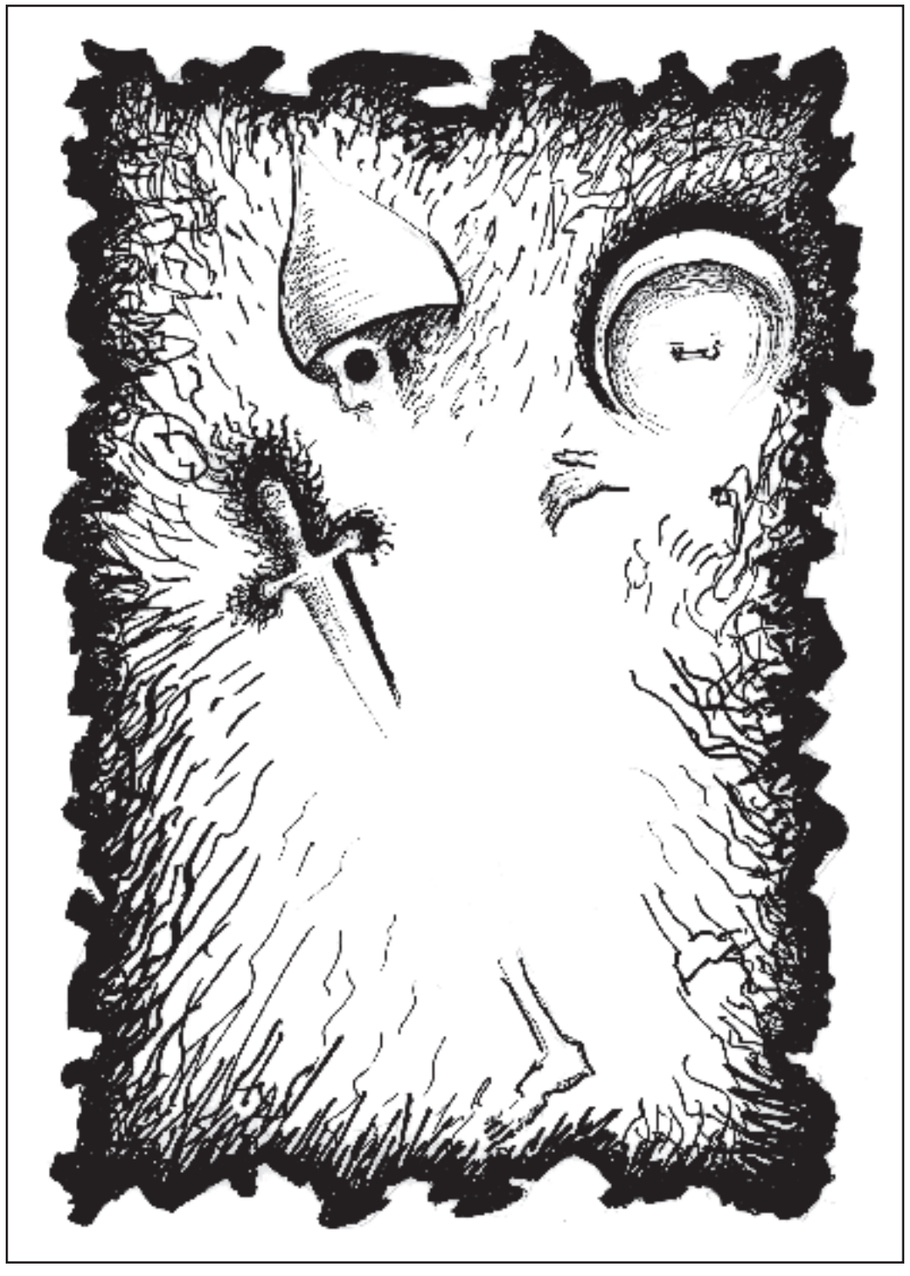


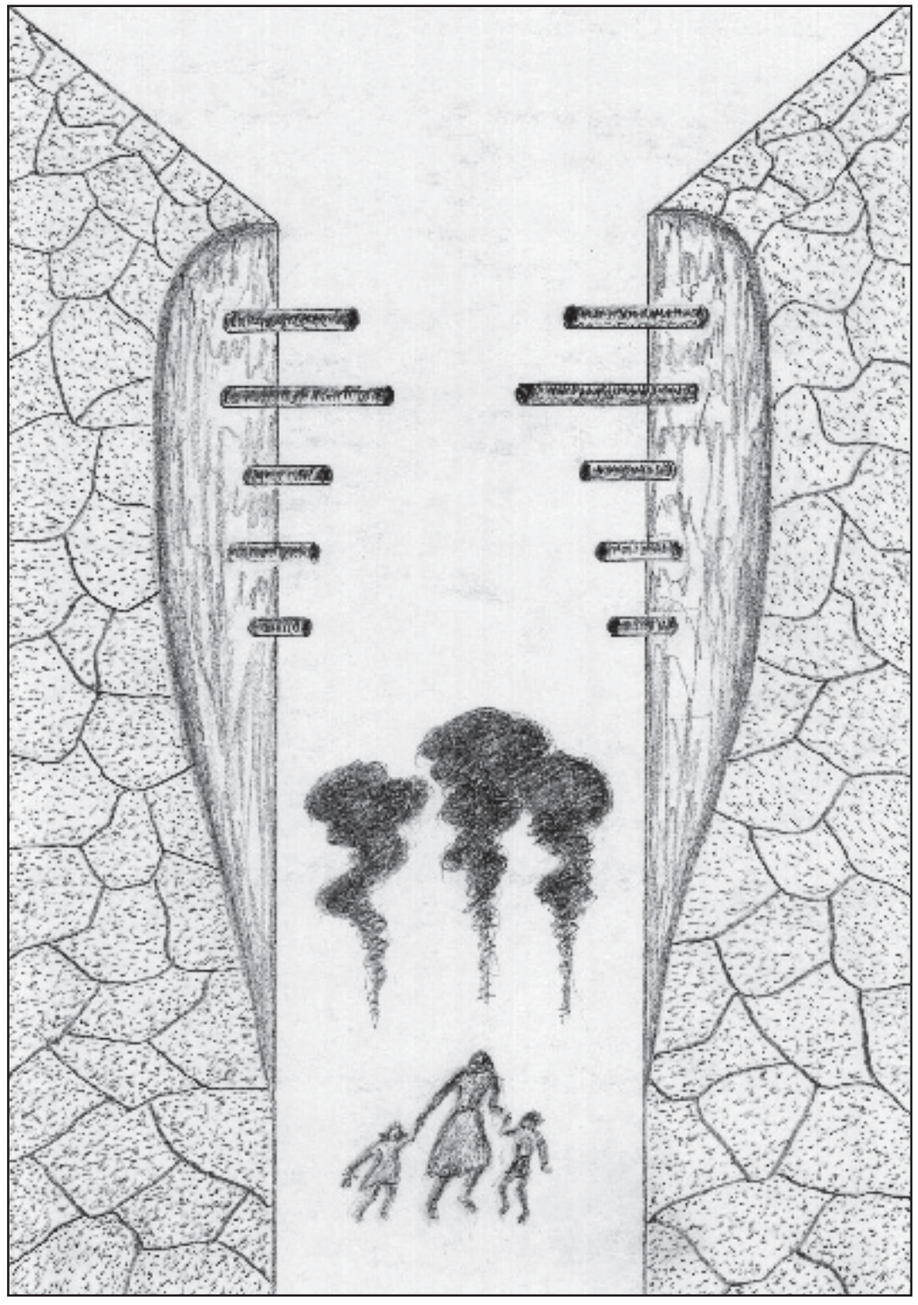


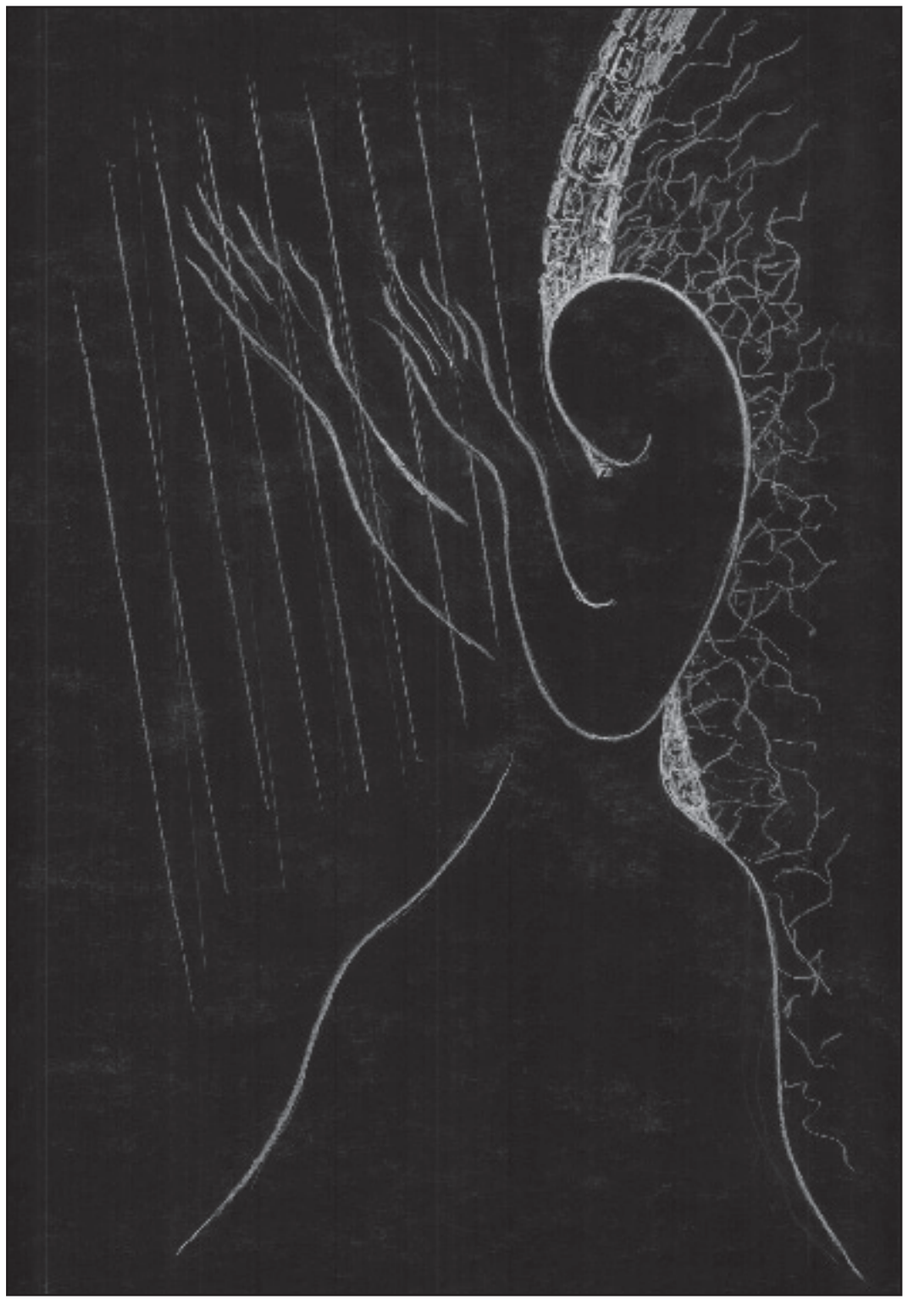


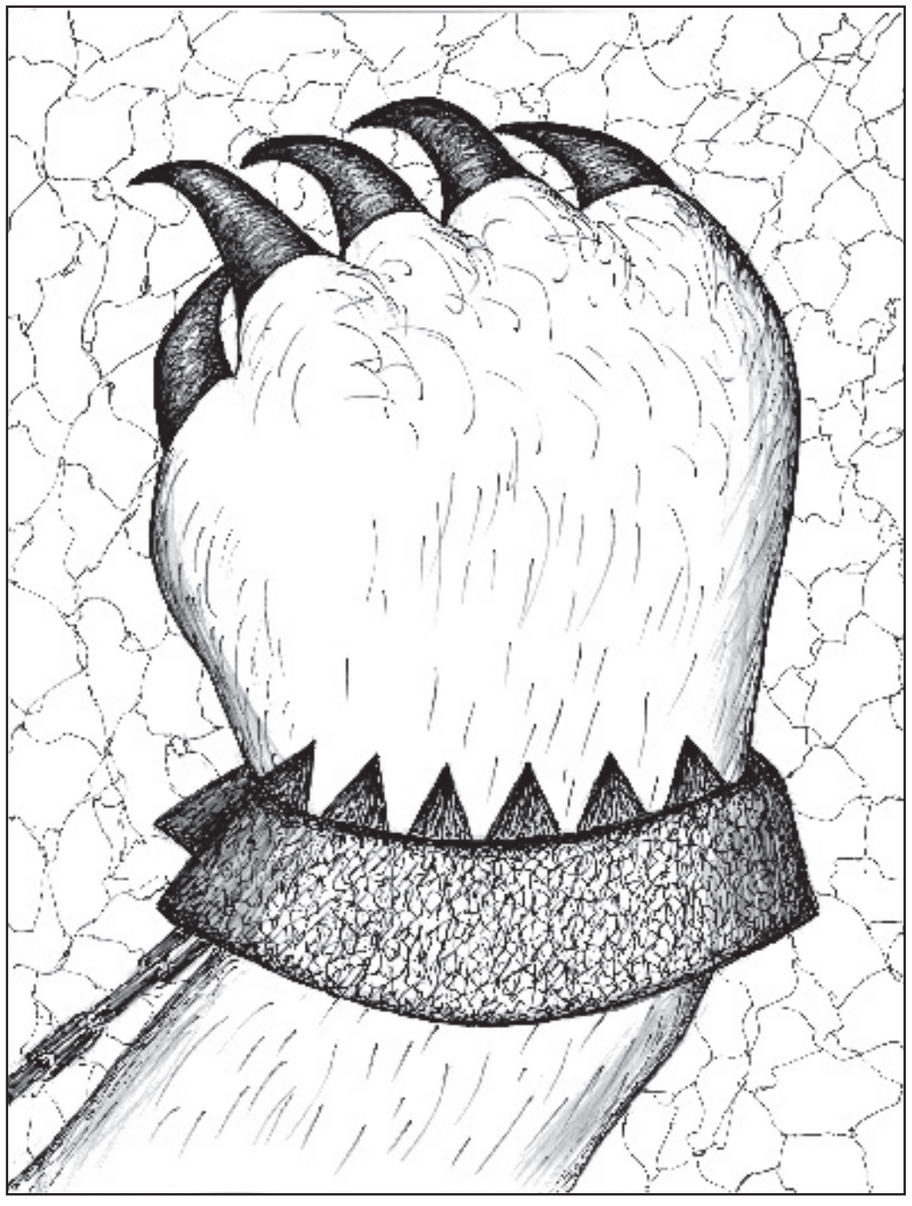


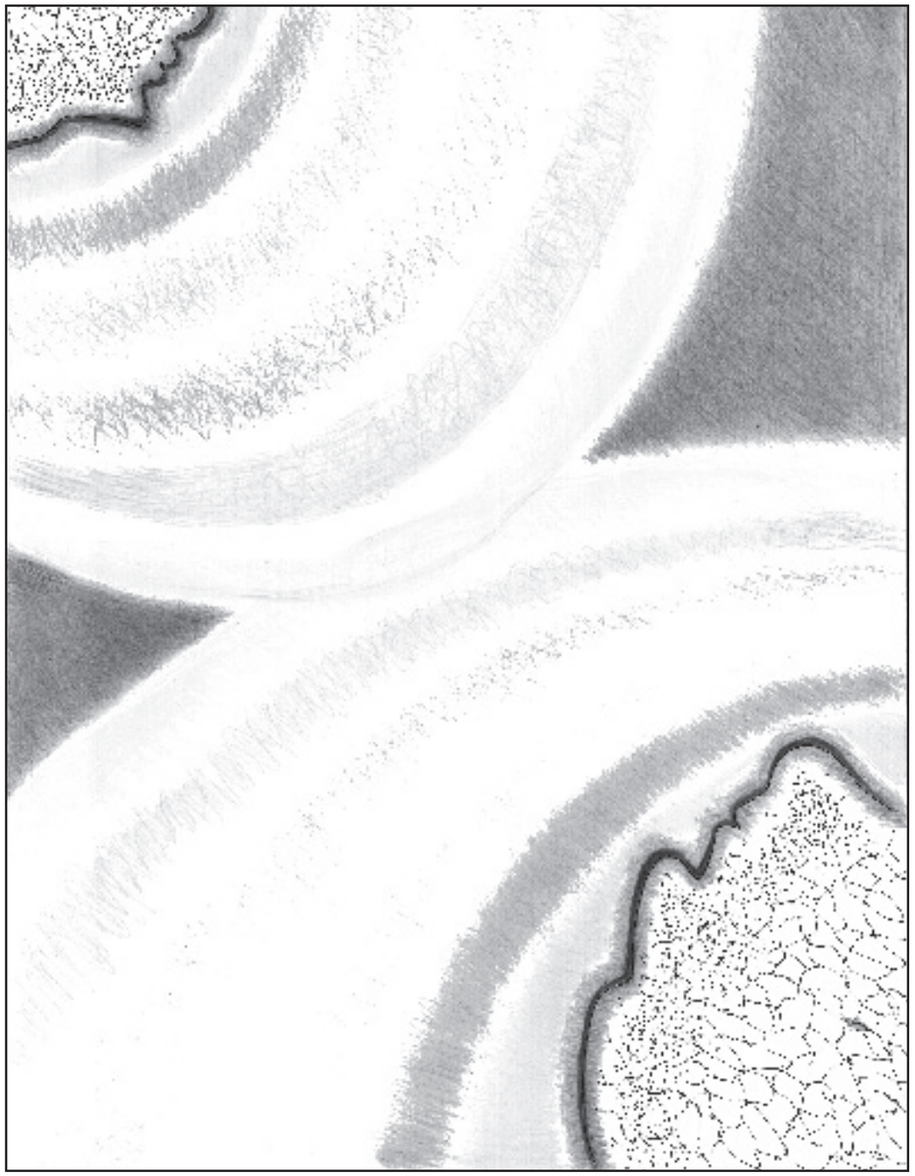


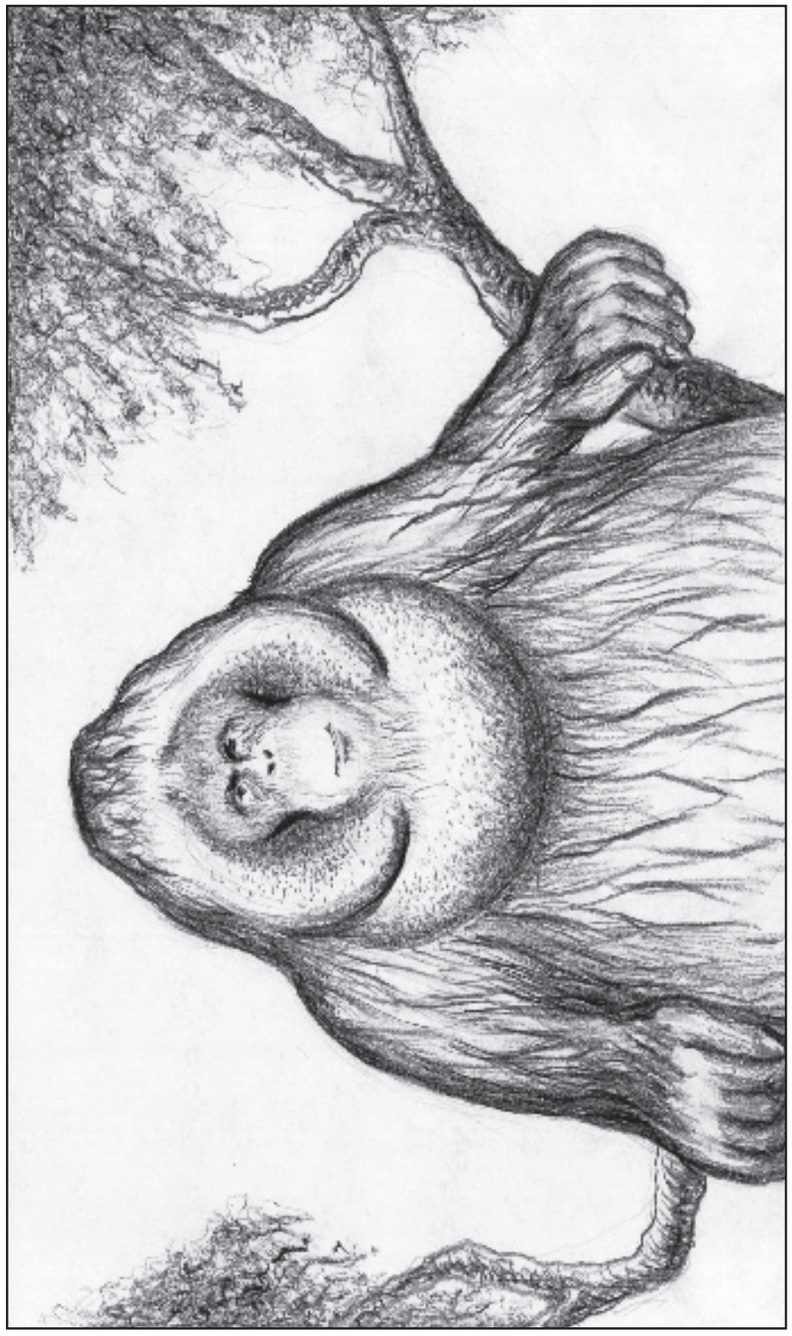


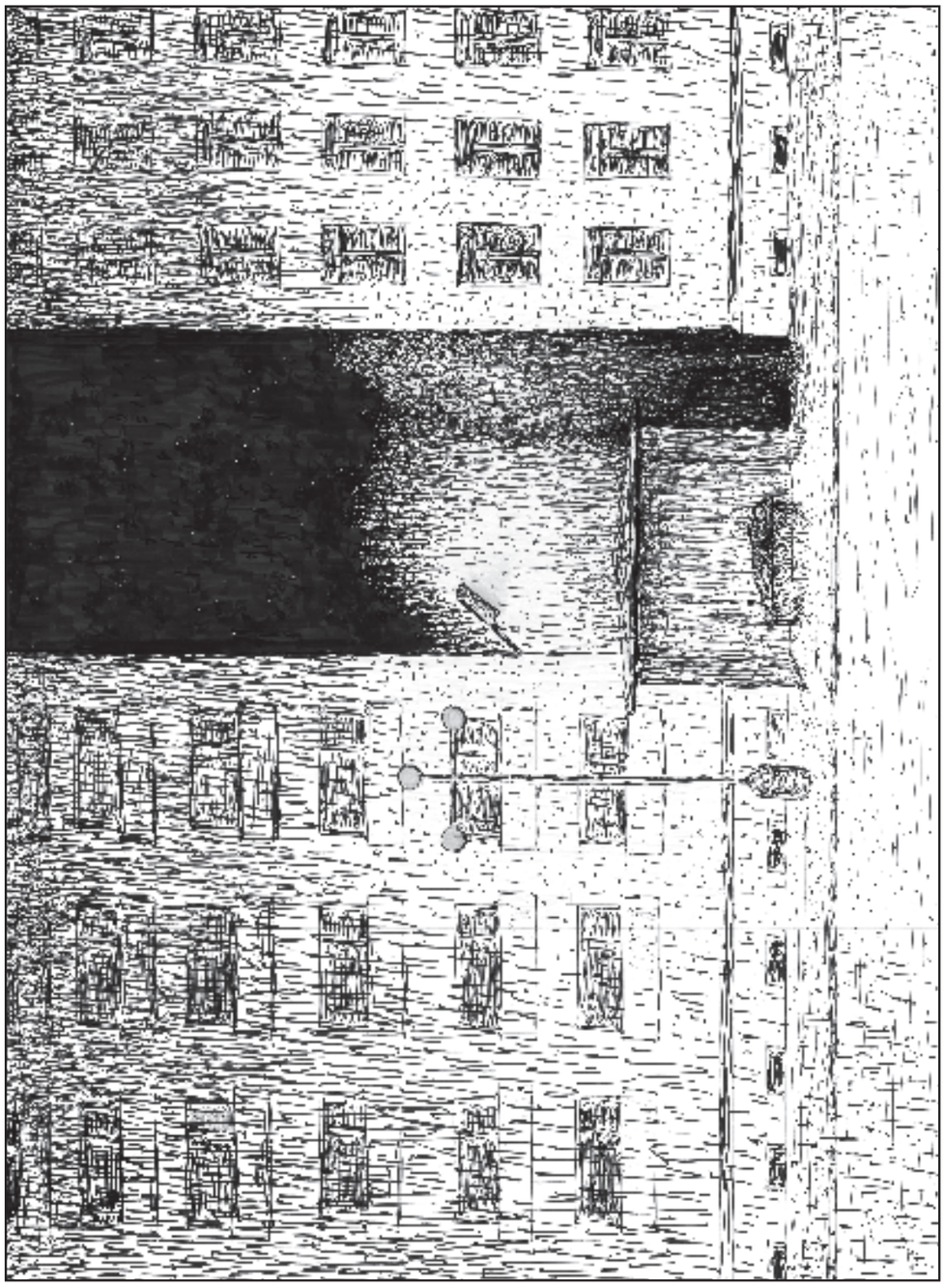


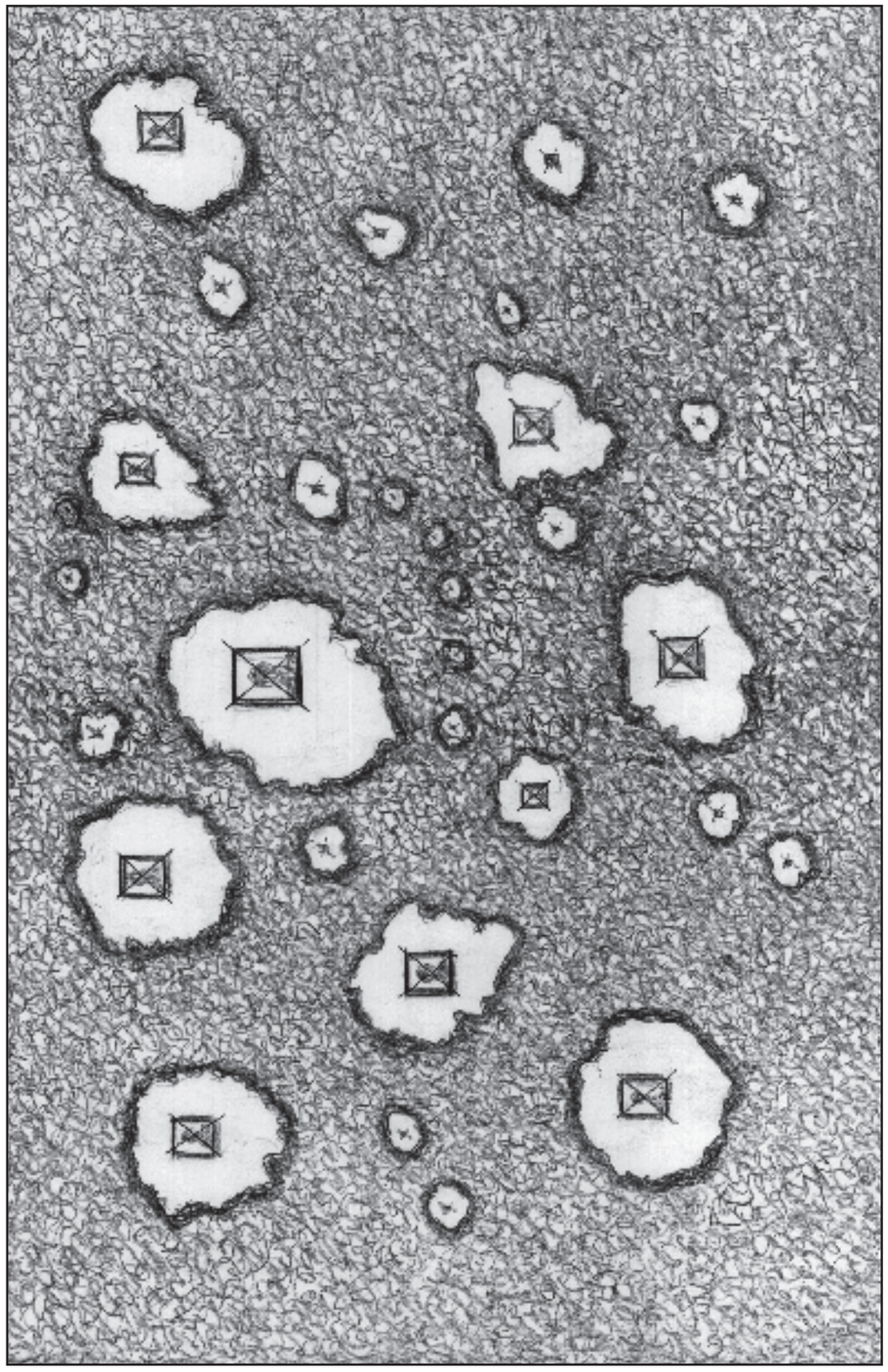


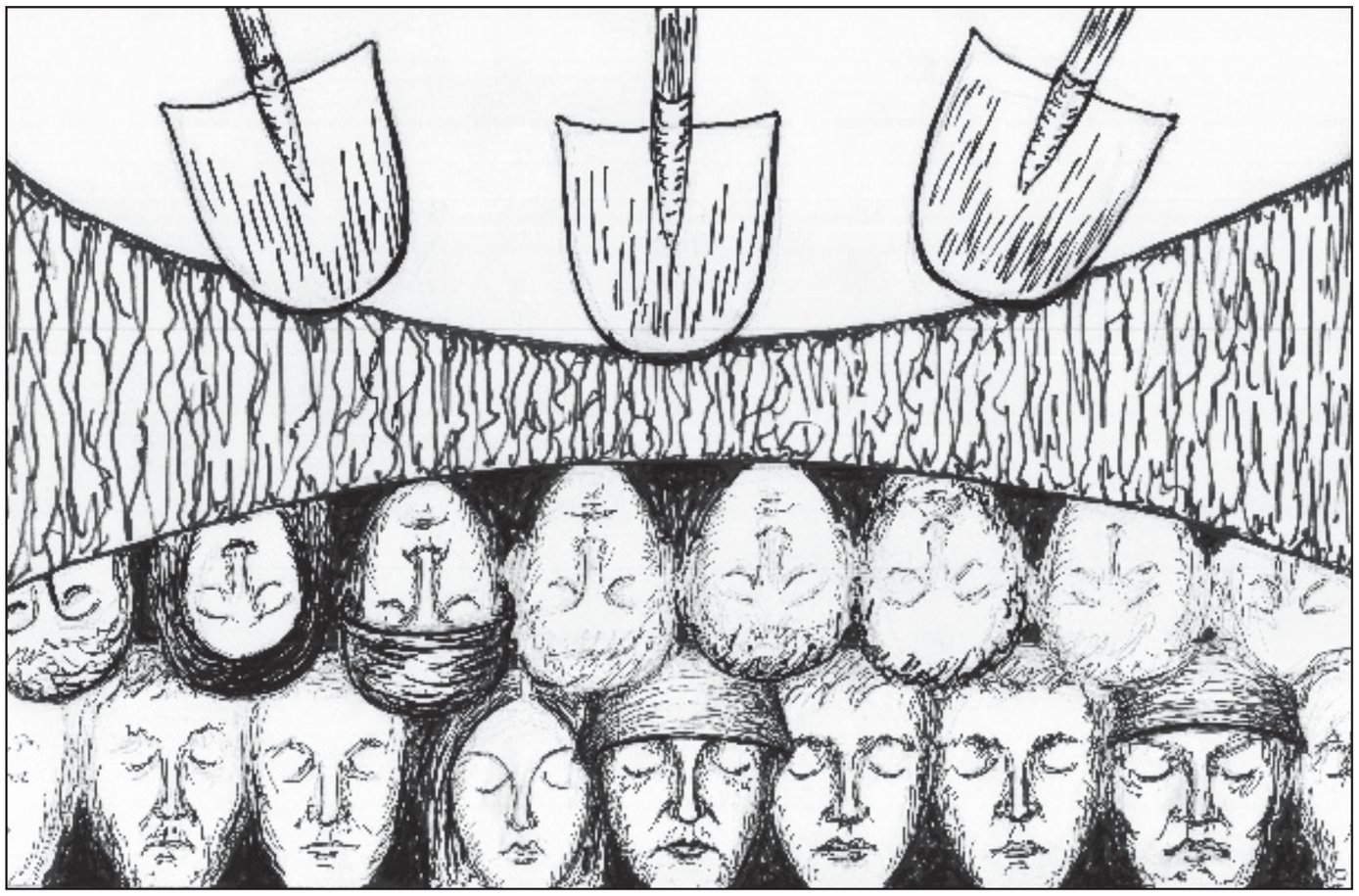


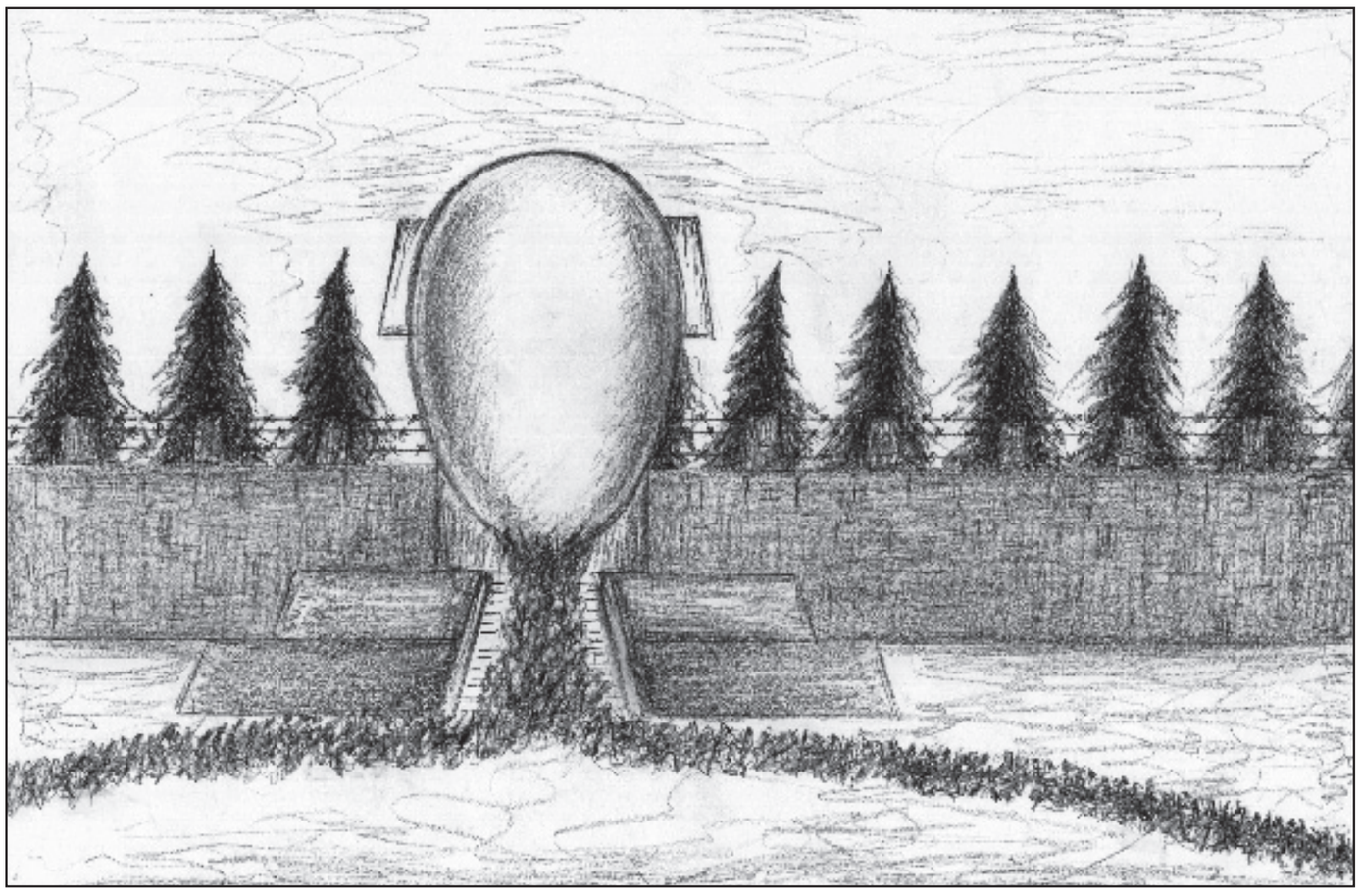


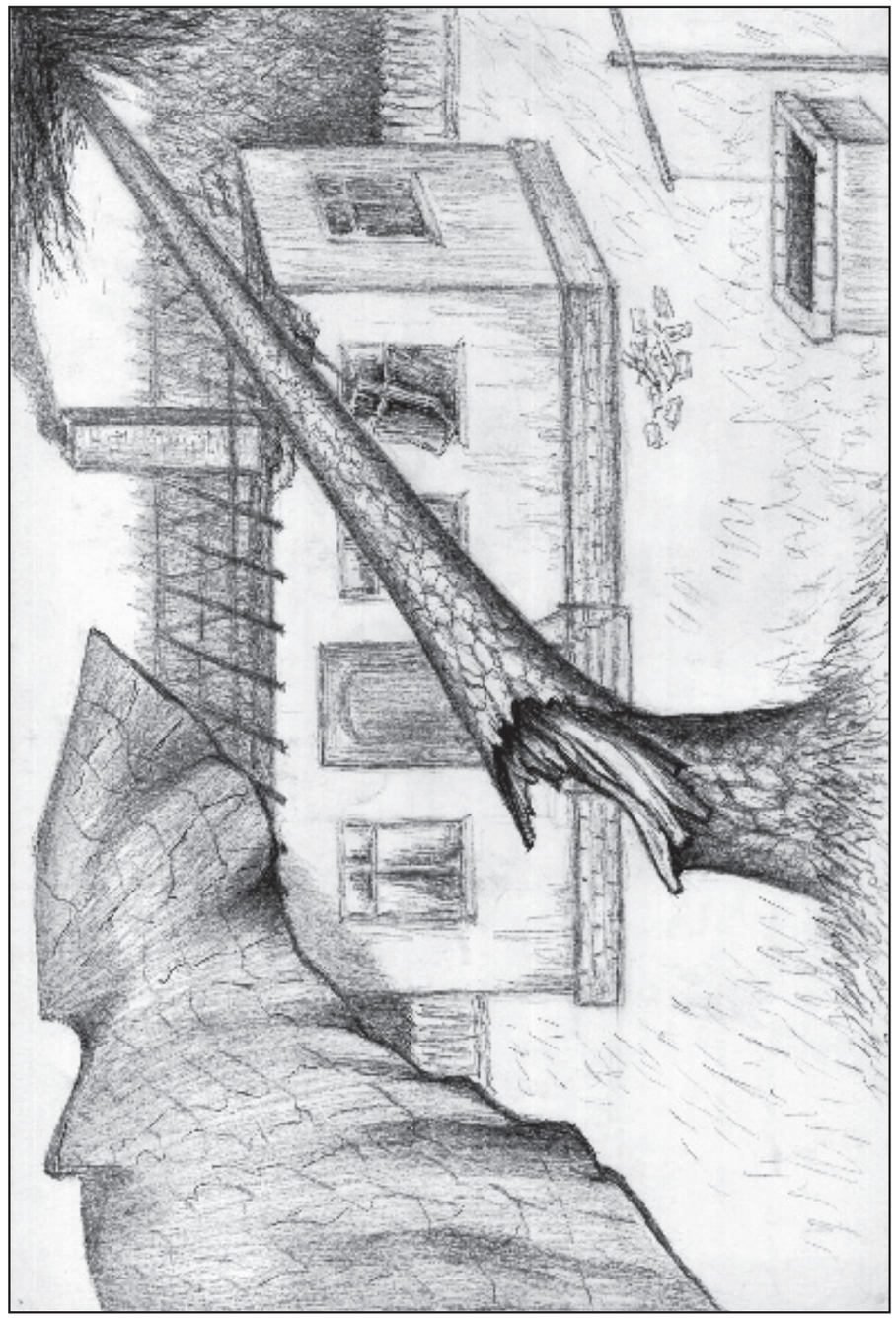


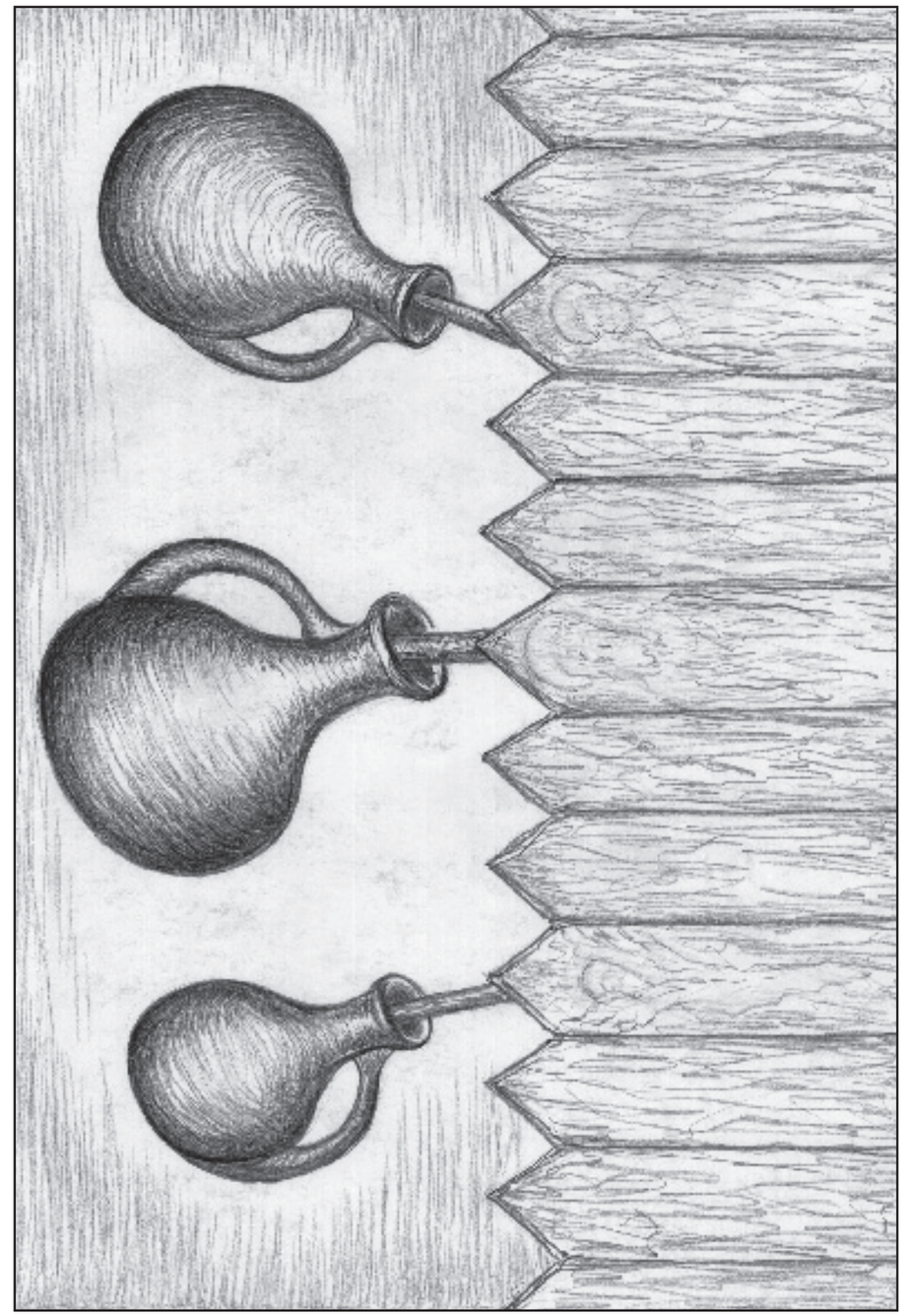


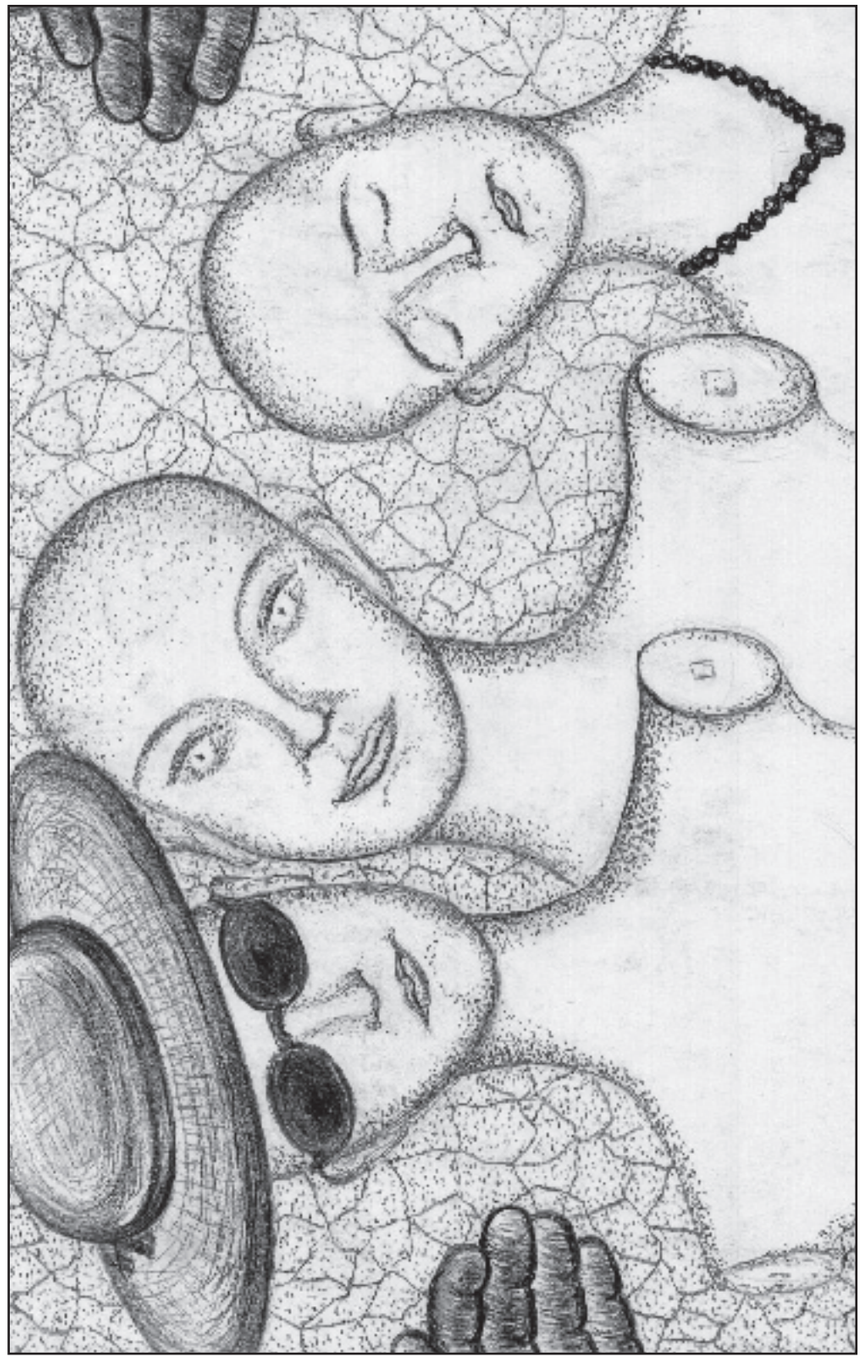


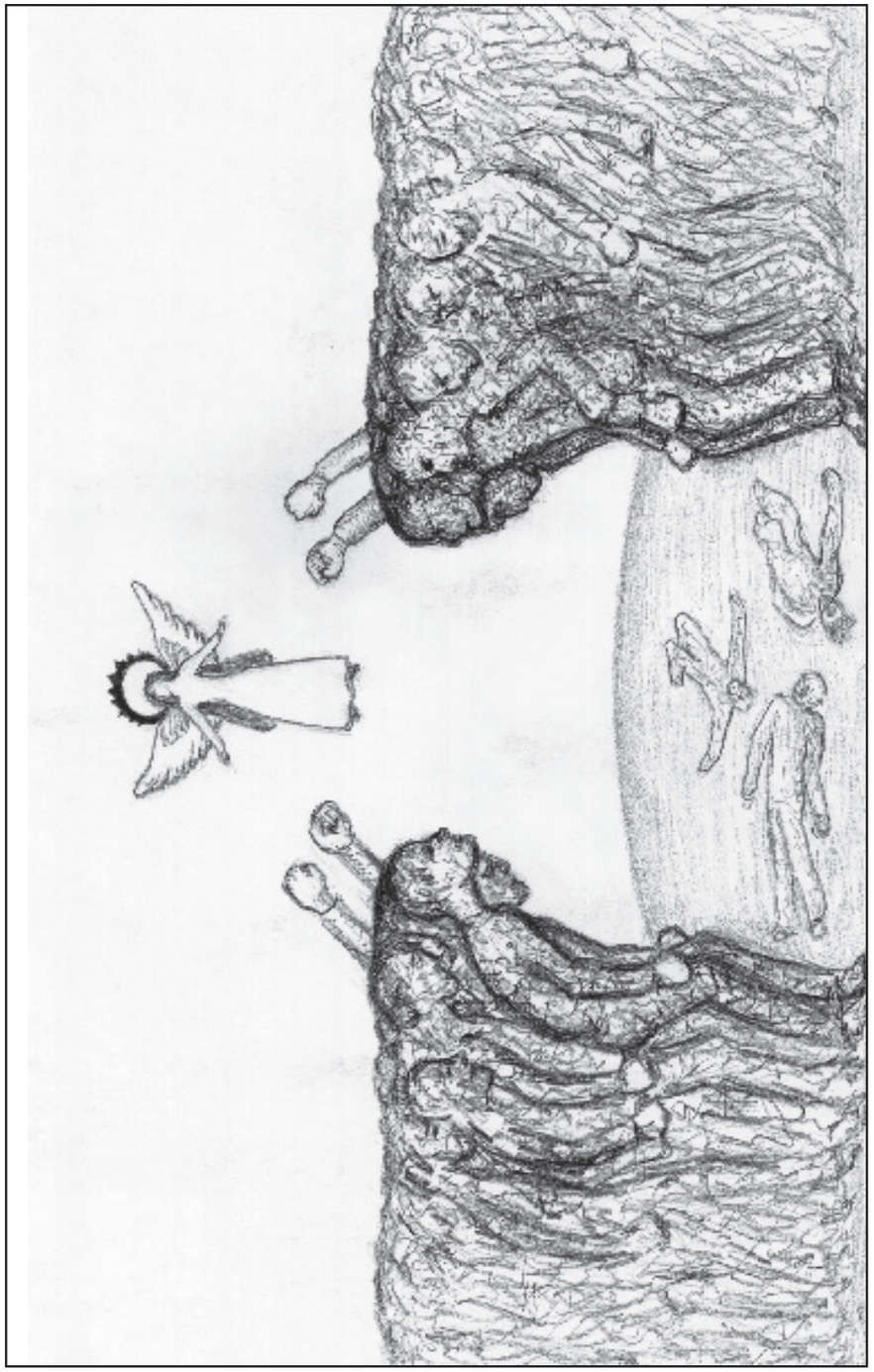


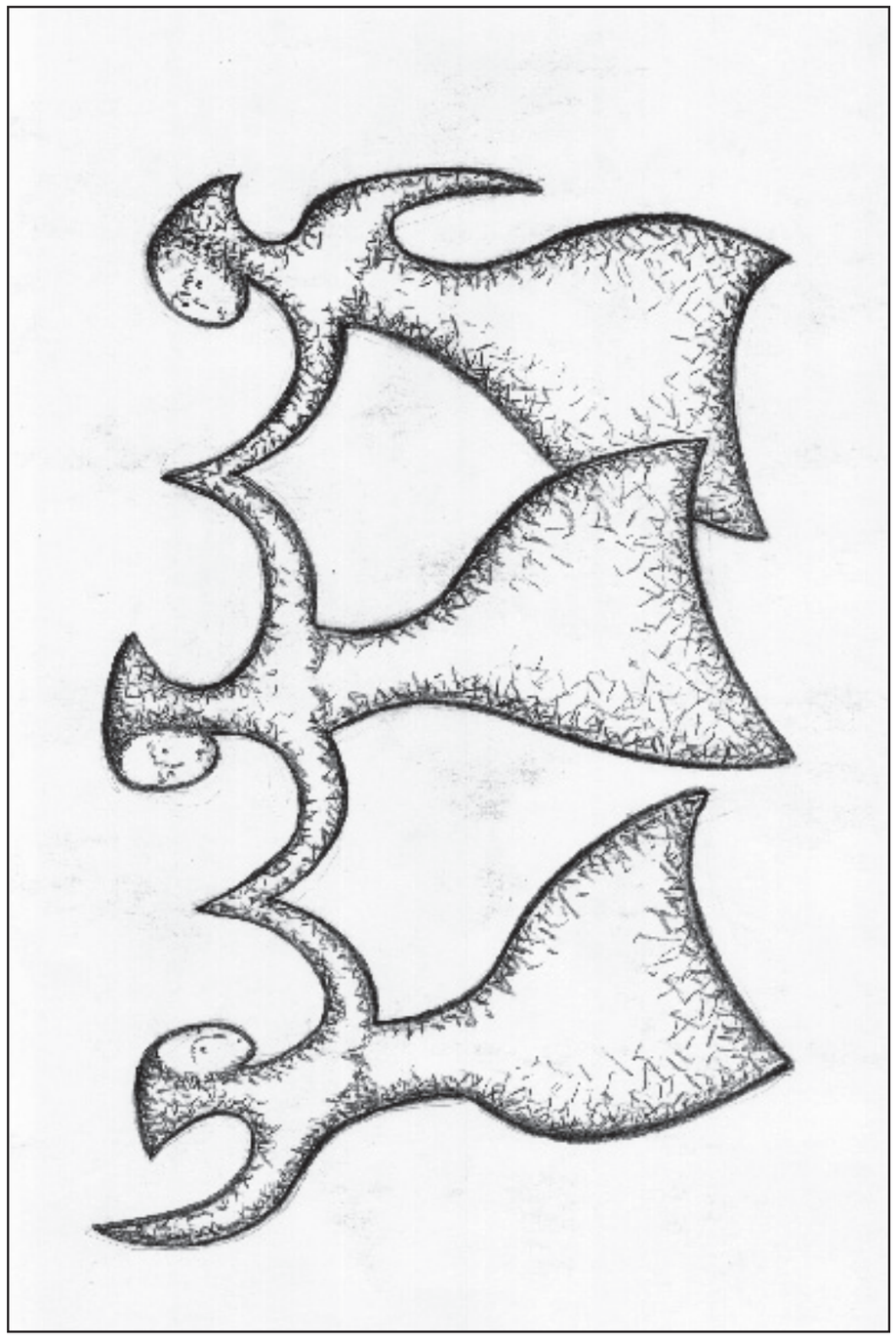


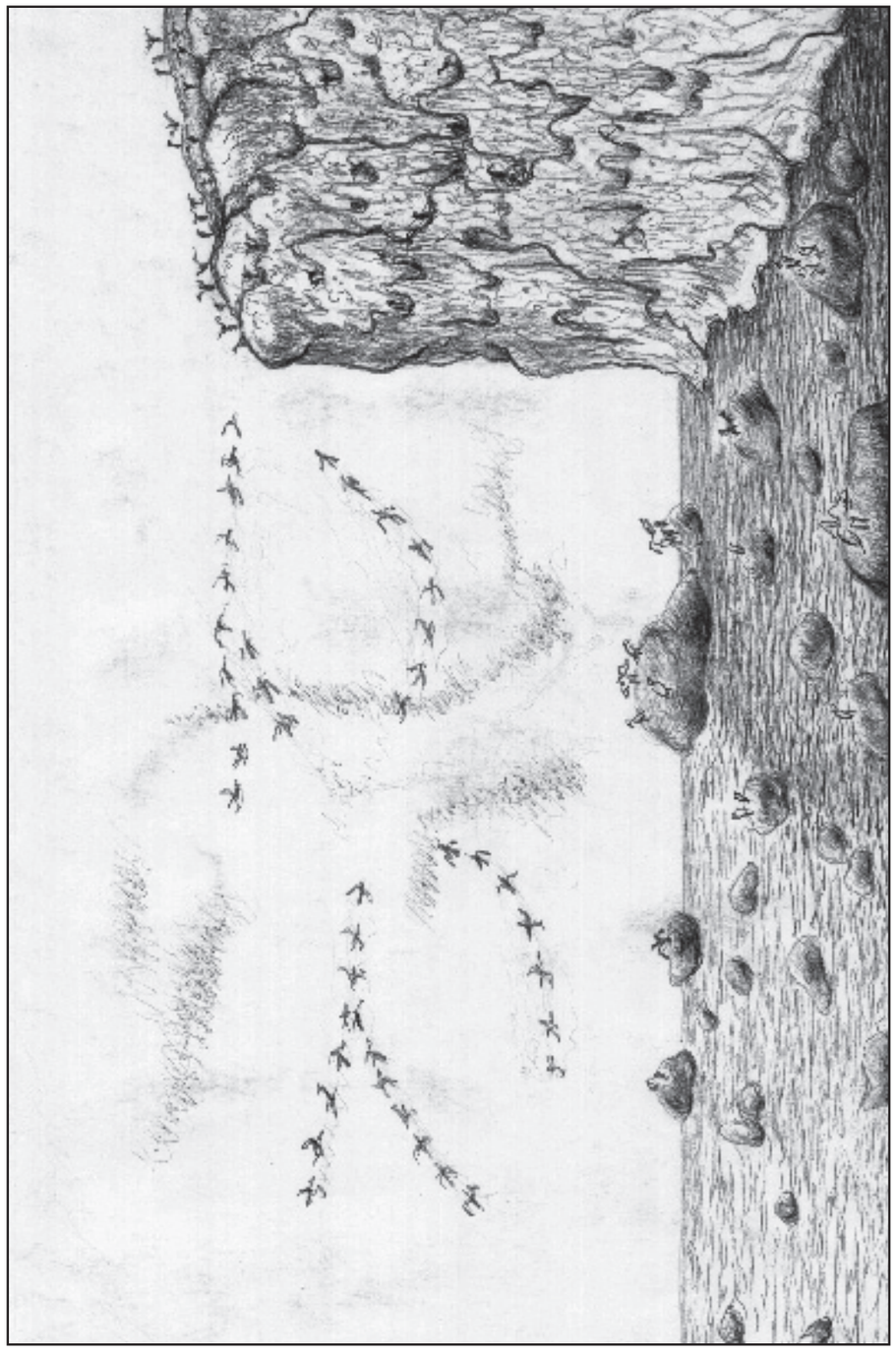


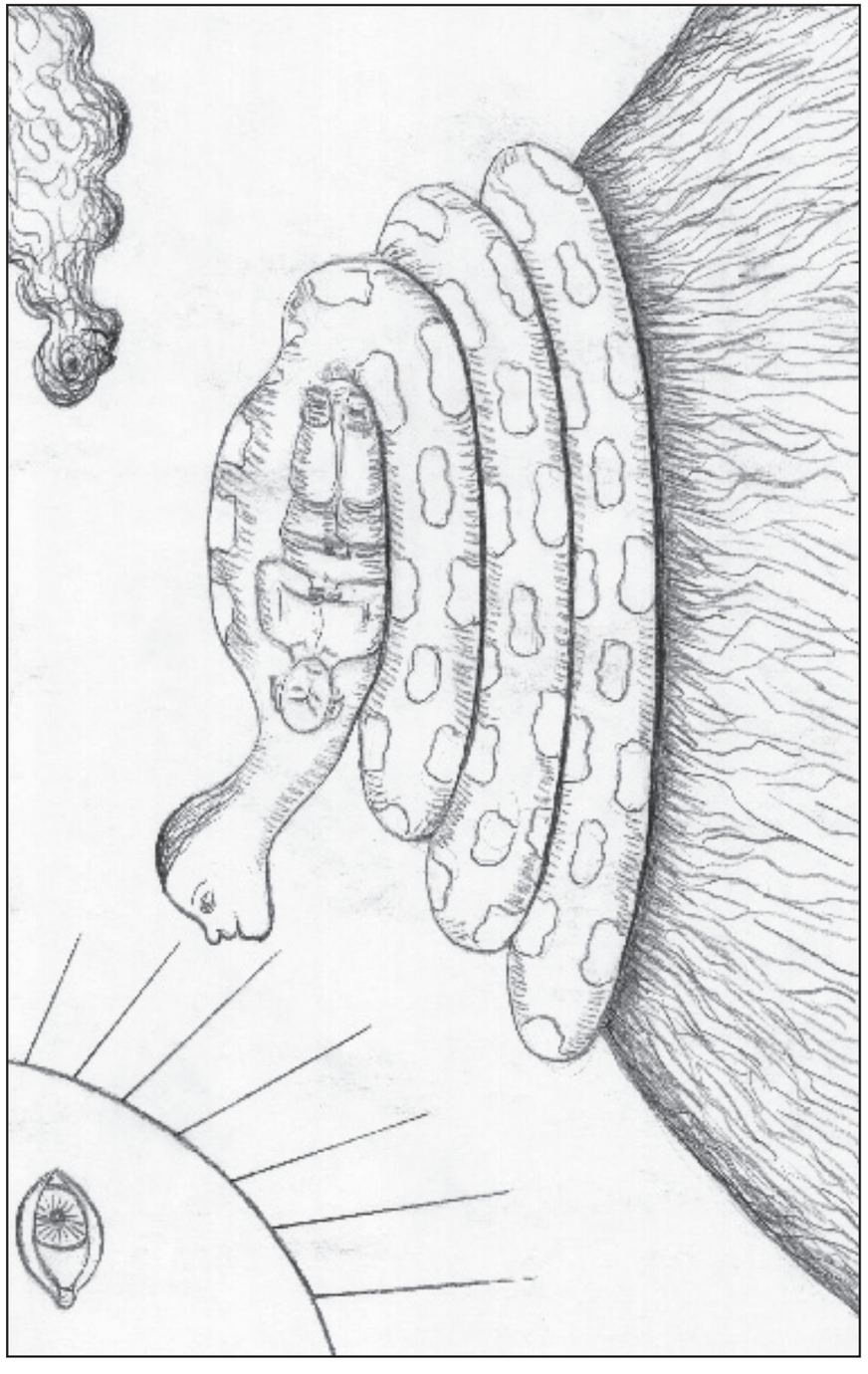


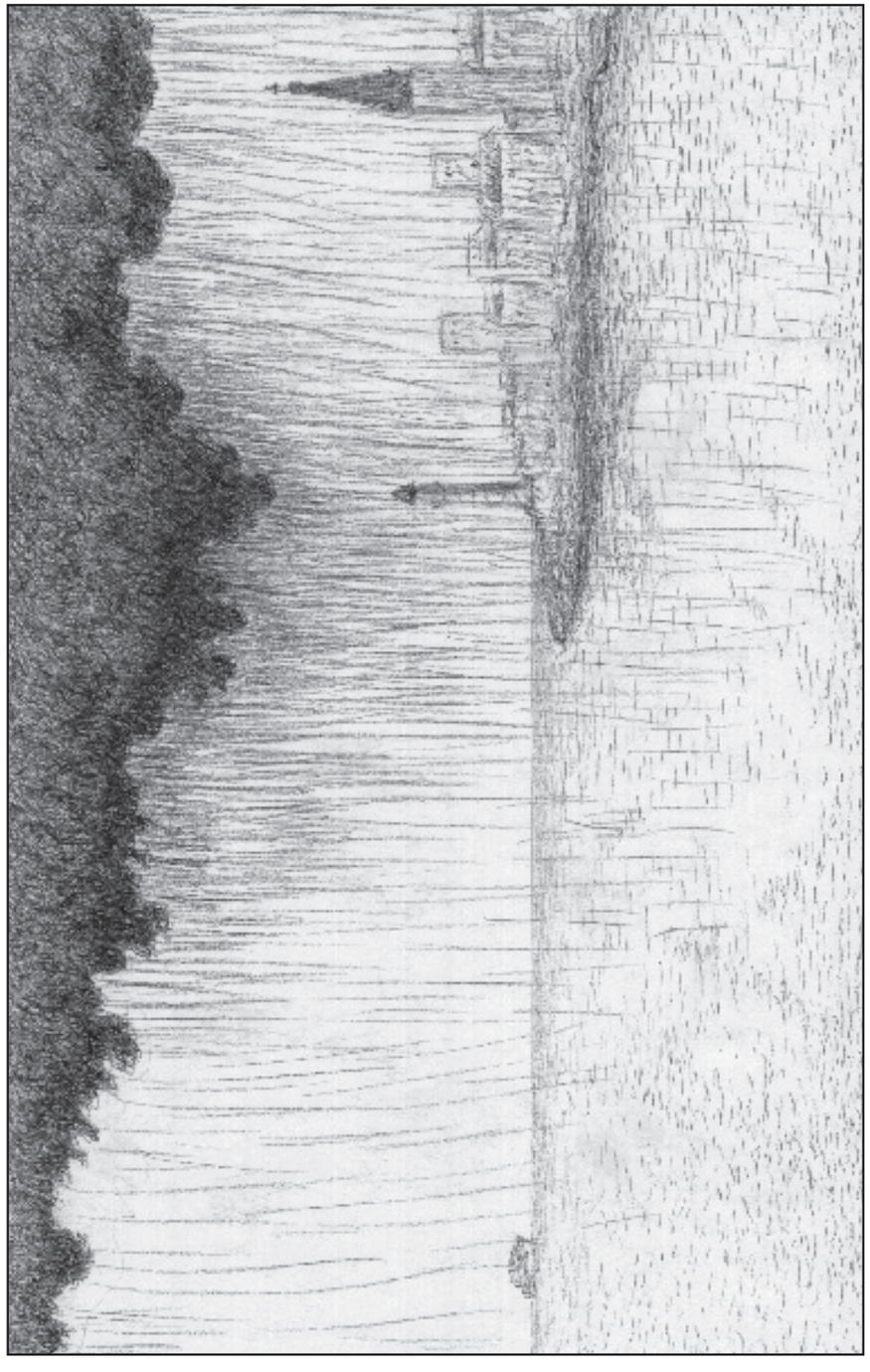


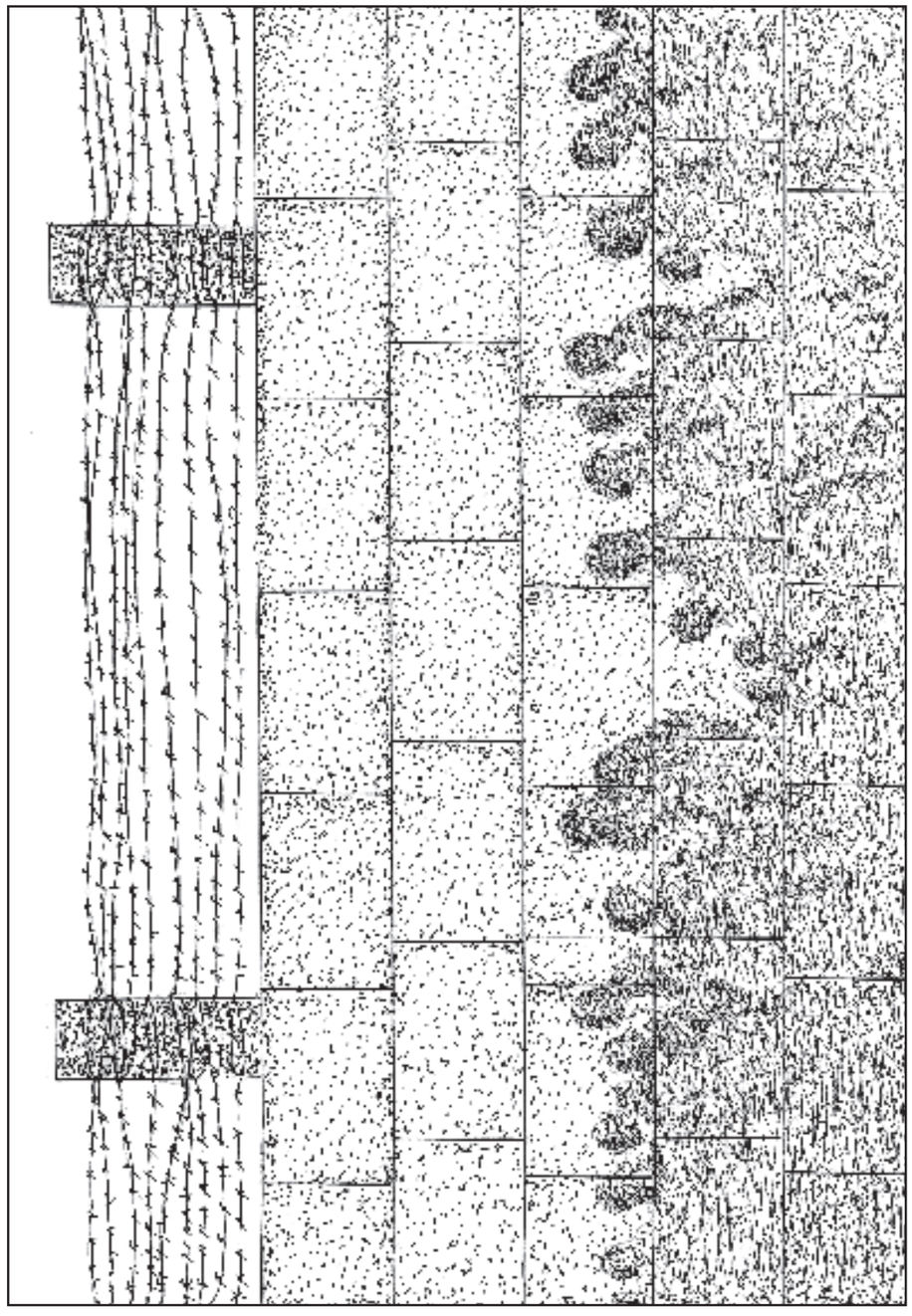


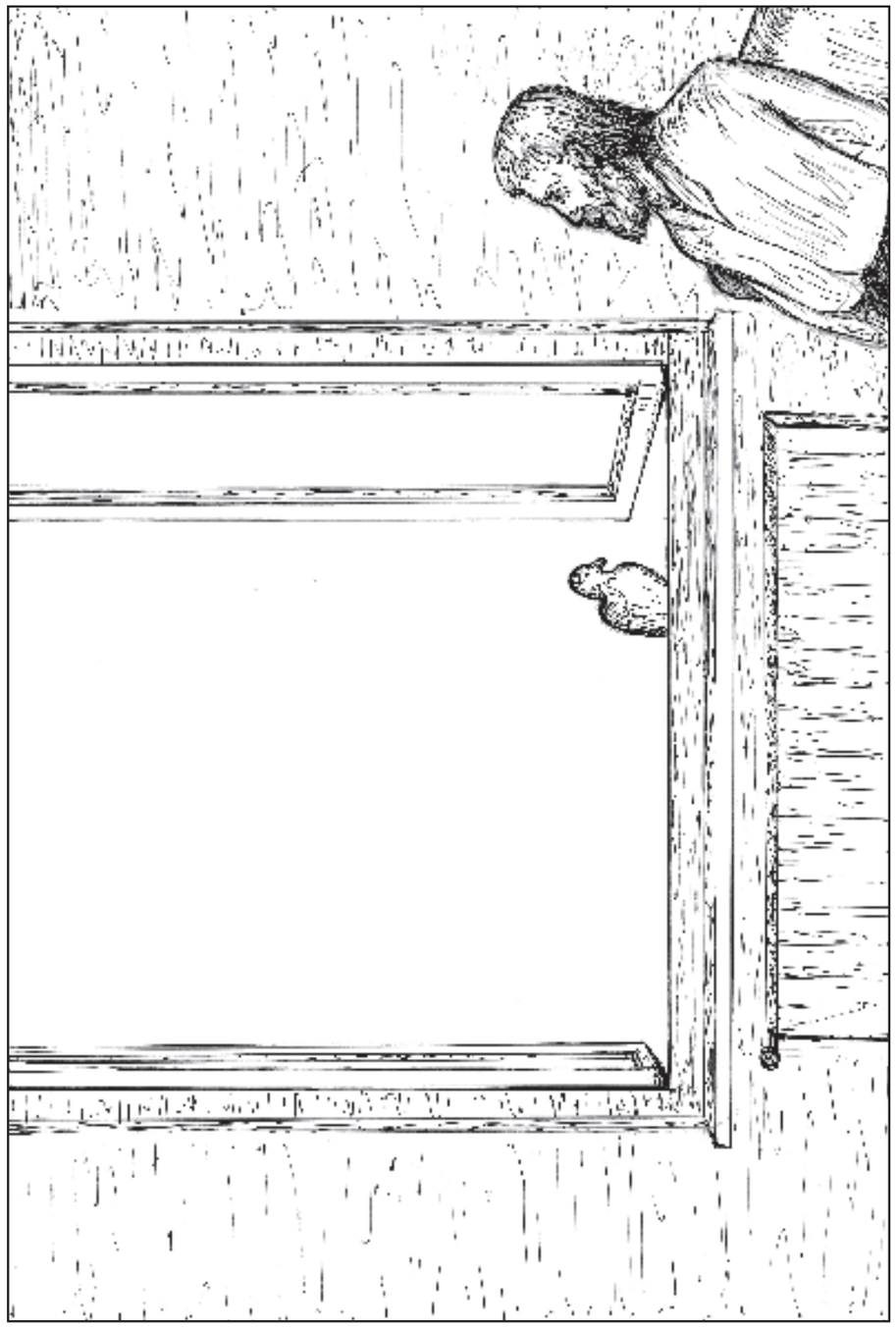


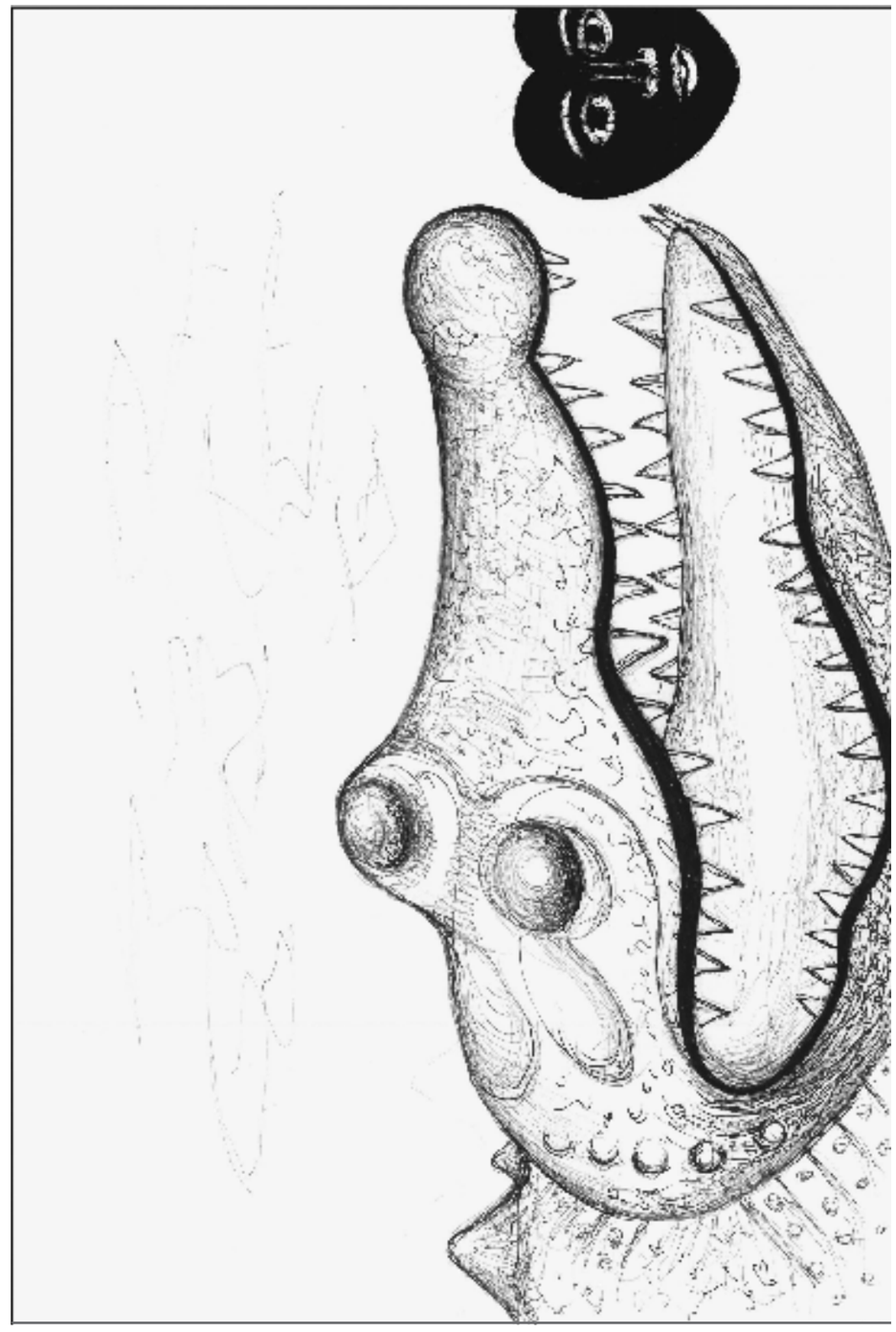


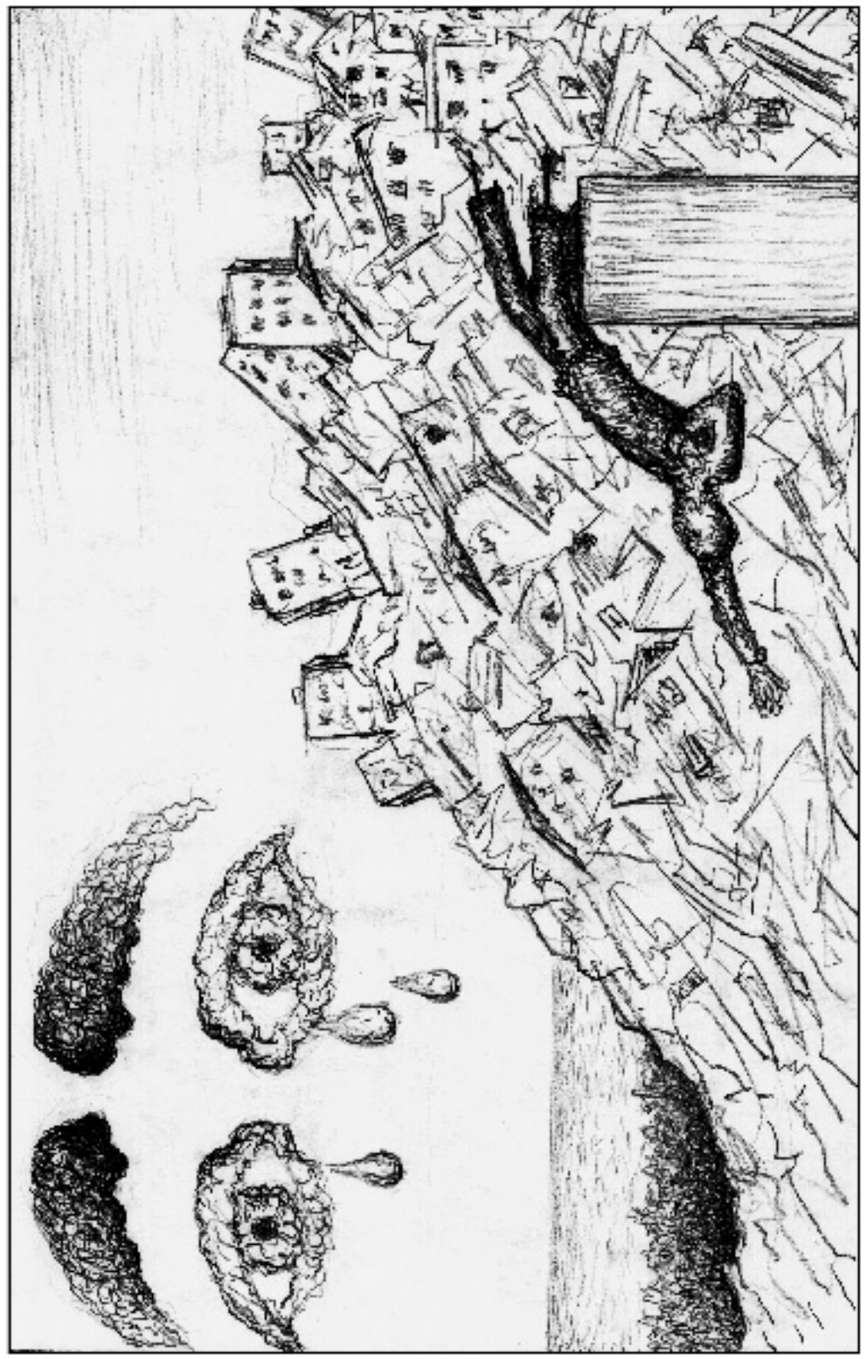


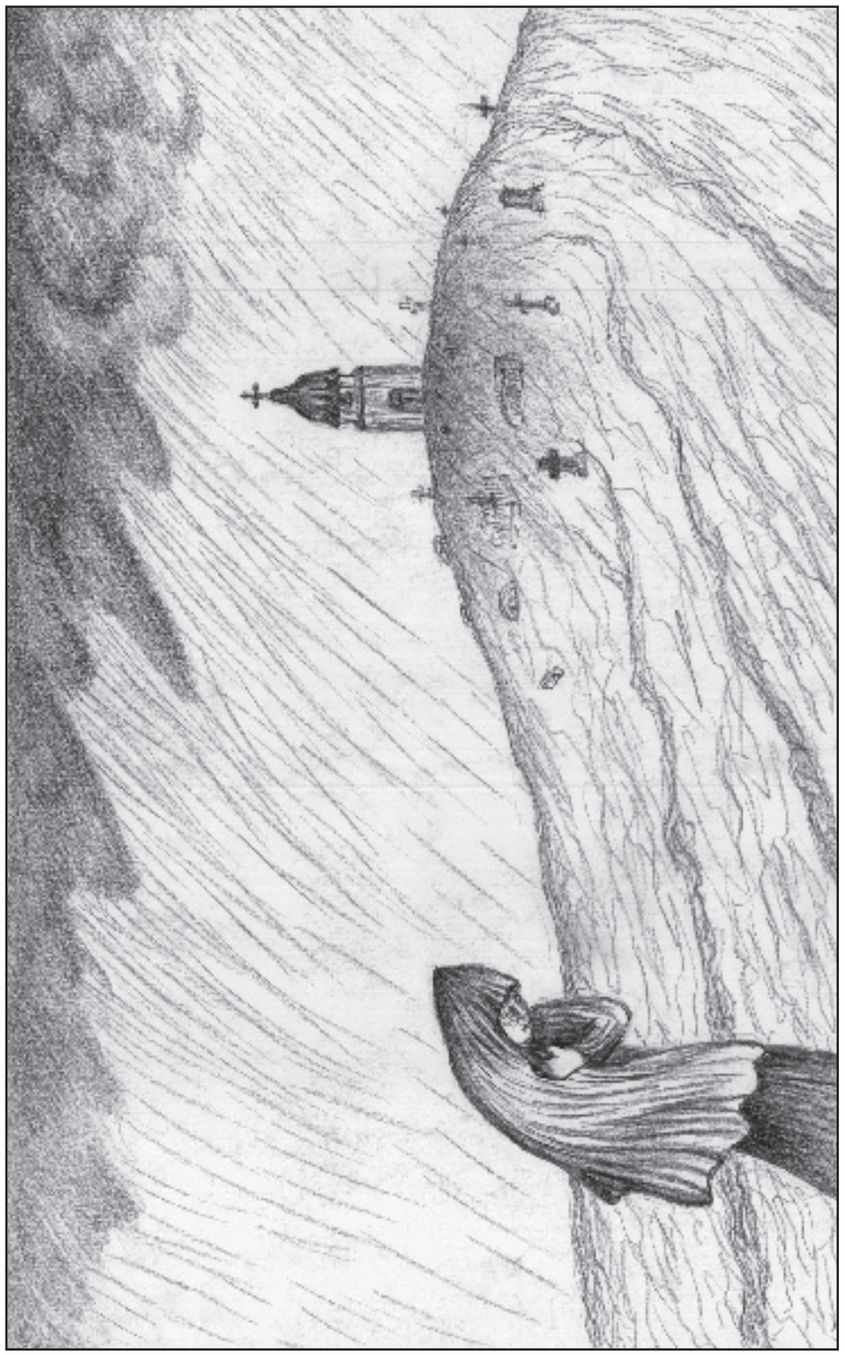


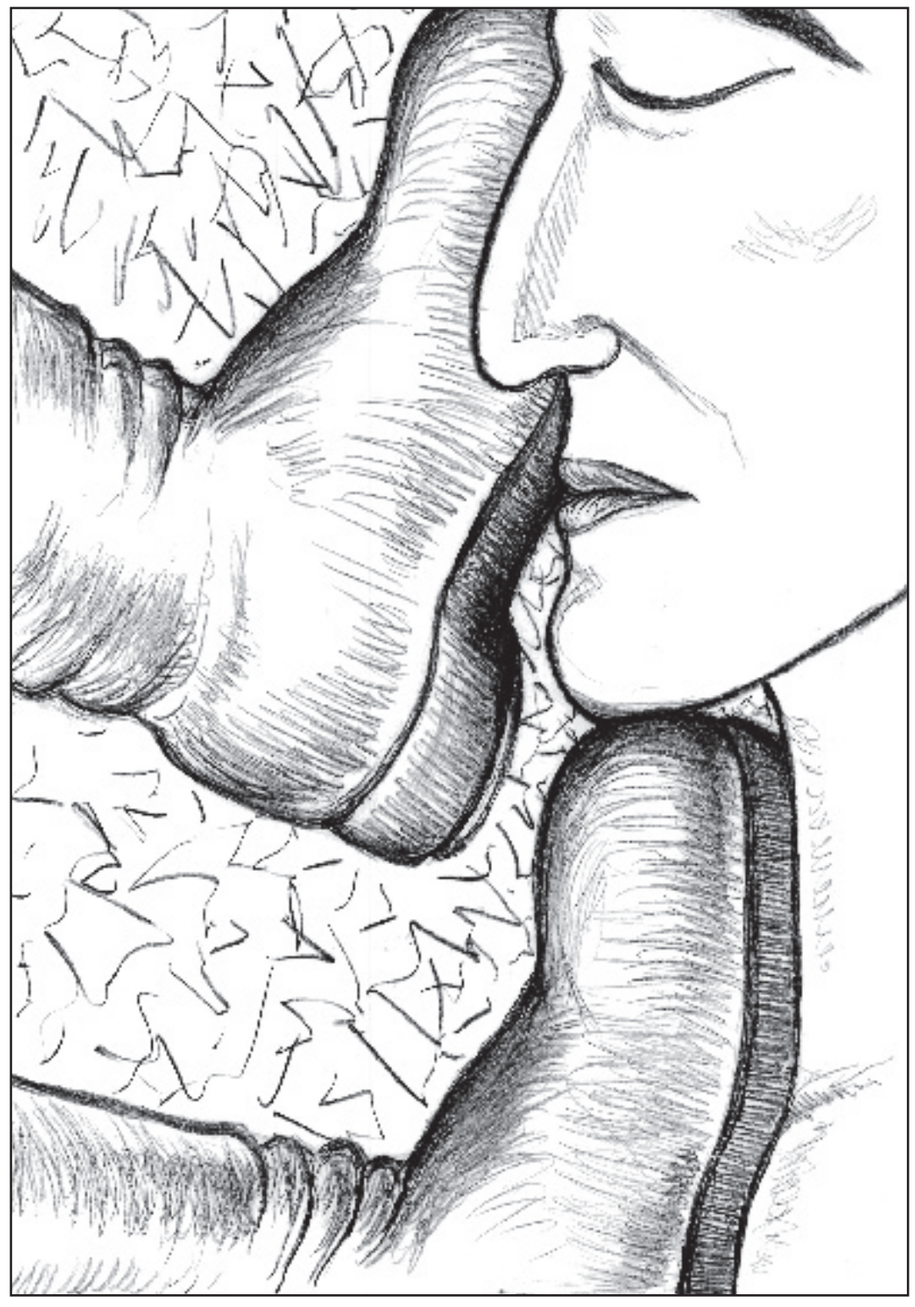


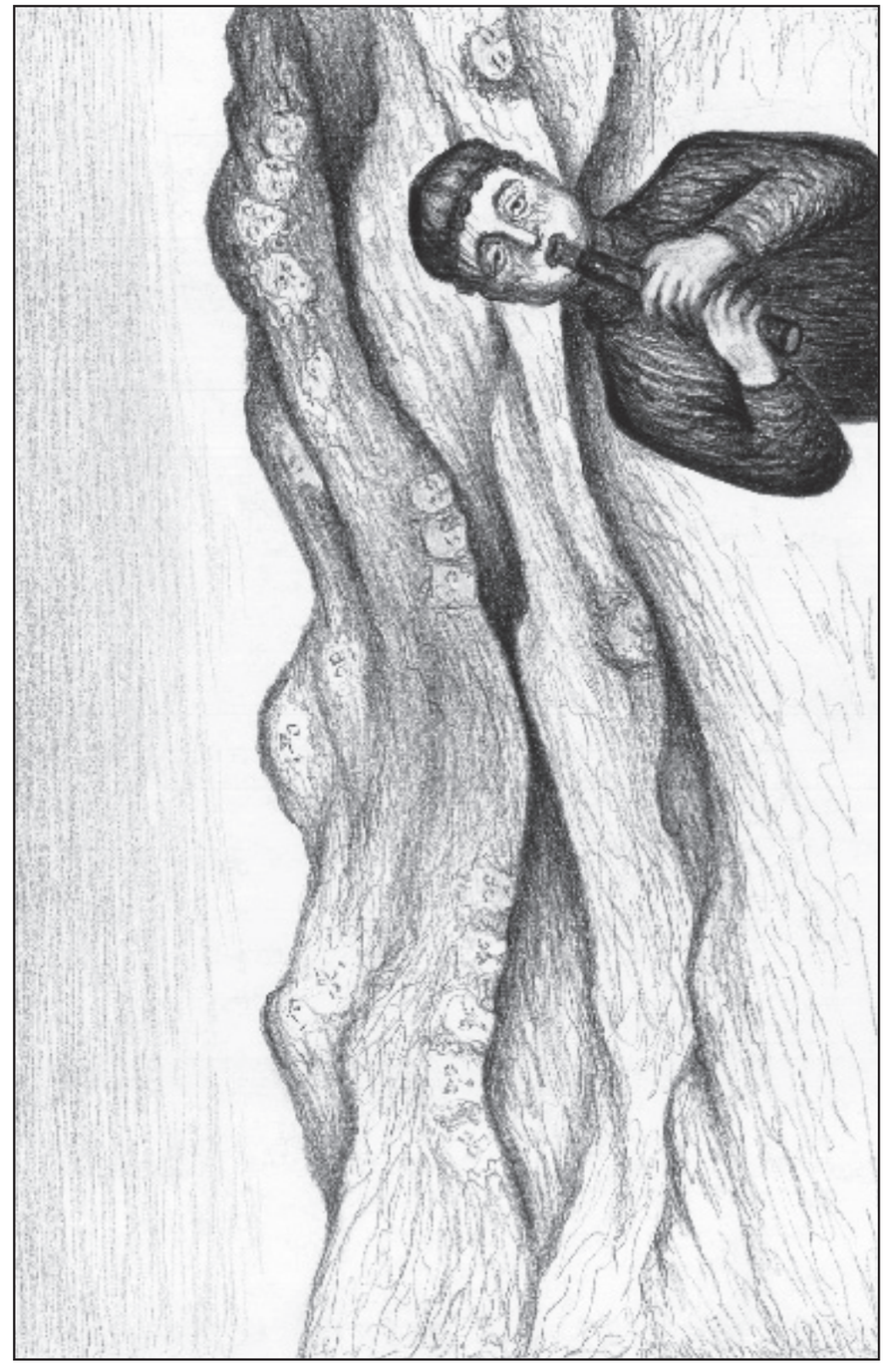


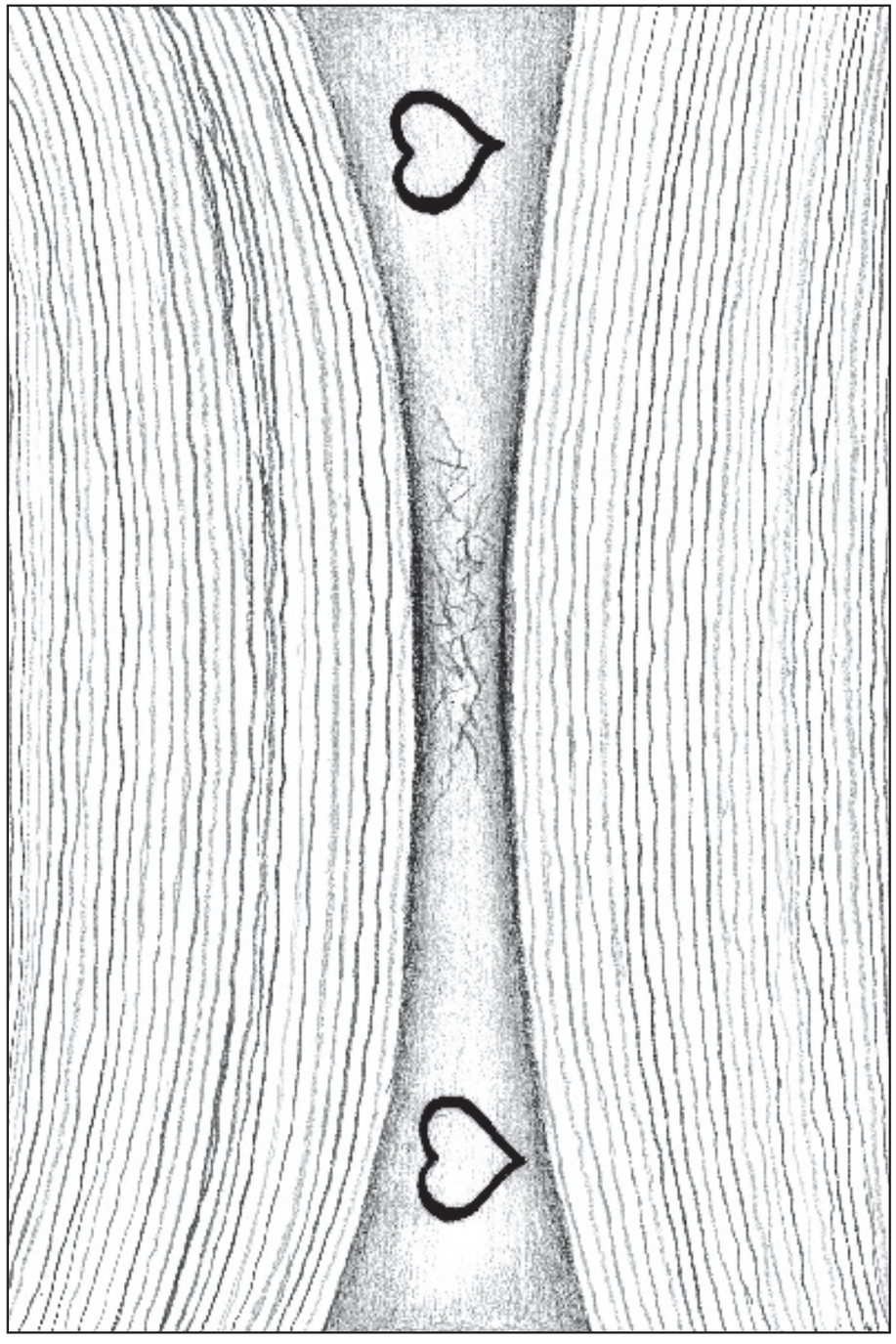


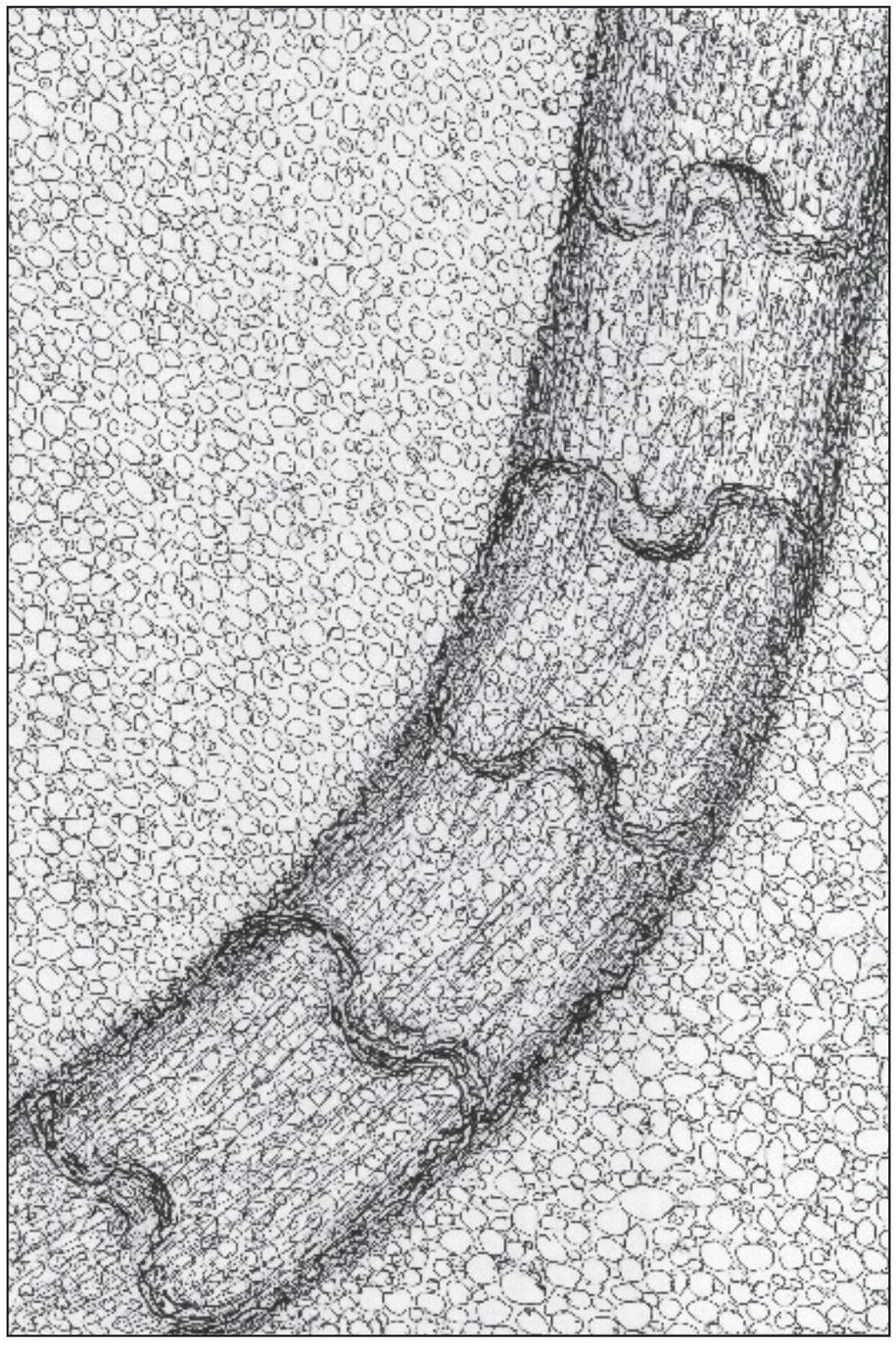


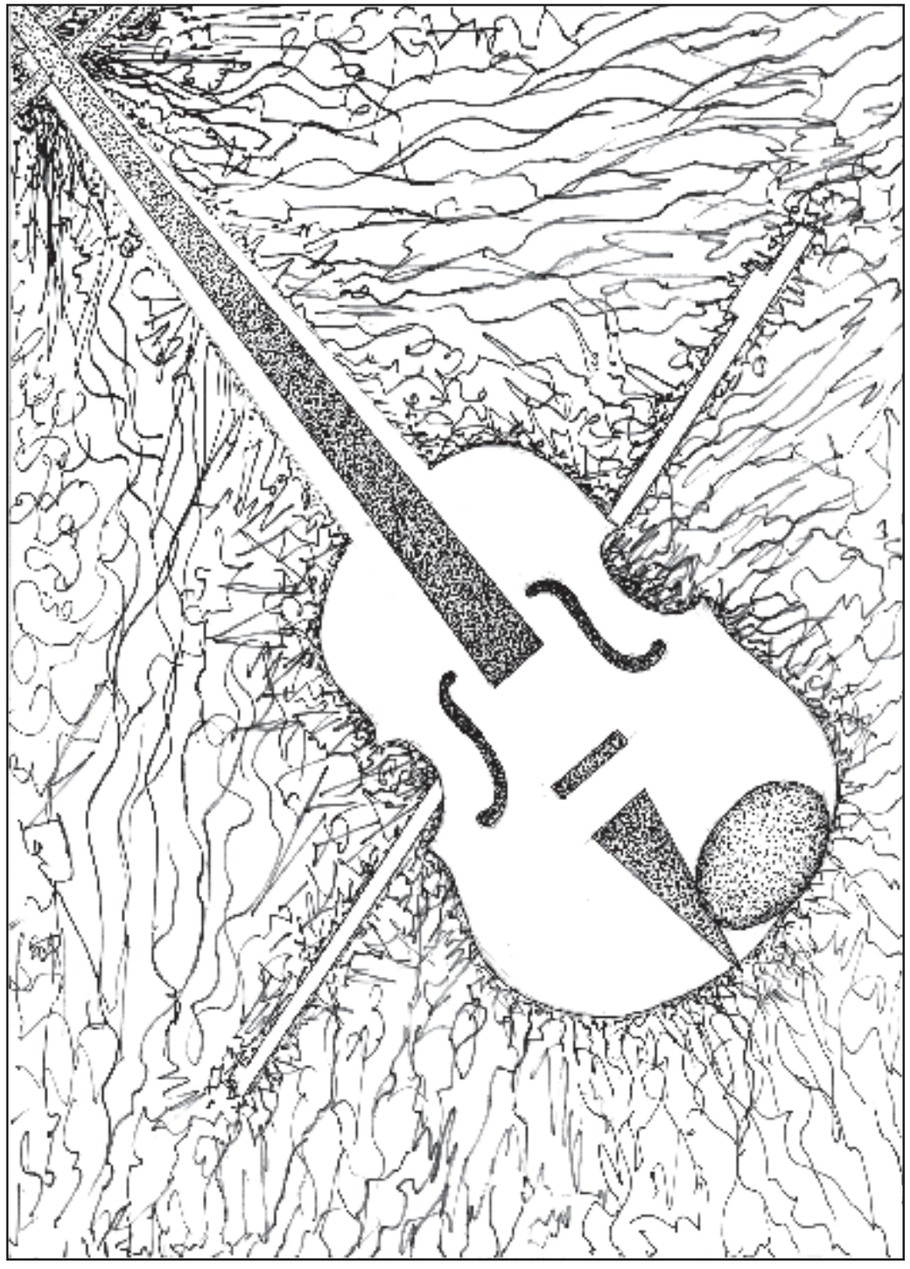


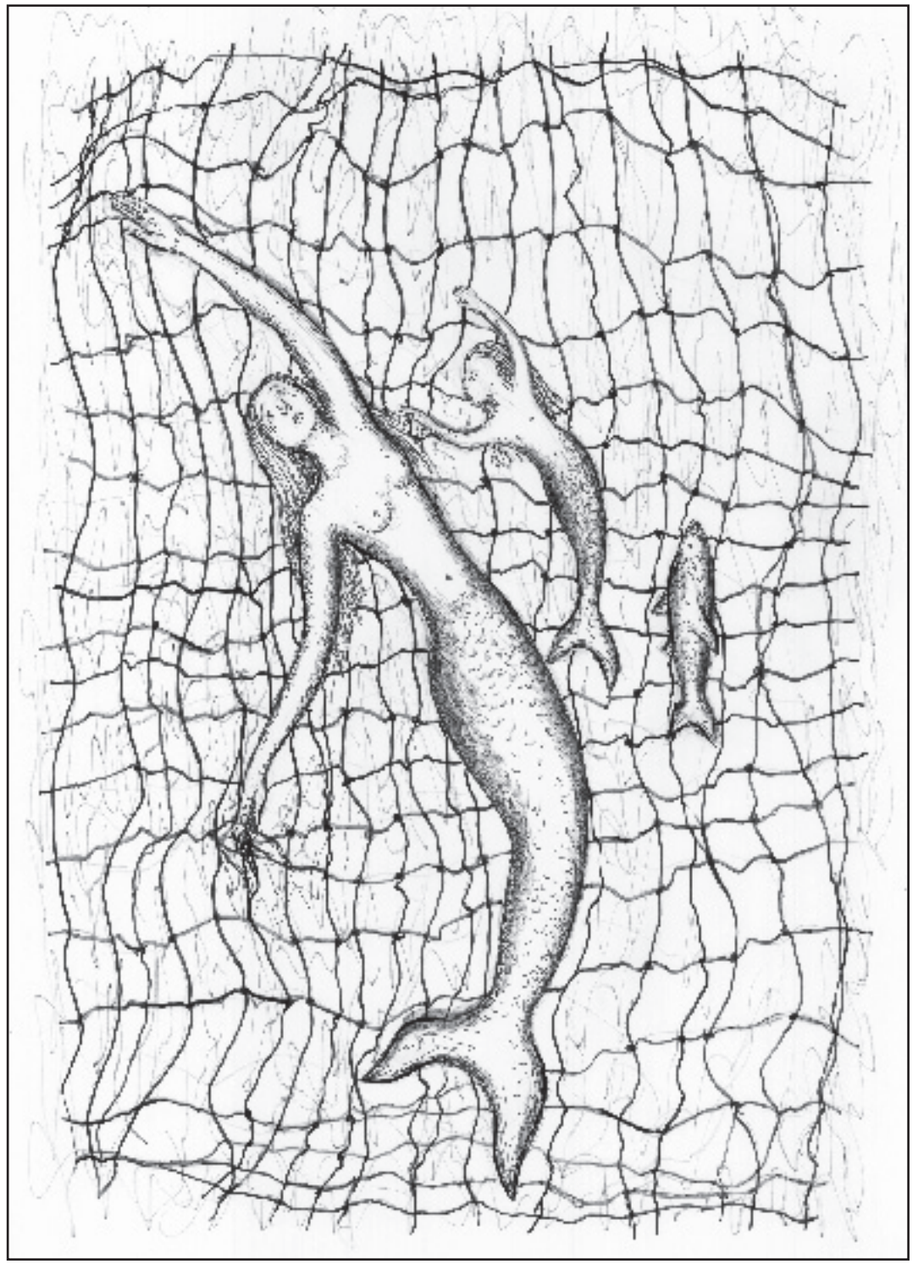


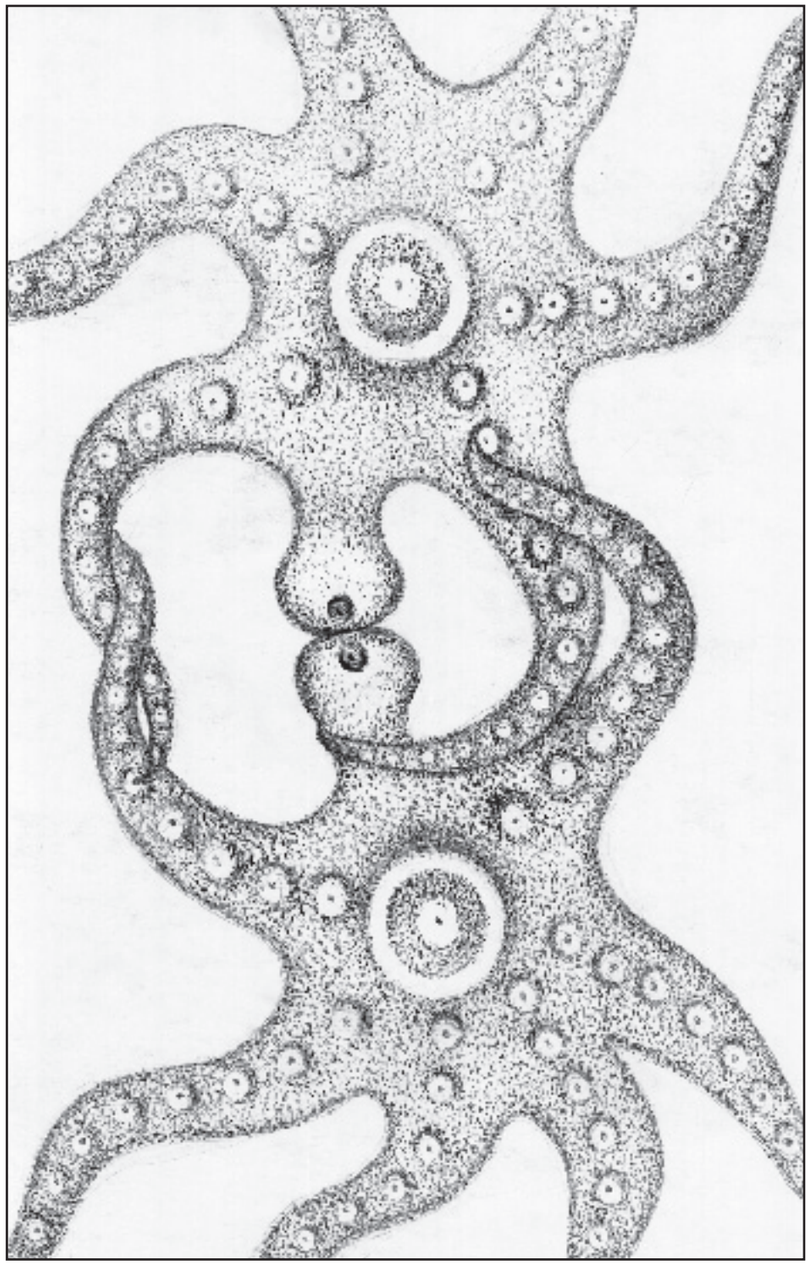


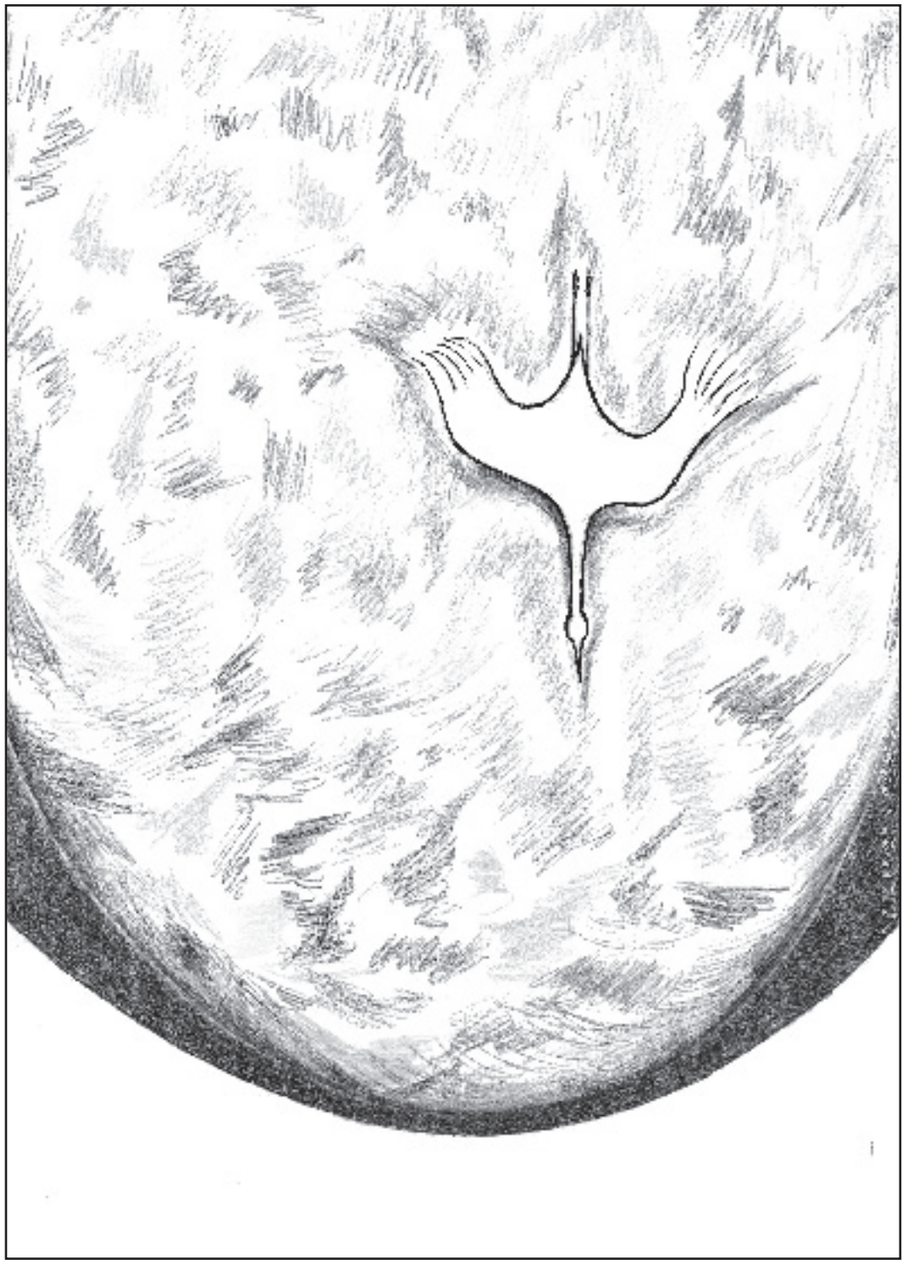


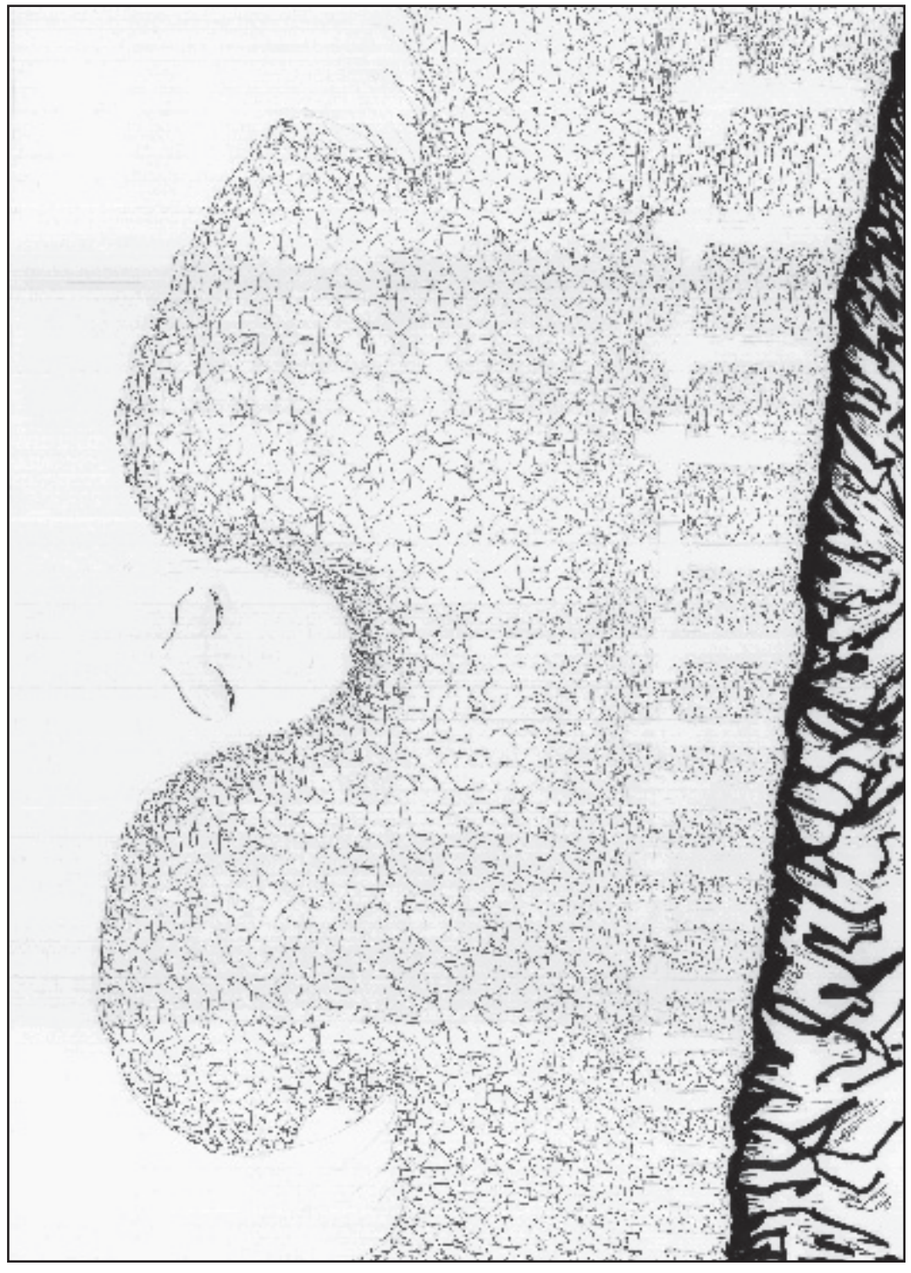


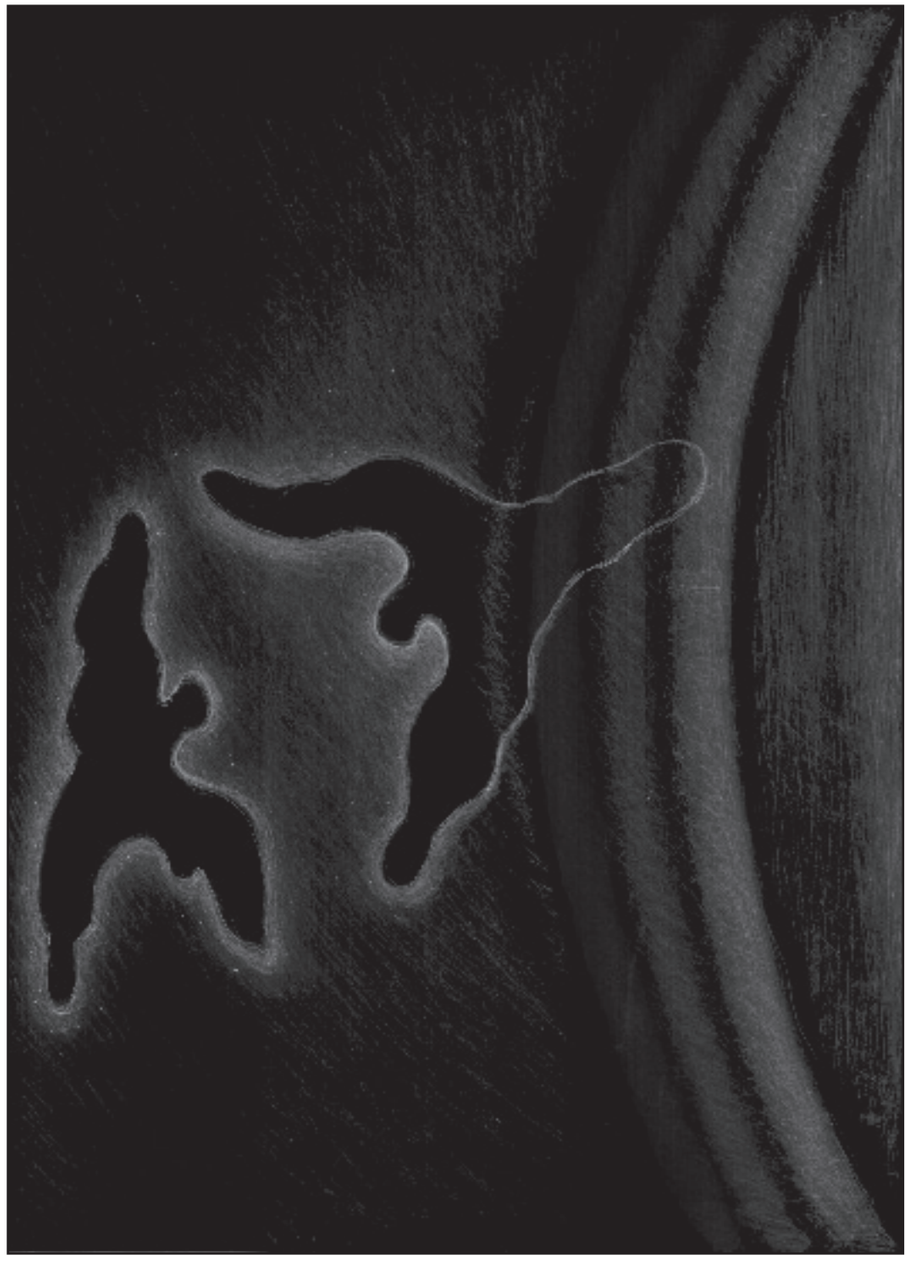




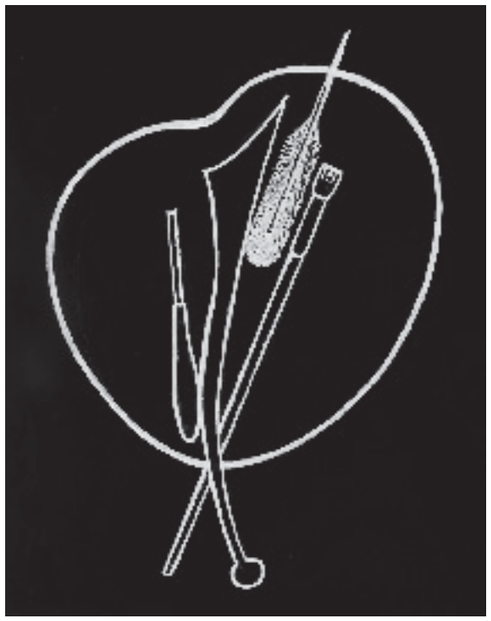








ПРОЗА



ПОЭЗИЯ

ГРАФИКА

ISBN 978-9949-81-132-8

9 789949 811328